ЧАРЛИ ХЬЮСТОН
CPFANTASTIKA
НЕСПЯЩИЕ
Один из самых выдающихся мастеров литературного стиля, выросших на традициях нуара двадцатого века.
Стивен Кинг

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Десятая часть жителей Лос-Анджелеса в альтернативной реальности мира компьютерных игр заболевает неизлечимой болезнью, лишающей сна. Молодой полицейский Паркер Хаас, жена которого тоже больна, расследует дело о нелегальных поставках лекарства, облегчающего мучительные симптомы. Руководитель этих поставок, будучи офицером службы безопасности, охотится за Парком и одновременно за профессиональным убийцей Джаспером, также выслеживающем полицейского. Кто из них выживет в классической борьбе добра со злом?

- Чарли Хьюстон
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29

- Глава 30
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

Чарли Хьюстон
Неспящие

Глава 1

Парк смотрел, как бездомный вплетается в паутину полуночного дорожного затора на бульваре Ла-Сиенега и выплетается обратно. Он не отрывал глаз от ярко-оранжевого AM/FM-радиоприемника, который болтался на шее у бездомного на черном капроновом ремне. Такого же оранжевого цвета была форма у группы реагирования на НСП, зачищавшей дома. Парк закрыл глаза, вспоминая тот день, когда группа появилась на их улице у коричнево-зеленого коттеджа, недалеко от дома, где жил Парк, вой пилы, донесшийся из гаража, резкий взвизг, когда она наткнулась на кость.

Помехи, перемежаемые звуками техно, заставили его открыть глаза. Бездомный был у окна его машины, пританцовывал, переступая с ноги на ногу, шея недвусмысленно согнута и напряжена, в руке дрожит сделанная на заляпанной белой доске надпись:

БЛАГОСЛОВИ БОГ!!!

Парк смотрел на шею бездомного.

Люди, сидевшие в машинах вокруг него, тоже обратили на нее внимание, некоторые закрыли окна, хотя кондиционеры были запрещены.

Парк открыл бардачок, взял пригоршню мелочи и протянул было неспящему с безумным взглядом, как вдруг в нескольких кварталах от них взорвался террорист-смертник, от взрыва задребезжало ветровое стекло.

Парк дернулся, монеты выпали из руки, рассыпались по асфальту, и звон, с которым они ударились оземь и раскатились во все стороны, затерялся в отзвуках, отраженных от фасадов зданий вдоль проспекта, в вое сирен, когда разбились окна и припаркованные машины взрывной волной перевернуло на бок.

Когда монеты замерли на месте и бездомный опустился на четвереньки, чтобы собрать разбежавшуюся мелочь, Парк уже успел сунуть руку под сиденье за пистолетом.

Кобура с «Вальтером-PPS» была пристегнута к водительскому сиденью с нижней стороны большим куском липучки. Начищенный, смазанный, заряженный, в патроннике пусто. Ему не нужно было проверять, потому что он уже проверил пистолет перед уходом из дома. Парк достал пистолет из кобуры и сунул в боковой карман брюк.

Он вылез из машины, захлопнул и запер дверь, точно зная,

что пробка не рассосется до рассвета. Он пробирался сквозь автомобили с плотно закрытыми окнами, за которыми неподвижно сидели и потели водители и пассажиры, когда улица внезапно погрузилась во тьму.

Парк остановился, на всякий случай потрогал пистолет и подумал о Роуз и малышке, прося замерзший мир защитить их, если он погибнет здесь. Но тьма не спровоцировала никаких новых нападений. А если и спровоцировала, они еще не начались. Скорее всего, это было просто внеплановое веерное отключение электричества.

Парк медленно продвигался между автомобилей, глядя, как мужчина в покоробившемся от пота костюме давит на гудок своей «ауди», что вызвало аналогичные протесты из окружающих машин. Или, может быть, они хотели заглушить крики, раздававшиеся из пылающего кратера на перекрестке.

Теперь одно это пламя освещало улицу, так как почти все водители выключили двигатели и фары, чтобы не тратить бензин. Он уже чувствовал на лице языки пламени, от жара которых натягивалась кожа. И ему вспомнился домик в Биг-Сюре, куда он отвез Роуз, когда они узнали о беременности еще до того, как ей поставили диагноз.

Там был камин. И они просидели у камина чуть ли не до самого рассвета и в первую же ночь сожгли запас дров на весь уик-энд.

Тогда у него было такое же ощущение на лице.

Он попытался вспомнить, как назывался коттедж, в котором они остановились. «Синяя птица»? «Синяя река»? «Синяя гора»? Точно что-то синее, но вот что?

«Синяя луна».

Название было написано прямо над дверью: «Синяя луна». С нарисованным маленьким сине-зеленым полумесяцем в окружении звездочек, при виде которых Роуз закатила глаза.

«Господи боже, это, типа, чтобы мы думали, как будто мы в каком-нибудь козлином Коннектикуте?»

Парк что-то ей ответил, какой-то шуткой, мол, не ругайся при ребенке, но, прежде чем вспомнил, что именно сказал, он угодил ногой в большущую лужу чьей-то крови, которая вернула его в настоящее, к огню под самым его носом.

Дворники «Хаммера-Н3», одного из немногих автомобилей, у которых уцелели стекла после взрыва, яростно бились, разбрызгивая очиститель, размазывая кровь. Они гоняли взад-вперед по оконному стеклу что-то похожее на скукоженный кусочек скальпа и ухо, а девушка в салоне вытирала с подбородка рвоту и кричала в микрофон беспроводной гарнитуры.

Глядя на человека на краю воронки, у которого пролетевшим обломком снесло всю челюсть, Парк задумался о том, почему инстинкт заставил его взять из машины оружие, а не аптечку.

* * *

Это был не первый террорист-смертник в Лос-Анджелесе. Он был первым только севернее Выставочного парка и восточнее шоссе I-5.

Звук детонации, прокатившийся по всей лос-анджелесской долине и хлынувший на холмы, заставил меня выйти на террасу. Не было ничего удивительного в том, что по ночам из Голливуда доносится треск выстрелов, но грохот взрывчатки в Западном Голливуде — это что-то новенькое. Этот звук располагал к задумчивости, а в тот раз напомнил мне о заряде си-четыре, подсоединенном к зажиганию черного «ситроена» вьетконговского полковника в Ханое, да и о других случаях из моей юности.

Предаваясь этим ностальгическим воспоминаниям, я вышел на террасу в тот самый момент, когда участок города между Санта-Моникой, Венис-Бич, Вестерном и Сепульведой погрузился во тьму. Я тут же поднял глаза к небу, зная по опыту, что зрение постепенно приспособится к темноте, и смотрел, как проявляются нечасто различимые созвездия.

Под этими звездами, обычно закрытыми чадрой, горел город.

Точнее, лишь небольшой его участок, но зато один из самых дорогих. Каковое обстоятельство, само собой, возымеет серьезные последствия.

В принципе я не возражаю, если бандам «Мэд свон бладз» и «Эйт трей гангстер крипс» охота закладывать противопехотные мины в Манчестер-парке или гангстерам из Авенидас и Сайпрус-парка стрелять из противотанковых гранатометов по бульвару Игл-Рок, но если смертники появляются меньше чем в миле от Беверли-Сентер, этого никак невозможно стерпеть.

Открыв вторую бутылку «Кло де Пап» 2005 года, я успокоился в уверенности, что штурмовые отряды Национальной гвардии при первых же лучах солнца ударят по южному и восточному Лос-Анджелесу.

Ничто так не поддерживает моральный дух широких слоев населения во времена ограничения свобод, как демонстрация силы. То, что демонстрация будет направлена в совершенно другую сторону и вызовет лишь еще большее недовольство, к делу не относится. Мы давно уже прошли этап, когда последствия

оперативного вооруженного реагирования взвешивались заблаговременно. Любой, у кого хватало времени и средств, чтобы повесить на стену карту и утыкать ее булавками, мог без труда разобраться в том, что происходит.

Если красными булавками отметить акты насилия, совершенные теми, кого традиционно определяют как потенциальных преступников, против тех, кого обычно так не определяют; желтыми булавками — акты насилия, совершенные *между* людьми, традиционно определяемыми вышеуказанным образом; а голубыми булавками — акты насилия, совершенные военными и работниками правоохранительных органов в форме и (или) со значками, *над* людьми, определяемыми вышеуказанным образом, то можно ясно увидеть узор из плотно посаженных желтых булавок в окружении голубых, сосредоточенных далеко на юге, востоке и севере от самой элитной лос-анджелесской недвижимости, где, в свою очередь, начали рассыпаться редкие оспины красных булавок.

Именно обширность территории, занятой желто-красными актами насилия и голубыми ответными мерами, относительно крошечной площади, засеянной красными крапинками, заставляет задуматься.

По зрелом, да и по незрелом размышлении казалось, что гнойники болезни неумолимо распространялись, подавляя слабое сопротивление недействующей вакцины, разнося заразу по артериям города, пробираясь все дальше, сколько бы раз хирурги ни поднимали линию ампутации на истерзанной конечности.

Ирония, заключенная в том, что это был симптом болезни, а не сама болезнь, никогда не вызывала у меня смеха. В перспективе конца света вообще мало смешного.

Но все-таки я ее понимал. Иронию и то, что болезнь, убивавшая нас, не обращала никакого внимания на классификации и границы, которые так четко определяли для многих, кого и почему они должны убивать.

Болезни не было дела до класса, расы, дохода, вероисповедания, пола или возраста. Казалось, что болезни было дело только до того, чтобы не дать никому закрыть глаза и сделать всех очевидцами этого. Чтобы любые твои кошмары посещали тебя только наяву. Болезнь считала всех нас равными и хотела, чтобы мы разделили одну и ту же участь.

Она хотела, чтобы все мы лишились сна.

Я мог спать.

Но в ту ночь решил бодрствовать.

Решил вместо этого налить еще стакан неплохого ронского вина, устроиться в шезлонге и смотреть, как горит этот

маленький, дорогостоящий кусочек города.

Я знал, что впереди нас ждет худшее.

7/7/10

Сегодня Бини сказал, что, мол, Хайдо знает «того чувака». Я не переспросил, и это несколько обнадеживает. Хайдо сделал заказ, и я поехал на фарм, чтобы подогнать товар (сто 15-миллиграммовых спансул с декстроамфетамином). Он спросил, не хочу ли я колы, и я задержался, успел просмотреть все сообщения и наметить еще пару доставок. Бини тоже там был, договаривался насчет продажи золота, которое нафармил, но в основном просто торчал без дела с ребятами. Хайдо пустил декс по кругу, и все начали читать спид-рэп и при этом мочили зомби и все такое. Один из них (по-моему, его зовут Чжоу, но надо посмотреть в записях) сказал, что его двоюродный брат перестал спать. Другие парни стали рассказывать про своих неспящих. Бини спросил, может, из моих знакомых тоже кто-нибудь не спит. Я сказал, да. Потом все еще малость потрепались, и тот парень (Чжоу?) сказал, что разместил объявление в электронной газете, что меняет Рыцаря Некроманта сотого уровня на «дрему», чтобы отдать ее двоюродному брату, но ему ответил только один мошенник. Вот тогда-то Бини посмотрел на Хайдо и сказал: «Слышь, Хайдо, а как насчет того чувака?» Хайдо как раз занимался обменом в «Бездне Приливов». На мониторе его главный персонаж в Пурпурном Гроте собирался сбыть золото Темному Буяну, как только один из парней подтвердит, что поступила оплата через PayPal. Но как только Бини заговорил, все сразу замолкли. Только Хайдо в наушниках говорил с Буяном в микрофон, что еще за двадцать евро он отдаст ему Жезл Хаоса. Он вел себя так, будто не слышал, что сказал Бини. Но все-таки он на него взглянул. И Бини стал закрывать свой макбук и сказал, что ему надо сматывать. Я сунул телефон в карман, допил колу и сказал ему «пока».

Бини был моим первым клиентом на фарме. Мы познакомились на вечеринке на Хиллхерсте. У него полно знакомых. Он им нравится. Если он говорит, что Хайдо знает «того чувака», наверняка так и есть.

Во всяком случае, я ничего не сказал. Просто вышел с фарма следом за Бини. Мы поговорили, пока он снимал с замка свой велосипед и надевал шлем, налокотники и наколенники. Он сказал, что ищет опиум. У него слабость к старым голливудским фильмам, и он где-то прочитал, что Эррол Флинн так описывал курение опиума: «Как будто твою душу массируют норковыми

варежками». Теперь и ему хочется попробовать. Я сказал, что подумаю, как это устроить. Потом он покатил на север по бульвару Эвиэйшн, наверное, в пончиковую «Рэндиз донатс».

Я пометил себе, что надо поспрашивать насчет опиума. Потом еще пометил, что надо просмотреть список знакомых Хайдо, о которых я знаю.

Закончил с доставками.

И когда я возвращался домой — террорист-смертник.

Я сделал все, что мог. Остановил кровотечение у мальчишки, чтобы довезти его до больницы. А уж что там с ним случилось, никому не известно. На дорогах черт-те что на несколько километров. После того, как появились спасатели и «скорые», я по большей части раздавал воду. Одна женщина поблагодарила меня, когда я дал ей бутылку воды, увидев, что она теряет сознание в машине. Очевидец сказал, что бомбу подорвала женщина, повстанка из деревни Нового Американского Христа. Он сказал, мол, она наверняка была из НАХов, потому что прокричала «что-то про сатану», перед тем как взорваться. Еще он сказал, что она шаталась, как пьяная. НАХи не пьют. Гвардеец сказал мне, что, судя по размеру образовавшейся воронки, похоже, она шаталась под тяжестью бомбы. Он сказал, что такие взрывы они видели в Ираке, когда подрывали заминированные машины. Я ответил что-то вроде: по крайней мере, он уже не там, а он спросил: «Издеваешься, что ли?»

Домой добрался почти к полудню.

Франсин пришлось оставить Роуз одну с ребенком.

Она сидела на заднем дворе со своим ноутбуком. На земле лежали всякие садовые принадлежности, но она залогинилась в свой аккаунт в «Бездне Приливов» и играла за своего мага элементалей Люцифру, опять пыталась в одиночку пройти Заводной Лабиринт.

Малышка лежала рядом с ней на одеяле под зонтом и плакала. Когда я подошел, Люцифру как раз расчленял скелет из медных шестеренок, проволоки и ржавых пружин. Бини говорит, что никто не может в одиночку пройти Лабиринт. Обязательно нужно присоединиться к гильдии, но Роуз не хочет даже и пробовать этот способ. Что неудивительно.

Она закрыла ноутбук, взяла лопатку и стала тыкать в сухую почву, подкапывая корень одного сорняка из тех, что заполонили сад. Я взял малышку на руки и спросил, как прошел день, и Роуз сказала, что она опять расплакалась буквально перед моим приходом. Сказала, что до этого девочка несколько часов не плакала. Но, по-моему, она просто так говорила. Потом Роуз стала рассказывать про сад своей бабушки, топиарии, огород,

цитрусовые деревья, клубничную грядку и розовые кусты, в честь которых ее и назвали. Она сказала, что ей хотелось, чтобы малышка росла в саду, видела бы, как семена превращаются в растения. У нее был пакетик с семенами ноготков, которые она хотела посадить. Я держал малышку, пока Роуз рассказывала, и она немножко успокоилась. Роуз замолчала, посмотрела на меня и спросила, что это у меня на одежде, и мне пришлось пойти в дом и почиститься, а когда я посадил малышку, она снова расплакалась.

Войдя в дом, я позвонил Франсин, и она извинилась, что ушла, но ей нужно было отвезти детей в школу. Она сказала, что Роуз вообще не спала. Сказала, что малышка, возможно, спала, но ее глаза так и не закрывались. Хотя пару часов после полуночи она лежала тихо. Я сказал ей: «Увидимся вечером» — и пошел в душ. Грязь под ногтями было трудно вычистить. Потом Роуз залезла ко мне под душ и попросила меня потереть ей спинку, и мне пришлось сказать ей, что она забыла раздеться. Она посмотрела на меня, потом на свою одежду, как будто не поняла. Потом поняла и расплакалась и попросила прощения. Я обнял ее. Она плакала, и ребенок плакал.

Вечером пойду повидаюсь с Хайдо.

Может, он и правда знает того чувака.

Глава 2

Парк понял, что на фарме случилась беда, когда увидел распахнутую дверь.

Дверь никогда не оставляли открытой.

Чтобы попасть внутрь, нужно было встать перед камерой, потом кто-нибудь внутри тебя узнавал, потом нужно было оставить отпечаток пальца на биометрическом сканере, а потом уже тебя пропускали внутрь под жужжание зуммера. Там ты оказывался в клетушке, и внутренняя дверь клетушки не открывалась до тех пор, пока внешняя дверь не была закрыта и заперта. Поэтому если бы кто-нибудь встал вне поля видимости широкоугольного объектива камеры и наставил бы на тебя ружье, пока тебя пропускают, и потом попытался бы войти вместе с тобой, то этот кто-нибудь просто оказался бы в клетке. А тот, кто находился внутри, мог уже решить, пристрелить его или отравить газом или поступить по-другому, смотря что посчитал бы лучшим в данной ситуации.

Но дверь была распахнута настежь.

А Парк был без оружия.

Во время таких визитов он оставлял пистолет под сиденьем своей «субару».

Он мог бы сходить за пистолетом. Но вдруг кому-нибудь внутри нужна помощь? К тому времени, как он дойдет до машины и вернется обратно, кому-нибудь внутри помощь, возможно, уже не понадобится.

Не то чтобы Парк все это продумал или взвесил варианты. Как только он увидел распахнутую дверь, его рука инстинктивно дернулась к тому месту на поясе, где он носил пистолет еще в то время, когда ходил в форме. А потом он вошел. Он вполне успел бы вернуться за оружием; внутри никто никуда не торопился.

Дверь клетки была открыта. Он посмотрел на окошко под потолком и не увидел никаких признаков того, что кто-то сидит в боксе за окошком. Он посмотрел на пол и увидел ряд красных смазанных пятен. Тонкие полоски, украшенные с одной стороны геометрическим узором. Полдюжины отпечатков краешка правой ноги, каждый бледнее предыдущего, шли от внутренней двери клетки и исчезали, не успев выйти на улицу.

Не обращая внимания на то, что след уводил в обратную сторону, он достал из кармана брелок с ключами, отцепил миниатюрный фонарик и сжал его в ладони; узкая рукоятка высовывалась из кулака сантиметра на два-три и годилась для резкого удара в висок, горло или глаза. Однако, пройдя в дверь

клетки, уже в самом голдфарме, он первым делом использовал фонарик для того, чтобы выхватить ярким лучом света мертвые глаза Хайдо. Парк хотел найти в них то, чего найти не мог, — запечатленное лицо убийцы.

Он мог бы заглянуть в глаза их всех. Все они были одинаково мертвы.

Хайдо. Тот, которого, как казалось Парку, звали Чжоу. Киблер, и Тед, и Том из Мелроуза. Нигде не было видно Тома из Окснарда, но он обычно появлялся там ненадолго, во всяком случае, насколько понял Парк.

Парк стоял над трупом Хайдо и думал.

Ему нельзя было быть здесь.

Быстро, производя как можно меньше беспорядка, он должен стереть свое пребывание в этом месте.

Он посмотрел на пол.

В комнате всегда стоял полумрак, чтобы мониторы не бликовали, пока парни занимались своим ремеслом, но теперь свет исходил от единственной уцелевшей спирали энергосберегающей лампы и единственного работающего монитора.

Отбрасываемый монитором свет мерцал разными оттенками зеленого и голубого: ночной лес, мертвое тело, пульсирующее эктоплазменным сиянием на переднем плане, зловещий зомби, покачивающийся у опушки леса. Заколдованная роща, которую разрабатывал один из парней. Убивал орды зомби, одного за другим, собирал их скудные сокровища, складывал их во все разбухающем аккаунте, дожидаясь покупателя.

Парк посветил фонариком на пол, выбрал место, не забрызганное кровью, и встал как можно ближе к центру комнаты. Стоя в центре, он достал из кармана телефон и стал медленно поворачиваться на месте, фотографируя комнату через каждые несколько градусов поворота. Закончив, он аналогичным образом сфотографировал пол и потолок, не переставая жалеть, что не купил себе телефон с камерой помощнее.

Закончив фотосъемку, он опустился на колени рядом с Хайдо, нашел его «Блэкберри», открыл список контактов и удалил свой номер и адрес электронной почты, потом протер коммуникатор и снова положил его в карман мертвеца.

Затем взглянул на прикрепленную к стене лестницу, которая вела в бокс размером с гроб. Сейчас в боксе никого не было. Никаких ног, предательски торчащих из люка. Никаких следов стекающей по стене крови. Парк как-то присутствовал при том, как Хайдо велел одному из парней поменять диск в записывающем устройстве камеры наблюдения.

Его лицо есть на нескольких этих дисках, но это просто лицо, подумал Парк. В любом случае дисков было слишком много, чтобы тогда же их просматривать. Его биометрические данные внесены куда-то на жестком диске компьютера, но они связаны только с файлом JPEG с его лицом. Возможно, Хайдо хранил имена своих клиентов, но не стал бы записывать имя своего дилера нигде, кроме как в личном телефоне.

Во всяком случае, на это надеялся Парк.

Клиенты.

Парк осмотрел комнату: портативного оборудования на сотню с лишним тысяч долларов, кое-что изрешечено пулями, но на первый взгляд ничего не пропало. Хотя это ничего не значит. Истинные богатства этого предприятия не имели материального воплощения. И товар, и плата хранились в другом месте, на высокозащищенных иностранных серверах. Непосредственно они были связаны с «Уан Уилшир», телекоммуникационным центром в деловом районе города, где волоконно-оптические провода змеились по внешним стенам, вползали в окна, сливаясь в центральном стволе здания, и все это подключалось к тихоокеанским подводным кабелям. Чистая пропускная способность, напрямую соединенная с долговечным дальневосточным продуктом: целыми милями подземных бомбоубежищ, превращенных в кондиционированные серверные фермы. Работающие от купленных на черном рынке реакторов самые надежные интернет-провайдеры на планете. Бастионы, хранящие эфемерное, словно реальное, почти осязаемое.

Так что хотя в этой комнате не было ни золота, ни других сокровищ, добытых, отбитых и отвоеванных в онлайновых кампаниях, ни электронной оплаты, которую они получали взамен, все-таки ограбление могло иметь место.

Пароль, вырванный перед тем, как раздался выстрел.

Парк считал секунды, установив себе лимит еще в одну минуту, прежде чем ему нужно будет убираться.

Когда оставалось семнадцать секунд, он заметил это.

Прямо у подножия лестницы он обнаружил небольшую рабочую станцию. Широкоэкранный ноутбук «Делл-XPS», соединенный кабелем с внешним жестким диском и больше не подключенный ни к чему. Ни к локальной сети, общей для всех остальных компьютеров в комнате, ни к принтеру, ни к какому-либо другому периферийному устройству. Один только кабель питания от сетевого фильтра, расположенного на панели рядом с восемью такими же, и внешний диск.

Парк перешагнул через труп Хайдо, размазав кровь на герметизированном бетонном полу. Он встал над ноутбуком и

посмотрел на диск и на красный стикер со знаком биологической опасности, прилепленный на крышке корпуса.

За те месяцы, которые прошли с тех пор, как Бини свел его с Хайдо и он стал регулярно снабжать фармеров, он только раз видел, как пользовались этим ноутбуком. Сидя в одном из заляпанных «Ред буллом» рабочих кресел «Зоди», он перекладывал белые таблетки метокси из пакетика в пустую черную баночку из-под фотопленки и кивнул, когда Хайдо позвонили и тот сказал, что ему нужно ответить.

Не поднимая головы, по второму разу пересчитывая зверские таблеточки 5-метоксидиизопропилтриптамина, он расслабил мышцы глаз, чтобы расширить периферийное зрение, как учил инструктор по самообороне, и краем глаза увидел, как Хайдо расстегивает молнию рюкзака, вынимает плоскую коробочку, украшенную одним красным кружком, и подсоединяет к ноутбуку, стоявшему в режиме ожидания. Закончив с этим, он стал говорить через беспроводную гарнитуру о таких вещах, как Указующая Десница Тирана, Амулет Тени, Рукавицы Крестоносца, о ком-то по имени Трад Редейв и больших количествах золота.

Парк взглянул на свои часы с самовзводом, не зависевшие ни от каких источников питания, помимо его собственных двигательных усилий.

Он пробыл в комнате больше пяти минут.

Он отсоединил USB-коннектор диска, обмотал короткий кабель вокруг корпуса и сунул в карман брюк.

Выйдя из комнаты, Парк задержался, чтобы сфотографировать один из частично отпечатавшихся следов, потом вышел под последние лучи неторопливого вечернего солнца, оставив дверь открытой, и не спеша направился к «Субару-WRX», припаркованной за мусоровозом, который почти скрылся под горой своего же мусора, в конус аллеи, выходившей на бульвар Эвиэйшн.

Не дело, если кто-нибудь заметит, что он бежит оттуда.

Даже в наше время полиция расследует убийства.

Парк сказал себе, что в этом и есть смысл сделанных им фотографий и кражи жесткого диска.

Но было и еще кое-что: Бини сказал, что Хайдо знает «того чувака».

А Роуз не спала уже больше четырех недель. И в тот же день ближе к вечеру, перед тем как снова уйти работать, он зашел в детскую и увидел, что она стоит над кроваткой плачущей малышки, приложив указательный палец к ее губам, и отчаянным громким шепотом старается ее успокоить, причем так давит пальцем на младенческую кожу малышки, что она побелела.

Звякнул телефон. СМС. Вызов:

дрмр отчт 3ч/хаундз хайленд + фаунтен

Три часа. Парк прикинул расстояние, пробки. Может быть, он успеет перекусить. Если потом кое-где нарушит правила.

Все по порядку. Он открыл дверь с водительской стороны, сунул руку под сиденье и плавно оторвал кобуру вальтера от лоскута липучки. Забрав пистолет и диск, он открыл багажник. Распихав по углам разное барахло, снял чехол, накрывавший домкрат и другие инструменты, просунул пальцы под маломерную запаску и отогнул резиновую нашлепку, открывая внутреннюю часть вечно сдутой шины. Туда отправились пистолет, диск, часы, а оттуда появились пакетик с низкопробным экстази и пара флаконов валиума и демерола. Потом он положил чехол на место, разбросал барахло и закрыл багажник. Таблетки сунул под пассажирское сиденье, откуда их было легко достать.

Парк помедлил, задумавшись, не положить ли туда что-нибудь посущественнее, чтобы никто не мог придраться, когда найдет заначку, но решил не класть. Зачем выбрасывать свой лучший товар из-за всякой ерунды.

Пожалуй, дело не в том, что не стоит метать бисер перед свиньями. Но в нем по сию пору крепко сидели протестантские ценности его отца. В данном случае «Не трать напрасно». И точка.

Парк опять взглянул на часы.

Если выехать прямо сейчас, подумал он, останется время что-нибудь перехватить по дороге.

Но он сидел, положив руку на ключ зажигания, зная, что должен повернуть его и уехать, но на мгновение замер, стараясь вспомнить, какой был день недели и месяц.

Когда я встал на следующее утро, пламя уже потушили, над Ла-Сиенегой еще висело облако густого черного дыма, и мне вспомнилась история лос-анджелесской долины.

Бережно держа блюдце и кофейную чашку с эспрессо, я думал о том, как осушали здешние болота, и о клубах газа, наверняка витающих над ней. И о нефтяных месторождениях, которые открыли потом, о жирных струях промышленной вони. И о смоге в середине семидесятых, еще до каталитических нейтрализаторов и неэтилированного бензина.

Это небо в желтушных синяках больше уже никогда не возвращалось, но не из-за недостатка людского усердия. На дорогах творился настоящий кошмар, но дело было не столько в общем количестве автомобилей, сколько в том, что улицы перекрывались, потому что никто не ремонтировал и не убирал

обломков после смертельных аварий, или в том, что им приходилось объезжать автоколонну гвардии, или наводнение из-за прорванной трубы, или оборванные провода линии электропередачи, или какую-нибудь группу демонстрантов, отчаянно протестующих против такого состояния дорог и магистралей.

Помимо всего этого, из-за высоких цен на бензин на дорогах появилось достаточно гибридов, а людям с низкими доходами пришлось попрощаться с личным автотранспортом, так что, если бы не периодические взрывы и не постоянная пелена дыма, наплывающая на город с низовых пожаров на юге, востоке и севере, качество воздуха, пожалуй, было бы наилучшим за многие годы.

Когда я думал об этом, я часто жалел, что купил дом в холмах, а не тот, который приглядел в Санта-Монике. Рано или поздно мы окажемся на последней линии обороны спиной к морю и по щиколотку в прибое. Не то чтоб мне особенно нравилось думать, что я буду очевидцем этой финальной сцены. Сказать так было бы большой натяжкой.

Большую часть дня я возился в саду и со своими коллекциями. Выставлял горшки и вазоны с растениями, то на солнце, то в тень, одни щедро поливал, другие только сбрызгивал. Подсыпал мульчи. Потом в доме обмахнул тряпкой холсты и гравюры, пару-тройку урн, мерцающие экраны двух видеоинсталляций, глядевших друг на друга в пустом холле, где, кроме них, ничего не было, отрегулировал увлажнитель, опасаясь, как бы не пересох воздух в комнате с оригинальными рисунками тушью. И наконец, с помощью клеенки и металлических щеток с мягкой щетиной и силиконовой смазкой удалил пыль и позаботился о том, чтобы снизить трение в движущихся частях моего многочисленного оружия. Это была самая трудоемкая из задач, к которой я прилагал наибольшие усилия. Не потому, что любил эти вещи, а потому, что понимал, что любая из них обладает гораздо большей способностью спасти мне жизнь, чем даже самый роскошный куст помидоров или самая живописная акриловая картина Мураками.

Закончив с работой к обеду, я смог устроиться в шезлонге, попивая вино и созерцая те самые помидоры, политые на тарелке бальзамическим уксусом. На секунду мне подумалось, что помидорный куст для меня более жизненно важен, чем оружейный арсенал. Потом подумалось, что опасность, которую представляет для меня оружие, больше опасности, которую оно может предотвратить. Мысль не новая.

Я представил себе, как потрясаю помидором в окружении

противников.

В доме зазвонил телефон.

Деловой телефон.

«Добро пожаловать ко мне в кошмар» в качестве рингтона.

Я позволил себе закончить упражнение на визуализацию и представил себе миску с пулями, плавающими в ярко-красном соусе неизвестного происхождения. Аппетита она не возбуждала. Нет, у меня все шло так, как и должно было идти. Все ценности на месте. Такие, какие есть.

Я вошел в дом, и мои уши ощутили мельчайшее изменение давления, когда тонированные зеленые стеклянные двери закрылись за мной. Песня все не смолкала, и Элис Купер говорил мне, что, по его мнению, у него в кошмаре я буду чувствовать себя как дома.

Прямо как дома.

Я стоял у кубического стола из коллекции «Дадокс», мое лицо отражалось в хромированной поверхности, обрамленное сверху и снизу восемью телефонами, расставленными в два аккуратных ряда по четыре. Под этим углом, глядя вниз, я видел, что потолочные светильники в нишах идеально высвечивают полоску редеющих волос на макушке от затылка до лба.

Я мысленно отметил, что надо передвинуть столик, чтобы убрать этот эффект, понимая, что такая перемена вызовет цепную реакцию и новые перестановки, ведь я старался поддерживать в комнате гармонию.

Песня все не смолкала.

Я смотрел на мигающий экран ярко-синего «Саньо Катана». Я назначил этот телефон конкретной клиентке не в приступе откровенной расистской иронии, но из-за того, что синий оттенок корпуса превосходно соответствовал цвету, которым, как мне довелось увидеть, были обведены нижние чешуйки дракона, вытатуированного по всей длине ее левой руки. И все-таки иногда случаются совпадения.

Я нажал кнопку.

— Вы долго не подходили.

Я чуть подпихнул «Дадокс» коленкой на пяток сантиметров вправо и посмотрел вниз, чтобы оценить воздействие этой перемены на мою разоблаченную залысину.

— Да.

— У вас были неотложные дела.

— Вы утверждаете.

— Что, простите?

— Вы так говорите, как будто утверждаете, что у меня были какие-то более неотложные дела, чем ответить на телефонный

звонок, а не спрашиваете, так ли это.

Блики света все так же неприемлемо блестели на просвечивавшей коже моей макушки.

Если сдвинуть стол еще на пару сантиметров дальше, то потребуется не только сделать перестановку в комнате, но и выбросить несколько предметов мебели, а вместо них приобрести несколько новых. Мысленно я так и видел, как ударная волна распространяется по всем комнатам дома.

— Ну и?

Я обдумал ее вопрос, посмотрел на свое отражение, на миг задумался о своем тщеславии и покачал головой:

— Нет, не было ничего неотложного. Я просто тянул время.

— Впредь, если я буду звонить, не делайте этого, пожалуйста.

«Пожалуйста» она прибавила позднее, отдавая дань мастерству и оперативности, с которыми я выполнял свою работу. Возможно, кость любезности, брошенная в мою сторону, но я знал, что она далась ей не так просто. И я оценил это.

— Впредь я постараюсь отвечать без промедления, благодарю вас.

— Приезжайте, надо увидеться.

Я посмотрел сквозь стекло на дымящийся мир.

— Ночью кто-то взорвал Ла-Сиенегу. Везде блокпосты гвардии.

— Это вы взорвали бомбу?

— Нет. Как передают в новостях, тот, кто ее взорвал, хотел таким образом сделать последнее заявление об окружающем мире.

— Тогда вам нечего бояться блокпостов.

— Блокпостов я не боюсь, мне просто не хочется застрять из-за этого в пробке.

Пауза. Возможно, негромкий выдох на том конце провода, выдававший раздражение моей собеседницы.

— Вы уже заставили меня ждать вашего ответа. Не заставляйте меня ждать еще больше. Пожалуйста.

В данном случае «пожалуйста» означало, что она просит меня ради меня же самого. И скорее всего, так и было.

— Я буду у вас, как только смогу.

Раздались гудки.

Это мне померещилось, или шероховатость в тембре ее голоса, мелкие зазубрины и заусенцы на обычно остром краю выдали переутомление или отсутствие внимания?

Даже после того, как под давлением правительства слились все операторы, чтобы объединить ресурсы и обеспечить непрерывную работу беспроводной связи, не всегда можно было

точно сказать, что действительно было в голосе человека, говорящего в телефонную трубку, а что было просто помехами, интерференцией, белым шумом. Однако при условии, что я расслышал верно, ее тон не подразумевал ничего более серьезного, чем сильная усталость.

Держа телефон в руке, я оглядел комнату и положил его на перламутровую белую поверхность широкого кофейного столика «Тор» в виде овала.

Там он смотрелся недурно. И я легко мог представить себе другие телефоны, уложенные вокруг него. Такое изменение потребует лишь самых мелких ответных перемен в обстановке. «Дадокс» может просто остаться на месте, поскольку мне уже не придется смотреться в его зеркальную поверхность.

Я ущипнул себя за переносицу, взял «Катану» и вернул ее на серебряный куб к остальным телефонам. Дело было в том, что я обязательно должен был смотреть на себя, когда они звонили. Чтобы я был вынужден честным взглядом рассмотреть себя перед тем, как ответить, зная, что если я отвечу, то мне, скорее всего, придется взять работу. А в честное рассмотрение себя, как ни прискорбно, входит и созерцание собственной залысины.

Поэтому я осторожно передвинул столик на прежнее место и пошел по коридору к себе в кабинет, немного успокоившись и размышляя, какое оружие следует взять с собой, чтобы оно оптимально соответствовало моему теперешнему настроению.

8/7/10

Обед. Или ужин. А сейчас не все ли равно? Второй прием пищи, когда солнце уже давно село. Хот-доги с уличной тележки в Калвере. Как они доставляют сюда свои откормленные на траве говяжьи сосиски из Сан-Франциско? Подозреваю, что в них совсем не та говядина и, скорее всего, совсем даже не говядина. Я знаю, что уничтожили не все стада в Калифорнии, но все-таки не могу представить себе, сколько стоит разведение скота на органическом корме. Уж лучше об этом и не задумываться.

Глянув в телефон после первой партии доставок, я понял, что забыл их записать. Попробовал наверстать, но вспомнить все было трудно. Кому это я доставил китайского дракона шабу?[1] Тем моделям на вечеринку в люкс «Шато»? Или дракон пошел художнику-аэрографисту из студии на Саут-Ла-Брея? Может, что-нибудь найдется у меня в дневнике, но мне некогда его просматривать.

Догадаться?

Нет. Я виноват, что не веду записи аккуратнее. Лучше

записать только то, что точно помню, а не приписывать людям преступления, в которых они не замешаны.

Как там называлась курсовая? Правосудие в теории и на практике? Профессор Стейнмен. Пятерка с минусом от Стейнмена, «потому что у молодого человека всегда должна оставаться возможность для совершенствования».

Роуз это взбесило.

— Раз пятерка, так и ставь пятерку, старый хрен.

Я попробовал ей сказать, что мне на это наплевать. Да вообще этот минус никак не повлияет на мой средний академический балл и не повредит моему будущему.

Она ответила, что не в том дело.

— Ты ее заслужил. Несправедливо же, ты заслужил пятерку, а этот хрен тебе лепит минус, якобы это преподаст тебе какой-то там идиотский урок. Да пошел он к такой-то матери. Тебе надо пожаловаться на этот сволочизм вашему декану.

Встречал ли я когда-нибудь девушек, которые бы столько ругались? Дело было в колледже, так что наверняка встречал, даже в Стэнфорде, но мне еще не приходилось пить с ними пиво. А когда ругалась калифорнийская девчонка, в этом было что-то особенно прямолинейное. Она ругалась не для проверки, не для того, чтобы посмотреть на твою реакцию, и не в первый раз после того, как вырвалась от мамы с папой, это были настоящие слова, привычные и прочувствованные.

Сейчас я уже не помню, чья команда тогда победила. Я практически не смотрел на поле, стоило мне заметить ее на трибуне. Практически не было шансов, что она вообще окажется на футбольном матче или что заговорит с человеком моей внешности. К счастью, парень, который ее привел, оказался настоящим придурком. Деррик. Спасибо тебе, Деррик, за то, что ты такой придурок. Спасибо, что ты оставил ее одну на вечеринке после матча.

Вечеринка.

Вечеринка на Вермонте.

Где Бини познакомил меня с Хайдо.

Хайдо мог говорить только о девушках. О девушках и играх. Слова вылетали, как пули. Вон та девица — вылитая девчонка, которую он хотел закадрить, когда в первый раз играл в World of Warcraft. Когда он еще играл «просто ради кайфа, а не за деньги». Он рассказывал про своего персонажа, самого первого, гнома. Назвал мне его имя. Золор? Золер? Золар? Зорал? Золрар? Зорлир?

Xorlar.

«Начинается на икс. Такая буква икс, к чему ни прилепишь,

все смотрится гораздо круче».

Xorlar.

Точно.

Забавно, как воспоминания всплывают на поверхность.

Роуз мне сказала: «Дело не в том, чтобы пытаться о чем-то думать, не старайся что-нибудь разрешить, просто пиши. Самое важное всплывет само». Я сидел с толстым ежедневником в кожаной обложке в руках и листал пустые страницы. Ее первый подарок мне. Она хотела, чтобы я его чем-нибудь заполнил. Собой. Не знаю. Я старался. Но мне нечего было писать. Сколько он пролежал у нас на полке? Был 2001 год. Мы встретились на игре. Провели вместе Рождество в ее холодной комнате в Беркли. Я запомнил, потому что мы столько говорили о теракте 11 сентября. Она была так взбешена нами, Америкой. Я понимал, что она хотела сказать, но все равно злился. И она подарила мне ежедневник.

Рождество 2001 — лето 2010. Восемь лет на полке. Пока она не вручила мне подарок в красивой бумаге и не сказала: «С днем рождения». А до моего дня рождения было еще несколько месяцев. Открыл, увидел ежедневник. Подумал, что она хочет меня порадовать или что-то пытается этим сказать. И только через несколько минут до меня дошло, что она всерьез, она рассказывала мне, где купила его, как чуть не забыла про мой день рождения.

Подыграл я ей или нет? Вряд ли. Она не хочет, чтобы я ей подыгрывал, когда она путается. Она хочет, чтобы я ей говорил. Но она еще никогда не была настолько не в себе, настолько где-то в другом месте. Я сам смешался. Не подыгрывал ей, просто не понимал, что происходит.

Когда я прочел надпись и понял, что это все тот же старый ежедневник, ее мысли уже унеслись к чему-то другому. К малышке. Как она улыбнулась тем утром, перед тем как расплакаться.

Восемь лет.

И теперь я хочу только писать в нем. Все выложить на бумаге. Все, что получится. Записать нас обоих. Прежде чем она исчезнет от меня.

Не думай, просто пиши.

Xorlar.

Глава 3

Парк не планировал зарабатывать на жизнь таким способом. А ему было странно делать то, чего он не планировал. Но так уж повелось на свете. И он согласился. Во всяком случае, он сказал бы так, хотя это была совсем не правда.

Парк не согласился с тем, что так уж повелось на свете. Он знал, что настоящий мир дремлет, дожидаясь, пока не сможет выйти из долгой зимней спячки. Люди ждут, пока они снова не станут самими собой. Дело не в том, что человек по натуре подлый, похабный и грубый, просто из-за страха, смятения и отчаяния люди вынужденно казались такими и вели себя таким образом.

Он глубоко это переживал.

Переживал, даже когда полицейский в штатском еще сильнее прижал его лицом к обжигающему капоту.

— Это что еще за хрень?

Парк не ответил на вопрос. Он по опыту знал, что ответами только наживет себе еще больше неприятностей.

Неприятностей ему и так хватало.

Поэтому, когда полицейский сунул ему в лицо пакетик с экстази, он придержал язык за зубами.

— Лекарства твои, гаденыш?

— А это?

Напарник встряхнул два больших коричневых пластиковых флакона, по одному в каждой руке, как маракасы.

— Что тут у нас? Риталин? Ксанакс? У тебя, наверно, синдром дефицита внимания? Приступы тревоги? Трудно сказать, этикеток-то на флаконах нет. В аптеке забыли этикетки налепить?

Первый полицейский, тот, в черной футболке с «Харлеем» и солнцезащитных очках в хромированной оправе, пинком заставил Парка шире расставить ноги.

— Сейчас у него точно начнется паническая атака, мать твою. Как подумает, глубоко ли ему засадят в задницу за решеткой.

Напарник поправил кепку с «Энджелс из Анахайма».

— Правда твоя, он милашка. Сестрички его живьем проглотят.

Парк пошевелился, пытаясь оторвать лицо от капота, пока оно не покрылось волдырями от ожогов.

Полицейский схватил его за волосы и встряхнул.

— Чего это ты удумал? Тебе сказали стоять смирно или нет? — Он кивнул напарнику: — Этому ублюдку кажется, что он может встать и уйти, когда ему вздумается. Ему кажется, что ему

все можно.

Напарник высунул голову из машины, просмотрел пластиковый конверт на молнии с правами Парка, страховкой, карточкой Американской автомобильной ассоциации и запасными предохранителями. Все, кроме предохранителей, на данный момент было практически бесполезным.

Все автотранспортное управление встало, пытаясь разобраться с брошенными автомобилями; среди страховых компаний едва ли осталась хоть одна, у которой хватило бы активов покрыть вмятину на бампере; а в автоответчиках ААА уже почти год звучало одно и то же записанное извинение: «Мы сожалеем о том, что членство приостановлено на неопределенный срок».

Приостановлено на неопределенный срок.

Подумав об этих словах, Парк вдруг представил себе мир, как его деятельность и жизнь затихли, замерли, приостановленные на неопределенный срок в ожидании, пока это накладное украшение под видом мира крутится туда-сюда, передразнивая оригинал.

В какой-то момент интерлюдия закончится, и настоящий мир начнет с того же места, где остановился, переход бесшовный, странный перерыв забыт.

Второй полицейский хлестнул его по лицу конвертом с бесполезными бумажками.

— Ему можно, можно получить по морде, если еще раз пошевелится.

Он кинул конверт назад в машину.

— Больше ничего.

Первый полицейский дернул за наручники, сцепившие руки Парка за спиной.

— Ну что, сволочь, пошли в тюрьму.

Он подтянул Парка вверх, задрал его руки за спиной и потащил к машине без опознавательных знаков и, низко наклонив его голову, впихнул на заднее сиденье.

— Смотри не обоссысь.

Затем захлопнул дверь и скользнул за руль.

— Ну, в путь.

Его напарник забрался на пассажирское сиденье.

— К великому Гудвину.

«Форд-краун-виктория» отъехал от обочины, оставив после себя небольшую толпу автомобилистов-зевак. Они окружили место действия сразу же после того, как машина без опознавательных знаков с визгом подъехала к тому месту, где Парк сидел без дела на пересечении Хайленд и Фаунтен-авеню, и оттуда выскочили двое полицейских с пистолетами. Наверное,

остановились поглазеть на задержание наркодилера. Возможно, кто-то из них подумал, что это подозрительно вольное использование правоохранительных ресурсов во время пандемии, экономического краха и охвативших все общество беспорядков, но если это кому и пришло в голову, никто не решился высказаться вслух.

Да и что бы они сказали?

«Отпустите этого человека».

«Идите займитесь чем-нибудь полезным».

«Скажите федералам, чтоб вернулись к золотому стандарту».

«Инвестируйте больше средств в альтернативные источники энергии».

«Начните переговоры с НАХами».

«Найдите лекарство».

Что бы ни делали полицейские, в любом случае это уже не имело большого значения, так почему бы не постоять и не поглазеть на арест?

И все-таки это было странно.

Но только не для Парка.

Первый полицейский зарядил негромкими ругательствами, как из пулемета, и включил маяк и сирену.

— Гребаные штатские. Каждый божий день гребаные бюллетени по гребаному телику, радио, в гребаном Интернете, так нет, надо им, козлам, позалезать в гребаные машины и выползти на дорогу. Нет чтоб прямо сказать, уровень террористической опасности на хрен черный. Черный! Какого хрена надо цацкаться? Что, надо объявлять террористическую опасность каждый раз, как кто-нибудь склеит ласты? В смысле, никто новостей не смотрел, что ли? И никто не знает, что вчера НАХи взорвали сорок с лишним человек? Что они там себе думают, что это все сплетни? Заговор правительства, чтоб народ тихо сидел по домам? Скоты!

Он дернул руль влево и тяжелым бампером «короны» пихнул сопящий «форд-фокус», отодвигая его дальше на левую полосу движения, чтобы освободить место для себя и успеть проскочить на зеленый на бульваре Сансет.

— Наверное, это в городе единственный действующий светофор, и никто не обращает на него внимания. Гребаные скоты.

Он толкнул локтем напарника:

— Ну чё, Клейнер, чё там за херня?

Клейнер высыпал таблетки из одной пластиковой бутылочки на ладонь.

— Валиум.

— Чё, серьезно?

Полицейский стрельнул в Парка глазами в зеркале заднего вида.

— Какой придурок будет покупать валиум? Фигня. Эта твоя фигня для отвода глаз, да? В смысле, никому не нужен валиум. Где амфы, твою мать?

Полицейский дал по тормозам, резко сворачивая на Франклин, и Парку пришлось упереться ногами в спинку переднего сиденья.

— Это для одного неспящего.

— Для неспящего? Не заговаривай мне зубы. Валиум ни хрена не помогает. Они сидят на одних амфетаминах.

Он вывернул руль, срезав на Вестерн прямо поперек потока машин, двигавшихся на юг, прокладывая себе путь на бульвар Лос-Фелис, и взлетел на полном газу на холм, проехав мимо сгоревшего дотла остова Американского института киноискусства, куда один друг как-то пригласил Парка и Роуз посмотреть «В джазе только девушки», любимый ее фильм.

Машина въехала на бордюр и поехала косо, одним боком по тротуару, и плюхнулась на проезжую часть, сразу же после очередной автомобильной пробки.

Клейнер уперся руками в дверь и крышу.

— Господи, Хаундз.

Хаундз выключил сирену.

— Что тут у нас еще? «Дрема»?

В голосе Хаундза, когда он произнес это слово, прозвучала новая нотка. Та же нотка, которую можно услышать в голосе пьяницы, соскребающего верхний слой с билетика моментальной лотереи на автозаправке, прежде чем власти штата отдали лотерею в частные руки и прежде чем компания, купившая ее, разорилась. Нотка надежды и недоверия за секунду до того, как выяснится, что номер, который с виду мог стоить миллион, на самом деле обычный выигрыш в два доллара. Так он и знал.

Клейнер закрыл бутылочку крышкой.

— Нет, демерол.

Седан накренился, потому что ему в бок врезался гибридник, пытавшийся пролезть в поток машин с Норт-Вермонта, и полицейский махнул в сторону водителя.

— Вот козел! Пристрели этого козла!

Клейнер проигнорировал это требование и открыл пакетик.

— У кого есть «дрема»? Ни у кого нет настоящей «дремы». Одна только поддельная фигня.

Хаундз повернулся и еще раз посмотрел на Парка:

— Что ты там за чушь порол насчет неспящего, дескать,

валиум для него?

Парк опустил взгляд между коленей.

— Это один тип из корейского района. Говорит, будто ему помогает. Он принимает по десять штук за раз. Выпивает с бутылкой красного вина. Говорит, что почти засыпает.

Хаундз пожевал губу.

— По десять за раз. И работает?

Парк пожал плечами:

— Он думает, что да. Я еще никогда о таком не слышал. Но они же все что-нибудь пробуют. Знаю одну тетку, так она крошит мелатонин и вдыхает его. По двадцать, по тридцать граммов за раз.

— Ну да, а валиум-то?

Парк покачал головой:

— Сомневаюсь.

— Черт. Черт.

Коричневой массой слева вырисовывался Гриффит-парк.

Парк посмотрел на обожженный пожаром склон. На нем снова начали появляться палатки, так как в основном его уже отчистили от головешек и трупов после первого лагеря беженцев и потушили тлеющие низовые пожары.

Хаундз хлопнул по приборной панели.

— Э, а что с демеролом? Он-то хоть немного помогает спать?

— Я сам никогда про такое не слышал. Продаю его одному старому торчку. Он когда-то был в технической группе у Тома Петти.

Парк смотрел, как толпа беженцев собиралась у грузовика Красного Креста. Большинство огонь выгнал из каньонов между Вентура-Фриуэй и побережьем, наступая из зарослей чапараля на север до самой лагуны Мугу.

Глядя на потерянных и неприкаянных, он уплыл мыслями куда-то.

— Кроме «дремы», единственное, насчет чего я слышал, что оно действительно работает, — это, пожалуй, только пентосан. Но его молекула слишком большая, чтобы проникнуть из крови в мозг. Поэтому придумали вставлять шунт и доставлять его куда надо.

Он вспомнил, как врач описывал эту процедуру ему и Роуз.

«Проще говоря, мы просверлим дырку в вашем черепе и вставим в нее болт».

Роуз отказалась. Вернее, Роуз сказала: «Да пусть я лучше сдохну к чертям собачьим».

Парк покачал головой:

— Во всяком случае, пентосан делает хотя бы одно — не дает

умереть. Спать все равно невозможно, и боль все время чувствуешь. Некоторым неспящим давали громадные дозы мепакрина, и им стало лучше. Ненадолго. Потом им стало хуже, чем раньше. Паралич. Печеночная недостаточность.

Он опять пожал плечами:

— Валиум и все такое — это в основном люди просто хватаются за что угодно, лишь бы им хоть на пару часов стало полегче.

Хаундз давил на тормоз, снижая скорость, пока они подъезжали к очереди машин у блокпоста на реке Лос-Анджелес.

— А ты-то откуда такой грамотный?

Парк снова пожал плечами:

— Я продаю таблетки.

— Черт.

Хаундз вытер пот со лба.

— Моя теща, чтоб ее черти взяли, живет вместе с нами. Не спит уже несколько месяцев. Совсем свихнулась. Никому жизни не дает. Бродит по дому сутки напролет, чертово привидение. Несет какую-то бредятину. Детей пугает. «Папа, а почему бабушка зовет меня Билли?» Вот попробуй объясни ребенку. «Знаешь, малыш, просто бабулин таламус пожирают неправильно свернутые белки, и она бредит наяву, и ей мерещатся всякие кошмары, и она сама не понимает, где она, и думает, что ты ее сын, которого на самом деле она не доносила из-за выкидыша, еще когда ей было пятнадцать лет и она ходила в школу». Может, дать ей десять таблеток валиума и бутылку Зинфанделя, и ей все станет по кайфу; я б тебя поцеловал взасос, если бы получилось.

Парк промолчал.

Хаундз протянул руку:

— Хрен с ним, давай, что там за херня.

Напарник передал ему флакон валиума.

— Чего уж, попробуй. Терять-то все равно нечего.

Хаундз сунул таблетки в карман.

Парк отвернулся, и Хаундз заметил это в зеркале заднего вида.

— Чего еще? Ты чем-то недоволен, гаденыш?

Парк ничего не сказал, он только смотрел, как в толпе у Красного Креста началось бурление, когда до людей стало доходить, что на всех мешков с рисом не хватит.

Хаундз ехал дальше.

— Терять есть что — старушка может окочуриться, — сказал он и потер затылок. — Самое плохое, если она протянет еще полгода. Господи боже. Я все понял. Как только перестану спать, тут же пущу себе пулю в лоб. Как только пойму, что у меня эта

зараза, все, до свидания. Мать моей жены, она дала нам деньги, чтобы мы выложили наличными за наш первый дом. Как узнала, что ее дочь собралась замуж за негра, тут же села читать автобиографию Малкольма Икса.[2] То есть я хочу сказать, фигня все это, но все-таки я оценил внимание. А теперь что? Смотреть на нее, смотреть, как она гниет у тебя на глазах? Я думал, может, уговорить жену и пустить ей пулю в голову. Богом клянусь, она мне бы спасибо сказала. Вот черт, что тут еще?

Спецназовец в индивидуальной бронезащите, кевларовом шлеме с визором, с лентой 5,56-миллиметровых патронов к ручному пулемету М-249, который он держал в руках, знаком велел им подъехать к обочине.

Хаундз высунул голову в окно:

— Какого черта? У нас тут преступник.

Спецназовец подошел, упер приклад в бедро и снял шлем.

— Спокойно, я как раз собирался пропустить вас без очереди. Проезжайте сюда, сбоку.

Он показал на окаймленную спиралями колючей проволоки пустую полосу дороги, которую держали свободной для военного и аварийно-спасательного транспорта.

Хаундз кивнул:

— Спасибо, солдат, извини, погорячился. Просто какое-то начальство вставило нашему капитану по самое не балуй, и мы весь день гонялись за каким-то гребаным дилером.

Спецназовец положил шлем на крышу машины и посмотрел на Парка, сидевшего на заднем сиденье:

— «Дрема»?

Хаундз хмыкнул:

— Ага, как бы не так. Занимаемся каким-то дерьмом, когда полно настоящей работы для полицейских. Он продает всякую клубную муть.

Спецназовец провел ладонью по бобрику, и мелкие капли пота попали в галогенное сияние прожекторов, освещавших блокпост.

— Стимуляторов нет? Я с ног валюсь.

Клейнер показал оставшийся флакон и пакетик:

— Демерол и ксанакс.

Спецназовец протянул руку:

— Отсыпь-ка мне ксанакса. Может, поможет не пристрелить парочку мексикашек.

Клейнер высыпал несколько таблеток в раскрытую ладонь.

— Что за столпотворение?

Спецназовец бросил в рот две таблетки и стал жевать, а другие сунул в подсумок на ремне.

— «Авенидас» хоронят одного из своих предводителей. Этот тип на днях завел свою «импалу», а она под ним взорвалась. Чертовы психопаты из Сайпрус-парка. В общем, похоронный кортеж собирается сегодня к полуночи, они намереваются проехать прямо по дорожкам через Сайпрус-парк и дальше до Форест-Лон. Типа показать всем, только не знаю что.

Хаундз показал на восток:

— Еще чего. Скажите им, черта с два. Блокируйте улицы.

Спецназовец кивнул:

— Вы откуда?

Хаундз снял солнечные очки.

— Западное управление, Голливуд. Есть что сказать?

Спецназовец поднял руку.

— Нечего, полиция есть полиция. Но у нас сейчас договор с «Авенидас». Они занимаются охраной района восточнее Сан-Фернандо. На самом деле это значит только то, что нам можно заходить на их территорию и не особо беспокоиться, что мы окажемся под обстрелом. Так на хрена нам катить на них бочку из-за того, как они хоронят своих мертвецов? Не успеешь оглянуться, как полицейскому уже нельзя будет выйти за проволочное заграждение, чтоб снайпера не стали стрелять по всем без разбору и чтоб не подорваться на самодельной бомбе в помойном ведре.

Хаундз снова надел очки.

— Ну да, понятно. Договоримся с одними подонками, а пока разберемся с другими подонками, похуже.

Спецназовец взял шлем.

— Да, отличная мысль, только, на мой взгляд, маленько оптимистичная.

Он надел шлем и показал на пешеходный мостик, пересекавший бульвар Лос-Фелис там, где тот перепрыгивал через пересохшее русло Лос-Анджелеса.

— Видите вон там?

Они увидели.

На мосту висел труп, выхваченный лучом одного из галогенных прожекторов на блокпосте, с руками связанными за спиной, с обугленной кожей, он болтался на цепи, обернутой вокруг того, что осталось от его шеи.

— Это двоюродный брат главаря из Сайпрус-парка, ему было шестнадцать лет. «Авенидас» повесили его там сегодня утром. Начальник блокпоста велел оставить его висеть. Мол, пока он начальник этого пункта, он не собирается раздражать «Авенидас». Мол, ему плевать, он просто устал смотреть, как гибнут его подчиненные. Так что вы мне скажите…

Он застегнул ремешок шлема под подбородком.

— …Кто тут с какими подонками договаривается. Потому как я понятия не имею.

— А эти пижоны тут с какого боку?

Хаундз показал на небольшую группу мужчин и женщин, одетых в облегающую черную форму с короткими рукавами и бронежилеты «Драконья кожа», с автоматами «масада» на изготовку, сгрудившихся вокруг двух бронированных джипов «Сааб-9-7Х» с крылатыми белыми стакерами на дверях, такими же, как их нарукавные нашивки.

Спецназовец сплюнул.

— «Тысяча журавлей»? Они тут со всех боков. Дожидаются каких-то козлов из мэрии, чтобы сопровождать их в поездке по Гласселлл-парку. Баба из местного совета хочет показать, что ситуация нормализуется. Хреновы показушники, будут теперь во всех вечерних новостях демонстрировать. Как они носятся по округе, выскакивают из машин, зачищают периметры и прочая фигня. И все будут думать, что они на самом деле заслуживают громадных денег, которые им платят по контрактам за охрану. Только в репортаже не будет видно трех боевых вертолетов, которые обеспечивают прикрытие сверху. Знаете, почему они это не снимают? Потому что вертолет в воздухе не телегеничный. Да пошли они все в задницу.

Спецназовец резко опустил визор и махнул рукой по направлению к дороге:

— Проезжайте сюда, я отодвину проволоку.

Хаундз медленно поехал вперед, а спецназовец осторожно отодвинул один из проволочных штопоров и кивнул полицейскому в машине, когда тот нажал на газ, направляясь к блокпосту.

Парк смотрел в правое окно на шоссе I-5.

Некоторые участки были еще полностью открыты. Участок в непосредственной близости от блокпоста был загроможден баррикадами из брошенных автомобилей на расстоянии в полкилометра к северу и югу. Парк слышал, что средние секции баррикад заминированы, чтобы взорвать машины и открыть дорогу, если надо будет пропустить военную, полицейскую или спецназовскую автоколонну. Практически на всем протяжении от мексиканской до канадской границы автомагистралям полагалось быть открытыми для военного транспорта, но на шоссе были длинные неохраняемые участки, где дорожные банды взимали свою плату за проезд и пользовались дорогой, чтобы ездить на север и юг, останавливать автомобили и сливать у них бензин. Здесь об этом сильно не волновались. Более насущной была

проблема довольно многочисленных узких мест, где скапливались брошенные машины, словно бляшки в артерии, которые закупоривают неспящий мозг, блокируя его обычные функции, толкая его на причудливые вариации от привычного состояния.

Парк задумался обо всех этих скоплениях обломков в человеческом теле и вне его, которые доводят его до самых странных крайностей. «Краун-виктория» остановилась у блокпоста, и он посмотрел на повешенного, который чуть покачивался взад-вперед в столбе горячего воздуха, поднимавшегося от генераторов.

Полицейские на передних сиденьях показали свои удостоверения и значки полицейским на блокпосте, а также удостоверение личности, которое забрали у Парка, и те знаком пропустили их вперед и особо оговорили, как следует подъезжать к станции Силверлейк.

Съехав с эстакады и оставив за собой русло Лос-Анджелеса, они проехали мимо поля для гольфа на бульваре Лос-Фелис.

В этом месте бульвар практически пустовал. Бары и рестораны, которые раньше были аванпостами обуржуазивания Ист-Сайда, стояли запертые, заколоченные или сгоревшие. Несколько неспящих бродили без цели, почесывали голову, потирали глаза, бурчали себе под нос. Несколько беженцев из Гриффит-парка сумели перебраться за шоссе I-5 и реку ниже блокпоста и теперь рылись в заброшенных магазинах. Хотя там мало что осталось. Но как только бульвар спустился под железную дорогу сразу за Сенекой, снова стали появляться заселенные кварталы.

На каждом углу стояли вооруженные до зубов латинос, предпочитающие винтовки AR-15 и самозарядные пистолеты «Тес-9». На крышах по краю были навалены мешки с песком, из-за них выглядывали дула винтовок. Грузовички с тако и тележки с тамале выстроились вдоль обочин, продавцы щеголяли пистолетами в кобурах. Дети играли на улице, выбегали на ночную дорогу и возвращались обратно, молодые мамаши кричали им вслед на смеси английского с испанским. Пожилые люди сидели за столиками на тротуарах, играли в домино и карты.

Хаундз вынул из кобуры свой «глок» и сунул его между ног.

— Если я только узнаю, кто отправил нас на это чертово задание, если я только узнаю, где он живет, то вернусь сюда и найму за двадцатку какого-нибудь латиноса, чтоб он спалил его дом вместе с ним и его семьей. Нет, ты посмотри на это дерьмо. Как будто мы не у себя в стране. Чтоб их черти взяли.

Клейнер сунул в рот таблетку демерола, отнятого у Парка.

— В Фэрфаксе скоро будет так же. Евреи уже расставляют козлы для пилки дров в концах кварталов. В ермолках и с «узи». Со дня на день переименуются в Маленький Израиль.

Они проехали мимо брошенного «шевроле-степсайд» 1980 года, на его крыло взгромоздился человек, патронные ленты перекрещены на груди, как у Панчо Вильи, и злобно глядел на них.

Хаундз заскрежетал зубами.

— Потаращись еще на меня. Попробуй только сунуться западнее «Пятерки», я тебе ноги оторву, только посмей на меня так глянуть. Вот же гребаные дикари. Устроили джунгли, мать вашу. Покажите мне, покажите мне хоть одного дурака, который считает стену вдоль границы плохой идеей, и дайте мне прогнать этого придурка голышом по этому гребаному гетто.

Дальше они двинулись вниз по Сан-Фернандо, и перед самым Тредвеллом подъехали к противоминному заграждению из бетонных блоков, блокировавшему улицы в районе станции Силверлейк. Поперек одного из блоков над путаницей надписей свежей краской блестел аэрозольный лозунг:

BESSOHHИЦА — ЗАГОВОР — УБИТЬ ВСЕХ СВИНЕЙ

Модернизированная мини-пушка на БМП «страйкер» повернулась и уставилась на «форд» своим букетом дул, а из динамика загремел голос:

— Приветствуем вас на станции Силверлейк. Поднимите руки, чтобы их было видно, выметайтесь из машины и укладывайтесь на асфальт мордой вниз.

Хаундз заглушил мотор:

— Гребаные джунгли.

Ехать по району трущоб — это равносильно тому, что побывать в декорациях к одному из фильмов Джорджа Ромеро.[3] Но с нашествием неспящего приона этот эффект постепенно охватил весь город. Тротуары, торговые центры, кинотеатры, достопримечательности, пляжи и рестораны заполнились неспящими с напряженными шеями и шаркающей походкой.

Анекдоты про зомби стали пользоваться популярностью. Черный юмор касался всего, чего только позволяла ситуация.

Сами фильмы не перестали снимать. Конечно, уже не с прежним размахом, и многие студии закрылись или, точнее, были полностью поглощены более энергичными конкурентами, но, даже когда взлетели цены на энергоносители, даже когда все города, большинство пригородов и многие сельские районы

пережили вспышки организованного насилия, даже когда части регулярной армии явно надолго разместились на нефтяных месторождениях Аляски, Ирака, Ирана, Венесуэлы и Бразилии, даже когда снова ввели армейский призыв, а шестеренки экономики зацепились зубцами и со скрежетом остановились, даже когда засуха затянулась и посевы погибли, даже когда растаяли ледниковые шапки и поднялся уровень прибрежных вод, людям по-прежнему нравилось смотреть хорошее кино.

То, что вокруг бродили миллионы неспящих, пытаясь чем-то заполнить темное время суток, означало лишь расширение нового сегмента рынка, даже если другие его сегменты сократились.

Бессонница предоставила и другие новые возможности.

Один клиент рассказал мне об одном независимом фильме ужасов, в финансировании которого участвовал. Кино про зомби. Зомби играли почти исключительно статисты из неспящих.

Новый стандарт правдоподобия для зомби.

Во всяком случае, он так сказал.

Я ничего не ответил, потому что иногда оказывалось, что даже я могу лишиться дара речи. Не такое уж неприятное ощущение, за исключением тех случаев, когда оно объясняется тем, что к горлу подступает тошнота.

Так или иначе, пробка, в которой я застрял, не была вызвана съемкой этого крупного кинематографического достижения, хотя к ней на самом деле приложила руку съемочная группа где-то впереди меня в уходящем предвечернем свете на Санта-Монике.

Стандартный порядок действий в дорожном заторе и, значит, стандартный порядок действий каждый раз, когда ты садишься за руль, требовал открыть окна и заглушить двигатель. Дело было уже не просто в здравом смысле, это предписывалось по закону. Стоять в мертвой пробке с работающим двигателем, который обслуживает радио, кондиционер, телевизор, игровую консоль и зарядку всевозможных переносных устройств, было непатриотично и незаконно.

Не будучи патриотом, наплевав на квитанции о штрафе и располагая более чем достаточными средствами, чтобы под завязку наполнять бак моего прожорливого «Кадиллака-STS-V», я врубил кондиционер, поставил пиратский mp3 с оригинальной записью Джузеппе ди Стефано в роли Фауста в Метрополитен-опера 1949 года и включил ноутбук в розетку. Из вежливости я все-таки закрыл окна, не желая, чтобы люди, изнемогающие от жары вокруг меня, стали возмущаться, но я подозреваю, что низкое урчание восьмицилиндрового двигателя меня выдало. Я определенно заметил несколько неприветливых взглядов сквозь тонированное стекло, но они заботили бы меня только в том

случае, если бы стекло, как и вообще вся машина, не было пуленепробиваемым. Возникни у меня такое желание, я мог бы протаранить себе путь прямо сквозь скопление машин и выехать с другого конца, не беспокоясь ни о чем, разве что о царапинах на краске и нескольких вмятинах. Но я бродил по Сети и читал биографию ди Стефано, так что решил потерпеть.

Десять процентов жителей Земли не могли уснуть.

Да, они умирали, но обычно неспящий умирал почти через год после того, как проявлялись симптомы. Сначала появлялось странное напряжение в шее и испарина, зрачки сужались до размера булавочных головок, вскоре следовали проблемы со сном, они постепенно увеличивались, пока не наступала полная бессонница. Больные терпели целыми месяцами, месяцами непрерывного бодрствования, когда они периодически входили в фазу быстрого сна без настоящего засыпания и постоянно сознавали, как страшно разрушается их организм. Лекарства от болезни не было, она неизбежно кончалась смертью, и, хотя собственное «я» постепенно ускользало от человека, он никогда не прекращал ощущать боль и физическое разложение.

Самое разумное, что можно было сделать, — это принимать громадные дозы наркотиков из группы стимуляторов.

К тому времени, когда неспящие входили в последнюю стадию и полностью теряли способность засыпать, обычные амфетамины уже не могли навредить человеческому организму больше, чем он навредил себе сам. Но они могли вызвать временный и небольшой искусственный всплеск энергии, могли обострить и сосредоточить ум и иногда отсрочить дезориентирующее сползание в грезы и воспоминания. Осужденные на тревогу и поддерживаемые амфетаминами, десять процентов мирового населения не только хотели ходить в кино по ночам, но и бродить по Интернету.

На первый взгляд казалось, что продвигать товары в этой демографической группе — бросать деньги на ветер, ведь им грозит вымирание. И это было бы верно, если бы болезнь не распространялась.

В конце концов, заразу подхватили не сразу десять процентов. Конечно, началось с малого. Да, в своем младенчестве неспящий прион был, можно сказать, элитарной болезнью. Редкой болезнью, известной под названием «фатальная семейная бессонница». Название вполне ясно говорит о том, как необычно она начиналась.

Семейная.

Фактически на протяжении всех примерно 245 лет своей документированной истории фатальная семейная бессонница

ограничивалась лишь несколькими генетическими линиями. Как и почему она так страшно и внезапно вырвалась на простор, само собой, было предметом весьма оживленных обсуждений.

Если говорить точно, неспящий прион отличался от приона фатальной семейной бессонницы. Хуже это или лучше, но семейная бессонница убивала гораздо быстрее и потому, как сказали бы многие, была милосерднее.

НСП — это что-то другое.

НСП.

Неспящий прион.

Или, ради смеха, НСП.

Сленговый вариант, выдающий себя за химическое наименование, вроде того, что использовано в патенте на единственное известное средство от симптомов НСП.

Торговое название: Dreamer, «дрема».

Химическое обозначение: DR33M3R.

Чрезвычайно удачное буквенно-цифровое наименование, то есть в смысле маркетинга. Такое счастливое открытие, такое сразу бросающееся в глаза даже самому большому тугодуму из рекламного бюро, что это наводит на подозрения.

Если ты склонен к подозрениям.

Я очень мало что подозреваю, поскольку за свои шестьдесят лет не раз убеждался, что люди — это утиль и способны на что угодно ради своего достатка и благополучия. При таких убеждениях подозревать ничего не надо. Легче просто исходить из того, что какие-то подонки ради собственной выгоды имеют всех остальных.

Да и я сам был ходячим доказательством собственного тезиса, когда сидел у себя в «кадиллаке» последней модели, слушал Гуно, обдуваемый струей холодного воздуха из кондиционера, и пожинал плоды того, что больным людям нужно было отвлечься, и это проявлялось в непрерывной доступности широкополосного беспроводного Интернета в долине Лос-Анджелеса.

Терпение человечества.

Excelsior.[4]

Я находился в такой гармонии с окружающим миром и самим собой, что когда отвратительно жилистая вегетарианка из «Мерседеса-300», заклеенного биодизельными стикерами, вышла из машины и стала барабанить по моему окну, крича, что я убиваю «планету и детей», я даже не сразу опустил стекло и наставил ей в лицо «беретту-томкэт», которую достал из ножной кобуры.

«Томкэт» — исключительно несерьезное оружие, его

шестисантиметровый ствол, можно сказать, бесполезен на расстоянии вытянутой руки. В чужих руках его часто принимают за игрушку или какой-то инструмент. Выглядывающий из кулака ствол вообще не кажется серьезной угрозой.

Однако, если ее пихнуть под подбородок, она уже представляется достаточно серьезной. И взводимый курок тоже производит вполне серьезный звук. А на случай, если у нее еще оставались сомнения, я постарался дать ей понять, что и я, и пистолет, мы оба вполне серьезны.

— Вы умрете на глазах у десятков свидетелей, и никто ничего не сделает, чтобы помочь вам или отомстить за вас. Потому что все они знают то, что знаете и вы: миру пришел конец. Разница только в том, что они сдались и согласны смотреть, как он гибнет, если могут делать это в относительном комфорте. Вы же проматываете те скудные ресурсы сил и воли, которые у вас еще остались, пытаясь остановить лавину. Бросьте это дело. Все обстоит именно так плохо, как вы предполагаете. Люди именно такие эгоистичные, как вы думаете. Вселенной на все наплевать. Да и вам тоже. Ну правда же. Идите найдите себе теплое тело, прижмитесь к нему, почувствуйте животное удовольствие. Возвращайтесь к себе в машину и не смотрите на меня больше. Я что-то устал говорить. Идите, пока мне не надоело держать палец на крючке и не захотелось посмотреть, как мозги вылетают у вас сквозь макушку.

Женщина издала какой-то гортанный звук и пошла прочь, неподвижно уставив взгляд чуть выше автомобильных крыш, такой походкой, которую можно было бы принять за походку неспящей, хотя на самом деле это было просто отчаяние.

И я нажал кнопку, и окно снова плотно закрылось, создав идеальную прохладную полутьму в том, что в рекламной брошюре называлось «кабиной автомобиля», а я вжал ствол «томкэта», похожий на большой палец руки, во впадину пониже подбородка.

Но даже при идеальном лирическом аккомпанементе подходящий момент еще не наступил.

Поэтому, когда машины таинственным образом тронулись в путь, разделяясь на две стороны от неподвижного «мерседеса» с женщиной, всхлипывающей внутри, я сунул пистолет обратно в кобуру из кротовой кожи и плавно понесся по изрытой дороге, мимо места съемки (искусно воспроизведенной сцены дорожной аварии), думая, что ее всхлипы прозвучали идеальным диссонансом к диминуэндо ди Стефано на высокой до в арии Фауста: «Привет тебе, приют невинный»:

Привет тебе, приют невинный,
Привет тебе, приют священный,
Все о любви здесь говорит мне,
И все невинностью здесь дышит!
Как мне мила вся эта простота.

Парк еле дышал.

Дело было не только в том, что ему на голову надели мешок, но и в том, что он был далеко не первым, на кого этот мешок надевали. Заскорузлая от высохшего пота, покрытая коркой старой рвоты у открытого конца, черная дерюга мешка не просто перекрывала воздух.

А еще у него болели колени.

Он уже понял, что нельзя пытаться сесть на ноги ради отдыха. Он сделал так один раз и получил удар дубинкой по лопаткам, который заставил его выпрямиться.

А еще у него онемели пальцы.

Это внушало тревогу, но гораздо большую тревогу внушало то, что он терял ощущение пластиковых наручников в том месте, где они врезались в его запястья. Нарушить кровоснабжение пальцев — это одно, а целиком нарушить циркуляцию крови в кистях рук — совсем другое и гораздо более опасное.

Человек справа простонал что-то по-испански.

Ботинки прошли по кафельному полу комнаты, отдаваясь эхом, и полицейская дубинка с фонариком отскочила от черепа.

— Заткни пасть!

Парк почувствовал, что человек наваливается на него, и как-то попытался его подхватить, отклонившись всем телом далеко назад и стараясь удержать вес человека своим туловищем. Мышцы бедер, и так уже дрожавшие, не выдержали, и они оба свалились на пол.

— Вставай! Вставай, мать твою!

Кто-то всей пятерней схватил его за волосы сквозь мешок и потянул вверх, ставя на колени.

— Стой прямо! Прямо, тебе говорят, сволочь!

Кулак лениво задел его по уху.

— Сейчас башку тебе снесу.

Громкое жужжание пронзило комнату, вибрируя в затхлом воздухе, грохнула задвижка, и дверь открылась, впуская столб свежего воздуха, который Парк почувствовал на предплечьях.

На плитке пола взвизгнули кроссовки. Зашуршала бумага.

— А, три, три, ноль, эйч, тире, четыре, тире, четыре, ноль.

Его руки вздернулись — кто-то захотел взглянуть на

пластиковый наручник, застегнутый на его запястье.

— Да, этот.

Дубинка врезалась ему в ребра.

— Вставай, сволочь.

Он попытался разогнуть ноги и подняться, но ему удалось только снова упасть.

— Придурок.

Ствол дубинки прижался поперек его горла, и его, задыхающегося, поставили на ноги, он зашатался, едва не упав опять, и его подхватили под руки.

— Я его держу.

— Ага, пользуйся. И старайся оставлять поменьше следов.

Слепого и еле держащегося на ногах, его вывели в тихий коридор, где воздух, хоть и был прохладнее всего на пару градусов, показался ему похожим на весенний бриз. Он спотыкался о собственные онемевшие ноги, вновь и вновь удерживаемый от падения, потом его прислонили к стене.

— Ты хоть секунду можешь сам постоять?

Он кивнул, но не знал, можно ли было увидеть его кивок сквозь мешок на голове.

Его голос трескался так же, как и сухие губы.

— Наверное, смогу.

Его отпустили, и он удержался на ногах.

Лязгнули ключи, и открылась новая дверь.

— Входи.

Его снова поддержали, но теперь уже больше не несли, а направляли, и он постепенно стал снова чувствовать свои ноги.

— Садись.

Стул.

— Наклонись вперед.

Он наклонился, почувствовал стол и положил на него голову, глаза закрылись, он почти сразу же провалился в сон. И через секунду его разбудили, когда отстегнули наручники с запястий и кровь хлынула в кисти рук, пронзая их иголками.

Мешок сдернули с головы, и он закашлялся от внезапного притока кислорода, моргая в жестком люминесцентном свете.

— Пей.

Поджарый мужчина с тонзурой седых волос, глазами, скрытыми за зелеными очками-авиаторами, поставил перед ним бутылку с водой.

Парк кивнул. Он попробовал взять бутылку, но не смог заставить руки сомкнуться вокруг нее.

Человек отвинтил крышку с бутылки и поднес ее к губам Парка, медленно приподнимая, пока тот глотал.

— Все?

Парк кашлянул, человек опустил бутылку и поставил ее на стол. Он взял в руки ладони Парка и стал их тереть.

— Когда тебя взяли?

Парк хотел было посмотреть на часы, на миг забыв, что он спрятал их еще до задержания.

— Не знаю. Вчера вечером? Сколько сейчас?

Иголочки в руках превращались в булавки, и он почувствовал, что уже может сгибать их самостоятельно.

Человек отпустил его и снял мобильный телефон с пластикового зажима на ремне своих темно-синих форменных брюк.

— Чуть за полночь.

— Мне надо позвонить жене.

Мужчина снова пристегнул телефон на ремень.

— Потом.

С уголка стола он взял сморщенный и заляпанный конверт из оберточной бумаги, на нем длинными рядами были написаны имена и цифры, все по очереди вычеркнутые, кроме одного:

ХААС, ПАРКЕР, Т./А330Н-4-40.

Человек раскрутил потрепанную коричневую бечевку, накрученную на круглую кнопку, открыл конверт, заглянул в него и вывалил содержимое на стол.

— Это что за хрень?

Парк посмотрел на пакетики с коричневой низкокачественной марихуаной, полной семян.

— Это не мое.

Мужчина посмотрел на неперечеркнутое имя на конверте.

— А здесь написано — твое.

— Нет.

Человек кивнул:

— Да уж, нарвался ты за пару унций мексиканской травки.

Парк сжал кулаки; теперь покалывало только кончики пальцев. Он посмотрел на дверь.

— Мы можем говорить?

Мужчина скрестил руки поверх футболки с эмблемой «Доджерс», под которой виднелась другая, белая.

— А мы здесь как раз для этого.

Парк щелкнул по одному из пакетиков указательным пальцем:

— Мне это подсунули.

Человек показал на пакетик:

— Потому что это не то, что я ожидал найти у тебя.

Парк кивнул:

— И не то, что у меня было.

— Хаундз и Клейнер взяли твой товар?

— Да.

— И подсунули это?

— Да.

Мужчина чуть крепче скрестил руки.

— И что же забрали арестовавшие тебя полицейские?

Парк посмотрел на мобильник.

— Мне правда очень надо позвонить жене. Она будет волноваться.

Человек покачал головой:

— Потом. Скажи, с чем тебя взяли.

Парк допил воду из бутылки.

— Демерол. Валиум. Ксанакс.

Мужчина кивнул, расцепил руки и взял один из пакетиков.

— Потому что это тебя никуда не приведет.

Парк потрогал ухо, по которому его ударили, когда он стоял с мешком на голове.

— Знаю. И это не то, что у меня было. И это не то, чем я занимался.

Человек махнул рукой:

— Да знаю я, чем ты занимался.

Парк пожал плечами:

— Ну и что тогда?

Человек уставился на него, покачал головой и сел на стул напротив.

— Я хочу услышать от тебя.

Парк опять посмотрел на дверь.

— Мы можем говорить?

Мужчина снял очки, открыв налитые кровью опухшие глаза, сидящие в глазницах в окружении глубоких морщин.

— Можем.

Парк показал на мешок на полу.

— Тогда, может, вы мне скажете, кто здесь командует, капитан?

Человек с тревожными глазами пожал плечами:

— Мы.

Парк сначала не хотел соглашаться на задание. Не ради этого он шел в полицию. Он шел, чтобы помогать. Он шел, чтобы служить. Когда друзья спрашивали его, какого черта он забыл в полиции, он говорил им, что собирается служить и защищать.

Никто не смеялся, зная, что Паркер Томас Хаас не шутит

такими вещами. По существу, он вообще не понимал шуток, когда дело касалось справедливости и порядочности.

Справедливость и порядочность были неизменным мерилом, которое применялось ко всему, и шутить над ними не следовало.

Во всяком случае, он не шутил.

И потому он хотел остаться в полицейской форме.

Задолго до окончания академии он решил для себя, что правосудие в судах часто не соответствует стандартам, которым должно было соответствовать. Долгие жаркие дни, которые он проводил между занятиями в городских судах, глядя, как скрипят и трещат колеса правосудия, решили этот вопрос.

Но уличное правосудие — другое дело.

Его можно было осуществлять напрямую. На улице человек с полицейским значком действительно мог что-то сделать перед лицом несправедливости. То, что происходило после пресечения преступных действий, иногда оставалось тайной, но, проявляя в момент ареста снисходительность, вручения судебной повестки — неожиданную терпимость, а во время нешуточной облавы поддерживая, наставляя или применяя силу, патрульный полицейский мог установить истинную справедливость.

Дело было в том, чтобы установить стандарт и применять его всегда, без исключения, ко всем.

Включая себя самого.

Для Парка это было просто, как дважды два.

Но невыносимо тяжело для всех, кто с ним работал.

Что и было одним из доводов, которыми убеждал его капитан Бартоломе:

— Тебя не любят.

Стоя у себя в кабинете перед фотографией с автографом, где он мальчишкой стоит рядом с улыбающимся Вином Скалли,[5] Бартоломе пожал плечами:

— Я говорю не для того, чтобы тебя обидеть, но это так и есть.

Парк смотрел на бейсболку с эмблемой лос-анджелесской полиции, которую держал в руках.

— А мне и не обидно.

— А я и не думал, что ты обидишься. И это еще одна причина, почему я считаю тебя подходящим для этого дела. Легче работать, когда тебе наплевать, что тебя не любят.

Парк провел рукой по затылку, пощупал резкую горизонтальную линию волос, постриженных парикмахером по нижнему краю ежика.

— Не то чтобы мне было совсем все равно, капитан. Все зависит от того, почему меня не любят.

Бартоломе сунул кончик языка за нижнюю губу, потом высунул обратно и облизал зубы.

— Значит, тебе наплевать, когда тебя не любят из-за того, что с тобой невозможно работать? А другие причины для неприязни тебя могут беспокоить, так, что ли?

Парк перестал теребить волосы.

— Мне наплевать, когда со мной не хотят работать, потому что я знаю, что прав.

Брови капитана наркоуправления приподнялись.

— Господи, Хаас. Неудивительно, что тебя не любят.

Парк стряхнул пылинку со штанины.

— Я могу идти?

Бартоломе показал на дверь:

— Можно ли тебе выйти из моего кабинета? Да.

Парк стал подниматься.

Бартоломе показал на окно:

— Можно ли тебе вернуться на улицу? Нет.

Парк, почти поднявшись с твердого пластикового стула, замер и посмотрел на начальника.

— Простите, сэр?

Бартоломе взглянул на стол, нахмурился, читая заголовок спортивной колонки раскрытой на столе «Лос-Анджелес таймс»:

> «ГЛАВНАЯ БЕЙСБОЛЬНАЯ ЛИГА ЗАВЕРШАЕТ СЕЗОН
> Игры не возобновятся до тех пор, пока не удастся остановить пандемию бессонницы».

Он посмотрел через стол на своего подчиненного.

— Больше не будет сольных выступлений, Хаас. Все ездят с напарниками. В управлении не хватает денег на бензин для патрульных машин. Пока в результате стимулирующего финансирования наш автопарк чудесным образом не наполнится электромобилями и гибридами, все патрульные машины будут выезжать с двумя, тремя или четырьмя полицейскими.

Он протер глаза.

— И никто, никто абсолютно не хочет больше ездить с тобой.

Парк выпрямился.

— Никто и раньше не хотел.

— Ну да, но раньше было не так плохо. Было не так опасно, а это только начало. Управлению нужен высокий боевой дух в этой паршивой ситуации. Высокий боевой дух означает, что нам не грозит дезертирство, какое было после «Катрины». Когда полицейские теряют веру в систему и просто исчезают.

Бартоломе перестал тереть глаза и оглядел Парка с головы до ног.

— Высокий боевой дух также означает, что офицеры должны прикрывать друг друга. Нам не нужно, чтобы наши ребята закрывали глаза, потому как решили, что всем будет лучше, если напарник, который у всех стоит как кость в горле, получит пулю во время какой-нибудь бандитской разборки.

Парк подумал о времени, год тому назад, когда он ездил с Делом Рико. Как однажды они выехали на вооруженное ограбление. Дел сказал, что в подсобке винного магазина безопасно. Только это было не так. Оказалось, что подозреваемый был не вооружен; что кореец — владелец магазина принял за оружие обрезок трубы. Но в полицию поступил звонок о вооруженном грабителе, и Дел дал Парку войти в подсобку, которую он считал безопасной, хотя там за какими-то ящиками прятался подозреваемый с трубой, и она вполне могла оказаться ружьем. Парк отделался парой синяков на ребрах. Подозреваемый получил ряд ударов по гениталиям.

Дел всегда вел себя спокойно с Парком, но тот слышал, как он острил с ребятами. Дескать, не могу дождаться, когда кончится дежурство с*монахом.*

Парк считал, что Дел Рико не знал о преступнике в подсобке. Но он был хороший полицейский. И он сказал, что в подсобке чисто. Может быть, он бы отнесся к заданию более внимательно, если бы не думал о том, когда кончится его дежурство с Парком?

— Хаас, ты следишь за моей мыслью?

Парк посмотрел на капитана.

— Я могу патрулировать на велосипеде.

Бартоломе потер гладкую смуглую макушку.

— Патрульные на велосипедах тоже ездят по двое.

— На мотоцикле. Я могу патрулировать дорожное движение.

— Ты когда-нибудь ездил на «Харлее»?

— Нет.

Бартоломе показал на фотографию на стене. Он же, но помоложе, кожаные сапоги, сине-белый шлем, верхом на «Харлее».

— Чтобы научиться управлять «Харлеем», нужно несколько недель, и управлению это влетает в копеечку. Я тебе могу сказать только одно: при нашем теперешнем бюджете переобучение возможно только для спецназа и антитеррористической академии.

Парк посмотрел на фотографию Бартоломе с ведерком на голове.

Спецназовцы обожали свои автоматы, обожали стремительность, с которой они срывали двери и врывались в дома. Зачем они там, кто, что и кому сделал, для спецназа не

имело никакого значения. Им просто хотелось сделать меткий выстрел.

Антитеррористическая академия — билет в одну сторону до рабочего стола. Бумажная волокита. Разведывательные сводки. Координация оперативных групп с ЦРУ, ФБР, нацбезопасностью, таможенно-пограничной службой.

Он отвел взгляд от снимка.

— Вряд ли я подхожу для этого, сэр.

— А тебе никто и не предлагает.

Бартоломе взвесил два невидимых предмета, по одному в каждой руке.

— Тебе предлагают только одно.

Он показал тяжесть и серьезность того, что предлагается Парку.

— Или можешь согласиться на онлайн-обучение, будешь диспетчером.

Он показал относительную легкость работы по приему и передаче радиовызовов.

Парк вспомнил, как отец спросил его, чего, по его мнению, он может достигнуть в качестве полицейского, чего не мог бы достигнуть в семейном деле. Семейным делом была государственная служба и политика.

Он покачал головой:

— Я просто думаю, что не гожусь для этого задания, сэр.

Бартоломе кивнул:

— Почему?

— Если посмотреть на это практически, то я белый. И я не знаю уличного жаргона. То есть знаю, но у меня он звучит неестественно. Да и сам я никогда наркотиков не пробовал, даже в колледже. Я даже не знаю, как притворяться.

Капитан улыбнулся:

— Хаас, какого черта? О чем ты только думаешь? Ты что же, считаешь, я тебя пошлю в Уилмингтон? Заставлю сбывать метамфетамин ночным грузчикам в порту? Или зашлю к мексиканцам здесь, у нас? Или ты думаешь, я пошлю тебя толкать дурь черным в южный Лос-Анджелес?

Парку снова подумалось об отце.

— Вы же сказали «операция по внедрению», сэр. Вы сказали «продавать наркотики».

Бартоломе посмотрел на стол. Он убрал спортивную страницу, сообщившую новость о том, что от паршивой жизни этим летом не отдохнешь и не отвлечешься даже несколькими бейсбольными играми, и нашел пачку страниц, распечатанных на обратной стороне старых рапортов о происшествиях и

уведомлений. По новым правилам полицейского департамента печатать следовало на обеих сторонах листа, а потом сдавать его в макулатуру.

— Хаас.

Он просмотрел страницы, поворачивая их туда и обратно, чтобы найти нужную сторону.

— Для большинства полицейских их работа означает одно из двух. Во-первых, быть полицейским — это просто работа. Неплохая зарплата. При некоторой личной инициативе каждый может сделать карьеру. Огромные льготы. Ни у кого в наше время нет такого медицинского обслуживания, как у полицейских. Хорошая пенсия. Множество других плюсов. А раньше к тому же было полно работы, на которую не надо было даже брать пистолет, не говоря уж о том, чтоб его вынимать. Диплом о среднем образовании, два года в начальном колледже или послужи в армии, и можешь поступать в академию. Нормальная работа для мужика. Средний полицейский относится к своей работе скорее как сварщик, чем, скажем, агент министерства финансов. Во-вторых, быть полицейским — для некоторых это значит иметь значок, дубинку и оружие. Никто в этом вслух никогда не признается, во всяком случае на трезвую голову, но таким людям просто нравится командовать. Сходи к ним в гости на барбекю, посмотри, как они разговаривают с женой и детьми — так же, как с типами, которых только что задержали за умышленное нападение. Они приходят за значком и не меняются.

Бартоломе отогнул угол одного листа и посмотрел на лист под ним.

— А куда тебя вписать в эту схему?

Парк все еще думал об отце, вспоминая, как они виделись в последний раз на похоронах матери. Через месяц он решил не ехать на восток на похороны отца. Все, что старик хотел ему сказать, он сказал у могилы своей жены, хотя только лишь после того, как ему позвонила сестра и со стоической пенсильванской интонацией рассказала, как их отец использовал свой любимый карабин «уэзерби», он понял, что означали его слова «Тебе не нужно уже приезжать домой». Стоя тогда над гробом матери, он решил, что эти слова означали окончательное отчуждение, в которое постепенно превращались их отношения. Повесив трубку после звонка сестры, он понял, что на самом деле это была последняя попытка Т. Стегланда Хааса защитить своего сына от мировой скорби.

Не нужно возвращаться. Не нужно стоять у могилы отца. Занимайся своими делами. Все кончено. Ты прощен.

Он протер циферблат часов большим пальцем.

— Я не знаю, куда меня вписать, сэр.

Бартоломе кивнул:

— Ну, посмотрим. Семейный трастовый фонд. Академия «Дирфилд».[6] Степень бакалавра в Колумбийском университете. Докторская степень в Стэнфорде. Не похоже, чтобы такой человек гнался за надежной работой.

Он сложил еще один листок бумаги.

— Кстати, ты не стесняешься применять силу, но серьезных жалоб по этой части на тебя нет. Неплохая коллекция задержаний, однако ничто не наводит на мысль, что тебе нравится защелкивать наручники. Ты не производишь впечатления человека, который возбуждается оттого, что помыкает людьми.

Он скатал лист в трубку и показал ею на Парка.

— Что же мы видим? Описание молодого белого мужчины с хорошим образованием и искренним желанием поступать правильно и служить обществу.

Парк крутил запястьем взад-вперед, приводя в движение механизм самозавода в часах.

Это были часы его отца, «Омега Симастер» 1970 года, подарок жены, который он передарил Парку в тот самый день, когда освободил его от вторых похорон. Отец снял их со своего запястья и передал ему с такими словами: «Это хорошие часы. Когда через пару лет начнут сбрасывать бомбы, они не остановятся от электромагнитного импульса. Даже во время Апокалипсиса кто-то должен знать, который час, Паркер».

Паркер стал вертеть запястьем чуть быстрее.

— Вы меня обвиняете, сэр?

Бартоломе дал листку развернуться у него в руке и показал его Парку:

— Нет. Просто это именно то, что мне нужно. Образованный молодой белый мужчина, который может разговаривать с другими образованными молодыми белыми людьми. Такими людьми, которые могут позволить себе не только покупать наркотики, но и быть разборчивыми, у кого их покупать. Людьми, которые не хотят кружить вокруг парка Мак Артур на своих «мерседесах». Людьми, которые предпочитают позвонить по секретному телефону, сделать заказ и получить доставку на дом. Как суши. С вот такими людьми, полицейский Хаас.

Он наклонился ближе.

— Это единственные люди, которым по карману купить «дрему».

Парк перестал крутить запястьем.

— Что?

Бартоломе положил свернутые бумаги на стол.

— Ты уже видел кого-нибудь с этим? Близко? Кого ты знаешь лично?

Парк коснулся часов, не глядя на них.

— Мать. Но я ее не видел. Она быстро умерла.

— Хорошо.

Бартоломе дважды кивнул.

— Это хорошо. Один из моих братьев заразился еще вначале. Еще до теста. Когда все еще думали, что это вирус. Карантин. То и дело забор образцов ткани. Экспериментальное лечение. И это помимо самой заразы. Когда он доживал последнюю неделю, разрешили первые испытания «дремы» на людях. Его выбрали по жребию, но он попал в группу, которая получала плацебо. Я видел женщину, которая получала настоящее лекарство. Она спала. Она видела сны. Проснувшись, она улыбалась, разговаривала с родными. А до этого она пять дней без перерыва кричала. Вся была в порезах. Они тоже прошли.

Бартоломе взглянул на другую фотографию на стене: в парадно-выходной форме, тот день, когда он получил свои нашивки, по бокам два брата-полицейских, все трое обнимают друг друга за плечи.

Он отвернулся.

— «Афронзо — Нью дей фарм» наконец при посредничестве правительства согласилась поделиться патентом на «дрему» для ее производства в международном масштабе. АНД придется удовольствоваться чуть менее неприличной прибылью с этой сделки, чем было бы в ином случае. Господи, власти могут национализировать банки, автопроизводителей, коммунальные предприятия, телекоммуникации, но пока фармацевтическое лобби еще в силе, эти подонки в конгрессе будут орать про «свободный рынок», как будто на президентские выборы выставили Маркса.

Бартоломе потер нос и крякнул.

— В общем, нельзя сказать, сколько уйдет времени, чтобы наладить производство за границей, и даже когда его наладят, если это вообще случится, спрос еще долго будет превышать предложение. Но это за границей и на других материках, а у меня и без того забот хватает. Пока вся «дрема», что есть, находится в Америке, и всем она нужна, и мы должны не позволить людям перебить из-за нее друг друга. А именно Управление по контролю качества продуктов и лекарств собирается вывести ее из списка А и придумать для нее так называемый список Z. Полный контроль над распределением. Только через больничные аптеки. Выдача непосредственно персоналом больницы своим пациентам. По

одной дозе на один прием. Возможны редкие исключения для хосписов и больных на домашнем уходе, строго по рецепту, подписанному двумя врачами. На каждой коробке, на каждом флаконе индивидуальные радиометки. Производится небольшими партиями, таблетки каждой партии будут иметь три уникальных идентифицирующих признака.

Парк наморщил лоб. Роуз говорила, что при этом у него «особенно бестолковый вид». Хотя на самом деле Парк никогда бестолковостью не отличался.

— НСП продолжает распространяться. И быстрее, чем считалось.

Бартоломе кивнул и сел.

— Это между строк. Да. В общем, никто ничего не говорит, но да.

Он положил обе руки на макушку и переплел пальцы.

— Все лично знают хотя бы одного человека, у которого кто-то из близких болен НСП. Очень скоро у всех будет болен кто-то, кого они сами хорошо знают. Кого любят. Если торговля «дремой» выйдет на улицы, начнется война. То, чем торгуют из-под полы сейчас, — это подделка, низкосортная пиратская дрянь из Юго-Восточной Азии; нам бы надо перекрыть ее поставки, но это не наша обязанность. Мы будем работать с настоящим DR33M3R. Конечно, кое-где будет всплывать то флакон, то пара десятков таблеток. Но нельзя допустить, чтобы препарат попал на улицы в большом количестве. Крупные партии, вот за чем мы будем охотиться.

Парк загнул козырек бейсболки.

— Люди должны знать, что лекарство распределяется честно, поровну, независимо от материального и общественного положения и цвета кожи. Нельзя допустить, чтобы начали думать, будто оно только для белых и богатых.

Бартоломе уставился на него.

— Хаас, плевать, что думают люди. Возьми крэк в восьмидесятые. Ты что-нибудь знаешь о том, что тогда творилось? Не знаешь. Тебя там не было. А творилось черт знает что. «Дрема» — самый прибыльный наркотик в истории человечества. Меня волнует только война за наркотики. Если кто-нибудь додумается, как перехватить ее в цепочке сбыта или как произвести качественный аналог, мы за несколько дней перейдем от мелких стычек прямо к окопной войне. Какой-нибудь местный картель будет сбивать цену на «дрему», снабжая своих людей русским и китайским оружием. Нам тогда один только Креншо придется патрулировать с целой эскадрильей.

Парк кивнул:

— Откуда выделяют средства на это?

Бартоломе сдул щеки.

— Федералы? Хрен знает. Полицейский департамент Лос-Анджелеса?

Он расплел пальцы и показал на себя, потом на Парка.

— Средств не пожалеют.

И снова положил руки на макушку.

— Итак, полицейский Хаас. Он качнулся назад в кресле.

— Похоже это на то задание, для которого вы годитесь?

Парк встал, пристроил бейсболку на голове, перевесил оружие на бедро и кивнул:

— Да, сэр, гожусь. Бартоломе закрыл глаза.

— Милости просим в Семь-Уай, особый отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств. Возвращайся к Ван-Нейсу и забери свое барахло из шкафчика. Если кто спросит, тебя переводят на Венис. Тогда тебя еще больше возненавидят.

Парк не двинулся с места.

Бартоломе открыл один глаз.

— Что?

Парк почесал шею сбоку.

— Есть кое-что.

— Ну?

Парк дотронулся до значка.

— Я не умею врать.

Бартоломе закатил глаза.

— Научишься, Хаас.

Паркер кивнул, повернулся к двери.

— Хаас.

Он остановился.

— Сэр?

— Я слышал, вы с женой ждете ребенка.

— Да, сэр.

— С ребенком все будет гораздо труднее.

Парк промолчал.

Бартоломе открыл другой глаз.

— Но тебе же это нравится, правда?

Парк промолчал.

Глава 4

Сенчери-Сити — это место, где держат юристов.

Будучи юристами, они замуровались среди первых, когда стало очевидно, что пандемия не собирается истребить бедняков и успокоиться. Восточный Сенчери-парк и Западный Сенчери-парк были накрепко закрыты у Санта-Моники и Вест-Олимпика бетонными танковыми заграждениями высотой под четыре метра. Бульвар Констеллейшн теперь превратился в пешеходную торговую улицу, которая проходила между Восточным Сенчери-парком и Западным. Войти туда и выйти оттуда можно было только через ворота блокпоста на северном конце авеню Звезд.

Студии звукозаписи, продюсерские компании, телесети, актерские агентства, корпоративные офисы студий, обосновавшиеся в Сенчери-Сити, давно стремились закрыться от незваных гостей. Орудийные башни наконец-то встали на свои места, и ходили слухи, что в одном из многих опустевших павильонов звукозаписи, участке студии «Двадцатый век Фокс» припаркована целая колонна бронированных боевых машин, которые в любой момент готовы быстро увезти местных жителей в безопасное место, если они окажутся в осаде.

У меня был пропуск.

Что почти так же важно, еще у меня была соответствующая непристойно дорогая машина и подходящий гардероб. И то и другое я старательно подобрал специально для такого случая.

В этих кругах мотовство напоказ было образом жизни. Гибридный «приус» еще мог прибавить несколько очков социальному статусу в Западном Голливуде, но властные верхушки привычно демонстрировали свою веру в будущее и незыблемость безудержного потребления тем, что вновь посвятили себя лучшему, что предлагала жизнь.

Борцы за помощь голодающим в Африке, движение в защиту окружающей среды, реформа выборов, альтернативное топливо, строительство жилья для бедных, все эти зеленые любых оттенков, казалось, припахивали показухой, самовосхваляющим аскетизмом, который выдавал в них явное отсутствие оптимизма.

Если даже богатые, как видно, не верили в то, что потом будет лучше, какая же надежда оставалась народу?

Я назвал свое имя у ворот, дал точеному и суровому, как они все, контрактнику в черной форме «Тысячи журавлей» просканировать мое национальное личное удостоверение с радиочастотной меткой, прижал большой палец к биометрическому датчику, подождал, пока ему позвонят и

подтвердят, что мне назначено, и взял парковочный билетик, который контрактник вручил мне, обратив внимание на знак с предупреждением, что с меня возьмут по двадцать пять долларов за каждые пятнадцать минут дополнительного времени.

Я повторил аналогичный процесс у стойки безопасности и в лифтовом холле северной башни Сенчери-Плаза.

В прежнее время сороковой этаж не считался бы уровнем пентхауса, но верхние четыре этажа обоих зданий освободили от обычных обитателей, и на их место пришли общевойсковое командование и наблюдательные посты. Там располагалась штаб-квартира Южнокалифорнийского командования войск на ТВД, где находились координаторы из ЦРУ, ФБР, Бюро по контролю над алкоголем, табаком, огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами, Управление национальной безопасности, Управление по борьбе с наркотиками, Комитет гражданской обороны, Федеральное агентство по управлению чрезвычайными ситуациями, Бюро таможенного и пограничного контроля, полицейский департамент Лос-Анджелеса, управление шерифа Лос-анджелесского округа и, как я слышал, представители Гильдии режиссеров, Гильдии киноактеров и Гильдии сценаристов Америки.

Хотя, может быть, так просто шутят в Лос-Анджелесе.

Верхние этажи обеих башен, сорок четвертые, были полностью освобождены. Эти этажи пришлось очистить, чтобы установить дополнительные несущие балки для удержания веса батарей «авенджеров» и усовершенствованных «хоков», которые доставили и разместили на крышах вертолеты «Чинук». Эта комбинация боевых средств ПВО предназначалась для защиты башен от всего: от вертушки дорожной полиции до «Гэлэкси-С-5». [7]

Как обычно, артиллерийский прицел указывал дорогу в безопасное будущее.

Стоя у углового окна северной башни, глядя вверх на нос «хока», высовывавшийся из-за края южной башни, я не мог не задуматься о том, какой возникнет хаос, когда после запуска одна из этих штук обрушит град обломков и битого стекла на крытые теннисные корты здания «2000-я авеню Звезд». Банкиры и юристы, изувеченные во время обеденного гейма, подадут в суд на Пентагон, выиграют дело и наложат арест на валовой национальный продукт.

— Вас что-то забавляет?

Я отвернулся от окна, стирая легкую улыбку, на миг растянувшую мои губы.

— Искалеченные адвокаты.

Она подняла глаза от стоявшего перед ней механизма, подумала и выдавила несколько капель средства для чистки оружия «Берчвуд Кейси» на кончик ватной палочки.

— Да, это я понимаю.

Я пересек начищенный бамбуковый пол, скользя ногами в шелковых носках, держа руки в карманах, где они должны были находиться всегда в ее присутствии. Ее многочисленный персонал и подчиненные считали недостаточным просто забрать у меня оружие. Правда, это не я лично вызывал у них такие подозрения. Насколько я понимал, все, кто допускался к ней в офис, должны были тоже держать руки в карманах.

Чересчур болтливый ее сотрудник, встречающий посетителей в вестибюле, с которым я случайно столкнулся, когда зашел выпить в «Камео» на Санта-Монике, поделился со мной, изрядно нагрузившись коктейлями на саке, что посетителям без карманов здесь предоставляли регулируемый пластиковый пояс с двумя тряпичными мешочками, которые изнутри были выложены одноразовыми салфетками. Ему казалось, что в элегантном черном блейзере с карманами гостям будет удобнее, и он собирался следующим же утром сделать это предложение личному секретарю своей работодательницы.

После той встречи я больше не видел молодого человека в офисе. Едва ли он лишился работы из-за того, что его предложение сочли наглостью, но скорее из-за недостатка проницательности и непонимания, о чем свидетельствовало его предложение. Если он не понимал, что смысл пояса заключался в унижении посетителя, который не догадался прийти в одежде с карманами, то этим он продемонстрировал, что не относится к людям ее типа.

Но людей ее типа не было вообще.

Ни знакомых, ни родственников, ни коллег.

Уникальная и ужасная. Такая же экзотическая и почти такая же мифическая, как дракон, вытатуированный у нее на руке.

Я никогда не забывал про карманы, когда приезжал с визитом. Мои руки покоились в карманах из легкой шерстяной ткани бежевого цвета, дно левого было прошито тонкой полоской практически бесшумного микропласта, который я мог прорвать, если понадобится добраться до керамического ножа с каплевидным лезвием «Бокер инфинити», висевшего вдоль мошонки. Небольшое усовершенствование на заказ, я попросил портного сделать его после того, как впервые пришел на встречу к ней в офис. Мистер Ли успел сшить для меня эти самые карманы до того, как его убило шальной пулей, когда гангстер из Маленькой Эфиопии грабил «Чертик из табакерки» неподалеку от

его ателье.

Для вашего сведения, я не имел никакого отношения к безвременной кончине мистера Ли, случившейся вскоре после того, как он сшил эти и аналогичного покроя брюки черного и темно-синего цвета. Мне бы и в голову не пришло убить прекрасного портного, даже ради сохранения тайны, от которой зависела моя жизнь.

Однако в интересах полноты информации надо заметить, что наша встреча с парнем из ее офиса в «Камео» была неслучайной. На самом деле я подслушал, когда он рассказывал коллеге о планах на вечер, и постарался оказаться в том же месте. По правде говоря, все секретные сведения, которые я выудил из него, не представляли особой ценности, но он был поверхностно обаятелен, очень спортивен, чрезвычайно уступчив и ушел из гостиничного номера, который я снял для нас, задолго до того, как я бросил притворяться спящим и встал, чтобы заказать завтрак.

Так что это была не полная потеря времени.

Тидзу, хозяйка «Тысячи журавлей», смотрела, как я подхожу к ее рабочему столу, который представлял собой прямоугольную плиту красного дерева, отполированную и натертую тем же маслом, что было в ее руках. Она сидела перед ним на коленях, на одной тонкой подушке, а вторая была зажата между узкими ягодицами и пятками крошечных ног.

Она не подняла глаз.

— Вас всегда забавляет что-то мертвое или изувеченное?

Я перестал скользить по полу. Приподнялся на носки и опустился на пятки.

— Нет. Редко. Если вообще забавляет. Я вас уверяю, это была горестная улыбка.

Она чуть хмыкнула и обратила свое внимание на выпотрошенный «Рем-Блик» 1928 года. Она промокала чистящим средством крепление одной из тридцати клавиш лепестковой пишущей машинки, отдаленно напоминающей насекомое.

— Мне нужно, чтобы вы нашли для меня кое-что.

Я позволил себе поднять взгляд, дал ему перескочить через дюжину ячеек в стеллаже, составлявшем длинную заднюю стену ее кабинета. В ячейках стояли пишущие машинки всех эпох, вплоть до того времени, когда текстовые процессоры нанесли им смертельный удар. Впрочем, не совсем смертельный, как свидетельствовала китайская «Дженерейшн-3000» производства 2005 года, выставленная в верхней ячейке. И надо сказать, по мере того, как ситуация становилась все хуже, ручные пишущие машинки были готовы вернуться. Однако хотя все они от первого

«Ремингтона» 1873 года с деревянным корпусом и золочеными деталями до восточногерманской «Грома Колибри» чудесной обтекаемой формы и комически стилизованной под 80-е «Дженерейшн-3000» находились в рабочем состоянии, ни одной не суждено было сгодиться хоть на что-то, кроме периодической легкой чистки, такой же, которой подвергался сейчас «Рем-Блик». В бесконечном круговращении она ухаживала за машинками, смазывала движущиеся части, заменяла сухие ленты, тщательно сдувала пыль сжатым воздухом и возвращала каждую в отдельную освещенную ячейку на выставочной стене, пока снова не придет ее время.

Остальные стены были стеклянные, две обширные плоскости стекла, которые затачивали ее рабочий кабинет в точку, решительно указывая на запад, к океану и дальше, к ее островной родине.

Я стоял спиной к тому месту, откуда она выкуклилась, рассматривая пишущие машинки. И ее просьбу.

— Искать вещи — это не совсем та задача, для которой меня лучше нанимать.

Женщина взяла квадратик марли.

— Но вы способны ее выполнить.

— Да, способен. Но…

Она провела марлевым квадратиком по нижней стороне клавиши «V», удаляя натекший излишек масла.

— Но вы предпочли бы за нее не браться?

Я покрутил пальцами, жестом изображая относительное равнодушие.

— Признаюсь, что чем старше я становлюсь, тем меньше меня интересует работа, которая не представляет сложности. Возвращение потерянной или украденной вещи не представляет особых возможностей для приобретения нового опыта.

Тидзу бросила промасленную марлю на стальной поднос, где более уместно смотрелись бы окровавленные хирургические инструменты.

— Вам будет заплачено по вашему обычному тарифу.

Я сдержался и не ответил, что и не подумал бы работать за оплату меньше моего обычного тарифа. Я давно миновал то время, когда работа по минимальной ставке могла серьезно меня заинтересовать, даже если мне и нравился проект.

Я снова посмотрел на пишущие машинки.

— Есть одна вещь, которую я сам давно хочу приобрести.

Она подняла глаза от своей работы.

— Что же это?

Я кивнул на восток.

— Произведение искусства. Или, точнее, фрагмент произведения искусства.

Тидзу отложила ватную палочку и пальцами в белых перчатках пригласила меня объяснить подробнее.

Я закрыл глаза.

— В сентябре 2007 года в арсенале Седьмого полка в Нью-Йорке дюжина профессиональных мотоциклистов под предводительством Винка-1100[8] расчертили тормозными полосами плоскость выкрашенной черной краской фанеры размером 22 на 38 метров. Черная краска под их колесами стерлась, и из-под нее проявился слой ярко-оранжевой краски в виде линий и загогулин.

Носком ботинка я прочертил длинную арку на блестящем полу.

— В целом это была задумка Аарона Янга, который позднее руководил процессом, когда мистер Винк-1100 самостоятельно украшал это произведение завитками, а также неясно читаемой подписью «А.Я.07».

Я нарисовал ногой загогулину.

— По завершении эту массивную работу должны были разрезать на фрагменты разной величины от довольно мелких, которые можно повесить на стену, до крупных, размером с рекламный щит. Однако случился пожар, который уничтожил практически всю поверхность, оставив кое-что лишь по углам и краям, которые удалось восстановить. Работу тут же признали выдающимся коллекционным предметом, и ее фрагменты расхватали разные магнаты недвижимости, инвестиционные банкиры, рок-звезды и наследники миллионеров в третьем поколении. Неудивительно, что самыми вожделенными фрагментами были те, которые подписал огонь.

Я открыл глаза.

— Один из этих фрагментов поступил в продажу.

Она стащила с левой руки сшитую на заказ четырехпалую перчатку. Пятый палец на всех ее левых перчатках стал лишним еще в далеком прошлом, когда она решила что-то кому-то доказать и отрубила себе мизинец.

Перчатку она отложила в сторону.

— Звучит чудовищно.

Я кивнул:

— Со всей определенностью. Абсолютно.

Она стащила другую перчатку, с традиционным количеством пальцев.

— И цена вам не по карману?

Я покачал головой:

— Дело не в этом. Однако не думайте, что она не высока. Но нет, мне от вас нужен не сам фрагмент.

Я повернулся и посмотрел на юг, где в особенно ясную ночь когда-то можно было увидеть плавно вращающиеся точки света — неторопливые мошки плотного воздушного движения над лос-анджелесским аэропортом.

— Я добиваюсь довольно хороших результатов на местном уровне, но безопасная доставка через всю страну — в лучшем случае операция с сомнительным исходом и убийственно дорогая. — Я снова повернулся к ней. — Я более чем способен понести все расходы, но в таком случае я не желаю доверяться ни одной транспортной службе, кроме самой надежной.

Большой палец на ее левой руке согнулся и через ладонь потер бугорок шрама, где когда-то был ее мизинец. Жест, по всем признакам автоматический, но все-таки, я не сомневался, изначально усвоенный для того, чтобы нервировать. Однако в сферах власти и влияния, где она вращалась теперь, едва ли очень многих могла обескуражить перспектива самоувечья. Мне представилось, что свойственная движению рассчитанная отстраненность использовалась так долго, что эволюционировала и стала обладать той спонтанностью, к которой когда-то только стремилась.

Наблюдение, которое могло привести к моему убийству, если бы я посмел его озвучить. Тидзу не хотела, чтобы кто-то лез в ее психику. Это подразумевало интерес влезающего к тому, почему и зачем она что-то делает. Интерес, который нельзя было счесть полезным. Для заинтересованной стороны.

Она перестала тереть шрам.

— Вы бы хотели получить доступ к моей инфраструктуре.

Если бы мог, я бы поднял руку отрицающим жестом.

— Я хотел бы сделать заказ на доставку. И попросить вас лично проконтролировать выполнение заказа.

Она встала с грацией, как будто от потолка к ее макушке была протянута нить, которая плавно потянула ее вверх и поставила на босые ноги.

— На доставку вашей чудовищной картины?

Я снова посмотрел на окна, на этот раз выходящие на север, там в сгустившихся сумерках пылало неугасимое зарево лесных пожаров над границей Санта-Моники.

— Ей суждено войти в мою апокалиптическую коллекцию.

Она обошла стол, ежик на ее макушке был не выше моего плеча.

— Глядя на этот вид, я не вижу необходимости в такой коллекции.

Я пожал плечами, беспомощный против одного из моих влечений.

— Я не могу не думать, что в ее создании неоспоримо проявился признак близкого конца. Даже если этого не увидели.

Она встала у окна.

— У него есть имя, у этого предвестника?

Я улыбнулся ее отражению.

— «Поздравительная открытка».

Ее губы дернулись и растянулись в улыбку, которую она позволила себе.

— Да. Я могу понять, чем она привлекает.

Я подошел к ней.

— Я так и думал, что вы поймете.

Я смотрел на ее профиль, восхищаясь гладкостью ее лица, более заметной в контрасте с седыми волосами, гладкостью, которая свидетельствовала о долгой бесстрастной жизни; отсутствие морщин говорило, как скрывалась досада, подавлялся смех, разглаживались нахмуренные брови, распрямлялись поджатые губы.

Вызвать улыбку на этом лице было очень приятно.

Поэтому я благодарно склонил голову.

— А вам, леди Тидзу, что вам нужно найти?

Улыбка пропала, и она подняла на меня глаза.

— Какого вы мнения об этих анахронизмах? — Она обернулась к стене с устаревшими машинками. — О моей коллекции.

Я почувствовал пульсацию в толстом комке багровой рубцовой ткани у меня за ухом. Под ним уже несколько десятков лет сидел осколок шрапнели, напоминавший мне о своем присутствии, когда приближались нетипичные изменения в атмосфере.

Я сжал губы.

— Некоторые очень красивы. Другие нет. Меня восхищает полнота коллекции. То, что ни одна машина не кажется более значительной, чем остальные. То, что они расставлены явно с какой-то задумкой. Каков бы ни был принцип, его сразу не видно. Это не эпоха, не страна производства, не цвет, не технические характеристики, не размер, не состояние. Все эти качества распределены произвольно, но не всегда равномерно. Безусловно, там есть равновесие. И порядок. Меня не привлекают эти вещи, но я понимаю потребность иметь такую коллекцию. И я восхищаюсь ею.

Она посмотрела в ночь.

— Пишущие машинки, вокруг которых располагаются

остальные, те отличительные признаки, на которых строится коллекция, — это машинки, на которых самоубийцы отпечатали свои предсмертные записки. И после этого больше ни слова.

Я снова посмотрел на механизмы и в свете нового знания увидел, что некоторые из них были едва заметно акцентированы, увидел кажущуюся дистанцию между ними и окружающими машинками, как будто неодушевленные предметы не хотели приближаться к трагедии и безумию.

Я кивнул и повернулся к ней:

— Ясно.

И снова наклонил голову, как бы ценя доверие, с которым она поделилась со мной этой подробностью.

Ее изувеченная рука приподнялась, отказываясь от моего подношения.

— У этих конкретных машинок бесспорное происхождение. Должно быть. Но в последнее время они уже не так увлекают меня, как раньше. Как будто чувства притупились. И я задумываюсь. О той жажде, которую я испытывала к подобным вещам.

У нее на предплечье несколько раз дернулась мышца, заставляя биться сердце в груди дракона.

— Что может насытить ее?

Она посмотрела на меня; в почти черных глазах отражалась та же кромка огня, что и в горах.

— Внешний жесткий диск. На нем то, что принадлежит мне. Он должен быть мне возвращен. И о нем не должно остаться никакой памяти.

Я поклонился в последний раз, соглашаясь на контракт.

При этом я заметил напряжение в грудино-сосцевидной и трапециевидной мышцах ее шеи, выдававших большое усилие. Я не сомневался, что это усилие сопротивлялось противоположному напряжению, тому самому, от которого ее шея приняла бы недвусмысленное натужное положение, первый внешний признак бессонницы.

Я отвернулся, не желая выдать свое открытие. И таким образом я выдал себе свои же сомнения в том, что успею воспользоваться спрятанным клинком, прежде чем она поймет, что я разглядел ее новую слабость, и высвободит дракона, который, как говорила ее татуировка, сидел под самой ее кожей в нетерпеливом ожидании.

Глава 5

9/7/10

Капитан Бартоломе снова устроил мое задержание. Прислал дедов Хаундза и Клейнера. Они забрали экстази (30 таблеток «бельгийского голубого»), демерол (15 магазинных капсул) и валиум (20 магазинных упаковок) из моего запаса и заменили их на унцию низкосортной мексиканской марихуаны, во всяком случае, так казалось с виду. Капитан считает, что задержания — по-прежнему самый безопасный для нас способ встретиться лицом к лицу. А я думаю, что, если кто-нибудь посмотрит протоколы моих задержаний, это скажет ему слишком много. Меня то и дело забирают и выпускают. И не важно, что в обезьянник меня всегда сажают разные полицейские на разных участках. Любой, кто не поленится заглянуть в папку, сложит два и два. Либо я стукач, либо тайный агент. И так и эдак меня поставят к стенке. Бартоломе говорит, чтоб я не волновался. Мол, никто, кроме других полицейских, не увидит мое досье. А я возражаю, что это меня и беспокоит. Хаундз и Клейнер. Много ли надо, чтобы купить этих двух? Впрочем, нет. Если они оба дорампартовских времен,[9] это еще не делает их продажными. Или не более продажными, чем любой наркоман, выбирающий из запасов дилера что послаще. Но если не они, так кто-нибудь другой. Какому-нибудь другому полицейскому могли заплатить, чтобы тот заглянул в мое досье. Бартоломе говорит, такого не случится. Говорит, что слишком далеко заходить не будет. А я считаю, что уже слишком далеко. Слишком долго. Я слишком долго этим занимаюсь. Пока я сидел и беседовал с ним, я не меньше беспокоился о том, что клиенты разрывают мой телефон, чем о том, чтобы поскорее сказать Роуз, что со мной ничего не случилось. Бартоломе утверждает, что дилеры всегда заставляют клиентов ждать. Что это вроде как «принцип работы». Но он этим не занимается. Люди, к которым он меня подсылает, не привыкли ждать. В этом и был весь смысл того, чтобы я этим занимался. Он говорит, что у меня и так слишком много клиентов. Говорит, что нет смысла задерживать их дольше, чем на пару недель. Говорит, наше дело — не торчков ловить, а искать «дрему». «Если у них нет связи с „дремой“, не отвечай им, и все». Но ведь мне необходимы рекомендации, чтобы найти новых клиентов.

И некоторым из них нужно то, что я им достаю.

Шривар Дхар оставил пять сообщений. Он на последней стадии, мучается, и только шабу не дает ему впасть в состояние

быстрого сна на ходу. Каждый раз, когда он входит в цикл быстрого сна, ему мерещится Каргильская война. Он был офицером во время лобовой атаки на пакистанские позиции, недоступные для гаубиц «бофорс» и авиации. Подъем на пять с половиной тысяч метров, почти 18 градусов мороза, в темноте. Его дом стоит на склоне. Когда у него галлюцинации, он атакует склон, падает на живот и ползет, дрожа и плача. Он говорит, что чувствует, как замерзает. Шабу не дает ему проваливаться в забытье. Он чувствует тело и боль, но говорит, что лучше уж так, чем возвращаться в Каргил.

Бартоломе хочет, чтобы я его сбросил.

Я сказал ему, что Шривар ввел меня в совершенно новый круг богатых кашмирцев с западным образованием. Таких, у кого есть связи, позволяющие контрабандой ввозить «дрему» из Южной Азии. Если я сброшу его, прежде чем он умрет, я оттолкну их всех. Он ничего не ответил. Но больше не настаивал, чтобы я избавился от Шривара. Кроме неупакованных таблеток, которыми можно было заполнить несколько флаконов, до сих пор в больших количествах мы видели только контрабандную подделку. Возможно, и дальше будет тоже по мелочи, так как у «дремы» надежные каналы поставок. Возможно, нет таких продажных типов, которые пытаются залезть в эти поставки. Настолько жадных, чтобы так рисковать. Однажды я высказался в таком духе при Бартоломе. Он не засмеялся вслух, но только потому, что сдержался. «Всегда найдется кто-нибудь достаточно жадный и продажный, если можно наварить эдакие деньги, — сказал он. — Если даже сначала он не жадный и не продажный, деньги его таким сделают». Бартоломе не может себе представить, что нечего задерживать. Что нет никаких крупных партий «дремы». Надеюсь, он ошибается. Но, скорее всего, он прав. Так что мне придется продолжать поиски.

Когда я рассказал ему об убийстве на ферме, он повел себя как-то странно. Как это у него бывает, когда он уставится на меня и стучит по столу, не сводя глаз. Не знаю, то ли это для устрашения, то ли он стучит по столу, потому что не может настучать мне по голове. Это совсем не похоже на то, что бы сделал мой отец, но так же ясно дает понять, что Бартоломе раздражен. Отец бы сидел совершенно неподвижно. Пришлось бы проверить его пульс, чтобы убедиться, что он не умер. Потом он спросил бы что-нибудь вроде «Скажи-ка мне, Паркер, по-твоему, это разумно?»

— Я сдал сочинение о личных качествах и начал готовиться к экзаменам в полицейскую академию.

Долгая неподвижность.

— Скажи-ка мне, Паркер, по-твоему, это разумно?

Короче, когда капитан Бартоломе стучит по столу, у меня возникает такое же чувство, которое возникало, когда отец задавал мне этот вопрос. Чувство, как будто мне нужно либо полностью объясниться, чтобы он понял, либо врезать ему со всей дури. Но Бартоломе не спросил, «разумно» ли это, по-моему, он спросил: «Какая нелегкая тебя туда понесла?»

Он не хотел, чтобы я туда ходил. Пару недель назад велел мне вычеркнуть их из списка клиентов.

Сказал, что у них «не тот уровень» и они не могут быть связаны с «дремой». Я пытался объяснить ему, что у них не только еще какой уровень, но и естественные связи с людьми всех социальных классов.

До меня не сразу это дошло. Сначала Бини был просто клиентом, пока я еще создавал свою легенду и распространял медицинскую марихуану, но именно он заставил меня увидеть потенциал, а потом он привел меня на фарм.

Сейчас люди не выходят из дома. Бензин стоит слишком дорого, чтобы ехать куда-то, куда ехать не обязательно. Да и вообще выходить наружу становится все страшнее и страшнее. У серверов, на которых в основном держится Интернет, есть резервные источники питания на случай непредвиденных ситуаций. Даже если вырубится местный интернет-провайдер или электричество, сам Интернет никуда не денется. Так же как и игры. И эти люди пользуются игровой средой не только для обычного развлечения, они пользуются ею в социальном смысле. Родственники с противоположных побережий не могут позволить себе прилететь или приехать, чтобы повидаться друг с другом, и кто знает, что станет с телефонными компаниями, но онлайновый виртуальный мир типа «Бездны Приливов» останется. И чем больше времени люди проводят в этом мире, тем больше они проникаются им. Спрос на игровые артефакты, золото, персонажей высокого уровня очень большой. Реальная рыночная ценность виртуальных денег, вещей и людей растет тем выше, чем больше барахтается фондовый рынок. Теперь торгуют золотыми фьючерсами «Бездны». Фармеры, которые дни напролет рубят орков и зомби и собирают сокровища, пока не соберут достаточно, чтобы выставить их на рынок, накапливают почти такое же состояние в валюте реального мира. Как правило, в долларах. На данный момент евро и юани слабее против доллара, чем золото «Бездны».

В «Бездне» не важно, откуда ты и чего ты стоишь. В виртуальном мире нет классовых различий. Призрачный Рыцарь сотого уровня — продавец из местного продуктового

магазинчика. Каменный Друид второго уровня — твой начальник. И у них есть место для взаимодействия, без которого они не встретились бы.

И все они обращаются к фермерам типа Хайдо и его ребят за тем, что им нужно.

Играют и неспящие. Неспящие играют больше, чем кто-либо другой. Двадцать четыре часа в сутки они могут находиться в виртуальном мире, и им не надоест. Полная бессонница становится преимуществом.

Роуз тоже играет. Ей и раньше нравились некоторые элементы игры. Те, которые были связаны с ее работой. Например, графика, хитрые сложности творения мира. Ее первый реальный хит — видеоклип, который она сделала для «Ган мьюзик», в нем все было о том, как группа уходит в игру. Но теперь она играет по-настоящему. Когда она не может как следует сосредоточиться на работе. А это теперь бывает практически всегда. По ее словам, у нее возникает чувство, будто она делает что-то реальное.

«Бездна Приливов».

Идеальное место, чтобы найти того, кто связан с «дремой».

Но капитан Бартоломе сидел и стучал по столу. Он спросил:

— Какая нелегкая тебя туда понесла?

Он велел мне держаться от них подальше. Сказал:

— Убийства — это не твое.

Я кивнул.

И я не сказал ему, что до этого Бини упомянул, что Хайдо Чанг может знать того чувака.

Если бы я хоть немного поспал, наверное, я сказал бы ему. С ясной головой я бы сделал то, что делаю всегда, представил бы полный и законченный доклад. Но я устал. Я могу спать, но у меня не получается.

Какая ирония жизни, да? По-моему, да. То есть я знаю, что да. Я думаю. Роуз могла бы мне сказать.

Роуз.

После оформления моих бумаг капитан Бартоломе надел на меня наручники и отвел к своей машине без опознавательных знаков. Снова рассвет. Меня продержали всю ночь.

Он повез меня назад через блокпост. С западной стороны выстраивалась автоколонна национальной гвардии, готовясь к патрулю с демонстрацией силы. В качестве одной из реакций на теракты. Мы проехали мимо танков и армейских вездеходов, контингента «Тысячи журавлей», и мы оба не сказали ни слова. Когда мы проехали мимо всех, капитан остановился у тротуара, освободил мне руки и довез до моей машины.

Она стояла на месте. И это неудивительно. Машины уже не угоняют. Но никто и не забрал бензин. Бартоломе подождал, пока я сяду в машину, убедился, что она завелась, потом высунул голову в открытое окно и снова сказал мне: «Это не твое. Держись подальше».

Я должен был тогда же сказать ему про внешний диск. Но он не хочет идти за расследованием туда, куда оно ведет. Он хочет идти только туда, где «крупные партии». Я не знаю, туда ли ведут убийства на ферме. И это не имеет значения.

Да, мое дело — «дрема», но Хайдо и его ребят убили во время расследования моего дела. И я не обязан объяснять Бартоломе или кому бы то ни было, почему это так, а не иначе. Просто это так.

Я позвонил Роуз. Она ответила через полгудка. Я сказал, что у меня все в порядке. Сказал, что всю ночь простоял в пробке, что из-за отключения энергии не работали вышки сотовой связи, и я не мог позвонить. Она сказала, что не спала всю ночь. И засмеялась своей шутке. Таким смехом, которым она смеется, когда знает, что никто, кроме нее, не понимает юмора. Я спросил про малышку, но это было не обязательно. Я слышал, как она плачет в трубке. Роуз сказала, что она только что расплакалась, а до этого несколько часов лежала тихо. Что она «спала как ангел».

Я понял, что она врет. Роуз никогда не говорит таких слов, вроде «спала как ангел». Роуз говорит слова вроде «она вырубилась, как пьяный матрос на берегу, после того как оттрахал всех шлюх в борделе». Но она уже целую вечность не говорила ничего подобного. С того самого раза, когда мы в последний раз были уверены, что малышка спала.

Я сказал ей, что люблю ее и буду дома через пару часов. Потом я поехал к Шривару Дхару и дал ему одного из драконов из моего тайника. Чтобы он не возвращался в Каргил. Где еще хуже, чем здесь.

Парк со своей семьей жил в Калвер-Сити, в доме, проданном потому, что прежний хозяин не смог за него расплатиться. Первое время Парк мало что еще мог сказать о доме. Каждый раз, подъезжая к пожухлой без поливки лужайке перед домом, под стать всем остальным лужайкам, он чувствовал налет чужой неудачи.

Сначала он не хотел делать эту покупку, но Роуз была беременна и мечтала иметь свой дом, и она с первого взгляда влюбилась в него. Как только Парк увидел, как Роуз с большим животом стоит у кухонного окна и, улыбаясь, глядит во двор, пока еще заросший деревьями, ему не осталось ничего иного,

кроме как ввязаться в унылые пререкания с продавцом. Казалось, что оба они торопятся согласиться с требованиями друг друга.

Теперь же он не мог отделить этот дом от самого себя. Дом, где родилась его дочь на их кровати, накрытой старыми больничными простынями. Дом, где впервые проявилась болезнь его жены, где она начала медленно разрушаться, теряя оболочки, постепенно обнажаясь перед ним до тонкого слоя страха, гнева и желания.

Стоя за машиной, он смотрел, как двое мальчишек из дома, расположенного выше по улице, забрались со своими скейтбордами на скат, который сами сделали из кирпичей и листов фанеры. Они съезжали со ската и переворачивали скейты в воздухе ногами, при этом приземляясь на четвереньки так же часто, как и на колеса. Один из них заметил, что Парк наблюдает за ними, и помахал ему. Парк помахал в ответ, потом взял из машины пистолет, отцовские часы, внешний диск, наркотики и вошел в дом, где услышал, как хнычет дочка.

Девочка лежала на спине посреди гостиной, на полу, распластавшись на игровом коврике, молотя руками и ногами по висящим над ней игрушкам и погремушкам. Парк захлопнул за собой дверь с проволочной сеткой. Прохладный утренний воздух с океана уже накалился, и тоненький предвестник ветра Санта-Ана змеился в открытые окна и двери, метя пыль из угла в угол по деревянным полам.

Парк опустился на колени рядом с малышкой, позвал ее по имени, загугукал и поймал ее взгляд. Всего лишь несколько недель назад ее лицо осветилось бы широкой улыбкой при виде его, но это было в то время, когда она еще спала, до того, как она начала плакать. Он позвал Роуз по имени, подождал и позвал еще раз.

Он знал, что отсутствие ответа ничего не значит, но все-таки пошел через дом, замирая от ужаса.

И нашел ее в отдельном гараже, который они переделали в рабочий кабинет. Роуз сидела за компьютером, ее глаза стреляли взад-вперед между тремя соединенными широкоэкранными мониторами, на которых повторялся один и тот же зацикленный отрывок из старого черно-белого мультфильма, где скелеты с болтающимися костями отплясывали на кладбище.

Сначала ему показалось, что она опять ушла в «Бездну», но потом он заметил двумерное искусство ручной анимации.

— Роуз.

При звуке своего имени жена чуть приподняла лицо, не отводя глаз от экранов.

— Привет, милый. Который?

Парк подошел ближе.

— Который?

Ее палец оторвался от беспроводной мыши.

— Который тебе больше нравится? Я весь день сижу над ними, пытаюсь отловить последовательность, которая длится ровно три чертовы секунды, чтобы вставить ее в припев нового трека «Эдисонз элефант», когда у них там такой олд-скульный скрэтч.[10] Вот видишь, они взяли сэмпл со старой пластинки Патни Дандриджа «Скелеты в шкафу», и я подумала, что было бы круто использовать этот кусочек из диснеевских «Наивных симфоний». «Танец скелетов», да? Никто, конечно, не поймет, что это за сэмпл; но будет типа подсознательный намек. Только в оригинале никак не находятся три секунды, которые подошли бы как есть. Я все режу и режу кадры, но никак не могу сохранить эту потрясающую плавность целлулоидной анимации. Вот эти три — это лучшие, которые я нашла. Я все глаза сломала себе, никак не могу выбрать, какой лучше подойдет для видео. И где мой на фиг поцелуй?

Парк наклонился и поцеловал ее. У обоих были сухие и потрескавшиеся губы.

Роуз отодвинулась.

— Ты что, сдурел, Парк?

Она уставилась на пистолет, который он еще не выпустил из руки.

— Ты же знаешь, я не хочу, чтобы в нашем доме была эта дрянь. Трудно, что ли, оставить его на твоем паршивом участке?

Парк пристегнул кобуру с пистолетом к ремню на пояснице, где его было не видно.

— Роуз.

Жена опять вперилась в экраны.

— Да, что? Я тут пытаюсь работать, милый.

— Малышка плачет.

— Что?

— Малышка.

Ее палец щелкнул мышью, изображение на одном из экранов замерло, она подвинула зеленый бегунок внизу на долю миллиметра влево и отпустила кнопку, и скелеты снова заплясали для нее.

Она подняла на него глаза.

— О чем это ты?

Парк коснулся ее макушки, где вдоль пробора посередине пробивалась седина.

— Малышка, Роуз; она плачет. Она одна в доме, она плачет.

Когда лицо жены изменилось, это было похоже не столько на

приподнятую вуаль, сколько на ныряльщика, который вынырнул на секунду, почувствовав, что не хватает кислорода, и после короткой передышки его снова утащило вниз.

Парк смотрел, как память жены погружается и ее настоящее «я» всплывает на поверхность.

— Малышка. Господи. Черт. Давно? Черт, Парк, сколько ты еще собирался торчать со мной?

Роуз вскочила со своего монтажерского кресла, которое закрутилось на месте, и пошла к двери.

— Она плакала, когда ты вернулся? Я хочу сказать, почему ты не взял ее на руки, черт тебя побери?

— У меня пистолет.

Жена остановилась у двери.

— Ну конечно, у тебя пистолет. То есть, ну конечно, ты не можешь взять на руки плачущую дочь, потому что у тебя в руках пистолет.

— Я не люблю оставлять его нигде, кроме сейфа. И я не беру ее на руки, когда он при мне.

Жена повернулась.

— Тогда убери его. Выкинь свой чертов пистолет и брось свою чертову работу, возвращайся домой и будь со своей дочерью, пока весь мир к чертям не взорвется и ее уже не будет у тебя, скотина ты безмозглая!

Парк ждал и смотрел, как она начинает осознавать происходящее, он жалел, что не может остановить это, хотя бы еще на немного продлить ее гнев, если он не в силах унять ее раскаяние, которое всегда следовало после гнева.

Она ударила себя по лбу кулаками.

— Черт, черт, черт, милый. Я же… Я не… Ты же знаешь, что я не… Я просто…

Уперлась ладонями в глаза.

— Я так устала.

Парк подошел к ней, отвел ее руки вниз.

— Я знаю. Все хорошо. Я тебя люблю. Все не важно.

— Нет, важно, важно. Вот это, и все равно так трудно, и я… Черт.

Он покачал головой:

— Роуз. Это не важно. Я не обиделся. Правда.

Ее голова повернулась на плач дочери, доносившийся из дома за маленьким двориком.

— Я просто… Если бы могли провести немного времени, мы вдвоем.

Он кивнул:

— Конечно. Я постараюсь освободить ночь. Я просто так и

сделаю, освобожу одну ночь. Франсин может побыть дома с ребенком. А мы куда-нибудь съездим на ночь.

Она выплывала из двери.

— Да. Это было бы… Я пойду проверю ее. Она… Я люблю тебя, милый.

— И я тебя люблю.

Роуз выскользнула, Парк стоял у двери кабинета, слушая, как она заходит в дом.

— Эй, малышка, милая моя, мамочка здесь. Я знаю, я знаю, ты права, да, я бросила тебя одну, я знаю. Прости меня. Мамочка виновата. Я виновата. Но знаешь что? Вот я пришла. Ага, это же я. Прямо здесь. И я люблю тебя. Люблю, люблю. Иди ко мне, иди, я с тобой, детка, я с тобой.

Перед тем как выйти из кабинета, Парк взглянул на мониторы и не увидел ни малейшей разницы в трех плясках скелетов.

Он пересек сухой двор, вернулся в дом.

В спальне, где они с Роуз когда-то спали вместе, еще до того, как она полностью лишилась сна, Парк вошел в шкаф-гардеробную, достал из кармана ключ, вставил его в замок сейфа «Пэтриот», расположенного на полке над вешалками, набрал серию цифр на клавиатуре, повернул ключ и открыл дверцу. Внутри лежали стопка документов, свидетельства о рождении, паспорта, разрешение на брак и разные финансовые бумаги, которые еще могли иметь какую-то остаточную ценность, а также «Вартхог-РХТ» 45-го калибра, который служил дублером для «вальтера», боеприпасы и дополнительные обоймы для обоих пистолетов, брошь из слоновой кости, которая раньше принадлежала матери Парка, четыре целлофановых свертка золотых крюгеррандов в тройскую унцию, флешка на четыре гига, где хранились все его отчеты по теперешнему заданию, и его запас товара в пакетиках, флаконах и бутылочках.

Наркотики, которые он взял из машины, лежали в выцветшей холщовой инженерной сумке грязновато-оливкового цвета, которую Роуз купила для него в армейском магазине на Телеграф-авеню, когда он переехал в Беркли, чтобы жить с ней после получения докторской степени. Он всегда жаловался, что в обычной курьерской сумке или рюкзаке недостаточно карманов, чтобы пристроить все его ручки, карандаши, студенческие рефераты, зачетные книжки, мобильный телефон, зарядник, ноутбук, запасной аккумулятор, разные диски, айпод, наушники, обед и всякое прочее. Теперь в карманах сумки он пристраивал экстази, кетамин, фокси-метокси, разные виды героина, крэк, амфетамин и порошковый кокаин, жидкий ЛСД, квадратики

темно-шоколадного гашиша, клейкие почки медицинской марихуаны, декстроамфетамин, бензилпиперазин, аддералл, риталин и два оставшихся дракона шабу, бережно завернутые в салфетки, так что они были похожи на оригами.

Парку нужно было записать свои запасы. Прошло больше двух полных круглосуточных циклов, почти три, с тех пор как он последний раз их записывал. У него в записях значилось многое из того, что он продал и купил, но так же, как в колледже и академии, он полагался на свою исключительную память и запоминал подробности, которые не имел возможности сразу записать на бумаге или диктофоне. Однако память начала фрагментироваться.

Нет, не начала; этот процесс уже давно был в разгаре.

Он не имел права допустить извращения фактов. Когда наступит время производить аресты, предъявлять обвинения, вызывать свидетелей, осуществлять правосудие, ему понадобятся точные сведения.

Имена, даты, количества. Совершенные преступления.

Возможно, капитан Бартоломе не видит ничего, кроме «дремы», но Парк не умел подходить к своей работе с «туннельным» зрением.

Он должен записать. Но он слишком устал.

И время, когда он мог выспаться, пролетело мимо, как будто он находился в заданном месте земного шара и ожидал идеального выравнивания с небесами, которое позволит ему подняться на орбиту, и, пропустив это окно, теперь был вынужден ждать, пока Земля снова не совершит полный оборот.

Парк сунул сумку на нижнюю полку сейфа. Снял обойму с «вальтера» и положил ее и пистолет рядом с «вартхогом». Обмотал флешку проводом, закрыл сейф и запер.

Пистолет спрятан. От всех, кто может им воспользоваться. В отчаянии.

Он подавил эту мысль. В доме хватало вариантов покончить с жизнью, если Роуз когда-нибудь решит, что с нее довольно. Запирая, он устранял только два из них.

Во всяком случае, это был не лучший способ защитить ее. Или ребенка. Лучший способ защитить их — делать то, что он делает. Этот похороненный мир, спрятанный, замерзший под внешним безумием, он должен был найти его, отрыть и сбить весь лед, чтобы мир освободился.

Парк прошел мимо гостиной, где Роуз кормила ребенка из бутылочки, потому что ее молоко пропало через несколько первых дней бессонницы, и не остановился, как бывало, полюбоваться на них. На их невероятность. На двоих людей,

полностью принадлежащих ему, чтобы он их любил.

Вернувшись в кабинет, он выключил мониторы жены, спрятав скелеты, хотя и знал, что они продолжают невидимо танцевать; дотронулся до кнопки включения своего ноутбука «Гейтуэй», достал внешний диск с наклейкой биологической опасности из кармана штанов и воткнул USB-кабель.

И стал смотреть, как мир Хайдо возникает у него на рабочем столе.

Снизу экрана наползал нездоровый светящийся зеленый туман, стирая знакомые Парку обои в виде коллажа из фотографий ребенка, который составила для него Роуз, и рассыпанные иконки, и по мере того, как он поднимался вверх, под ним открывалась гиперреалистичная свалка ржавого металлолома.

Автобойня где-то в Сан-Бернардино или Внутренней империи, которую Хайдо переделал в виде HDR-фотографии. Составленная на компьютере из одного и того же изображения с разной экспозицией, поскольку HDR-фотография была главной страстью Хайдо Чанга после игр, наркотиков, денег и женщин. Тем, о чем он говорил как о своем высшем призвании.

Двор автобойни на экране Парка с двойными рядами расплющенных машин в середине, сложенных штабелями по десять штук, под небом, искаженным перьями быстро бегущих облаков и буйной умброй южнокалифорнийского апокалиптического заката. Такой эта фотография могла присниться Ван Гогу. Густые мазки цвета лежали слоями с такой глубиной и рельефом, что казалось, будто, если провести кончиками пальцев по экрану, можно почувствовать неровности и впадины.

Взгляд Парка выхватил щит скоростного шоссе за высокой оградой двора из колючей проволоки. На щите был не указатель на ближайший съезд с автострады, а список HDR-форумов и фотобанков. Парк провел пальцем по сенсорной панели ноутбука, глядя, как курсор превращается в стрелку, потом в указующий перст и обратно. Его зрение приспособилось замечать мелкие детали, он стал различать помятые регистрационные таблички, где буквенно-цифровые номера были заменены на какие-то привычные названия: Google, eBay, Firefox, Pornocopeia, YouTube, Facebook, Trash. А некоторые на не слишком привычные: modblog, tindersnakes, felonyfights, shineyknifecut, riotclitshave.

Внешний диск был для Хайдо не просто дополнительным хранилищем, где он держал и защищал деликатную и ценную информацию вне локальной сети голдфарма, соединенной с Интернетом, он был клоном личного компьютера Хайдо.

Зеркалом десктоповой мифологии мертвеца.

Парк водил курсором по экрану, глядя, как он погружает иконки на облупленных автомобильных наклейках, на заляпанных маслом рекламных листках на стенах офисной хибары, самолете, безголовом уличном фонаре. За ними всеми прятался либо домен, либо файл, который раскрывался, когда по ним проходил курсор, превращавшийся в руку. А потом он пересек почерневшую решетку из проржавленного железа, которая торчала из разрисованного граффити бетонного куба. Сами рисунки на удивление не ожили от прикосновения курсора, но на решетке он трансформировался в руку, однако то, что скрывалось за ней, не открылось.

Парк дважды щелкнул. Появилось окошко с запросом пароля.

Он поклевал клавиши указательными пальцами: XORLAR.

И папка открылась, мигнув, такая папка, которую можно найти в компьютере у любого бухгалтера, наполненная экселевскими таблицами.

Каждая помечена именем. Имя, фамилия, первая буква второго имени.

Парк провел пальцем вниз по тонкой черной линии вдоль правого края сенсорной панели, глядя, как пиктограммы плывут вверх по экрану и останавливаются. Потом мигнул, отвечая на какой-то подсознательный импульс, и медленно повел пальцем по второй линии, теперь пиктограммы покатились вниз, его глаза просматривали их слева направо, и тогда он поднял палец от панели: АФРОНЗО, ПАРСИФАЛЬ, К., МЛ.

В 2007 году шанс заболеть фатальной семейной бессонницей составлял один к тридцати миллионам.

До того момента все без исключения случаи фатальной бессонницы ограничивались примерно сорока семейными родами, в большинстве своем итальянскими. И вдруг, совершенно неожиданно, в начале 2008 года ситуация изменилась. Болезнь, которая, как считалось, содержится исключительно в участке генетического кода, наследственная белковая мутация, когда аспарагиновая кислота заменяется на аспарагин в кодоне 178, а в кодоне 129 присутствует метионин, необъяснимым образом сбежала с корабля на берег.

Когда обнаружились первые странные случаи, сначала, и вполне разумно, предположили, что, видимо, пациенты, к своему несчастью, были дальними родственниками одной из семей, наследующих фатальную бессонницу. Тот факт, что количество новых случаев убедительно опровергало эту вероятность и делало ее смехотворной, старательно замалчивали.

А потом появились новые случаи.

Во всех концах света появлялось все больше людей со спотыкающейся походкой, с напряженно застывшими шеями, испариной, булавочными зрачками сощуренных глаз. Их было столько и в таких разных местах, что с семейной бессонницы пришлось полностью снять подозрения относительно ее возможного участия в этой загадке, и тогда истинный виновник был схвачен с поличным.

Коровье бешенство.

Или, более прозаически, губчатая энцефалопатия крупного рогатого скота. Выяснилось, что большое количество людей подверглось этому заболеванию в результате глобального распространения американских сетей ресторанов быстрого питания и растущей популярности гамбургера.

Виновность ГЭКРС, уже хорошо известного прионного заболевания, схожего с семейной бессонницей, была очевидной. Правда, это была какая-то новая мутация ГЭКРС, заразность которой почти оправдывала худшие опасения, бытовавшие относительно самого коровьего бешенства, но наверняка связанная с ним.

Как было утешительно узнать, что именно убивает людей, лишая их сна. Знать, каким именем назвать воплощенное страдание. Знать, что мутировавшие прионы ГЭКРС, простые белки, неправильно свернутые в такой зловещей и гибельной форме, что они разносили свою конфигурацию по всем здоровым белкам, с которыми соприкасались, возникли из-за поедания роял гамбургеров.

То, что некоторые зараженные были заклятыми вегетарианцами и сыроедами, не мешало этой теории, и в воздухе скоро запахло жареным. Волосатым, навозным, жареным шашлыком.

Организация «Люди за этичное обращение с животными» и Общество по предотвращению жестокого обращения с животными подали протесты в соответствующие органы, но публика была настроена против них. Однако это не значит, что у них не было союзников. Объединение борцов за права животных с Ассоциацией скотоводов стало одним из самых нелепых альянсов, которые предвозвещали быстрое превращение мира в картину, все меньше напоминавшую Дали и все больше Иеронима Босха. О чем свидетельствовали обширные стада скота, расстрелянные пулеметами с вертолетов, залитые напалмом и подожженные. Коровий ад, в котором не все животные были мертвы. Прошу представить себе раненую корову, которая бежит в огне.

И насколько все были шокированы, когда оказалось, что в

иссеченном мозгу жертв не обнаружилось никакой губчатой энцефалопатии.

Но овцеводы и куроводы неплохо нажились.

На этот факт указали некоторые из самых ярких телекомментаторов кабельного телевидения, когда те начали пухнуть от денег. Разумеется, факт конспирологический. В общем, их не приняли всерьез. Во всяком случае, никто, кроме скотоводов. Но, по правде говоря, когда проявляются признаки смертельной пандемии, далеко ли нужно идти, чтобы найти заговор?

Очевидно, что тут потрудились террористы.

Какие именно, вопрос отвлеченный. Вспышка никогда еще не виданной прионной болезни, одновременно поразившей весь мир? Можно ли сомневаться, с чем мы имеем дело? Нет, нельзя; террористы не дремлют. Практически все страны мира довольно быстро согласились насчет этого и вместе стали указывать друг на друга пальцем, а то и чем-нибудь более смертоносным.

И может быть, все они были правы.

Новая вирусная губчатая энцефалопатия со всеми симптомами фатальной семейной бессонницы. Возможно, она родилась в лаборатории. Искусственно взращенная бесконечными манипуляциями. Прикладная нуклеация, создание самоорганизующихся систем, сконструированный материал, который оттачивался, пока не была найдена особая причудливая форма, форма бессонницы.

Форма неспящего приона — НСП, как его назвали, — в изолированном и изобличенном виде. Эта форма стала всем знакома. Она участвовала в качестве иллюстрации к любому репортажу вечерних новостей, если он имел отношение к НСП. То есть практически ежевечерне. Что не имело отношения к НСП?

Знак на плакатах протестующих. За. Против. Даешь. Долой. Применять по мере надобности. Добавлять по вкусу.

Картинка на футболках в бесконечных вариациях. Скрученная и вытянутая для банки кока-колы. Затупленная и оквадраченная для логотипа MTV. Каллиграфически учетверенная над горящим «Гинденбургом» в качестве тупого жеста почитания «Лед зеппелин».

Нескончаемые граффити. Черные выплески краски по краям — рисовали по трафарету. Вырезанные части в виде негатива для любой поверхности. Напоминающие, с какой-то непонятной пронзительностью, такой же нарисованный спреем портрет Андре Гиганта.[11] Видимо, они резонировали с призраком его неминуемой смерти, тоже вызванной загадочной мутацией. Татуированные знаки отличия повышенно вирулентного штамма

ультранационалистического фашизма, который возникал в разных местах мира примерно так же, как и сама болезнь. Спонтанно и беспричинно.

Написанное краской слово на дверях домов, сообщающее оперативным группам, что внутри их ждет работа — обезглавить трупы, чтобы срезы их мозгов внести в реестр Центра по контролю и профилактике заболеваемости, а тела бросить в погребальный костер.

Одинокий символ тысячи записок о самоубийстве.

Замена числа зверя в словаре Армагеддона.

Сколько смысла и поэзии в одной закорючке ткани.

И наконец, она появилась в немного, но многозначительно измененной форме: сломанная надвое, проколотая, в коротком рекламном мультфильме, с химической формулой DR33M3R.

Можно представить себе, как форма неспящего приона отражается в глазах менеджеров по продажам, как она раскалывается, словно пиньята,[12] и долларовые знаки сыплются из нее и валятся кучей на землю.

Эти доллары не успели подобрать. Когда прошли слухи, что найдено средство от НСП, иммунизация, бальзам, воскресающий мертвых, народ пошел штурмовать лаборатории, где совершенствовали лекарство, офис, где его упаковка испытывалась на фокус-группе, фабрики, оборудуемые под производство.

Кровопролитие удалось свести к минимуму. У военных и полиции к тому времени уже был почти год опыта по укрощению безумия толпы. У них на вооружении были привычные пожарные шланги, электрошокеры, слезоточивый газ, резиновые пули и дубинки для уличных беспорядков, усиленные детищами Агентства по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам, такими как микроволновые излучатели, вызывающие тошноту световые сигналы и фокусирующие громкость звуковые проекторы, от которых буквально с дребезгом вываливались металлические зубные пломбы.

Лаборатории, офисы и фабрики выдержали нападение. И дело прояснилось. Не было никакого средства, панацеи. Только облегчение. Для страдающих миллионов лишь временное облегчение.

Шанс увидеть сны. Не более того. Химическая вилка, вставленная в закороченные розетки мозга, заплатка, дающая неспящим возможность уснуть и видеть сны. Облегчение мук, но смерть по-прежнему представлялась неминуемой. Раз, кроме пули, никаких других средств не оставалось, потянулись руки,

сложенные горсточкой ладони. Мечты о сне.

Сны о «дреме».

Химическая спица, чтобы связать распущенный клубок заботы.

Только на всех не хватит.

«Дремы» не хватит на всех. Не хватит, чтобы принести покой всем матерям, отцам, братьям, сестрам, дочерям, сыновьям, тетям, дядям, родственникам, друзьям. Жажда сна, всемирный голод и только один способ утолить всеобщий аппетит.

Так что доллары полились дождем. Если бы на год-два раньше, дождь полился бы из евро и юаней. Но первая истерия из-за НСП прикончила Европейский союз и мощь его объединенной экономики. Как только Италию посадили на карантин в качестве подозреваемого эпицентра болезни, хватило месяца без малого, чтобы все страны Евросоюза наглухо заперли границы. Торговля и туризм пришли в упадок, ксенофобия и национализм расцвели буйным цветом, и фунты, лиры, франки, дойчмарки и разнообразные другие затейливые раритеты вскоре были откопаны из-под камней в садах и снова введены в обращение. Что касается Китая, то мир увидел, хороша ли инфраструктура в стране дракона, когда в 2008 году землю затрясло. Десятки миллионов неспящих, выбывших из трудовых ресурсов и обременивших систему национального здравоохранения, плюс фактический конец экономической глобализации и сокращение спроса на дешевые товары сглазили китайское чудо. Двигатель экономики Китая затрясся, накренился и рухнул на землю, а за ним скоро последовали слитые в единое целое заводы промышленных городов, таких как Шэнь-чжэнь, когда горожане разбежались по деревням, убегая от чумы, бросая дома и дороги, которые пришли в негодность за считаные месяцы. Когда ударила великая засуха и стерла с лица земли рисовые посевы, это уже был почти необязательный форшлаг к коллапсу.

Доллар янки снова правил бал.

Объединенная тяжесть фиаско на ипотечном рынке, рухнувших инвестиционных и коммерческих банков, замороженных кредитов и пожирающих ВВП военных приключений в Ираке, Иране и Афганистане, конечно, ранили зверя, но как только США де-факто объявили дефолт, отказавшись платить международным кредиторам, они с ревом вернулись к жизни.

Дороги и мосты разрушались, водные пути высыхали и забивались мусором, леса горели, переход к государственной системе здравоохранения, совершенный в последний момент, внушал византийский ужас миллионам, оказавшимся в его

когтях, электроэнергия регулярно отключалась, бензин угрожал превратиться в предмет роскоши, и не всегда можно было рассчитывать, что в местный супермаркет на этой неделе завезут туалетную бумагу, но уровень жизни в США и прежде был настолько выше, чем в большинстве стран остального мира, что у них оставалось довольно места, чтобы падать, прежде чем окончательно рухнуть на землю. Глобальный дефицит продовольствия мог бы сильнее ударить по США из-за умерщвления коров, но был несколько нейтрализован, так как кукурузу, которая шла в корм основному поголовью, направили на пропитание людей. Кукуруза, которую биоинженерия давно уже сделала устойчивой к вредителям и засухе, стала новым главным продуктом Америки, как и всего мира; просто у нас его было больше.

Свободная от иллюзии, что ее долги когда-то могут быть выплачены, Америка снова была богата. Да, она втянула голову и лапы, как ошипованная черепаха в щетине межконтинентальных баллистических ракет, экспедиционных войск, устанавливающих огневые мешки вокруг нефтяных месторождений в Ираке, Венесуэле и Бразилии, но все же, так или иначе, она была источником сна.

«Дремы», опоры новой мировой экономики.

Ходили слухи.

Кое-кто считал странным, что столь специфический препарат, как DR33M3R, находился на такой продвинутой стадии разработки к моменту, когда неспящий прион атаковал. В конце концов, с какой стати кто-то мог предугадать потребность в искусственном гормоне, который даже в самом поврежденном мозгу, искалеченном амилоидными бляшками и усеянном звездочками астроцитов, мог пробуждать долгие, накатывающие дельта-волны, способные убаюкать вспышки быстрой фазы сна?

Не обошлось без закрытых слушаний в конгрессе. И как говорили, на все вопросы был получен ответ. Или, во всяком случае, на все заданные вопросы. Каковы бы ни были эти вопросы. В любом случае, когда раскрылись двери, держатели патента на «дрему» вышли с улыбками на лице.

А почему нет? Может быть, миру и наступил конец, но у «Афронзо — Нью дей фарм» было то, чего хотели все, пока шли конечные титры. Это светилось в улыбке на лице Парсифаля К. Афронзо-старшего, пока он читал подготовленное заявление: «Наступил рассвет нового дня».

И Парк в тот месяц, когда вероятность заразиться НСП выросла до одного шанса из десяти, видя имя «Афронзо, Парсифаль, К., мл.» на экране своего компьютера, подумал о том,

что тогда сказал Бини, что Хайдо знает «того чувака». Парк открыл файл, развернул таблицу с ячейками, наполненную длинными рядами цифр. Они затронули какую-то смутно знакомую струну, но не родили никакого смысла. Он слушал эту струну и думал, что, может быть, слышит треск льда, намерзшего вокруг мира. И он не знал, что это за звук: разлома, возвещающего оттепель, или нового намерзающего слоя.

Глава 6

Мой взгляд, брошенный предыдущим вечером из северной башни Сенчери в сторону аэропорта, оказалось, был пророческим. В то время как запрос национальной гвардии на непосредственную авиационную поддержку для операции восточнее шоссе I-5 требовал перераспределения ресурсов, рассвет застал меня на одном из вертолетов «Тысячи журавлей». Он летел на высоте, которая, дай бог, сделает нас недоступными для жителей Креншо, на случай если им придёт в голову поразвлечься, стреляя наугад, пока мы пересекаем их воздушное пространство при заходе на посадку. Нельзя сказать, что риск был очень велик. Да, некоторая доля армейских боеприпасов нашла дорогу в этот район, но достоверно подтверждена была только стрельба из пары «стингеров» и ракетных комплексов класса «земля-воздух». И только одна цель была поражена.

Пока вертолет менял направление над южным Вермонтом, я видел поверх плеча воздушного стрелка у двери и пулемета M60D в его руках перевооруженную территорию Христианского центра Креншо, знак поперек парковки, провозглашавший, что здесь по-прежнему «КУПОЛ ВЕРЫ», хотя больше половины этого купола было выворочено огнем во время налета тактической группы Бюро по контролю над алкоголем, табаком, огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами.

Правда, мне говорили, что вера, как и надежда, умирает последней. Так почему же не ее купол?

Потом мы снижались над состоявшим из лачуг, расползшимся поселком, который занимал окружавшие аэропорт участки долговременной парковки. Здесь жили бежавшие от повстанческих отрядов в Инглвуде.

Во время снижения над лабиринтом противопожарных колодцев в наушниках раздался голос пилота вертолета, говорившего с французским акцентом:

— Я летал на «Белле», когда работал с «Врачами без границ» в 2007 году. В Дарфуре. Еще до окончательного геноцида.

Он предоставил стрелку и мне самим догадываться, почему он счел нужным нарушить молчание этим фрагментом биографии.

На земле, сняв наушники и задержавшись на секунду, чтобы взъерошить волосы и придать им хоть какую-то форму, я нацепил мои винтажные очки «Данхилл-6011» и наклонился к летчику:

— Я буду отсутствовать не меньше двух часов.

Пилот продолжал щелкать выключателями, завершая

отключение.

— Для разрешения на взлет нам нужно уведомить за полчаса.

Сознаюсь, брови у меня выползли за пределы огромных стекол моих очков.

— Полчаса?

Он ткнул пальцем в небо.

— Сейчас не то, что было раньше. Летают. Нужно уведомить за полчаса, потом можно двигаться.

Пилот показал в направлении реквизированной министерством обороны США южной ВПП аэропорта.

— Если только эти хреновы военные не закроют воздушное пространство. Тогда… — Он повернул палец к земле. — Тогда будем ползти.

— Даже «Тысяча журавлей»?

Летчик пожал плечами:

— «Тысяча журавлей» доставляет оружие, но Пентагон оплачивает счета Когда они велят, все птицы превращаются в додо, и мы тоже. Иначе… — Он изобразил пальцами нацеленные в небо ракеты. — Стреляют первыми, без предупреждения. — Пилот наклонил голову на восток. — Тот рейс «Эйр Индия», говорят, их сбили боевики. Удачно попали из «стрелы», еще советской. Да?

Я кивнул.

Он покачал головой:

— Merde. Дерьмо собачье.

Плюнул в окно в сторону зеленовато-серых палаток.

— Без башни. Стреляли без разбору. Да?

Я кивнул, прекрасно понимая безбашенность стреляющих без разбора американских войск на стрессовых позициях.

— Да.

Он показал на часы:

— Через полчаса после уведомления. Сообщите на подходе. Я буду готов к взлету.

Пилот сделал жест, как будто нажимал кнопку большим пальцем, и я передал ему свой «Пенк-KDDI», телефон, который брал на работу, потому что его металлическая отделка очень походила на отлив определенных сортов оружейной стали. Так он помогал мне сосредотачиваться. И вдобавок стильно выглядел.

Пилот раскрыл его, набрал номер, и через секунду целый полк пропел «Ле Буден»[13] в кармане на плече его бронежилета. Он вынул из кармана свой «Сименс-M75», нажал красный иероглиф и положил телефон в карман, а мне протянул «Пенк».

— У вас есть мой номер. Чем быстрее, тем лучше. Из-за террористов воздушное пространство уже дважды закрывали.

Если его снова закроют, я вам позвоню. Чтобы вы сами вернулись домой. Если хотите. Или ждите здесь. Сколько. Не могу сказать.

Да уж, чтобы я сам вернулся домой…

Двадцать пять километров до Сенчери-Сити. Почти десять до относительно безопасных мест, которые начинаются севернее бульвара Венис. Я не сомневался в том, что смогу пройти это расстояние целым и невредимым, но чтобы сделать это совсем наверняка, понадобились бы, пожалуй, целые сутки. Я бы чувствовал необходимость не высовываться без нужды. Мне представилось, как я, вывалянный в грязи и траве, ползу на брюхе по канавам и коллекторам, часами выжидая на перекрестках, пока не удостоверюсь, что вероятность быть подстреленным снайпером, засевшим в ожидании, пока я выйду из укрытия, достаточно низка и позволяет мне отважиться на короткую перебежку.

Я улыбнулся пилоту:

— Я потороплюсь.

Повесил на плечо сумку «Туми» и пошел от вертолета с логотипом «Тысячи журавлей», перламутрово блестевшим у него на боку в огнях прибывающего из Гонконга А-380, в каком-то странно приподнятом настроении. Может быть, меня обрадовало то, что пилот решил позвонить на свой телефон с моего, так что теперь у нас были номера друг друга? Ведь в конце концов он мог бы с таким же успехом продиктовать мне свой номер.

Французский вертолетчик. Лихой, как марсельский полицейский с разбитым носом. Он летал в Дарфур с гуманитарной миссией и явно был превосходным специалистом. Леди Тидзу брала только первоклассных контрактников. Судя по его рингтону, он когда-то был легионером. Вполне извинительно, если от этого всего разыграется воображение.

Неподалеку ждала черная «акура» с логотипом «Тысячи журавлей», ключ вставлен в зажигание. Я распахнул дверь и бросил сумку на пассажирское сиденье, насвистывая под нос «Марсельезу» и настраивая свой разум на освобождение, перед тем как отправиться на поиски того, что желала леди Тидзу.

9/7/10

Роуз не хочет, чтобы я ехал. Когда я вернулся домой, она была в детской с малышкой. Малышка лежала в кроватке, и звуковое устройство для засыпания издавало звуки прибоя. Она не спала, но и не плакала. Ее глаза казались остекленевшими, как будто она ничего не видела. Дочка что-то негромко лепетала, как будто разговаривала во сне. Роуз говорит, просто она теперь так

спит, малышка, что дочка не перестала спать, просто она теперь спит с открытыми глазами. Роуз говорит, что малышка не больна. У нее колики, поэтому она все время плачет, и плач выматывает ее, и она засыпает прямо с открытыми глазами. Жена считает, что малышка так реагирует на стресс в доме.

Роуз говорит, что малышка не больна.

Но она не дает мне проверить ее на неспящий прион.

Она утверждает, что риск от проверки слишком велик. К тому же, по ее мнению, малышка здорова.

Я смотрел на дочкины глаза. Но не могу сказать, спит ли она. Она не похожа на спящую. Она больше похожа на Роуз, когда Роуз наяву впадает в фазу быстрого сна.

Роуз сидела на полу, прислонившись спиной к стене, с ноутбуком на коленях, она снова зависла в Лабиринте, вела Люцифру по новому пути, отмечая его светящимися пузырьками воды, плававшими в нескольких сантиметрах над полом.

Когда ребенок родился, но до того, как Роуз перестала спать, а малышка начала плакать, когда мы уже знали про диагноз, но ее состояние еще не ухудшилось, Роуз часто засыпала в детской. Сонная машина вырубала ее быстрее, чем ребенка. Она сворачивалась на полу, протянув одну руку вверх, просунув пальцы сквозь решетку кроватки, и детская ручка держала ее за мизинец.

Роуз такая крошечная, она могла бы сама свернуться в кроватке. Я, бывало, дразнил ее из-за этого. Говорил, что у меня два младенца.

Стоя в детской и глядя на них обеих, я хотел сгрести Роуз с пола и положить их вдвоем в кроватку, чтобы малышка уютно устроилась внутри Роуз, как это было много месяцев.

Паровая виверна латунного цвета с пятнами ржавчины перекусила шею Люцифры дробящими челюстями. Тень Люцифры вылетела из тела. Прозрачная цифровая душа. Она полетит к бездонной пропасти в центре мира, где персонаж возродится. И Роуз сможет снова привести ее в Лабиринт и снова попытаться. В одиночку.

Роуз закрыла компьютер и глаза.

Затем вздохнула, открыла глаза и увидела меня.

— Как же я смогу заботиться о тебе? — спросила она.

Я покачал головой и сказал ей, что не знаю, и она вроде как вздохнула, как это бывает, когда она думает, что до меня что-то не доходит.

— Нет, правда, я хочу сказать, черт, как же я буду заботиться о тебе?

Я сказал, что ей не нужно заботиться обо мне, что у меня все

хорошо.

Она смотрела в потолок.

— Ты такой… господи, ненавижу это слово, но ты такой невинный. Я хочу сказать, как же мне уйти от этого?

Я ничего не сказал, начиная понимать.

Роуз покачала головой, задумавшись о чем-то.

— Сколько я тебя уже знаю? Я прямо вижу это. Тебе на роду написано попасть под машину, читая книжку. Или получить ножом от пьяного урода в баре, пока ты будешь защищать честь какого-нибудь бродяги. Или сделать какую-нибудь глупость похуже, например пойти в морскую пехоту и погибнуть где-нибудь за нефть, потому что, по-твоему, это правое дело.

Я назвал ее по имени. Но она все говорила.

— И как же мне удержать тебя от этих глупостей, если ты там, а я здесь? Я хочу сказать, откуда ты взялся?

Я снова назвал ее по имени, и в этот раз она на меня посмотрела, и я сказал ей:

— Роуз Гарден Хиллер. На дворе 2010 год. Мы женаты, живем в Калвер-Сити. Ты видеомонтажер, а я полицейский. У нас есть ребенок.

Она моргнула, и пловец нырнул от меня.

Роуз заявила, что все это ей известно. Она сказала:

— Я просто вспоминала.

И она попросила меня, чтобы я не уходил, пока не вернется Франсин. До вечера. И я ответил ей, что останусь. Весь день. Что я останусь и буду помогать с ребенком, и она может отдохнуть. Она закрыла и открыла глаза.

— Паркер, — произнесла Роуз, — мне хочется сегодня поехать на пароме в город и пойти на тот бесплатный концерт на Выступе.

Я не возразил ей, что мы уже не живем в Беркли и что в парке Голден-Гейт больше нет бесплатных концертов. Я просто сказал ей, да, это было бы здорово, и поцеловал ее.

Бини сказал, что Хайдо знал «того чувака». Афронзо-младший был его клиентом.

Я полицейский. Я не должен делать поспешных выводов.

Я должен провести расследование.

* * *

В Википедии о Парсифале К. Афронзо-младшем была длинная статья со всеми признаками того, что ее постоянно обновляли и редактировали сотрудники рекламного аппарата

семьи Афронзо. В статье делался упор на его благотворительном фонде KidGames, на финансовой поддержке некоторых профессиональных видеогеймеров, его увлеченности супермногопользовательскими играми, энергии и инновациях, которые он привнес в эту сферу, и ночном клубе, который он открыл в районе Полуночного Карнавала, выпотрошив и перестроив старый «Моррисон-отель», чтобы воспроизвести Денизон, его замок в «Бездне». Между тем абзацы о предъявленных ему обвинениях в краже персональных данных, интернет-мошенничестве, запугивании в Сети, распространении виртуальной порнографии и разнообразные гражданские иски, связанные с хакерством в обширных сферах Интернета, для которых еще не прописаны четкие законы, были сплошь в отметках «нет авторитетного источника».

В коротком предложении объяснялась эволюция его прозвища. Как его любовь к классическому техно и рэпу породила виртуальную личность под ником P-KAJR, анонимно скрываясь за которой он стал одним из самых известных и ненавидимых троллей. Выдавая себя за тринадцатилетнего вундеркинда, он прославился тем, что провоцировал даже самых уравновешенных блогеров на яростные выплески писем, кишащих орфографическими ошибками, которые часто заканчивались бессильными угрозами физической расправы. Писем, которые он вскоре размещал на популярных сайтах, находящихся в сфере интересов вышеупомянутых блогеров. Когда, по его собственному замыслу, тайна его личности раскрылась, он объявил через подкаст, что принимает фонетическую транскрипцию своего виртуального прозвища в качестве официального имени. Так на свет появился Кейджер.

Конечно, было и еще кое-что. Анализ его выхода из семейного бизнеса, загнанный в стандартную биографическую болванку. Как семья Афронзо прошла через Эллис-Айленд,[14] не меняя имени, невероятным образом добралась до угольного края Каролины, осталась там, по-прежнему не меняя имени, через несколько лет каторжной работы в поте лица стала примером американской мечты, которая сбылась, когда дедушка Кейджера получил патенты на несколько буров и пил, хорошо зарекомендовавших себя на африканских золотых рудниках. Отец Кейджера П. К. А.-старший на скромное состояние семьи Афронзо приобрел разнообразные активы, связанные с производством технических растворителей, применяющихся для смазки техники на тех же самых рудниках, а затем двинулся вширь, купив небольшую восточноевропейскую сеть магазинов по продаже витаминов и товаров для здоровья. Им двигало главным образом

то, что они держали патент на травяное снотворное, невероятно популярное во всех Балканских странах, в удивительной эффективности которого он убедился, страдая от бессонницы во время увеселительной поездки с правительственными чиновниками Израиля. Он надеялся, что они будут субсидировать строительство нового завода растворителей в промышленной зоне северной Хайфы. Сделка была оформлена, но экспорт растворителей для буровой промышленности в различные нефтепроизводящие государства Средиземноморья, которыми занималась «Афронзо интернэшнл», так и не принес ожидаемой прибыли. Эту неприятность компенсировало то, что через три года бюрократических проволочек растительное снотворное получило одобрение Управления по контролю качества продуктов и лекарств для безрецептурной продажи в США и почти тут же стало бестселлером в качестве средства от бессонницы.

Именно невероятные прибыли от неожиданной удачи позволили Афронзо отважиться на враждебное поглощение гораздо более крупной «Нью дей фармасьютикалс». Попытка с самого начала была обречена, но она стоила НДФ огромных денег, и неизбежность вынудила совет директоров НДФ согласиться на слияние, уступив контроль и руководство харизматичному популисту Афронзо-старшему. Общительному и простецкому, с мягким каролинским акцентом сельского жителя, который придавал ему впечатляющую американскую ауру, полностью искупая трудное для произнесения имя. Еще до пришествия НСП он был фигурой бизнеса с масштабом культа личности; а «дрема» поставила его на одну доску с Гейтсом, Мердоком и Редстоуном.

Последний абзац, касавшийся семьи Кейджера, заканчивался синей ссылкой на «дрему». Она указывала на статью, которая на тот момент была на четвертом месте среди самых длинных статей Википедии, следуя за статьями о христианстве, исламе и, победителе, неспящем прионе.

Статья о собственно Афронзо-младшем на этом не заканчивалась, и в ней говорилось о документально подтвержденной публичной ссоре между отцом и сыном (ссылка на видеозапись с мобильника на YouTube, где оба матерно ругались друг на друга за кулисами званого ужина, на котором вручались гуманитарные награды, где старший был почетным гостем), приводилась выдержка из журнальной статьи, где младший откровенно рассказал об их отчуждении («Паршиво, когда недолюбливаешь собственного отца. Но иногда бывает, что люди просто не нравятся друг другу. Мы с отцом друг другу не нравимся. Я от этого не умру. Такое впечатление, что это другим

не дает покоя»), и заканчивалась предположением (которое тоже было отмечено как нуждающееся в ссылке на авторитетные источники), что личное состояние младшего Афронзо, по сути дела, вовсе не его состояние. Что, сколько бы он ни получил после совершеннолетия, все эти средства быстро ушли на грандиозный многозальный клуб, который он построил, защиту в суде по разнообразным искам и мировые соглашения, а также крупные вложения в фонды, которые практически полностью опирались на акции нескольких исландских банков.

Парк успел прочитать только эту краткую характеристику состоятельного отпрыска главы международного фармацевтического конгломерата, чтобы хоть что-то узнать о нем. Он распечатал ее во время короткой передышки на следующий день, который он провел, присматривая за ребенком и женой. Погрузившись в водоворот непрерывно пополняющегося списка необходимых дел, которые наводняли дом, где одновременно находятся маленький ребенок и смертельно больной человек. Устав еще до того, как первый раз загрузил белье в стиральную машину, неуверенный, что сможет до вечера продержаться на ногах, он то и дело приходил в шок, когда поднимал глаза и видел, что прошел только час.

Во время той короткой передышки в кабинете он просмотрел распечатанные страницы и задумался о «дреме» и телах на голдфарме.

Капитан Бартоломе велел ему не лезть в это. Капитан Бартоломе сказал ему, что убийство — не его дело. Если кодекс поведения еще что-то для него значил, Парк понимал, что должен его придерживаться. Соглашаясь на работу полицейского, он принял условия, на которых эту работу ему предложили. И он выполнял приказы. Поступить по-другому значило предать доверие.

Поэтому он не лгал себе, открывая ноутбук, вставляя флешку со своими отчетами в USB-слот; он не уверял себя в том, что его поступок простителен. Просмотрев отчеты за несколько месяцев, пока не нашел запись и телефонный номер, который искал, он не сказал себе: «Нет, убийство — не мое дело, мое дело — „дрема“. И я расследую возможные связи с „дремой“». У него не было необходимости врать самому себе о том, что он делает. Он проигнорировал приказ и поступил так, как считал наилучшим. Итак, он позвонил, задал несколько вопросов, договорился, повесил трубку, послал текстовое сообщение и стал ждать. Когда миг спустя звякнул телефон, он щелкнул по папке входящих и прочел ответ на свое сообщение.

от бини:
зашибись круто
где когда?

Оставалось несколько часов до прихода Франсин. Он представил себе дороги в это время суток, прикинул, сколько времени уйдет, чтобы добраться до Западного Голливуда и обменять кетамин на опиум, послал ответ.

полночь
денизон

Глава 7

Взглянув на тела, было довольно просто понять, что именно произошло. Погибшие впустили внутрь кого-то знакомого. Убийца вошел, имея при себе автоматическое оружие, которое было легко спрятать и которое стреляло стандартными патронами НАТО 5,56 х 45. Во всяком случае, на одной из гильз на полу были красноречивые царапины, которые остаются, когда и без того серьезное оружие переделывают в полностью автоматическое. Если бы меня заставили высказать догадку, я бы сказал, что он воспользовался одним из практически бесконечных вариантов автомата AR-15 «олимпик-армз». Думаю, скорее всего, LTF с обрезанным прикладом.

Какой бы легкодоступный образец недорогого оружия потребительского класса и серийного производства он ни прятал при себе, как только оказался внутри, он сначала завел разговор. Выпил газировки. «Маунтин дью». Разговаривал он с юношей корейского происхождения, возможно, фанатом комиксов о Черной Пантере, или просто ему нравились очень дорогие дизайнерские футболки с супергероями. Как бы то ни было, разговор между этими двумя перешел в конфликт, достаточно враждебный, чтобы остальные молодые люди, одутловатые азиаты, сделали сознательное усилие: повернулись спиной и уставились в мониторы. В этой позе они в большинстве своем и остались, когда человек, который вошел в комнату так дружелюбно, сорвался, выхватил оружие из сумки или рюкзака и перестрелял всех находившихся в помещении. Несколько выстрелов корейцу в лицо, остальных расстрелял в спину.

Как-то так.

Так или иначе, все они были мертвы. Человек с личной проблемой и не умеющий контролировать свой гнев убил их. Умышленное убийство — это то, что происходит между знакомыми людьми; в таком случае всегда разумнее всего допустить личный мотив. Или корыстный. Или сразу *оба.* Похоже, если глубоко не копать, что в данном случае был как раз первый сценарий. Личный вопрос, касающийся денег.

Эх, человечество.

Единственная загадка, заботившая меня, — отсутствие внешнего диска, который, как мне было сказано, должен быть подключен к рабочей станции в углу. Самое очевидное развитие событий заключалось в том, что тот же человек, который расстрелял своих приятелей, забрал и диск. То, что диск был нужен леди Тидзу, вполне убедительно доказывало его ценность,

но то, что другой человек был готов убить ради него, явно свидетельствовало, что его ценность была известна. Мелкое осложнение, но вполне в рамках моего контракта. В любом случае в комнате находилось слишком много ценной техники, чтобы считать причиной преступления простой грабеж. Нет, такое впечатление, что кто-то пришел сюда с явным намерением забрать диск, а когда диск ему не отдали, он открыл огонь и забрал его. Сам я знал о диске немного: он нужен леди Тидзу;

это внешний жесткий диск «Вестерн Диджитал» с красной наклейкой в виде эмблемы биологической опасности;

он должен находиться у углового компьютера возле лестницы;

если, паче чаяния, мне не отдадут его по моей просьбе, я должен взять его силой;

а также заставить расплатиться жизнью любого, кто помешает желанию леди Тидзу осуществиться.

Очевидно, что я должен был найти человека, взявшего диск, забрать его и выполнить указание моего клиента.

Для начала я поднялся по лестнице и просунул голову в каморку, в которую она вела. Я не обратил внимания на «Бенелли-М4» 12-го калибра, который стоял там. При мне и так уже был идеально сбалансированный арсенал огнестрельного оружия и других смертоносных предметов из стали, сплавов и керамики. Самозарядный дробовик нарушил бы всю гармонию. Кроме того, дробовик был не так привлекателен, как лежавший рядом четырехканальный цифровой рекордер «Мейс».

Технологии слежения достигли такого уровня, на котором, как правило, овладеть и оперировать ими не труднее, чем обычным универсальным пультом для цифрового телевидения, кабельного телевидения, тиво и домашнего кинотеатра. Правда, наклонять голову набок, чтобы как следует рассмотреть запись, одновременно стуча по клавишам, было не очень удобно, но все-таки я за несколько секунд установил, что данные не были стерты с жесткого диска на 500 гигабайт. Кто-то предусмотрительно оставил шпиндель с дисками на рекордере, поэтому я вставил один из них во встроенный CD-бернер и перезаписал последние два часа записи. Если допустить, что камеры с датчиками движения устанавливал и настраивал не идиот и они не срабатывали при появлении в переулке стаи крыс, то на одном диске у меня окажется два часа высококачественной замедленной видеосъемки, включая массовое убийство.

Пока записывался диск, я несколько раз сфотографировал комнату, выковырял пулю, застрявшую в толстой ножке самодельного рабочего стола четыре на четыре, и изучил брызги

крови на постере «Бездны Приливов», закрывавшем половину задней стены, как вдруг и засов, и ручка внешней двери взорвались сразу друг за другом, оставив две аккуратные дырки диаметром с консервную банку. Я как раз успел пожалеть, что не закрыл дверь промежуточной клетки, прежде чем внешняя дверь распахнулась настежь и впустила трех крупных мужчин в штанах цвета хаки и черных рубашках с короткими рукавами, которые, приседая, ввалились в комнату, один во все стороны водил стволом «Ремингтона-870», двое других, плотно прижав к щеке приклады «Таворов-21», продвигались вслед за красными точками лазеров, прыгавших по стенам.

Я тут же разинул рот, согнул шею под неестественным углом, пустил слюну изо рта и заорал: «Бардак! Бардак!».

Это привлекло их внимание, лазерные точки наперегонки побежали рисовать красный кружок в середине моей груди. Однако при всем своем профессионализме, который проявился в том, как они вошли в помещение, они не выстрелили одновременно и не размазали меня по стене. Наоборот, оба «тавора» заняли позиции с двух сторон, насколько позволяла ширина комнаты, зажимая меня теоретическими линиями перекрестного огня и оставляя широкий угол, по которому «ремингтон» мог безопасно ко мне приблизиться. Что он и сделал, но сначала включил галогенную лампу под стволом автомата. Видя повреждения на двери, я был уверен, что досланный патрон будет дробовым. Хотя это не имело значения; с такого расстояния сжатая медная пыль от дверепробивного патрона пробила бы дырку прямо у меня во лбу.

Поэтому я продолжил пускать слюни и добавил небольшое подергивание.

— Бардак!

Галогенный луч пробежался по мне вверх-вниз и замер на моей напряженной шее.

— Неспящий.

Голос одного из «таворов».

— Что он тут делает?

Человек с «ремингтоном» подошел ближе.

— Что вы тут делаете?

Я закатил глаза, защелкал зубами, слюна полетела у меня изо рта.

— Бардаааааааак!

Кружок галогенного света спустился по моей свернутой в бок шее и ушел в сторону.

— Все, свихнулся.

— Убери его, пусть не мешается.

Точки-близнецы дугой убежали от меня, вбок и вверх, не тронув и не повредив, линии огня не касались напарника.

Галогенный луч быстро взлетел по стене.

— Прости, старик.

Приклад его автомата взметнулся вверх сбоку от моей головы.

Я дернулся в сторону, напустил еще больше слюней, легкий синтетический приклад промахнулся на пару сантиметров, и его владелец потерял равновесие. Я воспользовался этим обстоятельством и вырвал у него оружие.

Конечно, сказать проще, чем сделать. Это был не ребенок с леденцом; и я не просто выдернул ружье у него из рук. А именно я нанес плотную серию скоординированных ударов, отбил дуло ружья вбок, пнул человека в живот, ударил в горло, взял дробовик из его ослабевших рук и основанием приклада разбил ему нос. При этом галогенный луч носился по всей комнате, и в то же время мы с разоруженным человеком оказались в затруднительной близости, и все это в сочетании с внезапностью сбило с толку обоих «таворов».

Вот почему можно надеяться, что их наниматель, кем бы он ни был, извинит их за то, что они не успели расстрелять меня прежде, чем я отправил оставшиеся пять патронов из «Ремингтона-870MC5», теперь оказавшегося в моих руках, им в головы.

Это были патроны с крупной дробью, на мой взгляд, перебор. У меня ушло два на одного и три на другого, я стрелял в них по очереди, пока патроны не кончились. Тогда я бросил ружье и упал в сторону, ныряя под рабочий стол, вынул мой «лес-баер» 45-го калибра из наплечной кобуры под курткой и стал терпеливо ждать, прицелившись в дверной проем в свете компьютерного монитора, который вдруг проснулся посреди стычки.

Так я мог прицеливаться, может быть, в течение часа, чтобы удостовериться, что их было только трое, но тут застонал человек, у которого я отнял ружье, и напомнил мне, что пора заканчивать.

Я вылез из-под стола, поискал удостоверения у обоих мертвецов и не нашел. Никаких часов или украшений, хотя у одного была красноречивая полоска бледной кожи вокруг смуглого запястья, а у другого аналогичная полоска вокруг большого пальца левой руки, и оба уха у него были проколоты.

Третий снова застонал. И потом звякнул «Мейс». Я поднялся по лестнице, вынул свой готовый диск и сунул его в карман спортивной куртки. Я еще не проверял ткань на пятна и разрывы. Мне была невыносима мысль, что плод ручной работы мистера

Ли мог пострадать. Сшитая им одежда была в буквальном смысле слова незаменима. Отложив осмотр на потом, я нажал несколько кнопок на «Мейсе», дважды подтвердил, да, я хочу стереть все содержимое жесткого диска, и спустился по лестнице назад.

Теперь в комнате было множество противоречивых вещественных доказательств. А у меня совсем не было времени, чтобы как следует обо всем позаботиться.

На миг меня объяла неприятная дрожь. Мысль о том, чтобы покинуть комнату, не приведя ее в порядок, была почти невыносима.

Я взял телефон. Держал его в одной руке, а «лес-баер» с похожей отделкой в другой.

Человек на полу снова застонал.

Продолжая дышать как загнанная лошадь, я спросил его, пыхтя, кто они такие, он и его спутники, кто их нанял и для чего. Он опять застонал, и этот стон сказал мне, что он недостаточно пришел в чувство, чтобы понимать, о чем я спрашиваю.

Я застрелил его. Сразу. Подумал хорошенько. И снова выстрелил. И мое дыхание стало выравниваться. Нельзя сказать, чтобы убийство человека приносило покой само по себе. Однако в комнате была новая симметрия, эти две пули придали новую гармонию разрозненности и беспорядочности мертвых тел, разбросанных по полу, и я опять мог двигаться вперед.

Я дошел до конца переулка, где припарковал «акуру» между двумя мусорными баками, и, высыпав немного мусора на ее крышу, придал ей косметический налет заброшенности. Достал мою «туми» с пассажирского сиденья, вытащил из нее кумулятивный заряд октола. Созданное для того, чтобы пробивать бронированные пластины, выбрасывая в дыру жидкую струю сплава, это было не совсем идеальное для моих целей устройство. Однако при небольшой модификации сгодится и оно. Я взял бензиновую канистру на пять галлонов, которую автомеханики «Тысячи журавлей» всегда надежно закрепляли в багажниках своих машин, вернулся на голдфарм и заложил заряд в проеме раскрытой внутренней двери, а прямо перед ним поставил канистру с бензином. После этой доработки октол не наведет порядка в комнате, полной мертвых тел, но сделает их необычно похожими друг на друга.

На обратном пути я обнаружил незапертый черный «рейнджровер» прямо перед выездом из переулка, он был повернут в сторону улицы, готовый к быстрому, но так и не случившемуся бегству. В нем не было ничего интересного. Три черные нейлоновые спортивные сумки с парафернaлиями для тактической операции. Запасные обоймы, черная самоклеящаяся

лента, ассортимент пластиковых пряжек и ремней, небольшой набор инструментов и разные компоненты для переделки «таворов» в пистолет-пулемет калибра 9 мм. И тому подобное.

Отсутствие опознавательных признаков меня не удивило. От таких профессионалов, как те, которых я убил, нельзя было ждать, что они оставят в машине свои бумажники. При этом, да, от них можно было ждать, что они будут подозрительно вооружены любимым оружием израильских военных и одеты в пятикарманные куртки типа гуаяберы, популярные у Шабака,[15] и все-таки они отлично выполняли свое дело. Поэтому я не посмотрел на номера, так как был уверен, что они никуда не приведут, ради проформы скопировал заводской номер автомобиля с приборной доски, бросил в «рейнджровер» еще один заряд октола и уехал.

Чуть дальше по улице я услышал грохот заряда, дополненного канистрой с бензином, за которым вскоре последовал более резкий удар взрывчатки в джипе. Пламя превратит голдфарм и по крайней мере несколько ближайших заброшенных зданий в пепел, прежде чем аварийные службы успеют отреагировать.

Вернувшись к аэродрому, я понял, что забыл заранее предупредить пилота о своем возвращении. Нужно было как-то провести тридцать минут до разрешения на взлет. Как оказалось, он был совсем не против моего предложения о том, как нам стоит потратить эти полчаса. А женщине-стрелку хватило догадливости, чтобы понять намек и уйти погулять и выкурить пару-тройку сигарет.

На разговоры было мало времени, но выяснилось, что он действительно бывший легионер. Об этом свидетельствовала выцветшая полковая татуировка на его плече. Он заметил мою побледневшую татуировку войск специального назначения и пошутил насчет солдат и того, что на самом деле случается в окопах, хотя ни он, ни я не засмеялись. Задняя часть вертолета не навевала романтического настроения, но это было отнюдь не самое неудобное место, где мне приходилось заниматься любовью. И когда с неотложными делами было покончено, осталось еще несколько минут. Поэтому мы подержались за руки, и большой палец его руки снова и снова возвращался, чтобы потереть загрубевшую мозоль у правого указательного пальца, как раз в том месте, где он ложится на спусковой крючок.

Вскоре после этого мы поднялись в воздух, направились на север, и первый этап моей кампании по ликвидации всех свидетельств и следов разыскиваемого предмета закончился. Безусловно, будет еще много дел, как только я просмотрю запись

камеры наблюдения и увижу, кто заходил к ним в гости до меня.

Бедняга.

Глава 8

Парк начинал операцию в роли покупателя.

Обзванивая телефонные номера по списку, который дал ему капитан Бартоломе, Парк стал регулярным клиентом у трех торговцев, которые, как он выяснил, были достаточно надежными и, по всей видимости, предпочитали нанимать чуть более приличных курьеров для доставки, чем обычные торчки на велосипедах, которые заявлялись часа на два-три позже обещанного. Курьеров с машинами, больше похожих на студентов кинематографического факультета частного Университета Южной Калифорнии, чем на конченых наркоманов с Венис-Бич. Курьеров, которые умели поддержать связную беседу, пока не состоится передача. Курьеров, которые в основном говорили о своем занятии как о способе быстро заработать, чтобы выплатить кредит на учебу в университете или купить новый ноутбук.

Когда Парк сказал одному из этих курьеров, что ищет какую-нибудь работу не на полный день, пока его жена не родит ребенка, парень почесал живот под футболкой «Аберкромби энд Фитч» и сказал ему, что курьеры то и дело соскакивают и что им всегда нужны новые люди. Поэтому когда Парк в следующий раз позвонил по телефону, он, вместо того чтобы оставить свой кодовый номер, повесить трубку и ждать, пока ему перезвонят, оставил сообщение:

«Это Парк Хаас, номер шесть-два-три-девять. Я разговаривал с Роханом; он сказал, что вам нужны работники. Меня интересует эта работа».

И в итоге ему действительно перезвонили, но вместо того, чтобы ответить на вопрос, где он находится и сколько там пробудет, и выслушать, сколько времени у него уйдет, чтобы туда приехать, Парк пятнадцать минут разговаривал с молодой женщиной, отвечая на вопросы, учился ли он в колледже, какова была его специальность и, наконец, не служит ли он «в полиции или других правоохранительных органах».

И Парк соврал. Как и обещал капитан Бартоломе, оказалось, что ложь ему дается уже легче. Хотя его всегда немного грызла совесть, а в уголке сознания звучал голос отца: «Вранье, Паркер, большая слабость у мужчины. Я советую тебе никогда ее в себе не допускать. Или тебя разоблачат».

Опасность разоблачения, физического или иного, всегда стояла для отца на первом месте.

Следуя его примеру, Парк старался свести свою жизнь к минимуму возможности быть раскрытым. Его существование

состояло из немногочисленных элементов. Мало вещей. Мало связей. Помимо его родителей, сестры, ее несгибаемого мужа и двоих их неприветливых детей, а также нескольких друзей детства, число которых все уменьшалось, он эмоционально ни перед кем не открывался, пока не покинул Филадельфию и не отправился на запад изучать философию, действуя в порыве стремления лучше понимать природу если не людей, то вещей.

Роуз все изменила.

Крепко врезавшись ему в бок, она пробила в нем неисправимую брешь, нанесла рану глубоко и быстро, так что он чуть не рухнул от их столкновения. Чуть не сбежал, кровоточа, чтобы найти укромное место, где он мог бы либо выздороветь, либо умереть. Но она не позволила. Вместо этого она нелюбезно обрушилась на него, разбила надвое, расплескала его жизнь, играла среди обломков и убедила его, что это может быть здорово.

К тому времени, когда Парк сидел в «Старбаксе» на Мелроуз-авеню, глядя в окно на парад неспящих и прочих сов, проводивших ночные часы ходя по магазинам, слушал, как молодая женщина, чей голос говорил с ним раньше по телефону, рассказывала ему, как именно он будет забирать товар, как будет отчитываться за недостачу, сколько ему будут платить за одну доставку, и просила показать ей действительные водительские права, регистрацию автомобиля и страховку, к тому времени Парк был раскрыт со всех сторон. Он сделался сильно уязвимым из-за ран, которые Роуз открыла в нем, из-за вещей, которые он начал понимать и которых никогда не освещала философия, и почти не присутствовал в кофейне. Его большая часть находилась дома, в детской, где его жена и ребенок, все еще делившие одно тело на двоих, собирали кроватку, а он в это время получал первый урок по продаже наркотиков.

Парк был презентабельный, образованный белый мужчина, за рулем приличной машины и, что самое ценное в дилере, одновременно расторопный и надежный, и его очень скоро перестали отправлять по конкретным адресам, чтобы максимизировать количество доставок, которые он мог сделать за день, и перевели на обслуживание лучших клиентов. Парк стал получать повышенную комиссию за доставку, доплату на топливо и часто появляться в таких местах, где его обыскивали частные охранники, пропускали в запертые ворота, провожали в элитарные клубы от Малибу или того, что от него осталось, через прибывающие волны и осыпающиеся холмы, до районов Беверли-Хиллз, Бель-Эйр, Хэнкок-парк, Голливуд-Хиллз, некоторых кварталов Западного Голливуда, в лос-фелисские жилища ярких

молодых звезд реалити-шоу и примерочные кабинки бутиков на Родео-Драйв.

Потом он снова стал покупателем. Он сделал ход, который его наниматели восприняли как должное, и купил три килограмма крепкой канадской конопли. Согласился не поставлять ее их клиентам, но и не обещал отказаться от своих постоянных покупателей, ушел из курьеров и почти сразу же стал получать от этих покупателей запросы по СМС.

Так как НСП не унимался, он увлекал в своем течении и тянул за собой все более агрессивные химические контрмеры. Вполне понятное, общее для многих желание завернуть свое сознание в пузырчатую пленку, чтобы заглушить все сигналы извне, оградиться от всего, что происходит в большом мире, осложнялось желанием многих других не отставать от темпа осведомленности неспящих. Происходило быстрое разделение людей по личным предпочтениям: стимуляторы, транквилизаторы или категорическое неприятие ни тех ни других.

При более чем тридцати миллионах неспящих в США любого возраста, финансового положения, национальности, вероисповедания и прочих легко определяемых демографических категорий рынок круглосуточного обслуживания переживал подъем. Он нуждался не только в работниках, но и в том, чтобы эти работники хорошенько заправлялись.

Одалживаясь из заначки на складе вещественных доказательств более редкими, экзотическими веществами, Парк смог дополнить свою и без того железную репутацию надежного поставщика основных наркотиков не менее блистательной изустной славой добытчика всяких невозможных вещей. Однако оказалось, что эта репутация имеет один серьезный побочный эффект: многие его клиенты не хотели делиться его номером.

Никто не хочет терять то хорошее, что имеет.

Впрочем, не важно. Парк был не способен освободиться от трудовой этики отца и целиком привносил ее во все свои действия, и оказалось, что его доля на рынке выросла.

Так как большую часть жизни он провел в кругу состоятельных людей, он познакомился лучше, чем хотел, с такими атрибутами роскоши, как кассовые сборы, адюльтеры знаменитостей, роскошные машины, тенденции фондового рынка, дизайнерские марки, цены на недвижимость, фитнес-программы и неизменно растущая популярность радикальных, но необязательных процедур пластической хирургии. Неожиданно для себя он обнаружил, что обычная болтовня между ним, продавцом, и покупателем начинает переходить в откровенности,

которые скорее можно услышать в парикмахерской, у врача или у психотерапевта.

Наблюдательный и спокойный, неразговорчивый, Парк если говорил, то всегда к месту и при этом часто ссылался на Декарта, Лао Цзы, Сьюзен Зонтаг или Фому Аквинского, не реже, чем цитировал героев последнего дорогого ситкома, снятого при участии клиента, и в присутствии Парка его покупателям было уютно. Никто и не подозревал, что проницательность основывалась на глубокой концентрации, на стремлении занести все увиденное и услышанное в протокол свидетельских показаний.

Так и получилось, что Парка с его особой аурой одновременно и надежного поставщика, и хорошего слушателя пригласили на вечеринку, где Бини познакомил его с Хайдо. Где и состоялся разговор, который впервые внушил ему подозрение, что погружение мира в безумие не было ни случайным, ни естественным следствием человеческих излишеств, что кто-то стоял за штурвалом и правил все дальше в пучину бедствий. Что кто-то громадный и невидимый наживался на грудах измученных трупов. И что он должен заплатить за свою жадность. Если только Парк сможет его найти.

9/7/10

Уже почти полночь.

Я думал о том, что рассказал мне Бини про личные объявления в электронной газете. Про новую категорию, которая появилась в конце 2008 года. Для неспящих. В основном о лечении.

> Кто-нибудь пробовал? Мне тут рассказали. Это правда? Двенадцать часов йоги вместо сна. НСП-иглоукалывание. НСП — болезнь ума, а не тела! НСП — аллергия на окружающую среду, прекратите пользоваться химикатами, переходите на органику!

Я распечатал некоторые объявления о продаже:

> Продаю двуспальную кровать. Почти новая. 100 долларов или меняю на бак с бензином.

> Продам тысячи комиксов. Остались от мужа. Я точно не знаю, сколько они стоят, но у нас нет для них места, и я боюсь, что от них загорится дом, а в нашем районе то и дело закрываются коммунальные службы, то

водоснабжение, то электричество, и пожарные не могут подъехать с насосами по нашей дороге. Я просто хочу их куда-нибудь сбыть. Приезжайте на грузовике и привезите воды в бутылках, сколько сможете, и забирайте все.

Все мои земные сокровища. Вещи, на приобретение которых я потратил всю жизнь. Все, начиная от моего детского одеяльца до дома, который я выкупил только в прошлом году. Пятьдесят два года в материальном выражении. Мои письма и деловые бумаги. Мой BMW шестой серии. Моя 56-дюймовая плазма. Мой диван. Коллекция из двенадцати пронумерованных офортов Хокни в рамах. Сделанные на заказ графитовые клюшки. Три костюма «Армани», пиджаки 44-го размера, брюки 42/34. Эксклюзивные кастрюли и сковородки фирмы «Ол Клэд». Свадебные туфли моей бабушки. Очень симпатичный горный велосипед, на котором я никогда не ездил. Моя школьная спортивная куртка со знаками отличия за футбол и легкую атлетику. Мой первый зуб и локон волос из младенческих лет. Стеклянный графин с горстью песка с французского пляжа, где я провел медовый месяц. Свидетельство о разводе. Плоская монетка, раздавленная поездом, потому что я положил ее на рельсы. У меня нет семьи. Я отдаю все. Но только тому, кто готов въехать в мой дом и жить там со всеми этими вещами и пользоваться ими. Это мои вещи. Это то, что я оставляю. Я хочу, чтобы они были вместе. Позвоните мне и скажите, почему именно вы должны получить мои вещи.

Из рубрики знакомств:

НСП/М для НСП/Ж. Не спится. Ха-ха! Составишь мне компанию?

НСП/М для КОГО-НИБУДЬ. Я девственник, ты опытная и нежная. Обними меня.

НСП для??? Сижу одна в квартире, дверь не заперта. Я дам адрес и скажу вам, что буду в кровати с закрытыми глазами и в наушниках. Я не увижу вас и не услышу. Можете отправить меня в лучший мир? Прошу отозваться только серьезно настроенных. У меня нет времени на тех, у кого не хватит духу. И нет, это не призыв о помощи.

НСП для DR33M3R. Я сделаю все, что ты хочешь.

Тысячи объявлений.

Я смотрел везде. Я пробовал найти что-нибудь, что мы с Роуз еще не знали об НСП. Я заходил на форумы родственников неспящих, но никогда не мог там написать ни слова. В основном я просматривал, что пишут о «дреме». Все объявления, где хотели купить ее или обменять. Разместил пару объявлений. Все ответы, которые не ограничились только одним письмом, были от очевидных мошенников:

> Я ПОЛУЧИЛ ВАШЕ ПИСЬМО И БУДУ СЧАСТЛИВ ПРИНЯТЬ ВАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ!!! Я УЕЗЖАЮ ЗА ГРАНИЦУ И НЕ СМОГУ ВСТРЕТИТЬСЯ С ВАМИ ЛИЧНО!!! ПРИШЛИТЕ ВАШИ БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ И НОМЕР СЧЕТА, И Я ОРГАНИЗУЮ ПЕРЕВОД В ПРЕДЛОЖЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ!!! КУРЬЕР ДОСТАВИТ ТОВАР!!!

Часто направляли на посвященные «дреме» и НСП форумы для получения более подробной информации. В основном это были мошенничества с целью кражи личных данных. Некоторые сайты были вполне законные, но в основном они занимались консультациями, онлайновой групповой терапией. Религиозные сайты с проповедями обращения к Богу, смирения, надежды и в первую очередь отпора соблазну самоубийства.

Почти все эти сайты были насквозь пропитаны слухами. Кто-то убеждал, что в таком-то месте есть большой запас «дремы» и какие-то неспящие сумели до него добраться. Капитан Бартоломе говорил, что это «ожидаемая чушь». Разумеется, неспящие будут делиться слухами о тайных поставках «дремы»; чего еще можно ждать? Было бы гораздо более странно, если бы такие слухи не ходили. Он сказал: «Смотри, где деньги». Деньги, которые ему не надо было уточнять, приведут к крупным партиям.

Но должно же быть что-то. Неспящие проводят в Интернете столько времени, должно быть хоть что-нибудь насчет торговли «дремой» на черном рынке. Крупнейший сайт электронных объявлений — место, где дилеры наверняка стали бы искать покупателей. Но я ничего не нашел.

На вечеринке Хайдо сказал что-то такое о «дреме», и оно застряло у меня в голове. Пустив бутылку «Джека Дэниелса» по кругу, он сказал, что у «дремы» «особая длина волны». Он сказал, что это не совсем метафора. Он был под кайфом, но я обратил на него внимание и попросил Бини нас познакомить. Хайдо еще больше обкурился, но объяснил, что имел в виду. Сказал, что радиочастотные метки на коробках и флаконах — на самом деле

настоящие радиосигналы, которые можно отследить и которые прямо говорят, где находится «дрема». «Весь путь каждого флакона носится в воздухе» — вот что он сказал. Я это уже знал, но как-то не думал. Нельзя сказать, чтобы это мне реально помогло.

Почему нет слышимого сигнала? Видимого сигнала?

Для работы с наркотой есть свой сленг. В электронных объявлениях пишут про 420 или что едут кататься на лыжах или в отпуск, когда нужна марихуана, кокаин или ЛСД, но такие сведения можно прочитать в учебной брошюре для полицейских. Я умел находить множество подсказок, необходимых мне для выполнения задания, за счет того, что внимательно слушал и анализировал услышанное. В своем роде философия. Если прочитать Ницше, особенно не углубляясь, не почерпнешь ничего полезного; нужно подолгу размышлять над его идеями типа «Бог умер», чтобы они были не просто привычными броскими фразами.

Но для «дремы» не существовало ни сленга, ни дилерского жаргона, которого можно было бы нахвататься. Ничего такого, что засек бы полицейский радар и что заставило бы полицию навострить уши, как если бы поверх старых граффити стала появляться новая надпись.

Где-то же «дрема» должна быть. Бартоломе сказал, что спрос на нее слишком велик, а «деньги слишком большие», чтобы на рынке не было нелегальной «дремы». Настоящего DR33M3R.

Но если она и есть, почему-то ее не видно. Она не просто незаметна, она не оставляет следов. А для этого требуется организация: сознательно разработанная система распространения единственного наркотика, контролировать который правоохранительные органы были реально заинтересованы.

Настоящая «дрема». Подлинный DR33M3R, в серьезном, надежном количестве. Таблетки прямо с заводов, украденные по дороге до конечного потребителя. Об их отсутствии должно быть известно. Отдельные таблетки отслеживаются по проштампованным кодам партии и производственного цикла. У флаконов и коробок, ящиков и контейнеров, у всех свои радиочастотные метки. Если в каком-то месте из системы исчезает большое количество «дремы», кто-то должен быть в курсе недостачи. И не один, а несколько человек.

DR33M3R производства «Афронзо — Нью дей» продавался в крупных масштабах. Несколько человек непосредственно в производственной и распределительной цепочках должны были быть вовлечены в торговлю. Кто-то изнутри или извне «Афронзо

— Нью дей» придумал систему, нанял этих вовлеченных и теперь имеет львиную долю с дохода.

Хайдо сказал тогда: «особая длина волны». Бини сказал, что, по его мнению, Хайдо знал «того чувака».

Вот до чего я дошел, а теперь все разваливается. Потому что Хайдо убит. Того, что он знал об «особой волне», не существует.

Почему я это пишу? Похоже на паранойю.

Депривация сна.

Я заснул по дороге в даунтаун. Во всяком случае, мне кажется, что так было. Не помню, как доехал. Помню только, как ехал из Бель-Эйра в бунгало в Западном Голливуде (номер 754 по бульвару Кинга). Дверь открыла девушка в наряде, идеально повторяющем стиль Мадонны периода Like a Virgin. Не для вечеринки или чего-то еще в этом роде, просто она так одевается. Это мне сказала ее мама. Сказала, что ее дочь и подруги дочери увлекаются ерундой, которую в их возрасте она считала полным отстоем. Сообщила, что в восьмидесятых была панком и ненавидела Мадонну. Хотя на самом деле это не важно, потому что ее дочь думает, что Мадонна — просто одна сумасшедшая «старая тетка, которая верит в магию и усыновляет африканских детей, и ей нужно уже начать вести себя согласно своему возрасту, потому что это уже слишком, когда она выходит на люди в нижнем белье». Сказала, что ее дочери просто нравится старая музыка и она обожает такую одежду. Спросила, есть ли у меня дети, и я ответил, что есть. Она предупредила: «Вот погодите, то, что для вас в юности было отстоем, у них это будет круто». Потом поинтересовалась, сколько моей дочери, и я ответил, что она еще младенец, и она перестала об этом говорить.

У нее весь двор зарос маками. Она их выращивает. Когда цветки отпадают, она много раз разрезает головки бритвой, чтобы выступал сок и застывал слоями. Потом она отскребает его и собирает. Доморощенный опиум. Я обменял ее кетамин (10 миллилитров, жидкий) на комок опиума размером с мраморный шарик (вес неопределенный). Потом я ушел, а к ним как раз пришли два парня, один в черно-красной коже, как из Thriller, другой как из Purple Rain. По крайней мере, мне так показалось. Не помню, как сел в машину и доехал сюда. Возможно, что эти два парня мне приснились.

Я заснул за рулем.

Я мог погибнуть. Я бы оставил Роуз одну с ребенком.

Мне нужно выспаться. Но я не знаю, когда это получится. Надо встретиться с Бини. Выяснить, что происходит. Что-то ведь происходит. Мир не просто слетел с катушек. Нет, все это не случилось само по себе. Только не сейчас, когда Роуз

забеременела. Когда родился мой ребенок. Не может быть, чтобы мир решил погибнуть в то самое время, как моему ребенку пришло время родиться.

Мне нужно выспаться. Но я пока не могу. Поэтому я должен бодрствовать.

Я достал 5-миллиграммовые таблетки сульфата декстроамфетамина. Язык сухой, желудок как будто слипся. Я скриплю зубами. У меня не появляется дурацкое чувство, как в те несколько раз, когда мы с Роуз курили травку еще до того, как я поступил в полицию. Я никогда не любил травку, но Роуз нравилось вместе покурить. Я никогда не говорил ей, как мне это было неприятно. От таблеток ощущение другое. Я еще чувствую усталость, но спать уже не хочется.

Не надо мне все это писать. Только если я не напишу, это будет вранье.

Полночь. Пора идти в клуб и найти Бини.

Но сначала я позвоню Роуз и скажу, что люблю ее. Попрошу ее положить телефон рядом с ухом малышки, чтобы она могла слышать, как я ей говорю, что люблю ее. Чтобы она слышала, когда я скажу ей, что мне все равно, как она будет одеваться, когда вырастет. Или кого она будет считать крутым. Или если она будет гулять с парнями, которые одеваются как Майкл Джексон и Принц. Я скажу ей, что она может быть кем хочет и делать что хочет, когда вырастет. Но только пусть она вырастет. Она должна вырасти.

Сейчас я закончу писать. По-моему, я пишу какую-то бессмыслицу.

Но я знаю, что прав. Я знаю, что есть какая-то причина, почему мир такой. Я знаю, что кто-то постарался сделать так, чтобы мир заболел.

Но еще не слишком поздно. Еще не слишком поздно. Я говорю, что еще не слишком поздно.

Глава 9

Самое поразительное в двоих молодых людях на записи с камеры наблюдения — это невероятное напряжение, от которого они оба явно изнемогали. У одного это напряжение проявлялось в дерганой внезапности движений, в привычке то и дело проводить расческой по волосам, поправляя пробор. В конце концов его стресс самым решительным образом проявился в том, как он выдернул свой «олимпик» из кожаного ретро-чехла и полил всю комнату пулями без всякого предупреждения о том, что он собирается это сделать.

Кстати говоря, это был КЗВ-М4. Так что я угадал фирму, но не модель.

Большую часть произошедшего я установил верно. Конфликт с корейцем нарастает, остальные трудяги тактично отворачиваются. И с этого момента мои догадки не оправдались. Он не стал обыскивать комнату. Он даже не посмотрел на диск, который я четко видел, как он лежит именно там, где мне было сказано. Он пришел, убил и ушел. И оставил диск.

Я смотрел, как камеры перешли в замедленный режим и стали записывать все более короткие отрывки через все более длинные интервалы, так что часы проходили как минуты, со слабым заиканием света из-за того, что один из мониторов продолжал мерцать. И вдруг камеры ожили, возвращенные к жизни движением, и в комнату вошел второй молодой человек.

Он довольно внимательно оглядел сцену преступления, сделал несколько фотографий, зафиксировал положения тел, расположение входных пулевых отверстий и брызг крови. Потом, задержавшись для последнего осмотра, он заметил диск, что-то прокрутил в уме, взял диск и вышел. Такое впечатление, что кража диска отнюдь не была обдумана заранее.

Что касается его очевидной тревоги и стресса, то они проявлялись не в какой-то особенности поведения, а, скорее, в контрасте между сноровкой, с которой он действовал, и бездумной рассеянностью, очевидно следующей из того, что он не стер своего изображения с жесткого диска камеры наблюдения, с которого я и записал тот самый DVD, который смотрел сейчас.

Я снова просмотрел запись. Я просмотрел ее еще несколько раз.

Молодой человек был сухощавого, но крепкого телосложения. На голове не стрижка, а просто очень короткие волосы. Одежда практичная и недорогая. Нефирменные штаны цвета хаки, простая черная футболка. Только его туфли представляли какой-

то интерес. Пара черных «цубо», легендарно прочных, удобных и уродливых. Превосходно подходящих тем, кто много времени проводит на ногах. Медбратья и санитары часто предпочитают такие туфли, только белого цвета. В смысле цветовой палитры и силуэта его легко можно было принять за одного из наемников, которых я убил недавно в комнате.

Но он был не из этих. На самом деле это был полицейский. Молодой, не, сказать, что очень опытный как детектив, но боевой и способный. Было очевидно, что он выполнял домашние задания и не зевал на уроках. Он все делал тщательно, но заботился о том, сколько прошло времени, и часто поглядывал на запястье со старомодными часами. Я наблюдал за ним и пришел к новому выводу.

Изображение на камере можно было увеличить в достаточной степени, чтобы я смог разглядеть, как он стирает что-то из смартфона корейца. Это в сочетании с его вниманием ко времени, по-моему, довольно просто объясняет и импульсивную кражу диска, и высокий уровень стресса. Продажный полицейский. Заметающий следы тех темных делишек, какими он там занимался, что бы это ни было.

Этой оценке противоречили несколько деталей: время, потраченное им, чтобы осмотреть место преступления, сделать фотографии и проверить пульс у трупов. Продажный? Да, ему определенно было что прятать. Скорее всего, это были какие-то грязные дела. Всегда разумнее всего предполагать худшее о незнакомом человеке, пока не убедишься в обратном.

Например, убийца, убил из юношеской злости. Скорее всего, в деле замешаны деньги, но когда дошло до кульминации, он просто вышел из себя, а так как у него под рукой оказалось оружие, он достал его и открыл огонь. Это было написано у него на лице. Ни до стрельбы, ни даже во время. Но позже, пока дуло оружия еще дымилось, на его лице был написан абсолютный шок. Оно однозначно говорило: «Что я только сделал?» Мне даже не нужно было видеть движение его губ: «Черт». Или нервный смешок, слетевший с них. Придя туда, он и не собирался убивать всех этих людей. Он просто пришел в комнату, где, как он предполагал, он будет с кем-то спорить, и взял с собой мощную боевую винтовку. Без настоящей причины. Просто думал, что она может пригодиться. Для чего, он бы сам не сказал.

Другой молодой человек, тот, с хорошо сохранившимися допотопными часами, практичными ботинками и точной методикой, он бы ни за что не потерял самообладания подобным образом. Если бы он хотел убить этих людей, он бы пришел, имея в голове план, и выполнил бы его весьма оперативно. И все-таки,

быть может, ушел бы, забыв про камеры.

Признаюсь, я был заинтригован.

Нельзя сказать, чтобы мое любопытство меня обеспокоило. Я все равно должен был найти его, независимо от желания знать, как и почему он там оказался.

У него диск леди Тидзу.

Я обязательно должен его найти. И забрать диск. И сделать все, о чем она меня просила.

Сидя в своем «кадиллаке» и тратя еще один поздний вечер в дорожной пробке через несколько часов после того, как милый французский пилот сел на вертолетной площадке «Тысячи журавлей» в Сенчери-Сити и напомнил мне, что у меня есть его номер, я нашел ту часть записи, где полицейский повернулся лицом к одной из камер. Я остановил кадр, скопировал его, сохранил под именем «Молодой Фауст», соединился через блютус с «Кэнон Пиксма» в бардачке и распечатал несколько копий. Потом кликнул по сенсорной кнопке на моем тафбуке[16] и снова перескочил на запись, где «Молодой Фауст» удалялся задом наперед, и так же входил убийца, и я смотрел, как мертвецы радостно оживают и вскакивают, выталкивая пули из своих тел с явным облегчением, будто это все было дурным сном. Во всяком случае, так я решил по-новому представить себе эту сцену.

Я остановил запись и подумал об убийце. Мне не нужна помощь от деловых партнеров, обязанных мне одолжением, чтобы идентифицировать лицо и назвать его имя. У меня же, в конце концов, был телевизор.

Парсифаль К. Афронзо-младший. Для друзей Кейджер. Новоиспеченный массовый убийца.

Полицейский, какой бы он ни был продажный, наверняка будет его искать. Или наоборот. Поэтому и я должен сделать то же самое.

Глава 10

Парк мало что знал о музыке. В его айподе были плей-листы, которые собирала и загружала для него Роуз. Музыка, которую, как ей казалось, *он должен слушать.* Или просто песни, которые, как ей казалось, ему понравятся. Он слушал все и всегда старался слушать их именно так, как предлагала она.

«Вот это слушай по дороге», — сказала она, когда в первый раз составила для него список. Она сделала это после того, как купила ему айпод в подарок на день рождения и заметила, что спустя две недели после того, как он развернул подарок, айпод так и не был вынут из коробки. Роуз думала, что стоит ему увидеть, до чего это здоровская штука, как он начнет сам загружать в него музыку, отыскивая что-нибудь новенькое, чтобы расширить кругозор. Но он не стал.

Парку больше нравилось слушать то, что выбирала для него она. Он никогда не говорил ей, но Роуз сама стала подозревать, что он сознательно не загружал на плеер новую музыку, чтобы она чувствовала необходимость и дальше делать это самой. За несколько лет Парк постепенно наполнился музыкой, которая стала частью ежедневной коммуникации между ним и Роуз.

Названия списков песен:

Поездка к воде.
Прогулка по Телеграф-авеню.
Газонокошение.
Скучаю по Роуз.
У нас будет ребенок.
Сэндвич с сыром на обед.
Не высовывайся.
Что я сделаю с тобой ночью.
Не забудь туалетную бумагу.
Это не так уж серьезно, я не очень сержусь, просто меня доводит эта чертова работа.
Ребенок толкнул меня с утра.
Не надо так волноваться.
Унее твои глаза.
Возвращайся целым.
Без тебя не спится.

Когда в конце дня она спрашивала, как ему новый плей-лист, какие песни ему больше всего понравились, Парк никогда не знал ни названий песен, ни имен певцов. Песни были письмами от нее;

ему даже не приходило в голову обращать внимание на то, как они зовутся или кто их поет. Он говорил, что ему понравилась «та в середине, с таким радостным ритмом, только она какая-то грустная, про то, как на игровой площадке упал ребенок и все на него смотрят, а он там лежит». Или напевал ей мотив, как запомнил. Или, если она настаивала, напевал несколько строчек, застрявших в голове.

Вот о чем думал Парк, шагая вдоль очереди посетителей, дожидавшихся, пока их пропустят в «Денизон». Каждый раз, когда двери, оформленные под сильно потрепанные ворота осажденного замка, раскрывались, чтобы впустить очередное загорелое и подтянутое создание юных лет, до Парка доносилась часть песни, которую он когда-то напевал для Роуз. Только припев, который он пропел ей громким шепотом, с ритмом, который больше годился для вальса, чем для рока: «Это сердце горит, это сердце горит, это сердце горит, это сердце горит».

Из-за этого он на миг замер перед бархатным шнуром и привратником в костюме из состаренной кожи, как из блокбастера в стиле фэнтези, и кольчуге мифического воина, который ему кивнул:

— Здорово, Парк.

Двери закрылись, отрезав песню, и Парк вернулся из воспоминания о той ночи, когда он пел для Роуз.

— Здорово, Прист.

Он протянул руку, и Прист пожал ее, принимая в ладонь предложенный пузырек с порошком экстази.

Он взял его между указательным и большим пальцами.

— То же, что раньше?

Парк покачал головой:

— Лучше.

Прист сунул пузырек в карман и снял шнур с крючка.

— Сегодня большая вечеринка. Турнир в подвале. Лучшие гладиаторы.

Парк подождал, пока двойник Приста, молодой человек такого же сложения в таком же историческом костюме, нацепит ему браслет из коричневой микрозамши, застегнет его щипцами, защелкивая тонкую медную заклепку.

— Я здесь только встречаюсь с клиентом.

Прист взмахнул у двери похожим на булаву жезлом, переключая электрический глазок.

— Надеюсь, он уже там. У нас сегодня аншлаг.

Огромная дверь распахнулась.

— Как-нибудь найдемся.

Прист протянул ему кулак:

— Оторвись как следует.

Парк в ответ стукнул по его кулаку, этот жест никогда не казался ему искренним, но он научился делать его не морщась.

— Обязательно.

Он вошел в бетонный коридор с текстурным рисунком, с рельефом под настоящий камень, устье туннеля, вырезанного в склоне горы, на стенах которого пульсировали выступающие образы из «Бездны Приливов». Пустынные ландшафты из «Увядшего Края», «Деревни Орлиное Гнездо», понтонного города, который он никогда не видел и который казался собранным из отбросов крупного морского порта XX века, и «Логова Брралварра», великого дракона-гивра, яростно восстающего на отряд искателей приключений, затмевая их своей мощью.

Эти картины — то, что в реальном времени увидят сами игроки, профессиональные геймеры, находящиеся в игре.

Лезвие гигантской секиры прорубило стену, и Парк вздрогнул, узнав ловушку из «Заводного Лабиринта». Он остановился, глядя на нее и думая, может быть, где-то краешком мелькнет Люцифра. Наблюдая за чужой игрой, у тебя всегда был шанс издалека или поблизости заметить аватарку кого-нибудь из знакомых, друга или врага.

Но там ее не было. И потом сцена исчезла, сменившись «Вакхической Пропастью», непрекращающейся оргией виртуальной плоти, которая все безумнее и безумнее продолжалась в Вихре, кольцевом городе, окружающем по краю саму Бездну.

Послышалась новая песня, которую он не знал. Песня, вибрация от которой доносилась сквозь пол и стены из противоположного конца зала, за гардеробом и кассой.

На столе кассира грудой свалены ювелирные побрякушки, пакетики и капсулы с интоксикантами, пачка подарочных карт из элитных магазинов, несколько редких монет, пара ковбойских сапог из страусиной кожи, самурайский меч, чашка с ключами от машин, все с розовой карточкой на резинке, несколько толстых пачек денег, и на полу канистра с бензином на пятнадцать галлонов.

Кассир, мужчина, сбросивший робу, которая должна была делать его похожим на писаря, и оставшийся в широченных, состаренных черных джинсах из переработанного хлопка, которые держались на широких голубых подтяжках на худых голых плечах, поглядел на Парка и выставил в его сторону толстый пластиковый пистолет.

Парк протянул запястье, кассир нацелил на него сканер и нажал на кнопку. Раздался сигнал, устройство считало

информацию с крохотного серебряного чипа на браслете, переданную в ответ на запрос. Кассир посмотрел на код, высветившийся на жидкокристаллическом экранчике пластикового пистолета.

— Проходите.

Парк все равно протянул руку, незаметно передавая кассиру маленький пакетик, плотно набитый смолистыми шишками. За прошедшие месяцы, чтобы заручиться хорошим отношением, он обязательно подмазывал персонал, даже когда его пропускали в клубы бесплатно. Для дилера хорошего отношения никогда не бывает слишком много. Поскольку это часто помогает получить своевременное предупреждение о возможных неприятностях. Например, дилере-конкуренте. Недовольных клиентах. Полиции.

Пакетик исчез в кармане, и писарь негромко постучал по столу в знак благодарности, одновременно он нажал носком ботинка на выключатель в полу и открыл внутреннюю дверь.

Обстановка внутри напоминала «Вакхическую Пропасть». Чуть больше одежды на людях, чуть меньше неприкрытого секса и нет эльфов, но те же массовые пароксизмы отчаяния и страха, проявленные в безудержном разгуле. В воздухе пахло потом, ганжой, сигаретным дымом, водочным перегаром и вишневым блеском для губ. Здесь тоже были мигающие скриншоты из холла: спроецированную на потолок панораму пересекали тени, которые отбрасывали несколько подиумов, заполненных потрясающе красивыми завсегдатайками клуба, которых отобрали из толпы безработные ассистенты по подбору актеров, обменявшие свой профессиональный опыт на флаеры с бесплатной выпивкой.

Парк не работал в Денизоне. Он не обслуживал никакие клубы на регулярной основе. Приходил туда только по просьбе кого-нибудь из постоянных покупателей, которому нужно было доставить что-то конкретное. Сначала, еще до того, как всем стало ясно, с какой скоростью распространяется НСП, с какой силой ему суждено разбушеваться, он, посещая эти места, действовал с оглядкой. Он делал свой бизнес в туалетах и задних коридорах, в проулках, куда тусовщики выбегали покурить на ночной воздух. Но вскоре, когда законы против курения стали казаться не такими злыми, все стали курить внутри, и чем чаще курильщики оставались в клубах, чем их становилось больше, тем чаще и больше туда перемещались наркодилеры. Незаметная передача наркотиков еще ценилась, потому что в ней был стиль, но, с точки зрения закона, в ней не было необходимости. Тем более что никто из употребляющих их не прятался.

Оставаясь на уровне кабаре, чуть выше танцпола, Парк двигался в сторону бара. Он прошел мимо кабинок, внутри

которых на черных эмалированных столешницах протянулись дорожки кокаина, где девушка в кругу друзей скупо выдавала им маленькие голубые капсулы, где пара, он и она, взламывала амилнитритовые попперсы под носом друг у друга, где бог знает сколько народу затягивалось трубками, самокрутками и косяками и где один человек вдруг тяжело опустился на скамью, чуть не упав с нее. Рука его была еще затянута резиновым жгутом, шприц еле держался в пальцах, во впадине локтя набухала капля крови. Парк хотел было остановиться, чтобы проверить у парня пульс, но, увидев, что тот открывает и закрывает глаза и облизывает губы, на которых блуждает смутная улыбка, пошел дальше.

Такие заведения были не для Парка. Роуз, когда однажды она вытащила его на «Экзотический эротический бал в честь Хеллоуина», полагая, что, может быть, он в угаре веселья распрощается со своей застенчивостью, почти сразу поняла, что совершила ужасную ошибку. Не то чтобы Парк был ханжой. Ни в коей мере. Его не оскорбляло и не стесняло буйство плоти, проявления человеческой сексуальности во всех ее вариациях, мужчины, одетые распутными монахинями, женщины, одетые в нацистскую форму; просто от всего этого ему стало ужасно грустно. В этой всеобщей атмосфере неуверенности в себе и аффектации ему было слишком легко увидеть в этих сказочных существах ежегодного маскарада жителей тесных комнатушек, которыми в большинстве своем они и были в обычной жизни. С его повышенной чувствительностью к нервным сигналам секса, тоски и отверженности, которые разносились по залу, у него вскоре появилось ощущение, как будто кто-то скреб мелкозернистой наждачной бумагой по его нервным окончаниям. При виде выражения отчаянной неловкости у него на лице, густо загримированном под зомби ее собственными руками, Роуз нашла предлог, будто бы плохо себя чувствует, и спросила, не против ли он, если они пойдут домой. Он был не против.

Пока они ехали в метро под заливом, он смотрел на их бледные отражения в темном стекле, выбеленные в пульсациях дежурных ламп, пролетавших мимо по туннелю. Роуз, одетая с особым кричащим шиком в костюм Тряпичной Энни, положила голову ему на плечо.

Он думал о том, что он дурак, что глупо воображать, будто бы ему известно, какой жизнью живут эти люди, что его неумение расслабиться и получать удовольствие не имеет никакого отношения к уверенности в себе и прямое отношение к незрелости и незащищенности. Только слабый ребенок боится на празднике. Стоит в уголке. Ни с кем не разговаривает. Проецирует свои страхи на веселящихся. Он добавил еще один

пункт к списку личных слабостей. И твердо пообещал исправиться.

Однако, пока Парк пробирался по Денизону, поворачивал то в одну, то в другую сторону, вжимался в цепи, натянутые на высоте пояса, чтобы люди не попадали на танцпол, находил в толпе водоворот, в котором на миг чувствовал себя почти одиноким, он мог только смотреть на толпу и думать, что у кого-то из них дети дома без присмотра, пока родители в загуле.

На миг потерявшись, Парк еле почувствовал вибрацию телефона, этот ничтожный раздражитель потерялся в буханье басов. Приложив телефон к уху, он услышал только едва различимый металлический лязг. Он нажал кнопку на боку телефона, включив громкость на максимум, заткнул пальцем другое ухо и заорал:

— Бини?

Едва слышный голос:

— Да, я. Что там у тебя?

Ошеломленный шумом, толпой, усталостью и стимуляторами, которые он принял, Парк обнаружил, что из него выходит честность.

— Да ничего такого. Просто стою и сужу людей, которых не знаю.

Он услышал булькающий смех Бини.

— Да уж, здесь без этого трудно, да?

Парк приподнялся на носках и оглядел толпу.

— Ты где?

— Я в танцевальном зале. А ты?

— Тут же.

— Ты видишь там… посмотри на подиум, ты видишь там девчонку, просто настоящая Соня из «Мортал Комбат»?

Парк посмотрел на подиум и в заикающемся свете стробоскопов увидел девушку: взлохмаченные светлые волосы, большие висячие серьги, зеленая повязка на голове и такого же цвета обтягивающий спортивный топ из спандекса. Она танцевала, смешивая хип-хоп с хореографическими ударами ногами и руками, взятыми прямиком из старой видеоигры.

— Да, вижу.

— Ну вот, я прямо под ней и пытаюсь решить, стоит ли подниматься туда и рисковать, что мне выдернут позвоночник за попытку осуществить школьную сексуальную фантазию.

Парк стал пробираться вперед.

— Я от тебя на западе, кружу вокруг столов.

— Так и надо, молодец. Сюда, на танцпол, лучше и не заходить. Если только ты уже не наклюкался и у тебя нет с собой

тонны презервативов и боксерской капы.

Парк посмотрел на танцпол, на единую вздымающуюся массу, где невозможно было сказать, кто с кем танцует, где люди жались друг к другу, надеясь, что их не утащит на дно поодиночке.

Он остановился, посмотрел вверх на подиум, нашел «Соню».

— Я примерно в десяти метрах на юго-востоке от твоей мечты. Тебя не вижу.

— Проведи черту от нее к задней стене, там, где показывают драку в таверне.

— Ага.

— Смотри оттуда прямо вниз.

— Ага.

— Видишь кривой помятый канделябр?

— Вижу.

— Я как раз… стой, я тебя вижу. Не двигайся.

Парк не двинулся, и через минуту Бини стоял перед ним, с бритой головы капал пот, узкие миндалевидные глаза налиты кровью, под ними темные мешки, сам он во всегдашних велосипедных шортах и светло-голубой футболке «Манчестер-Сити».

Бини закрыл телефон, сунул его в карман на одном из плечевых ремней его плотно затянутого рюкзака и наклонился поближе, чтобы кричать Парку в самое ухо.

— Здорово, что ты пришел, братан!

Их руки встретились, маленький шарик опиума перешел от одного к другому.

Бини обнял Парка за плечи и чуть сжал их.

— Спасибо, что так быстро подогнал, братан. Я и не надеялся. Что я могу для тебя сделать?

Парк огляделся, нашел арку, ведущую в один из залов клуба, и показал на нее. Бини кивнул и пошел за ним сквозь мешанину тел в комнату, похожую на внутренность раковины (центр после завитка коридора), вдоль стен здесь летали подушки и пуфы, туман благовоний сливался с дымом сигарет и самокруток, все освещалось системой подсветки, в которой чередовались разные оттенки зеленого и голубого. Посетители полулежали на подушках или покачивались под медленный транс.

Парк отвел Бини от арки, нашел акустическую нишу, где можно было поговорить.

— Ты тут кое-что сказал на днях.

Бини покачал головой:

— Ну.

— Ты сказал, что Хайдо, может быть, знает того чувака.

Бини поморщился.

— Может, и сказал, только я не уверен, что я вообще понимал, что говорю.

Парк уставился на него.

Бини ему импонировал. Больше, чем было целесообразно. Зная, что в конце концов ему придется арестовать Бини, Парку не следовало бы испытывать к нему никакой симпатии. Не потому, что Бини был преступником, а фактически он им и не был, но потому, что никому не захочется надевать наручники на того, кого он считает почти что своим другом. Большинство полицейских агентов, работающих под прикрытием, обладают большими способностями к раздельному мышлению.[17] Это такой же ценный дар, как и ложь. Они запечатывают свои настоящие чувства и создают имитацию. Которую легко срывают, когда наступает пора показать значок, притащить кого-то в полицейский участок, сесть против него в камере для допросов и сказать ему, что он вляпался по самое некуда.

Во всяком случае, так они сами говорят. Когда рассуждают, как далеко они могут зайти, как глубоко скрыться под своим прикрытием, Хвастают секретами, которые раскрыли им друзья по ту сторону баррикады. Не криминальными, а самой настоящей мерзостью.

Парк слышал их разговоры, еще когда сам носил форму. После дежурства они играли в шаффлборд в «Уютном уголке», делились тайнами подонков, которые плакались им в жилетку, рассказывая, как однажды пробовали с парнем, как теряли контроль над собой и били ребенка, трахали жену брата, жалели, что старый папаша зажился на свете и никак не помрет, отдавали мать в богадельню, чтобы продать ее дом и расплатиться с карточными долгами, специально сбивали машиной бездомную собаку, чтобы посмотреть, что будет. Полицейские смеялись и рассуждали, как будут использовать эту информацию, чтобы сломать этих подонков после ареста.

Отходя от стойки бара с пивом и сельтерской, Парк смотрел, как полицейские стучат стаканами с виски и колой, стопками текилы «Куэрво», двойного «Дьюарс» со льдом, слушал их буйные разговоры и наблюдал пьянство измученных проблемами людей. Возвращаясь к угловому столу, где они с Роуз просматривали списки детских имен, он испытывал чувство благодарности за то, что ему не приходится мучиться из-за такого обмана. Работать со значком на груди нелегко, но это честно.

Когда же он стал работать без значка, его естественное состояние сухости и отстраненности на самом деле больше привлекало, чем отталкивало клиентов. Наркоманы часто любят поговорить. В большинстве случаев нелегальные наркотики

употребляют в компании или для самолечения. Тем, кто употребляет их в компании, трудно вставить слово среди себе подобных. А одиночкам, наоборот, не с кем поговорить. Не прилагая к тому усилий, Парк излучал свой природный ореол надежности. И клиенты отозвались, стали делиться с ним не только постыдными секретами и мелкими проступками, но и шли на откровенность, в которой полицейские из «Уголка» не признали бы никакой ценности. Однако для Парка рассказы клиентов были драгоценными: кто-то тайно мечтал быть художником, но отказался от мечты из-за денег, кто-то подробно рассказывал об озарении, изменившем его веру, которой он придерживался всю жизнь; кто-то откровенничал о том, что сестра, с которой они давно стали чужими, пожертвовала для него здоровой почкой, кто-то читал свои стихи, за которые получил награду в тринадцать лет.

В том, что Парку эти признания причиняли боль, потому что в основе их лежала ложь, его ложь, не было ничего необычного. Любая откровенность для него была болезненной. Еще одно раскрытие. Еще один шершавый выступ, который могут отрезать от него. Еще одна потенциальная утрата в этом мире.

Сидя в гостиных у клиентов, слушая их рассуждения о том, как сильно они любят какую-нибудь картину Ботеро и как они увидели ее в первый раз и это изменило их взгляд на собственное тело, глядя, как они подходят к полке, чтобы найти книгу с репродукцией картины, Парк молча умолял: «Не делитесь со мной. Я не тот, за кого вы меня принимаете. Я предам ваше доверие». Но, даже сделав дело, он не вставал, чтобы сразу уйти, так он пристрастился к этим мучительным откровениям.

Так он узнал, что Бини — кореец по рождению, его усыновила белая американская пара, у которой не было собственных детей, что его вырастили в Оклахоме, где азиату было не так просто ассимилироваться, что он сел на велосипед, потому что это создало некоторую дистанцию между ним и другими детьми, что родители любили его, но так и не смогли приспособиться к его врожденной инородности, как они думали, что смогут, и он не упрекал их из-за этого, что хоть он и любил их, но легко покинул дом, как только представилась возможность, что он предпочел влезть в огромный долг, чтобы поступить в Университет Южной Калифорнии, чем остаться дома и позволить родителям заплатить за Оклахомский университет, что он ощущал себя почти таким же чужим, будучи оклахомцем в Лос-Анджелесе, как и корейцем в Либерти, что он познакомился с девушкой и влюбился и что она помогла ему справиться с этим отчуждением, что он женился на ней еще во время учебы, что она

дважды беременела и оба раза у нее был выкидыш, что причина выкидышей была связана с тем, что она болела волчанкой, что она умерла через пять лет после их свадьбы, что Бини ушел с работы, будучи востребованным арт-директором видеоигр, продал обе свои машины, стал жить на яхте, пришвартованной у Марина-дель-Рей, и отдался велосипеду. Что он каждый день начинал с косяка, чтобы закрыть облаком то, что он потерял, что в течение дня он то утолщал, то утончал это облако с помощью разных смесей и комбинаций травы, кокаина, героина, таблеток и спиртного, что периодически на протяжении дня он доставал из сумки свой ноутбук «Зона-51» и входил в «Бездну», где играл за героя по имени Либерти, бродячего Скального Монаха, которого он использовал, чтобы добывать золото и артефакты, которые он менял у других игроков и фармеров, таких как Хайдо, и что он проезжал сотни километров каждый день, но никогда не мог оторваться от того, что шло за ним по пятам, и в лучшем случае спасался от него на несколько ночных часов, когда усталость и химические вещества в его организме топили его в сне без сновидений, который он вожделел, как ничто другое, кроме как снова увидеть жену.

И потому, что Парк знал все это, он смог сказать то, что был должен, когда наклонился к Бини, чтобы ни один из незнакомых людей в зале их не услышал.

— Моя жена этим больна.

Бини снова дернулся:

— Вот черт.

Он посмотрел на завихренные стены комнаты и потом уставился на свои ноги.

— А дочка?

Парк знал, что это будет следующим вопросом. Он думал, что готов услышать его, но ошибся. Он хотел найти ответ, который давал бы максимальный простор для надежды. Хотя на самом деле сказать можно было только одно.

— Мы не знаем.

Теперь Бини качал головой, качал, глядя на низкий потолок, на нарисованную там гладь ночного неба с созвездиями «Бездны», нереальными небесными телами.

— Что за мир, братан. Он хочет нас сломать. — Он посмотрел на Парка. — Здесь нельзя быть хрупким.

Парк представил, как отец пристраивает к подбородку ствол своего любимого ружья. Он не шевельнулся, не спуская глаз с лица Бини.

Бини положил руку на свою макушку и нажал.

— Мне надо отключиться.

— Бини.

Бини не шевельнулся.

Парк положил ладонь поверх руки Бини.

— Тот человек, про которого ты говорил, — это владелец клуба?

Рот Бини скривился, его глаза бегали из стороны в сторону, как у человека, который чувствует, что сзади что-то приближается к нему.

— Ну да, это я про него говорил.

— А ты с ним знаком? У вас были какие-то дела? Бизнес? Он игрок? Ты ему что-то продавал?

— Мы кое-чем вместе занимались.

— Мне надо с ним встретиться.

Бини вытащил руку из-под ладони Парка.

— Честно, Парк, я должен сказать, если тебе что-то нужно от этого типа, пожалуй, не мне следует вас знакомить. Мы с ним в последнее время не в ладах. Надо поискать другой способ.

Парк держал руку на голове у Бини.

— У меня нет времени на другие способы.

Бини взял Парка за запястье и сжал.

— Да, понимаю. Просто дай мне кайфануть по-быстрому, и мы придумаем, что делать.

Он отпустил Парка, пригнулся, выныривая из-под руки более рослого спутника, и направился к туалетам, человек из того поколения, которое верило, что наркотики не принимают у всех на глазах.

Глава 11

Парк смотрел, как волнистое лезвие фламберга вонзается в бок Северянина и взрезает вверх, вспарывая грудную клетку огромного варвара в брызгах крови. Он видел это снова и снова, пока ключевой момент вновь прокручивали на экранах главного игрового зала, находившегося на подвальном уровне под бухающим танцполом.

Басы глухо доносились от потолка, часто терялись в криках, аплодисментах и свисте толпы, набившейся в зал посмотреть на гладиаторов.

Баннер над баром объявлял, что здесь проходит региональный турнир «Побоища» Североамериканской федерации видеоигр. Победитель регионального турнира встретится с тремя другими гладиаторами в национальном чемпионате, а затем победитель чемпионата поедет на мировое первенство в Дубае. Стоя в дальнем конце длинной комнаты, Бини объяснял это Парку, в то время как рептилоид — владелец фламберга согнулся на экране по команде своего прототипа — сутулого, костлявого геймера-азиата, который сидел на помосте посреди зала на одном из двух сочлененных кресел из черной сетки.

Казалось бы, геймерам незачем было восседать на помосте. Все взгляды были прикованы к основному экрану, массивному, составленному из четырех пятидесятидвухдюймовых жидкокристаллических дисплеев «Сони», или к одному из десятков экранов поменьше, выступающих на стенах и потолке. По всем практическим соображениям геймеры должны были бы сидеть дома, удобно устроившись на диванных подушках со впадинами, высиженными их задами. Во всяком случае, так думал Парк, пока не увидел, как образуется столпотворение из фанатов, когда геймер поднялся, небрежно бросил на кресло подогнанный под индивидуальные требования джойстик, вздернул воротник блестящей нейлоновой куртки в логотипах, наброшенной на его плечи, словно плащ, и спустился по трем ступенькам в толпу, выхватывая у них из рук листки бумаги, футболки с «Побоищем», бейсболки с эмблемой САФВИ, глянцевые фотографии и прочие сувениры, предлагаемые для автографа.

Бини качал головой:

— Я сам не особенно увлекаюсь такой кровавой бойней, но тот парень, Комикадзе Y, он разделал варвара, как хрен на терке.

Парк протер глаза. В них как будто насыпали песку, чуть ли не камней, как будто у него вскочил ячмень. Он никак не мог перестать скрипеть зубами; его челюстные мышцы замерли в

судороге. Он знал, что дело в стимуляторах, но от знания причины симптомов ему не стало легче. Он знал, что только одно средство из двух позволит ему почувствовать себя хоть немного лучше: сон или снова стимуляторы. Ему хотелось быть дома, в объятиях Роуз, чтобы малышка лежала между ними в безопасности.

Он широко раскрыл рот, выдвинул челюсть и закрыл, щелкнув зубами.

— Не люблю игры, где люди только убивают друг друга.

Бини отпил из стакана с «Отверткой».

— Как я сказал, мне тоже не в кайф, но пару раундов я поиграл. Это как гольф. Может, тебе и не в кайф, но попробуешь раз или два и понимаешь, как это трудно. После этого каждый раз, когда видишь этих ребят на Турнире, не можешь не думать, что они настоящие волшебники, раз вытворяют с мечом такие штуки. Комикадзе Y и тот, другой, наверху, они такие. Волшебники с джойстиком.

Парк понял, что это были люди, уставшие от бесконечных головоломок «Бездны» и сценариев с решением задач, от социальной динамики, которой игроку необходимо было владеть, если он хотел влиться в рейдерскую группу или квест. Чтобы продвигаться в игре, нужно было долгими часами распутывать узлы логических схем и личных характеров, а не только рубить и резать. Сам он не очень интересовался игрой. Если бы не Роуз, он бы даже не завел себе персонажа и уж тем более не стал бы торчать в компьютере несколько часов, ища приключений и исследуя локации. Он не умел отключать неверие и отдаваться иллюзии до такой степени, чтобы действительно пережить эффект погружения, но он восхищался искусством и мастерством, вложенным в создание игры, внимательностью к деталям. И он уважал ценности, встроенные в системе уровней, по которым продвигались персонажи по мере накопления сил. Конечно, переход на новый уровень можно было купить ценой крови или золота, но находчивость и командный дух награждались гораздо более щедро. Игрок мог перескочить единым махом несколько уровней, если верно отвечал на загадку или собирал головоломку. Парку нравилась сама концепция мира, где сообразительность и способность взаимодействовать с другими ценились выше кровожадности и алчности.

«Побоище» было ответвлением «Бездны Приливов» для игроков с противоположным настроем. Которых было немало. В «Побоище» их виртуальная брутальность вознаграждалась с лихвой, но взамен им приходилось чем-то рисковать. Погибнув в «Бездне», персонаж проходил через неудобную реинкарнацию в

сердце «Бездны», но геймеры в «Побоище» могли перейти на следующий уровень профессионализма, только постоянно рискуя жизнями своих воинов. Аватары, убитые на подобных турнирах, больше не возникали, чтобы снова вступить в бой; они погибали. Все их данные стирались с серверов «Побоища», локально сохраненные копии блокировались от повторной загрузки.

Наблюдая за коренастым, лысым мужчиной лет сорока, который молча всхлипывал, раз за разом опрокидывая стопки текилы, подставляемые его мрачными помощниками, Парк догадался, что это был один из стертых. Проигравший боец, увидевший, как плоды сотен часов игры погибли и рассеяны во мраке неизвестности.

Он заскрипел зубами.

— Это наводит тоску.

Бини отхлебнул из стакана.

— А что не наводит тоску?

В динамиках раздался голос ведущего, который объявил фанатам о начале получасового перерыва перед финальным боем, поблагодарил разнообразных спонсоров, перечислил фирменные напитки и отдал честь хозяину вечера.

— Кейджер!

Несколько узких прожекторных лучей засуетились, забегали по залу, сошлись на бастионе из скамеек и диванов и остановились на стройном молодом человеке в черных ливайсах с завернутыми штанинами, из-под которых на несколько сантиметров выступали провисшие разные носки, красный и синий, и винтажной армейской майке без рукавов с Tubeway Army.[18] Сгорбившись над серебристо светящимся экраном смартфона, он вынул из заднего кармана черную расческу и провел по голове, разделяя на пробор свои намасленные до неподвижности, светлые, почти льняные волосы. Он убрал расческу, щелчком пальцев как бы дал понять, что слышит приветствия толпы, и снова вернулся к телефону и большими пальцами заплясал по выдвижной полнобуквенной клавиатуре.

Над толпой раздался короткий радостный возглас, прожекторы опять стали плавать по стенам, и все разошлись по барным стойкам или туалетам. На экранах изображение плавно перешло в другое, эмблемы турнира сменились снимками и отрывками видео, которые сняли тут же и отправили с телефонных камер и смартфонов клубные завсегдатаи этого вечера.

Парк смотрел на молодого человека.

Дитя богатства, известный мот и распутник, поставщик бесконечных сплетен для блогов. Подозреваемый в том, что

наживается на чуме. Он точь-в-точь походил на одного из тех нелюдимых студентов, которых Парк знал еще в Стэнфорде. Адепты непонятных цифровых исследований. Он не общался с ними, но узнавал в их глазах тот же отчаянный жар, который владел кандидатами в доктора на отделении философии.

Парк допил воду из бутылки, из которой время от времени отпивал, чувствуя сопротивление в напряженном желудке, и поставил ее на коктейльный столик, заставленный пустыми стаканами с окурками.

— Я хочу с ним встретиться.

Бини допил стакан, отставил его в сторону, наклонил голову к одному плечу, потом к другому и подпрыгнул на пальцах ног.

— Пойдем посмотрим на принца.

Низкие столики и диванчики в ВИП-зале были захламлены техническими новинками; мини-видеорекордеры, переносные игровые консоли, сверхпортативные DVD-плееры, небольшая стопка телефонов, из которых кто-то, видимо, пытался построить башню, флешки, пригоршня карт памяти и прочие сопутствующие россыпи инсталляционных дисков, перекрученных USB-кабелей, пенопластовых и картонных упаковок, карточек на скидки и некачественных пальчиковых и мизинчиковых батареек.

Парсифаль К. Афронзо-младший, сидя на краю синевато-серой оттоманки, как на насесте, по всей видимости, забыл и о суматохе, и о своей свите, беспорядочно кружащейся вокруг него. Они сосали из бутылок малиновую водку, промерзшую, в кубиках льда, распаковывая коробки и почти тут же теряя интерес к электронной халяве, присланной в дар спонсорами мероприятия. Отсылали сообщения друзьям в соседних залах клуба, чтобы узнать, не пропустили ли они чего-нибудь стоящего; они отрабатывали свою невозмутимость, пока начинающие папарацци случайно захватывали их камерами сотовых телефонов на фоне Кейджера.

Плетясь следом за Бини, Парк заметил дуэт коротко стриженных, бдительных молодых женщин, облаченных с ног до головы в обтягивающие, словно вторая кожа, костюмы из разных неотражающих черных тактических материалов. Этому стилю соответствовали и штурмовые винтовки, висевшие у них за спиной, и пистолеты на бедрах. Казалось, что их костюмы, скорее уместные для героев второсортных боевиков, никак не влияют на их компетентность. Заметив, что Парк и Бини направляются прямо к веревкам, окружавшим зону ВИП, одна из женщин двинулась им наперерез, а другая несколько переменила положение, чтобы иметь возможность обеспечить огневое прикрытие или закрыть своего клиента собственным телом.

Охранница, которая шагнула к веревке, указала им на уставившуюся в пол очередь вдоль ближайшей стены.

— Прошу вас занять место в конце очереди. Если Кейджер сегодня будет раздавать автографы, то только в порядке очереди.

Бини поднял руку:

— Кейджер.

Охранница положила руку на рукоятку пистолета.

— Прошу вас не обращаться к Кейджеру, сэр.

— Кейдж, это Бини.

— Прошу вас отойти от веревки, сэр.

Бини приподнялся на носки, стараясь заглянуть ей через плечо.

— Эй, это я, Бини; я хотел поговорить с тобой насчет того, о чем мы говорили в тот раз.

Охранница сделала шаг вперед и уставилась прямо в лицо Бини.

— Ты, козел, ты вежливого языка не понимаешь? Тебе сказали оставить Кейджера в покое и отваливать в конец очереди. А лучше вали из клуба, пока тебе не продырявили задницу и не выкинули на улицу.

— Спокойно, Имелда.

Она отодвинулась.

— Сэр?

Пальцы Кейджера застыли, и он сделал знак.

— Все нормально. Иди встань рядом с Магдой и продолжай производить сексуальное и опасное впечатление.

Ее идеальные ноздри раздулись.

— Сэр?

Кейджер стучал по клавишам, набирая кому-то сообщение.

— Позируй. Когда ты подходишь, это лишает картину всей гармонии. С этим могут справиться и клубные вышибалы. Если ничего серьезного не происходит, я хочу, чтобы вы с Магдой оставались на месте и сохраняли композицию. Если возникнет ситуация, как в тот раз, в Тихуане, когда те типы пытались меня захватить, можешь переломать им коленки, а Магда может прострелить им ладони, как там. А пока я очень хочу, чтобы вы не нарушали целостность картины.

Имелда полукивнула:

— Слушаюсь, сэр.

— Да, и еще, пожалуйста, зови меня «босс».

— Да, босс.

— Спасибо.

Она вернулась на позицию, ее напарница стала напротив, обеспечивая максимальный охват периметра.

Движение пальцев Кейджера свелось к одному и тому же действию: он много раз подряд ударял по одной кнопке.

— Бини.

— Здорово, Кейджер.

— Бини, ты добыл мне «Кодекс Стремлений»?

Бини посмотрел на Парка, закатил глаза с видом «я же тебе говорил» и покачал головой:

— Нет, чувак, не добыл.

Кейджер трижды яростно ткнул в одну и ту же кнопку, потом нажал и не отпускал.

— Так чего ты ко мне пристаешь? И чего я не дал Имелде засветить тебе электрошокером? Я хочу взломать «Опору Вершины» и не могу начать без «Кодекса».

— Ну да, знаю. Я думал, что добуду, но меня задержали, потому что сделка, которую я пытаюсь заключить, зависит от третьего лица. Как только дело прояснится, как только Хайдо мне скажет, что *та* сделка заключена, у меня будут свободны руки и я смогу достать тебе «Кодекс».

— Мать твою!

Кейджер поднял руку и швырнул телефон на пол. Экран тут же погас, крошечные клавиши с цифрами и буквами разлетелись, и рябь молчания пробежала по кругу прихлебателей.

— Логанред. Я целую неделю бился, хотел купить «Молот Наивысшей Ярости». А этот тихоня делает блиц-ставку и выигрывает аукцион в последнюю наносекунду. Какой смысл торговаться, если используешь программу, которая сделает ставки за тебя? Я не могу вообще понять такой образ мыслей. Логанред. И что, он теперь чувствует себя победителем?

Парень на банкетке, одетый в черный сюртук и красные джинсы, заправленные в черные байкерские башмаки, поднял дымчатые линзы своих прямоугольных коррекционных очков.

— Тебе не нужен «Молот Ярости», Кейдж. У меня есть «Молот».

Кейджер собрал обломки телефона и коротко стриженным ногтем большого пальца поддел дверцу сим-карты на задней панели.

— Да, Эдриан, знаю. Весь смысл иметь собственный «Молот» состоит в том, что во время кампании ни ты, ни твой «Молот» мне больше был не нужен.

Он вытащил из слота кусочек позолоченного голубого пластика.

— Вот почему я так расстроился. Потому что теперь мне придется лишнюю ночь терпеть твой неоригинальный стимпанковый шик.

Он повернул голову в сторону парня, вытащил из кармана расческу, провел по голове резкими взмахами.

— Ты знаешь, Эдриан, что все над тобой смеются? Этот заводной значок на лацкане и этот аскотский галстук — они претенциозные. Почему нельзя надеть нормальные джинсы с футболкой? Ты не клевый. Быть не клевым — нормально. Ты просто перестань так сильно стараться. Ты же выставляешь себя в нелепом свете.

Эдриан опустил затемненные линзы на глаза, но уже после того, как там явственно блеснули слезы.

— Отлично, тебе не нужен мой «Молот». Отлично, брат.

Он поднялся.

— Тогда можешь идти в «Тессерактовую Синклиналь» без меня, и посмотрим, что получится.

Кейджер пожал плечами:

— Если хочешь обижаться, обижайся. Но я не о том. Я только хотел тебе помочь.

Он показал на узловатый пластмассовый цилиндрик в руках у Эдриана.

— Можешь оставить себе этот инфракрасный монокуляр, раз он так тебе понравился. И сам можешь остаться.

Эдриан понажимал какие-то кнопки на боку цилиндра.

— Спасибо, Кейджер. Я не хотел вести себя как скотина, и ничего такого.

Кейджер покачал головой:

— Да садись, Эдриан. Даже если б ты и хотел вести себя как скотина, у тебя ничего бы не вышло. Ты хороший. Раз такое дело. И раз у меня все равно еще нет своего «Молота». Так что мне без тебя пока не обойтись.

Эдриан опустил голову.

— Ладно, ладно, вот посмотришь. Я тебе пригожусь в «Тессеракте».

Кейджер отвернулся и сунул руку в мятую и потрескавшуюся кожаную сумку, которая стояла у него между ног.

— У Хайдо нет «Кодекса», Бини. Если б был, я бы купил у него. Я всегда сначала покупаю у Хайдо. Он надежный. Я покупаю у Хайдо. Потом покупаю у других. А потом уже обращаюсь к тебе. Как к последнему средству. А у тебя нет моего «Кодекса».

Бини вертел ремешки-липучки своих велосипедных перчаток.

— Я знаю, что у Хайдо нет «Кодекса». Но он выступает посредником в сделке с целым комплектом артефактов, который я собрал для одного клиента. Как только мы с этим покончим, у меня будет все нужное для того, чтобы провернуть сделку с «Кодексом».

Кейджер достал из сумки телефон, точно такой же, как «Нокия», которую он только что разбил, и стал его рассматривать.

— Когда ты разговаривал с Хайдо?

— Хм… вчера?

Бини посмотрел на Парка.

— Это мы тогда с тобой виделись?

Глаза Кейджера дернулись с телефона на Парка и обратно.

— Ты знаешь Хайдо?

Парк кивнул:

— Мы вместе ведем дела.

Кейджер отодвинул панельку на новом телефоне и сунул туда сим-карту из старого.

— Можешь достать для меня «Кодекс»?

Бини кашлянул.

— Он этим не занимается. У него другие дела.

Крошечная панелька захлопнулась.

Кейджер вытащил расческу, подровнял пробор, вытер ее о бедро и сунул в карман.

— Шабу?

Глядя в зеленые глаза Кейджера, Парк на секунду поверил, что он неспящий. Не только потому, что зрачки были сужены в точки, это было ощущение, как будто его глаза воспринимали свет на другой волне. Такой взгляд он видел у Роуз, когда она начала разговаривать с прошлым или с целой реальностью, которая никогда не существовала. Потом, так же быстро, Парк осознал свою ошибку. Кейджер не был неспящим; он просто видел не тот мир, который видело большинство. Это был взгляд, с которым Парк познакомился еще в детстве, тогда, когда правила этикета, управлявшие карьерой его отца, требовали от его семьи взаимодействия с обладателями нечеловеческих богатств.

Он кивнул.

— Да. Шабу.

Глаза Кейджера сосредоточились на чем-то новом.

— Есть с собой?

— Есть.

Кейджер кивнул.

— Имелда.

Охранница чуть выпрямилась по стойке «смирно».

— Да, босс?

— Есть для меня новости?

Она бессмысленно дотронулась до узелка наушника с беспроводной связью.

— Нет, босс.

Кейджер смерил глазами Парка сверху вниз и снизу вверх:

— Ладно.

Он встал, повесив сумку на плечо, и поднял ближайший к себе отрезок бархатной веревки.

— Пошли.

Парк наклонил голову и прошел под веревкой, Бини следом за ним.

— Куда?

Кейджер махнул телефоном в сторону турнирного зала:

— Подальше от этих.

Он отвернулся от них, прикоснулся к одной из ржавых железных заклепок, окаймлявших алую обшивку стен, и распахнулась секретная панель.

Эдриан и еще несколько человек из свиты поднялись, чтобы занять свое место в кильватере Кейджера. Он поднял руку.

— Ребята, там не будет никаких звезд, ни познакомиться, ни переспать будет не с кем, и я не собираюсь ничего раздавать. Вы вполне можете оставаться здесь и глазеть на бойню. — Он показал рукой. — Ты тоже посиди здесь, Бини. Мне больше посредников не надо.

Парк покачал головой:

— Он не посредник.

— Тогда он не нужен нам, чтобы делать дело.

— Я хочу, чтобы он вошел.

Кейджер раскрыл клавиатуру нового телефона и стал щелкать кнопками.

— Зачем?

Парк, усталый, начиная чувствовать побочное действие стимуляторов, вспомнил свои годы в Дирфилде и беспощадность, с которой там шла классовая война. Хотя сам он не был голубой крови, в смысле происхождения, семейного состояния, связей и внешности, он все-таки имел возможность войти в любую группировку. И после первого учебного года оказалось, что лучше всего он чувствует себя со студентами на стипендиях, принятыми потому, что здесь отучились члены их семьи. Как только Парк очутился среди них, в течение трех последующих лет ему представилось немало возможностей применить свои таланты, ставя на место хулиганов, принимавших его друзей за легкие мишени.

Только Роуз, которая истерически смеялась при мысли, что до него так и не дошло, в конце концов, заявила ему, что, *возможно,* существует некоторая связь между этим опытом и его склонностью к работе в полиции.

Когда Парка отбросило в прошлое, на школьный двор, он утратил долю естественной подобострастности дилера перед

лицом богатого клиента и вышел из роли.

— Потому что он мой друг.

Кейджер наклонил голову вбок.

— Он твой друг?

— *Да.*

Кейджер поднял глаза от телефона.

— И что я теперь должен думать о*тебе?*

Парк покачал головой:

— Мне все равно, что ты обо мне думаешь.

Кейджер улыбнулся:

— Ну ладно. Вы с другом идите вперед. Чтобы Имелде и Магде удобнее было в вас выстрелить, если вы попытаетесь покуситься на мою личность.

Парк посмотрел в глубь коридора, открывшегося за панелью.

— Так если там не будет ни рок-звезд, ни обалденного секса, зачем мы туда идем?

Кейджер снова взял расческу, прижал зубцы к подбородку, на коже появились белые полоски.

— Чтобы увидеть нечто прекрасное.

Проход производил впечатление заброшенного технического коридора. Подошвами они клацали о стальные решетки, положенные на изъеденные ржавчиной железнодорожные рельсы. Узкий желоб с вязкой красновато-коричневой жидкостью бежал внизу, коридор освещал ряд промышленных ламп в клетках, соединенных внешним кабелем, все лампы, кроме двух, были разбиты, светили тускло или мигали; бетонные стены, казалось, источают желчь.

Парк дотронулся до стены и ощутил, что она совершенно сухая и теплая, почувствовал пальцами тонкие штрихи искусно наложенных слоев краски.

Кейджер кивнул:

— Я сказал дизайнеру, что мне нужен тайный коридор и что он должен производить такое впечатление, будто тебя ведут пытать.

Он показал на испещренную ржавчиной дверь впереди, похожую на дверь в учреждении:

— Это задумывалось как лаунж для знаменитостей, только для своих, для самых близких. Тайная дверь, тайный ход, внушающий ожидание упадка. А внутри, разумеется, сплошная роскошь. Кабельная трансляция с танцпола и из туалетов, отдельный бар и диджей, мажордом, которого можно послать за любым, кого ты увидел на экране и захотел пригласить за зеленые шторы посмотреть, как живут волшебники мира. В конечном счете все та же глупая показуха, которая дает богатым и

знаменитым возможность почувствовать, что они не такие, как все. Или на несколько минут разогнать их скуку. И мне стало неинтересно удовлетворять запросы этой тусовки.

Он прошел мимо Парка и Бини и взялся за ручку двери.

— От денег люди тупеют. У них нет необходимости так же упорно работать, как тем, у кого нет денег. Вот почему умные люди, у которых деньги есть, тратят их в основном на одно.

Парк подумал об отце.

— Они тратят их на то, чтобы люди, не имеющие денег, никогда их и не получили.

Кейджер наклонил голову.

— А ты не дурак. Как тебя зовут?

— Парк.

Кейджер поправил ремень сумки на плече.

— Знаешь, Парк, что я думаю?

— Не знаю.

— По-моему, мы очень скоро выясним, что сильнее, знание или деньги. По-моему, чем хуже идут дела, тем больше будет расстояние между умными бедняками и глупыми богачами. И что умные бедняки сумеют разобраться, как надо жить, а глупые богачи, наверное, сделают что-нибудь совсем тупое. К примеру, нажмут парочку красных кнопок и взорвут все к чертовой бабушке. Вот что я думаю. — Он расчесал волосы. — А ты что думаешь?

На Парка потянуло холодком замерзшего мира, но он не мог поверить в тот сценарий, который услышал. Его ребенок не допускал таких прозрений. Для его ребенка нет места в таком мире, какой описывал этот богатый чужак, так откуда же ему взяться?

Он показал на дверь.

— Я думаю, нам следует договориться, пока деньги совсем не обесценились.

Кейджер достал из сумки ключ, какие бывают в кино про тюрьмы.

— Ты не дурак. Но тебе не хватает воображения. Или, может, тебе не хочется им пользоваться.

Он вставил ключ в замок и со скрежетом провернул на 360 градусов.

— Возможно, ты не проникнешься увиденным.

Он толкнул дверь, и она распахнулась.

— Только, хочешь или нет, ты будешь мечтать об этом.

Он шагнул внутрь, снова достал расческу и поправил какие-то неразличимые погрешности своей стрижки.

Парк и Бини последовали за ним, вошли в скрытую круглую

комнату, бывший дворец самых элитных клиентов Кейджера. Теперь, вместо обезумевших от кокаина старлеток и урожденных полукровок, отбросов европейской аристократии, комнату обжило приглушенное собрание эстетов и любителей, строго отобранный внутренний круг.

Здесь были почти исключительно мужчины, в большинстве не старше тридцати, их высокий статус внешне проявлялся в малоизвестности фильмов, групп, литературных цитат или обрывках машинного компьютерного языка, изображенных на их футболках. Некоторые из присутствующих носили очки, чаще всего громадные пластиковые в стиле ретро или незаметные, без оправ, геометрической формы. Прически так же варьировались, от длинных и нечесаных волос до бобрика военного образца. Одеты они были в джинсы, черные предпочтительно, защитные позволительно. Избранная обувь — кеды конверс, черные, красные или белые, высокие или низкие. Ни один из присутствующих не сумел повторить скрупулезность ботанического совершенства Кейджера. Планшетники, смартфоны, ноутбуки, облака ссылок, все очень модифицированные и персонализированные. Приборы передавали сигналы непосредственно друг другу и по вездесущей беспроводной сети клуба, а также подробно сообщали, хотя и без слов, об убеждениях и склонностях своего владельца в пределах этого особого конклава.

Как и в турнирном зале, откуда они только что ушли, всеобщее внимание было приковано к ряду экранов. Они были смонтированы на стене вдоль половины окружности комнаты на таком уровне, чтобы обеспечить наибольший комфорт для зрителей, сидящих вдоль диаметра комнаты. Интервалы между экранами были рассчитаны таким образом, чтобы минимизировать боковое рассеивание света и не отвлекать периферийное зрение на соседние экраны. На потолке и голых участках стены висели увеличенные фотографии процессорных чипов и подробные скриншоты золотой эры 8-битных видеоигр из 80-х годов, которые скрывали динамики и одновременно отражали и фокусировали звук в центре комнаты.

В центре располагалась группа из пяти черно-красных Шаровых кресел «Ээро Аарнио». Сидевшие в них полностью погрузились в шары, и только ноги свисали или высовывались из отверстий, повернутых в сторону экранов.

На самих экранах изображения мелькали и неслись, камеры наезжали и отъезжали, выхватывали частности из рядов всплывающих и выпадающих меню, находили место на карте, карта увеличивалась и разворачивалась в виде тщательно

детализированной сцены на центральной площади полностью железного города. Это Кузня, Город Кузнецов. Одна из точек входа в «Бездну Приливов». Пункт назначения для групп, которым нужно либо тяжелое вооружение, либо изготовить орудия для конкретного ремесла.

Пять центральных экранов показывали город с точки зрения нескольких персонажей. На остальных экранах — коллекция более широких общих планов. Пять аватаров: темный, светлый, человек, нечеловек, в кольчуге, в латах, дородный, стройный, ощерившийся лезвиями, с одним только посохом в руках, в плаще с капюшоном, в бикини из меха. Традиционные архетипы ролевых игр в стиле фэнтези. Они материализовались со свистом и гудением, сгущаясь из искусно размытого пространства, и стояли неподвижно среди дымящихся чудес Кузни.

Зрители, устроившись за круглыми столиками и на банкетках, напротив экранов, шевелились, кто-то набирал текст на своих устройствах, несколько человек шептали что-то в микрофоны.

Парк услышал, как парень со следами от угрей на лице и в футболке с логотипом «Атари» тихо говорит в цифровой диктофон.

— Решили остановиться на классике. Рыцарь, волхв, вор, варвар, эльф. Не знаю, то ли имеется в виду лагерь, то ли вассальная присяга.

Приход Кейджера вызвал небольшое оживление, взгляды отвлеклись от экранов. В его сторону закивали, и он ответил на кивки взмахом расчески, адресованным сразу всем, потом повернулся спиной к аудитории и посмотрел на экраны.

Затем почесал шею зубцами расчески.

— Знают свою тусовку.

Он посмотрел на Парка, кивнул ему, подзывая в сторону к небольшому бару.

Барная зона, где управлялась очень молодая девушка, одетая с шиком анимешной школьницы-гейши с Харадзюку, располагалась примерно на метр ниже пола, так что глянцевая поверхность стойки с коллажами из порнографических картинок с героями Диснея находилась на уровне коленей приближающихся клиентов. Кейджер опустился на колени и кивнул барменше. Она наклонила голову и стала наполнять зеленый бамбуковый кувшинчик холодным саке. Парк сел на корточки, ожидая, пока она поставит перед ними кувшинчик и две маленькие кипарисовые коробочки *масу*.

Кейджер наполнил коробочки, одну передал Парку, другую взял себе и поднял:

— Канпай!

Парк поднял свою коробочку:

— Канпай.

Они выпили.

Кейджер осушил коробочку до дна и снова налил себе.

— Первый раз я поехал в Японию, когда мне было девять. На год с отцом. По делам. Мне она казалась чужой, пока я не узнал отаку.[19] В смысле полного погружения, они во всех отношениях опережали меня на несколько лет. Конечно, у них было естественное преимущество. Все самые интересные технологии разрабатывались для их рынка. Мое преимущество было в том, что по сравнению с ними я был продвинутый в социальном смысле. Они очень быстро стали мне доверять и допустили меня к своему хакерскому кунг-фу. Не к чистому коду, к которому у меня никогда не было способностей, но они помогли мне отпереть такие уровни игры, о существовании которых я и не подозревал. Тайные ходы. Когда я вернулся, я уже шесть месяцев как играл на плейстейшн, а она еще даже не вышла в США. Так началось мое паломничество. В культурном смысле я никогда не забирался слишком глубоко. Очень уж непрозрачно. Я человек не очень эмоциональный. Со мной редко бывают такие вспышки, как тогда, с телефоном. Обычно мне трудно угадать настроение другого человека. Японцы в Японии для меня очень сложны. А с отаку это не имеет значения. Там никому нет дела до твоих чувств. Мой отец никогда не понимал, в чем фишка. Ума ему хватает, но он уже слишком старый. Ему было за пятьдесят, когда я появился на свет. При таком разрыве мы можем орать друг на друга и не слышать.

Он расчесал волосы.

— Вот где я попробовал шабу. Чтобы не спать. Не прекращать игру.

Он поставил масу и подождал.

Парк отставил в сторону свою почти полную коробочку и открыл клапан на сумке. Из цилиндрического кармашка он вытянул картонную трубку от рулона туалетной бумаги, запечатанную с обоих концов квадратиками целлофана на резинке. Он открыл один конец и вытащил из трубки небольшой, тщательно сложенный сверток из бежевой шелковой бумаги. Он брался за уголки и отгибал их, открывая пакетик, словно бутон, где внутри притаился молочно-белый, свернутый в кольцо дракон.

Кейджер кивнул:

— Да. Оно самое.

Он протянул руку за драконом, Парк взялся за кусочек

бумаги, на котором тот лежал, и оттащил его в сторону.

Кейджер взглянул на него.

— В чем дело?

Парк положил кончик указательного пальца на колючий хвост дракона.

— Дракон на двадцать пять граммов. Чистый, настоящий шабу. Только за наличные. Деньги вперед.

— «Только за наличные». По-моему, это как-то недальновидно.

Парк пожал плечами:

— Я дилер. Я делаю бизнес за наличные. Такую модель натурального обмена, которая имела бы смысл, еще никто не придумал.

— Придумают.

— А до тех пор дракон стоит пятнадцать тысяч долларов США.

Кейджер кивнул и положил кончик пальца на угол бумаги напротив пальца Парка.

— Наличные, значит, наличные.

Он потянул дракона к себе.

Парк проанализировал момент.

Когда Бартоломе предложил ему работать под прикрытием и он согласился на это задание, он навел как можно больше справок по этой теме, но предпочел обойтись без разговоров с другими полицейскими. Никто не должен был знать о расследовании по делу «дремы». Поэтому Парк ни у кого не мог спросить, чем еще опасна его работа, помимо самых очевидных рисков. Хотя он в любом случае стал бы спрашивать. Даже с самыми надежными напарниками у него были напряженные отношения. Его всем известная неспособность к гибкости наложила на него печать, которая не гарантировала ему ничего, кроме насмешливого пренебрежения со стороны любого полицейского, работающего под прикрытием, вздумай Парк к нему обратиться.

Гибкость в их работе была одним из главных требований. Обычные агенты в большинстве своем, разрабатывая дела, которые хотя бы косвенно касались наркоторговли, уже разучились видеть мир в каких-либо красках, помимо грязно-серых. Даже самая кратковременная связь с организацией наркобизнеса стирала все традиционные ценностные различия между понятиями «правильно» и «неправильно», «хорошо» и «плохо» и, в конце концов, «законно» и «незаконно». Несколько агентов, с которыми Парк общался лично, дистиллировали полицейскую работу до квинтэссенции «мы и они». Смысл ареста

заключался для них не в том, чтобы поступить правильно, обеспечить торжество закона или делать свою работу, это больше походило на желание засадить врагу, пока враг не засадил тебе.

Когда Парк стал работать по легенде, у него не было особого желания вырабатывать такой взгляд на дело. Вместо этого он обратился к книгам. Прочитал пару образцовых романов, основанных на личном опыте. «По обе стороны ограды», «Поцелуй Иуды», «Серпико», «Одинок и подавлен». Он расширил список книг за счет избранных трудов по психологии, в заголовках которых содержались указания на патологию лжи, стокгольмский синдром, предел идентичности. И довершил экземпляром книги «Актер готовится», которую Роуз откопала у себя на полке.

Заключая первую сделку, когда он купил несколько, как объявила Роуз, ужасно опасных, вонючих почек, и уговорила его дать ей понюхать плоды его усилий и убедиться, что его не кинули, Парк жонглировал разными советами, которые надергал из прочитанных трудов. Выучив жаргон, взлохматив волосы, насколько позволяла их длина, надев недавно купленные состаренные джинсы и футболку с Бобом Марли, он обнаружил, что банальность транзакции его убивает и замораживает. Он совсем не чувствовал угрозы быть раскрытым, скорее он чувствовал, как будто он заказал доставку бакалейных товаров. Студент Сити-колледжа постучался к нему в дверь, вежливо спросил, не он ли Парк, вошел в дом и провел лаконичный, отрепетированный ликбез по вопросу имеющегося ассортимента товаров, их разнообразного действия и ценовой шкалы. Парк с трудом договорился о покупке, едва не убедив себя, что его раскрыли, и чуть не вытащив «вартхог», который заранее сунул в кобуру на лодыжке. Это случилось, когда паренек спросил, не знает ли он, кто выиграл матч с «Клипперсами». Позже, сняв пистолет и заперев его в сейфе с глубоким чувством смущения из-за того, что он вообще его надел, Парк понял, что молчание и взгляд в упор в ответ на тот неуместный вопрос были самыми достоверными из всех его действий, на которые он отважился во время сделки. В те молчаливые секунды его оцепенение выглядело намного достовернее любых отрепетированных тиков и фраз, которые он пытался использовать.

Так, спотыкаясь, он вошел в свою новую роль, которая складывалась вполне естественно, строилась на его тихом и наблюдательном характере, его отвращении ко лжи и неумении ее производить. В конечном счете он просто вел себя как обычно.

Да, он овладел языком своего занятия. Научился распознавать извращения и искривления человеческой натуры, всплывающие на поверхность из-за регулярного употребления

наркотиков. Да, он узнал все то, чего ожидали от дилера в отношении профессионализма и невнимания к слабости своих клиентов. Парк научился всем этим тонкостям сам. Но он не создавал фальшивую личность, чтобы замаскировать свои истинные намерения. Наоборот, он приобрел настоящий опыт и мастерство, которые требовались от дилера.

Когда его представляли словами «это Парк, дилер», это была абсолютно правдивая характеристика. Такая же правдивая и точная, как если бы о нем одновременно сказали «это Парк, полицейский».

Для того чтобы внутренне быть Парком сразу в обоих лицах, требовалось совсем немного. Во-первых, когда он выполнял ту или иную работу, он ожидал соответствия определенным правилам и стандартам. Одно из главных правил, если не самое главное, ключевое в его работе в качестве дилера, правило, которое свято соблюдали все дилеры без исключения, формулировалось так: *наличные, деньги вперед.*

Будучи полицейским, он должен был бы в данной ситуации убрать палец и дать Кейджеру завладеть драконом. Это помогло бы завести на него дело, добиться большего расположения со стороны Кейджера. Если бы Парк отдал дракона Кейджеру, не получив на руки живые деньги, это вызывало бы у полицейского определенные подозрения.

Для Парка-дилера все было просто. Для него вопрос состоял в том, как бы профессионал повел дело с новым покупателем.

Минуту подумав, он выполнил свою работу.

— Наличные, деньги вперед. Будьте любезны.

И накрыл дракона ладонью.

Кейджер щелкнул по отогнутому краю упаковки.

За его спиной в комнате нарастало активное нетерпение. Зрители, все во власти предвосхищения, стали подергиваться, их глаза реже устремлялись на статичную сцену, все еще державшуюся на экранах, и чаще на маленькие экранчики их электронных устройств. Геймеров в шаровых креслах все так же было не видно, за исключением их ног, но эти ноги ерзали, скрещивались и вытягивались; одна пара медленно втянулась в кресло, как будто сидящего засосало изнутри и проглотило. Герои на экранах не двигались, не реагировали на персонажей, которые время от времени подходили к ним и пытались обратиться с неизвестными предложениями, то ли торговли, то ли сбора информации, то ли боя или секса.

Кейджер впитал энергию комнаты и повернулся к барменше:

— Тадж, раздай какие-нибудь напитки, пожалуйста.

Девушка наклонила голову, поставила на поднос несколько

керамических чашечек и 1,8-литровую бутылку саке, поднялась и взошла по ступенькам из барного колодца, балансируя с подносом на двадцатисантиметровой платформе туфель.

Кейджер подождал, пока барменша отойдет на достаточное расстояние, чтобы она ничего не могла услышать, и опустится на колени перед одним из зрителей, держа поднос с чашками в одной руке, здоровенную бутылку в другой, и наполнит одну из чашек доверху, так что только поверхностное натяжение не давало саке перелиться через край.

— Настоящий талант.

Парк не возразил.

Кейджер продолжал смотреть, как парень, которому она налила, поднял чашечку, и от его прикосновения жидкость шелохнулась, и унция жидкости пролилась на поднос.

— Это спектакль. Если бы она была похожа на гимнастку, когда управляется с подносом и бутылкой, он бы не производил такого впечатления. Но ее изящество не дает понять, насколько сильной она должна быть для этого.

Девушка поднялась, сделала несколько шагов, опустилась на колени перед другим фанатом и снова наполнила чашку. Внимание всех молодых людей отвлеклось от экранов, от нетерпения, от игрушек и полностью сосредоточилось на Тадж.

Кейджер пошевелился.

— Ее стихия — их воображение. У нее есть образ, одежда, отношение, ловкость, с которой она обращается с бутылкой, изящество; поэтому им кажется, что она не та, кто есть на самом деле. Им кажется, что она школьница из аниме. А на самом деле это довольно консервативная студентка медицинского отделения Университета Южной Калифорнии. Но она умеет принимать ту форму, в какой ее воспринимают. Превратить свое физическое представление в искусство.

Кейджер показал на геймеров, прятавшихся в креслах.

— Эти, они тоже делают нечто подобное, но только на совершенно другом уровне сложности. Мы все манипулируем тем впечатлением, которое производим в жизни, не так ли?

Он помолчал, и Парк на секунду ощутил робость, как во время первой сделки. На миг ему показалось, что Кейджер видит его насквозь и намеками дает Парку понять, что он все знает, прежде чем вызвать Имелду и Магду и отдать его им на растерзание. Что не составило бы для них никакого труда, учитывая, что он не имел при себе ни «вартхога», ни любого другого оружия. Но секунда прошла. В конце концов, там нечего было видеть насквозь. Там был только Парк. Он не был барменшей, которая тщательно ухаживает за собой, играет роль,

чтобы собрать как можно больше чаевых. Он был собой. Всегда.

Он кивнул:

— Да.

Кейджер кивнул в ответ.

— Мы устраиваем представление для работы, для друзей, для женщин, для людей, которых мы даже не знаем. Мы создаем образ себя, чтобы произвести впечатление на учителя, который в шестом классе сказал, что из нас ничего путного не выйдет. Мы люди, мы актеры. Мы придумываем то, какими хотим предстать в глазах других людей, и надеемся, что они воспринимают нас именно так, какими мы себя написали. Так поступают все. Но Тадж отличается ото всех, потому что она доносит свой спектакль с такой ясностью. Но эти, они совсем в другой среде.

Он опять смотрел на геймеров.

— Они создают ощущения из чистой выдумки. Они не пишут на холсте самих себя; их холст — чистое воображение. У них есть палитра красок, чтобы рисовать: расы существ, классы персонажей, все остальные элементы, которыми ограничивает тебя игра, но как только ты начинаешь ими манипулировать, вариациям практически нет конца. Игроки со всего мира постоянно добавляют в палитру новые оттенки, создают новые артефакты, придумывают одежду, основывают сообщества, выводят новые расы, учреждают новые гильдии. Эти художники, они используют свои материалы, чтобы создать вторую кожу, с их помощью они рассказывают сказки.

Кейджер глядел на экраны, на пейзаж, раскинувшийся без физических пределов.

— Они создают мифы и легенды, основывают империи. — Он пристально посмотрел на Парка. — Они убивают драконов.

Он обернулся:

— Бандолерос!

Головы одна за другой вынырнули из пастей кресел-шаров, и только проглоченный геймер остался невидимкой. Парк смотрел на них, они смотрели на незримые вещи, глазами устремленными вглубь, шеи напряженно согнуты, зрачки сужены, как булавочные головки, видя каким-то иным способом.

Парк поморщился:

— Они неспящие.

Кейджер покачал головой чему-то удивительному.

— Это совсем не главное. Они здесь творят, переворачивают всю «Бездну», совершают невозможные ходы. Потому что они беспощадны. И они видят что-то такое, чего мы не видим. Они были там, где не были мы, и поэтому обладают особым знанием. Как тогда, в Японии.

Он дотронулся до руки Парка концом расчески.

— Но им нужно сфокусироваться. Чтобы иметь возможность создавать.

Он открыл клапан сумки.

— У меня нет пятнадцати тысяч долларов.

Кейджер сунул в сумку руку, а другой рукой помахал в воздухе.

— Клуб, он вдыхает и выдыхает деньги. То, что поступает в него, расходится в разные стороны, чтобы здесь продолжалась жизнь; что остается, возвращается обратно. Я не могу прерывать этот поток. Если я прерву его, я задушу то, что здесь происходит. Остановлю сердце клуба. Этого я не сделаю.

Он поискал что-то в сумке, что-то большое и тяжелое, оно перекатывалось с места на место. Потом показал на зрителей, которым Тадж разливала последние капли саке.

— Вот эти парни, они заплатили, чтобы увидеть нечто особенное. Они заплатили, чтобы увидеть, как творят художники. Они пришли сюда, чтобы увидеть, как на их глазах пишется легендарная история. Все, что они платят, идет на поддержание этой комнаты и ее работы, в том числе оплату команде за мастерство. Вся прибыль, которую я получаю, записывая их квесты, тоже возвращается сюда же. Так мы выходим на ноль.

Он поправил волосы.

— Сегодня они должны выступить. Им нужен шабу. Чтобы это получилось.

Его другая рука показалась из сумки.

— Вот что я могу тебе предложить, Парк.

Он положил сомкнутый кулак на стойку, пальцы охватывали какой-то небольшой цилиндр.

Парк увидел, как пальцы раскрываются, моргнул и отнял руку от дракона, отпуская его к Кейджеру, который улыбнулся, очень осторожно взял дракона, поднялся и подошел к неспящим игрокам.

— Бандолерос! Сегодня мы на коне!

Парк не смотрел, как они взломали дракона, положили обломки в стеклянные трубки, зажгли чистый китайский кристаллический метамфетамин и втянули ароматический дым. Его глаза не отрывались от белого флакончика на стойке, снова и снова перечитывали этикетку, чтобы убедиться, и потом уже сжать аккуратно завернутую в бумагу, где прежде был дракон, «дрему» в ладони.

Глава 12

Фамильная семейная бессонница и неспящий прион разительно отличаются друг от друга. Самые существенные из их многочисленных отличий — это то, что семейная бессонница является генетическим расстройством, полученным по наследству, а НСП распространяется различными путями.

Почти бессмертный, если так можно сказать о чем-то, что вообще не является живым в полном смысле слова, неправильно сформированный белок, который взаимодействует со здоровыми белками и поражает их так, что они преображаются в такую же злокачественную форму, как у него самого, можно получить по наследству. Но также его можно передать при обмене жидкостей, случайно употребить в пищу, если он присутствует в зараженном мясе или, при сильной концентрации в воздухе, вдохнуть.

А еще его можно набрать в шприц и впрыснуть.

Если есть такое желание.

Вторая существенная разница между ними состоит в том, что при семейной бессоннице человек лишается сна, когда белок уже проделает свою работу, сформирует амилоидные бляшки, буквально проедая дыры в мозгу, оставляя звездчатые астроциты.

При НСП бессонница не медлит месяцы, а то и годы на фоне других симптомов, как это бывает при семейной бессоннице, но почти всегда является первым безусловным признаком того, что человек заражен. Можно легко и быстро освободить пространство вокруг себя, лишь упомянув, что в последнее время плохо спишь.

Отсутствие сна, нехватка отдыха для ума и тела — это последний кинжальный удар, который наносит фатальная семейная бессонница. К тому времени она уже успеет проесть огромные дыры в мозгу, оставив после себя изъеденный воронками ландшафт, и один из побочных эффектов этого — потеря сна. Когда больные семейной бессонницей теряют сон, конец наступает довольно быстро, хотя и не менее гротескно. В судорогах, покрытая болячками, в испарине, с гримасой на лице, с гомеостатическими функциями организма, всеми так или иначе пораженными, жертва семейной бессонницы теряет способность общаться, может утратить ощущение себя, но никогда не перестает чувствовать. И чем дальше гниет тело, тем более опустошительными становятся разрушения, так что традиционные болеутолители уже не годятся. Химические рецепторы больше не воспринимают успокоительные средства, которые могли бы притупить мучения.

И это, без всякой иронии, адский способ умереть.

НСП отчасти еще хуже.

Главным образом из-за того, что у него уходит больше времени на то, чтобы закончить свою работу. НСП поселяется в здоровом организме и начинает процесс конформационного влияния, из-за которого белки мутируют, и он атакует таламус напрямую. Жилище сна, таламус также является переключающей станцией, которая обеспечивает коммуникацию и телеметрию внутри мозга, ключевой целью, куда направится мозговой террорист, если у него есть только одна бомба. Подорвав ее, этот террорист добьется особого успеха в достижении своей конечной цели. Ибо нет ничего столь же ужасного, как потеря сна. Она создает фантомы и подозрения, заставляет человека сомневаться в своих способностях и суждениях и со временем разлагает организм изнутри.

Даже если бы НСП входил в тело в шапке с прорезями для глаз и поясе с пластиковой взрывчаткой, он бы не мог добиться большего успеха. После взрыва вместо поражающих элементов он разбрасывает собственные копии. Копии выстраиваются в цепочки, воспроизводятся, и таламус забывает, как спать. Телу и разным областям мозга рассылаются сигналы с приказами, что и когда делать, но они безнадежно искажены. И покоя нет.

Как только бомба взорвана, в результате лишения сна инфраструктура организма начинает деградировать. Однако большая часть мозга остается нетронутой. Ночи беспокойного сна превращаются в многочасовое бодрствование, глядение в потолок, прореженное периодическими внезапными погружениями в глубокий сон, из которых человека резко выдергивают к поверхности мучительно четкие видения. Потом переход к бесконечному хождению, беспощадному переключению каналов в предрассветные часы, бесцельной езде в никуда. И уже невозможно утешить себя никаким отрицанием, наступает полная бессонница, шаркающее хождение в рядах неспящих миллионов, не ложащихся до утренней зари.

Которая не всегда наступает.

Я глядел на них в бликах стеклянного фасада спортивного Стэйплс-центра, а они блуждали и бродили по «Полуночному Карнавалу».

Несмотря на жажду развлекаться и отвлекаться, профессиональные игры уже не проводились. Во всяком случае, не с тем размахом, как раньше.

В какой-то момент спортивные лиги и владельцы клубов осознали, что незараженные болельщики боятся собираться в замкнутом пространстве огромных стадионов с десятками тысяч людей, значительную долю которых статистика обрекала быть

носителями НСП. Прибавьте к этой боязни вполне естественное нежелание находиться в таком месте, когда отключится электричество, что происходило все чаще, и вам уже нетрудно найти в онлайновых билетных кассах удивительно выгодные предложения.

Но все окончательно пошло прахом только после того, как НАХи устроили теракт на стадионе «Ригли-Филд». В тот день уже не мячи падали на Уэйвленд-авеню.

Лигам понадобилось не больше недели, чтобы «временно приостановить деятельность». Было решено, что, как только все утрясется, сезонные игры, остановленные в самой середине, возобновятся. В худшем случае через несколько месяцев. Однако и ближе к концу второго потерянного сезона не было никаких признаков того, что арены и стадионы откроются в обозримом будущем.

Как ни странно, по всей Южной Америке и Азии футбольные стадионы по-прежнему полнились болельщиками. Футбол наконец-то начал приобретать массовых зрителей и поклонников в США, хотя руководители телекомпаний уже отчаялись в том, что это когда-нибудь случится. Поговаривали, что даже в Великобритании, почти сразу же изолированной, когда НСП сочли коровьим бешенством, на стадионы по-прежнему набивались толпы ради матчей или все более неистовых бунтов. И то и другое выкладывалось в Интернет в пиратских роликах, привлекая болельщиков к командам и фанатов к самым буйным клубам.

Лишившись своих обычных арендаторов, притом что торговля тоже немного поутихла, Стэйплс-центр совсем было пришел в ветхость, но тут появился «Полуночный Карнавал». Впервые он возник в качестве открытого рынка в той части инфраструктуры, которой обросли новые границы трущоб, когда они вырвались за привычные пределы выше Седьмой улицы и восточнее Мейн, поглощая офисные кварталы, которые постепенно пустели из-за банкротств и отчуждения заложенной недвижимости. Ряды бездомных разбухали, поскольку каждая неделя приносила новые огненные бури, оползни или погромы, когда жители какого-либо района избавлялись от тех, кого сочли нежелательными в своем округе. Ясно, что такая плотность населения, которая создалась от Аламеды до Харбор-Фриуэй, от Санта-Моники до Третьей Восточной улицы, всего в нескольких кварталах от Управления водоснабжением и электричеством и муниципального и окружного судов, предоставляла возможности для коммерции.

Водители автолавок с тако, опытные кладоискатели в мусорных баках, предприимчивые огородники с домашними

овощами, выращенными на просторных дворах, бродячие актеры и музыканты, врачи-мексиканцы, чьи медицинские лицензии годами бесполезно валялись с тех пор, как они пересекли границу северного соседа, заводчики котов и собак, которые на собственной шкуре узнали, что дурнота при мысли, откуда берется мясо, лечится единственным лекарством — настоящим голодом, торговцы трофеями, добытыми в заброшенных «замках» Внутренней империи, шашлычники с бочками из-под нефтепродуктов, специалисты по массажу шиацу, механики, умеющие разбираться в механизмах, изобретенных прежде воцарения кремниевых чипов, продавцы нелегально откачанного биодизеля и нефильтрованного контрабандного масла, карманники и шлюхи, самогонщики с талантом к перегонке едкого алкоголя из кукурузных початков и картофельных очисток, всякого рода вышибалы и доморощенная охрана, которые присматривали за всеми ними, сохраняя мир или начиная войну, в зависимости от того, кто заплатил или, наоборот, не заплатил.

Естественно, город не мешал им гнить. И не менее естественно, как только все пришло в некое состояние постоянства, которое нельзя было разрушить ничем, кроме бульдозеров (этот вариант отстаивал один член городского совета, которого вскоре после того на ходу выбросили, частично выпотрошив, из открытой двери машины у подъезда приемного отделения больницы Кинг-Харбор), город взялся регулировать и облагать налогом новый взрыв свободной торговли. В дальнейшем это привело к строительству ограды, плате за допуск на рынок и массовой передислокации бывших парковщиков, которые, под угрозой вымирания из-за ненужности, пошли служить билетерами. В самых крайних ситуациях им оказывал содействие небольшой контингент спецназовцев, которые время от времени показывались из своего трейлера, чтобы пострелять в воздух, утихомирить нередкий бунт, который угрожал разразиться каждый раз, как город повышал цену на билеты. Предприимчивые посетители обходили забор, чтобы найти одну из многочисленных дыр в сетке, появлявшихся ежедневно. Дыр всегда было больше, чем могла или, из соображений собственного благополучия, хотела починить команда замученных ремонтников.

«Аншульц энтертейнмент груп» тоже увидела возможности для бизнеса и не упустила их, возведя своего рода крытую пристройку к рынку внутри Стэйплс-центра. Там предлагались намного более дорогие и качественные товары и услуги; было много места, водопровод; функционировали если не кондиционеры, то хотя бы вентиляционная система; охраны было

больше, и она меньше занималась рэкетом; так что все сооружение утешительно напоминало торговый центр. Вдобавок там часто спонтанно начиналось веселье, вырываясь из арендованных трущобниками роскошных люксов или возникая в проходах между прилавками, когда диджеи, управлявшие системой громкой связи, ставили какую-нибудь особенно заводную песню.

Сначала только отдельные зоны обоих рынков продолжали работу за полночь, но чем больше и больше неспящих привлекали огоньки свечей, дровяные грили и импровизированные бары, построенные из шлакоблоков и выброшенных столешниц из огнеупорной пластмассы, тем больше и больше магазинов стали продлевать часы работы. За считаные месяцы ночная торговля на рынке начала обслуживать особую демографическую группу неспящих, сегмент населения, у которого, как правило, почти или совсем не было необходимости держаться за ценное имущество в личном владении.

Откуда взялось название «Полуночный Карнавал» — неизвестно. И хотя в нем содержится намек на веселье, для большего соответствия реальности лучше вспомнить зловонный запах летних ярмарок, беззубых участников карнавала и всегдашнюю жирную липкость, которая неприятно покрывала ладони к концу дня.

Честно говоря, я понятия не имею, почему мне нравится это место.

Винни Рыба торговал с задней части навечно обездвиженного «шевроле-эль-камино» последней модели. Откученная задняя дверь, уложенная на уровне пояса на штабель упаковочных ящиков из-под молока, подпертых обломками бетона, служила ему для разделки рыбы и обслуживания покупателей. Стоя за этим импровизированным прилавком, он залезал в один из примерно дюжины ледников, уставлявших открытое лоно «эль-камино», и доставал паралабракса, калифорнийского карася, скумбрию, изредка бычью акулу, желтохвоста или мурену, потрошил, чистил, отделял от костей или разделывал на филе по желанию клиента.

Шатающийся гриль «Уэбер» приютил три литых железных сковороды, которые Винни время от времени сбрызгивал оливковым маслом и кидал в них пригоршни мидий, корюшек и скальных креветок. Обернув влажной тряпкой руку, он встряхивал моллюсков, ракообразных и рыб, посыпал солью и перцем, ждал, пока раковины раскроются, корюшка покроется хрустящей корочкой, а креветки порозовеют, и потом вываливал их в толстые газетные кульки с датами за прошедшие два года,

украшал половинкой лимона, приличной порцией приготовленного женой соуса тартар и белой пластиковой вилко-ложкой.

Я сидел возле прилавка на перевернутом вверх дном ведре и наблюдал, как он передает один из таких кульков пузатому камбоджийцу, которому он платил свежей рыбой, чтобы тот сидел на крыше «эль-камино» с отпиленной битой «Луисвилль Слаггер» на коленях и выглядывавшей из-за пояса рукояткой «смит-и-вессона» в исполнении «магнум-эрлайт» 41-го калибра. Охранник был всего на несколько лет младше меня, лысый, со шрамом от уха до уха, такая рана Должна была его убить. Он выжал лимон на свой обед и стал отправлять его в рот, кусок за куском, ни на секунду не переставая оглядывать клиентов и скопище народа вокруг.

Винни опустил мясной крюк для туш в одно из ведер, вытащил полуметрового паралабракса и выставил его перед крупной *абуэлой*[20] из Сальвадора в сопровождении похожего на тощую собаку подростка с татуировками банды Мара Сальватруча на шее. Он смотрел на камбоджийца примерно с таким же выражением лица, с каким его бабуля смотрела на мертвую рыбину. Она провела пальцами по ее боку сверху вниз, поднесла их к носу и понюхала, тут же покачала головой и громко, по-испански стала жаловаться на цену, которую Винни написал ей мелом на куске сломанной грифельной доски перед прилавком.

Винни ограничился тем, что бросил рыбу обратно в лед, поднял с решетки сковороду, встряхнул содержимое и кивнул следующей покупательнице, молодой китаянке-домохозяйке, которая тут же попросила паралабракса, вполне безупречного. Бабуля тут же подняла протестующий вой и заявила, что она первая имеет право на него. Внук-бандит сделал движение в сторону домохозяйки, и камбоджиец соскользнул с крыши «эль-камино» с недоеденным обедом в одной руке и обрезанной битой в другой. Мальчишка встал в позу, подбородок вперед, руки в боки, но тут бабуля уцепила его за локоть, что-то прошипела в ухо и потащила прочь с дороги кривоногого камбоджийца. Они оба исчезли в толпе, оставив за собой след из угроз и посулов малолетнего бандита расквитаться за неуважение к его бабушке.

У него были все основания заботиться о бабушке, ведь она, безусловно, только что спасла его от серьезного увечья. Глядя на камбоджийца, который осторожно положил обед на крышу, перед тем как снова залезть на свою сторожевую вышку, я был уверен, что она так же ясно, как и я, распознала угрозу, исходящую от ветерана эскадронов смерти. Вероятно, ей вспомнилось выражение на лицах солдат и полицейских Национального

республиканского альянса;[21] оно было почти таким же на лице бывшего красного кхмера.

Винни продал спорную рыбину китаянке, в последний раз встряхнул сковороду, вывалил ее содержимое в бумажный сверток и вручил мне мой обед, от которого поднимался пар, а масло и сок из моллюсков уже просачивались через газету.

Я бросил в рот корюшку, ее кожица лопнула, мягкая плоть почти таяла на языке, крошечные косточки хрустели.

Миг совершенства. Если бы не убийца на крыше машины.

Мы двое, так близко друг от друга — это было серьезное нарушение мирового равновесия. Но таким уж стал мир. Нередко две пары рук, на которых было столько крови, встречались за обедом в одном и том же заведении. И с каждым уходящим днем такие встречи будут случаться все чаще. Нас станет больше. Такова жизнь.

Печальный мир.

Винни воспользовался перерывом в очереди покупателей, чтобы достать из ледника банку мексиканского пива «Текате», открыл ее, обошел прилавок и опустился на другое ведро.

— Мара Сальватруча, мать их. Этот парень привел сюда свою бабку, специально чтобы начать заваруху. Один из ихних *хефе*[22] заявился тут ко мне на прошлой неделе. Они хотят наложить лапу на рыбную торговлю. В порту им уже все отдают долю, этим сальватручам. Там эти пустые грузовые контейнеры, которые накопились с две тысячи восьмого, с девятого, вот они и крышуют беженцев от засухи из Внутренней империи, которых Агентство по чрезвычайным ситуациям туда напихало. Этим еще повезло. Новичков вообще селят в машинах, которые так и не вышли из доков, когда автосалоны накрылись медным тазом. Короче, они навели свои порядки в портах и теперь думают, что имеют право на долю от всего, что только ни выходит из Тихого океана. У этого панка татуировки на веках — красные глаза чудовища, прямо на веках. У него такой порядок, сначала он тебе говорит, чего ему надо, что он с тебя возьмет, потом, типа, у вас разговор с глазу на глаз, только он закрывает глаза. Вроде как хочет напугать тебя до смерти, во-первых, эти глаза жуткие, а потом еще идея, что он такой крутой, раз может прямо перед тобой закрыть глаза и не волноваться насчет того, что ты будешь делать. Как-то раз Виреак, ну, который там, он как-то отошел облегчиться. И не думай, что это какое-то дурацкое совпадение, что этот подонок пришел с меня вымогать, как раз пока Виреак сидел на толчке. И вот он мне заявляет, мол, вышел новый налог на рыбу. И они будут брать по фунту с каждых трех, которые я доставляю на «Карнавал». Целую треть с того, что мой дядя Пауло

и двоюродные братья ловят на моей же лодке. Треть того, что я покупаю у ребят, которые каждый вечер на закате везут свой улов с пирсов. У ребят, которые, как раньше, закидывают лески через парапет, кладут улов в плетеные корзины и везут их сюда на велосипедах. Не только с Венис и Санта-Моники; у меня есть один парень, он везет из Хантингтона. Целую треть. И вот он говорит мне, мол, это новый налог, а потом придвигает ко мне башку и закрывает глаза. И стоит, ждет, чтоб я прогнулся.

Я высосал мидию из раковины, разжевал ее.

Винни сделал длинный глоток пива и вытер рот тыльной стороной толстой ладони с поблекшей голубой сеткой морских наколок.

— А я вот что сделал…

Он ухмыльнулся, показывая большие квадратные зубы цвета старой слоновой кости.

— Опять занялся своими делами. Этот подонок стоит там, десять, двадцать секунд стоит, может, даже полминуты. Народ вокруг смотрит на все это и начинает посмеиваться. Я спокойно разделываю желтохвоста для одного типа, который держит сушилавку там, подальше, а этот полудурок стоит с закрытыми глазами. И он же не один. С ним его шайка. Еще три подонка с татуированными мордами, стоят и не знают, что делать. Пялятся друг на друга. «Что делать-то? Не знаю». Они знают только одно, что никому неохота быть тем, кто постучит их шефу по плечу, чтоб он открыл глаза и увидел, что я вот так взял и макнул его рожей прямо в кучу презрения. Никому неохота смотреть на него, когда до него дойдет, как он облажался. И вот они все стоят кружком, народ вокруг уже смеется в голос, и тут этот подонок открывает глаза.

Винни плюнул в середину между ободранными носками его поварских башмаков.

— Он хотел сделать одну очень плохую вещь. Только я держал в руке нож для разделки, да и мясной крюк у меня был прямо под рукой. Бог знает, что там было на уме у этих сопляков, но никто из них и кулака не поднял. Он знал, что стоит ему дернуться, как его вспорют от задницы до глотки, даже если его парни в меня выстрелят. И так у нас было сальвадорско-итало-американское противостояние несколько секунд. Потом Виреак вышел из сортира.

Винни залпом проглотил остаток пива, смял банку, бросил ее в ящик со льдом, из которого взял, и рыгнул.

— В общем, на этом дело и кончилось. Они распихали каких-то старушенций, сперли несколько апельсинов вон там с тележки, поклялись, что не пройдет недели, как они заставят меня сожрать

собственный член, и отвалили.

Винни достал пачку украинского поддельного «Салема» из кармана своих штанов в черно-белую клетку и закурил сигарету от одноразовой зажигалки «Чьяпас Хуарес».

— Этот сегодняшний подонок — первый, который вернулся. Я тебе отвечаю, игра предполагалась такая, что он приведет бабусю, потому что она вечно пререкается то с пекарем, то с мясником из-за цены. Он думал, что влезет в ссору, пырнет меня и отвалит. Никто ему не сказал, что, даже если он меня ударит, в конце концов ему придется иметь дело с Вирeаком. Никто ему ничего не сказал, потому что, я тебе отвечаю, наверняка это чей-нибудь придурочный двоюродный брат и никого не волнует его задница. Они решили, может, ему повезет, он воткнет в меня нож, и я окочурюсь. А что будет с ним, плевать. Главное, им надо, чтобы я понял, что разговор не окончен. Но они хотели, чтоб он хотя бы вытащил ножик и маленько меня порезал. Хоть как-нибудь. Не рассчитали, что бабуся окажется умнее, чем все их задницы, вместе взятые. Эта старая баба, она знает, что почем. И увела своего *ниньо* подальше. Молодец. Не то чтоб я стал скучать по этакому подонку, но тем лучше для нее, что она его увела.

Он сделал длинную затяжку и выдул клуб дыма в ночь.

— Тем лучше для нее.

Я поворошил пустые ракушки, думая, не пропустил ли я какую-нибудь, выискивая последнюю креветку или корюшку, которая, может быть, спряталась на дне, но, увы, надежда не оправдалась. Я скомкал промасленную бумагу с раковинами внутри и бросил ее в белое пластмассовое ведро.

— Ну, Винни, пальчики оближешь.

Он стряхнул пепел с сигареты большим пальцем, порезанным и загрубевшим от тысяч рыболовных крючков.

— Если позволишь, я тебе сделаю что-нибудь настоящее. Возьму окунька, почищу, полью оливковым маслом, натру морской солью и перцем, положу внутрь пару лимонов и брошу всю эту красоту на гриль, вот прямо так. Потом возьму красной картошки у той дамы, которая торгует картошкой, заверну в фольгу, брошу в угли. У салатной дамы возьму маленько рукколы. Когда окунь приготовится, покроется хрустящей кожицей, глаза начнут вылезать, я выложу его на зелень, сбоку картофелины с оливковым маслом, солью, перцем и укропом, и дам тебе лимон. И будешь есть прямо так. Окунь на гриле с салатом. Черт, я даже дам тебе настоящую вилку. Скажи одно слово, и я тебе все приготовлю, когда захочешь.

Я поднял обе руки:

— Полный восторг. — Я показал на мои помятые штаны и

куртку: — Только для такого пира мне нужно прийти в приличной одежде. В смокинге. Не меньше.

Винни улыбнулся:

— Так и сделай, надень фрак и валяй сюда. Я найду скатерть. Где-то поблизости продают лен. Я найду скатерть и салфетку, чтоб ты засунул ее за воротник. По высшему разряду.

Я достал носовой платок из кармана и вытер жирные пальцы и губы.

— Ради этого стоит ждать будущего.

Он бросил окурок и дал ему с шипом угаснуть в луже растаявшего льда, которая натекла из ледников.

— Да, ради этого стоит ждать будущего. Кто бы отказался от такого?

Я тщательно сложил и убрал платок.

— Винсент, мне нужно с тобой кое о чем переговорить.

Он нагнулся через прилавок, взял с гриля одну пустую сковороду и постучал ею по боку «эль-камино». В ответ пассажирская дверь заскрипела и открылась, и наружу, потирая глаза, вылез упитанный смуглый подросток в окровавленном белом фартуке и клетчатых брюках.

Винни поднялся и заменил сковороду на гриле.

— Я пройдусь, Чиччо.

Мальчишка кивнул, зевая.

Винни показал на ледники:

— Надо сбыть угря, пока он не протух.

Мальчишка почесал в курчавых рыжих волосах.

— Sí, Zio Vincenzo. Anguilla. Sí.[23]

Я встал, отряхнул зад и пошел за Винни прочь от его рыбной лавки по извилистым проходам «Карнавала», прочь от прилавков с едой и тележек, сгрудившихся возле ворот, откуда к ним легко могли подойти посетители, которые не интересовались разной глубинной эзотерикой.

В то время как внешние слои «Карнавала» имели характер рынка на границе, где много торговли и мало законного порядка, внутренняя часть производила впечатление арабского рынка в военной зоне, где изобиловали возможности потеряться в иносказательном, буквальном и фатальном смысле. Насколько далеко ты хотел проникнуть, полностью зависело от тебя.

По мере того как обслуживаемые желания становились все более извращенными, количество неспящих увеличивалось. Существуя на дальнем пределе человеческого опыта, они отличались вкусами, ожидать которые можно было только от них. К примеру, даже я не понимал, в чем привлекательность того, чтобы вколоть лошадиную дозу амфетамина и лечь в камеру

сенсорной депривации. Однако популярность этой услуги удостоверяла длинная змеящаяся очередь изможденных людей.

Концентрация неспящих в самых мрачных уголках «Карнавала» породила слухи и суеверия. Среди невежд бытовала уверенность, что в этих уголках можно подцепить НСП, просто вдыхая воздух. Как будто неспящие излучали и выдыхали густые клубы неспящего приона. Отнюдь нет. Конечно, если вдохнуть достаточное количество НСП, можно было заразиться, однако неспящие не разгуливали повсюду, источая миазмы болезни.

Короче говоря, если бы там был крематорий, где сжигались бы останки неспящих, он представлял бы несомненную опасность. Прионы, печально известные устойчивостью, остаются активными даже после сжигания. Прионная зола не менее заразна, чем целый комок приона, если его, допустим, положить в гамбургер. На первых этапах пандемии, прежде чем стало ясно, что это пандемия, Центр контроля и профилактики заболеваний издал предписание сжигать трупы зараженных НСП.

Группы реагирования в оранжевых жилетах стали появляться в больницах и все чаще в жилых домах с электрическими пилами. Трупы неспящих обезглавливали, чтобы потом каталогизировать ткани мозга. В них искали аномалии, все, что могло бы дать ключ к изобретению лекарства. Никто не хотел случайно выкинуть мозг, где может содержаться разгадка. Но, уложив головы в сухой лед в запечатанных контейнерах, нужно было что-то делать с телами.

Скорость распространения инфекции в районах крематориев и мусоросжигателей была гораздо выше среднего уровня по стране и по всему миру. В конце концов несоответствие заметили. Неспящих перестали сжигать. Их заливали известью и хоронили в забетонированных братских могилах.

В некоторых странах их трупы еще сжигали. Если бы кто-то захотел отследить такие вещи по многотысячным блогам, посвященным НСП, он бы пришел к выводу, что информация еще не дошла до дальних уголков цивилизации. В широких скошенных саваннах Африки и Азии без перерыва горели погребальные костры, низшие касты штабелями складывали новых мертвецов. Чем дольше горел костер, тем выше поднимались клубы дыма. Один летчик морской авиации, которого я встретил при случайных обстоятельствах, рассказал мне, что авиационное крыло ударной группы с его авианосца сопровождало самолеты-заправщики, сбрасывавшие антивоспламенители на эти костры. Местные жители тотчас же снова их разжигали, поэтому пришлось сменить стратегию. Прежде чем его группу отозвали в американские воды, он много

раз вылетал на задания и обстреливал ракетами «мэверик» возвышающиеся штабеля горящих человеческих тел. Логика этой новой стратегии, если здесь вообще подходит слово «логика», состояла не только в том, чтобы уничтожить погребальные кострища, но и чтобы терроризировать население и заставить его прекратить сожжение трупов. То, что в результате ракетного обстрела на местных жителей валился пепел и дым, насыщенный НСП, видимо, считалось допустимым побочным ущербом.

Нет, как бы глубоко человек ни проникал в пучины «Полуночного Карнавала», инфекция не представляла угрозы. Это, однако, не значит, что не было необходимости соблюдать осторожность. Вместе с извращенными желаниями многие неспящие приобретали полное равнодушие к своей жизни и здоровью. Поэтому мы с Винни, прогуливаясь, соблюдали благоразумную осторожность.

Мимо прошаркал толстый мальчишка в поблекшей куртке с «Лос-Анджелес рейдерс», что-то бормоча шепотом:

— Дрема. Дрема. Дрема.

Разумеется, контрабанда. Скорее всего, смесь героина с кетамином. Называется «двойная лошадь», самая популярная самодельная версия оригинала. Настолько мощная, что могла вырубить даже неспящего на последней стадии и на короткое время подарить ему ощущение, которое, как мне говорили, было похоже на сильное пищевое отравление без поноса и рвоты.

У стола, заставленного расписанными вручную шаблонными персонажами и тварями из «Бездны Приливов», Винни задержался, чтобы просмотреть ассортимент.

— Тот паренек, Чиччо, он с ума сходит от игры.

Я стоял к нему вполоборота, приглядывал за проходом между прилавками за его спиной.

— Племянник?

Он покачал головой, рассматривая детали огра.

— Внук одного армейского товарища моего дяди. Его мать итальянка. А его подлец-папаша, который бросил парня с матерью, он американец. Нам удалось оформить кой-какие бумажки и кой-чего добиться. Вытащить его из европейской карантинной зоны. У мальчишки такой акцент, что по дороге он, наверное, везде нарывался на неприятности. Ты же знаешь, итальянская граница все еще закрыта. Уже бог знает сколько времени известно, что НСП и ЛСБ — разные вещи, и все равно эта чертова ООН не хочет открывать границу.

Кейджер поставил огра обратно и взял «Призрака Бездны».

— Как только он выбрался из карантина, дальше все пошло по накатанной. К нам его переправил парень, который главным

образом занимался поставкой болгарских девиц для борделей, если кому-то нужно было выписать их из-за океана. Здесь уже нам пришлось иметь дело со Службой иммиграции и натурализации, и это было такое упражнение в идиотизме, какое я никогда в жизни не хочу повторить. В конце концов я спросил у одного кабинетного типа из центра, сколько теоретически будет стоить, чтоб мы закончили этот процесс оформления с документами или хоть без документов.

Я кивнул.

— И сколько это теоретически стоило?

— Десять теоретических штук американских долларов наличными. Козел. Я мог бы дать вдвое, если бы он запросил. Жлобы продажные.

Он зажал Кракена между большим и указательным пальцами.

— Почем?

Владелец поднял глаза от эльфа, которого раскрашивал, и сощурился.

— Полтинник.

Из-под воротника заляпанного рыбьими кишками халата Винни вытащил цепочку с карточкой. Художник достал из-под стола РЧИ-сканер, нацелил на карточку, нажал на кнопку и стал просматривать данные со встроенного в карточку чипа, прокручивая их на маленьком экранчике на рукоятке сканера.

— Продавец рыбы?

Винни кивнул.

— Есть угри, свежие, как маргаритки, там тебе лежит десять фунтов.

Человек положил пластиковый пистолет.

— Заберу перед рассветом.

Они пожали руки. И мы пошли обратно. Винни снова сунул под халат карточку, которую были обязаны носить все лицензированные торговцы на «Карнавале».

— Для мамаши паренька мы так ничего и не могли устроить. Ну конечно, *ребенок* американца — да. А чистокровная итальянская *жена* американца — нет. Он залезает в эту игру каждую свободную минуту. Его мать там. Они встречаются, разговаривают, гуляют, что угодно делают. Вообще-то я не понимаю как, но они это делают.

Винни посмотрел на Кракена, пожал плечами, сунул его в карман.

— Так что перед тем, как мне ввязаться в новую историю, может, скажешь, что у тебя на уме?

Я сунул руку в куртку и вытащил одну из фотографий, распечатанных с камеры наблюдения на голдфарме.

— Это полицейский, Винсент. Работает под прикрытием. Думаю, из отдела по борьбе с наркотиками.

Винни мельком глянул на снимок и опустил его в карман, откуда появились «Салем» и зажигалка.

— Качество так себе.

— Да, так себе.

Он закурил.

— Прошло уже много времени. Мои двадцать лет уже давно кончились.

— Знаю, Винсент.

Он выдул дым, мы проходили мимо палатки, которая зазывала на зрелище: борьба между неспящими без оружия, никто не будет ни давать, ни просить пощады.

— Из моих немногие остались в полиции.

— Да.

Винни поднял руку.

— Я, конечно, попробую. Я просто говорю, что, может быть, в последний раз смогу подойти к этому колодцу. И я не могу тебе гарантировать, что там окажется какая-то вода.

— Что бы ты ни сделал, я буду очень признателен.

— Посмотрим, что я накопаю.

Я похлопал его по руке.

— А я что могу для тебя сделать?

Винни остановился.

— Честно говоря, ненавижу просить.

— Брось.

Он покачал головой.

— Только насчет подонков из Мара Сальватруча. В принципе я бы и сам в конце концов с ними справился. Но неохота все время оглядываться.

Я кивнул.

— Говоришь, татуированные красные глаза на веках?

— Да, этот.

Я улыбнулся:

— Ну, тогда найти его будет нетрудно.

Винни протянул руку:

— Спасибо, Джаспер, у меня прямо гора с плеч.

— Да не за что, Винсент.

И мы разошлись, как в море корабли.

На самом деле найти молодого сальвадорского гангстера с татуированными веками было нетрудно. И когда я осмелился посмотреть ему в лицо, он, как мне и разрекламировали, действительно закрыл глаза с целью устрашения, но напрасно.

Неудачный выбор тактики с его стороны.

Когда я с ним закончил, его шайка благоразумно отступила. Можно с уверенностью сказать, что они не видели причин мстить за него, так как наверняка один из них займет его место лидера.

Не важно. *Хефе* или не хефе, противник Винни больше не будет пугать потенциальных жертв глазами чудовища. Он вообще больше не закроет глаз. Если только найдет пластического хирурга, который, быть может, пожелает взять лоскут кожи у него с ягодиц, чтобы пришить ему новые веки.

Глава 13

10/7/10

Время: перед самым рассветом 10 июля 2010 года, 5:17 утра. Передо мной то, что с виду является флаконом DR33M3R заводского производства компании «Афронозо — Нью дей фарм». Крышка флакона кажется нетронутой. Идентифицирующая голограмма на этикетке чистая; границы трех главных элементов, облачка, буквы Z[24] и контура овечки, четкие. Никаких признаков подделки. Флакон имеет номер ff688-6-2648-9. Если он подлинный, то его произвели в Фармингтоне, штат Иллинойс, партия 688, шестой блок в партии, двадцать шестой ящик в блоке, сорок восьмой флакон в ящике, код применения 9.

Число 9 говорит о том, что партия, блок, ящик и флакон предназначались для распределения по программе Национального управления здравоохранения. В государственных больницах, среди пациентов с государственной страховкой. РЧИ-сканер, который я взял из галереи, показывает, что активный чип под этикеткой на месте и работает. Чип передает ту же самую информацию о производителе и партии. Если он не поврежден, то на нем также должны содержаться подробности о том, когда содержимое флакона было произведено, когда контейнер был загружен и покинул завод, его точное место назначения и получили ли его вообще в этом месте назначения. Но у меня нет справочного руководства, чтобы расшифровать какие-либо сведения, кроме точки происхождения и т. п. Я припудрил флакон порошком, чтобы проверить на скрытые отпечатки пальцев, и снял несколько смазанных следов, два четких частичных отпечатка указательного и безымянного пальцев правой руки и один очень четкий отпечаток правого среднего пальца. Флакон был вынут из пакета в моем присутствии, и с тех пор к нему притрагивался только тот человек, который мне его и передал. Я думаю, что смазанные отпечатки уже присутствовали на флаконе, прежде чем его достали из пакета. Скорее всего, оба четких частичных и один четкий полный отпечаток принадлежат человеку, который передал мне флакон, который, как я полагаю, содержит DR33M3R фабричного производства. Для протокола, этим человеком был Афронзо-младший, Парсифаль К. Он и глазом не моргнул. Вынул флакон из сумки и предложил его мне с таким видом, как будто он этим каждую ночь занимается. Как будто у него в сумке полно «дремы», и он привык менять ее на наркоту, потому что папа перестал давать ему деньги. «Дрема».

Он использовал «дрему», чтобы получить то, что он хотел, как будто она ни на что больше не годится.

Не отвлекаться.

Я работал в ванной, снял отпечатки на пленку из моего комплекта для сбора вещественных доказательств. Положил бутылочку с «дремой» и карточки с пленкой в отдельных пакетах в сейф. Роуз хотела знать, чем я так долго занимался в ванной. Она ничего не подозревала, она просто знает, что из-за стресса на работе у меня болит желудок и проблемы с пищеварением. «Расстройство пищеварения — это не шутка, Парк». Однажды она дала мне какой-то чай, но весь следующий день я просидел в туалете и больше никогда его не пил. Думаю, когда я пошел туда, вернувшись домой, она просто обрадовалась, что я могу сходить в туалет. «Нет ничего более загадочного, чем брак». Так сказал мне отец, когда я позвонил им с мамой и сказал, что женился. Мой брак с Роуз ничем не доказал, что он ошибался. Когда спустя два года я наконец отвез ее на восток, чтобы познакомить с ними, он странно повел себя с ней. Не так странно, как со всеми остальными, дело не в его обычной отчужденности, в чем-то другом. Не думаю, что она ему понравилась, но, по-моему, она произвела на него впечатление. Ее прямота. «Рада с вами познакомиться, господин посол». Он покачал головой. «Прошу вас, вам совсем не обязательно звать меня по должности. „Мистер Хаас“ будет достаточно». И она кивнула в ответ. «Я думаю, сэр, нам обоим будет удобнее, если я остановлюсь на „господине после“. И она была права. Я думаю, ему было бы удобнее, если бы и мы с сестрой называли его „господин посол“, а не „папа“. Он предпочел бы слышать это от любого, кроме моей матери. Для нее он всегда был Персик. В память о чем-то таком, что случилось задолго до моего рождения. Она называла его Персик всегда, кроме тех случаев, которые она называла „мероприятиями“. Господин посол для всех, Пичи для моей матери. Разве удивительно, что он убил себя после ее смерти?»

Не отвлекаться.

В обмен на то, что я считаю медикаментом DR33M3R из каталога Z Управления по контролю за качеством пищевых продуктов и лекарственных препаратов, я дал Афронзо, Парсифалю К., двадцать пять граммов китайского кристаллического метамфетамина типа шабу, которые, как я увидел позднее, он распределил между пятью неустановленными личностями. Он был прав насчет них, когда говорил про «Бездну Приливов». Неспящие делали удивительные вещи. Наверное, они и без того уже были упертыми геймерами, но их подход — это практически чистый хаос. Ничто не показывало, что они

действуют сообща. Они сразу же разделились; варвар пошел штурмовать Кузню, рубя всех на своем пути, а второй, с совершенно другой миссией, лечил каждого встречного, в том числе и тех, кого ранил варвар. Так все и было, каждый ход с противоположными целями, силы тратились без необходимости, но когда они вновь сошлись, оказалось, что у них есть оружие, инструменты и ключи, за которыми они ходили, и с помощью какого-то идеального соотношения между выгодами и затратами общая сила группы возросла. Они действовали не наугад. Им были видны дыры в игре. Прорехи в правилах, куда можно проскользнуть. Те ходы, которые Роуз пыталась проделать с Люцифрой, они выполняли чисто, при условии, что они в принципе были возможны. Когда я вернулся домой, Роуз играла. Франсин еще не ушла. Она сидела в кресле-качалке в детской, малышка лежала у нее на коленях на подушке. Казалось, она спит. Спит по-настоящему. Она кажется спящей только когда ее берет на руки и укачивает Франсин. Я хотел взять ее, но знал, что разбужу ее. Франсин сказала, что она не плачет почти два часа и лежит с закрытыми глазами уже сорок минут. С виду она спала. Роуз была в нашей спальне, в кровати, с ноутбуком на коленях, и снова пыталась пройти Лабиринт. Я пошел прямо к сейфу, чтобы запереть оружие и мой запас наркотиков. Она не подняла глаз, только спросила, как там «лекции». Я сказал ей, что мне надо в туалет. Я не хотел врать и говорить что-нибудь о лекциях, которых не читал уже больше трех лет, и у меня не было времени сидеть с ней и выводить ее обратно в настоящее. Когда я вышел из ванной и запер флакон и карточки с отпечатками в сейфе, она спросила, почему я там сидел так долго, и казалась нормальной. Нормальной в теперешнем смысле. Не в старом. Роуз не такая, как раньше. Но все-таки это Роуз. Все так же заботится, что я потребляю недостаточно клетчатки. Она отложила ноутбук и легла на пол, растягивая спину. Ее мышцы в узелках, как шарики для гольфа, вдоль всего позвоночника. Помимо того, что Франсин акушерка, она еще занимается кинезиологией. Это была одна из причин, почему она так понравилась Роуз, когда мы подыскивали кого-нибудь, чтобы помочь нам с домашними родами. Она несколько раз делала Роуз массаж спины. В первый раз я прибежал из кабинета на треск, потому что мне показалось, будто кто-то ломает мебель. Франсин дала Роуз несколько упражнений. Поэтому, когда я вышел из ванной, Роуз лежала на спине, колени подняты вверх и вбок, руки вытянуты, голова повернута в другую сторону. «Ты сходил в туалет?» Я увидел выражение ее лица. И соврал. «Да». На миг она казалась счастливой. Ничего более загадочного.

Не отвлекаться.

Художественная галерея. После того как неспящие начали квест и двигались вперед, Кейджер шепнул мне в ухо: «Пошли заработаем маленько денег». Он отвел меня в галерею, чтобы я продал что-нибудь его друзьям. Я хотел остаться и наблюдать за спящими в «Бездне», но я же дилер, и мне надо было идти и делать деньги, или он мог бы задуматься, а не полицейский ли я. Роуз еще помнила, что я полицейский. Она снова попросила меня уволиться и остаться дома. Просила меня увезти ее с ребенком из города. Сказала, что хочет посмотреть на океан. Затем закрыла глаза и сказала, что нам надо поехать в Хаф-Мун-Бей, смотреть на закат, пить вино и заниматься любовью на пляже.

Вздохнув, открыла глаза и увидела меня.

— Как же я смогу заботиться о тебе? — спросила она.

Я покачал головой и сказал, что не знаю, и она опять вздохнула, как всегда вздыхает, когда думает, что до меня что-то не доходит.

— Нет, я хочу сказать, правда, как же я смогу заботиться о тебе?

Я сказал ей, что не надо обо мне заботиться, что у меня все хорошо.

Роуз уставилась в потолок.

— Ты такой… господи, ненавижу это слово, но ты такой невинный. Я хочу сказать, как же я могу уйти от этого?

Я хотел сказать ей то, что она хотела слышать, и хотел услышать, что она ответит, но она бы взбесилась, если бы узнала, что я сделал. Поэтому я назвал ее по имени, сказал ей, кто я такой, сказал о малышке, и она посмотрела на меня, пытаясь осознать все это, и сказала, что она и так все знает.

— Иногда, — сказала Роуз, — проще всего не стараться и ничего не запутывать.

Она положила голову на пол.

— Господи, как же жалко, что я не могу спать.

Я подумал о «дреме» в сейфе. И вышел сюда, к машине, вместе с моим дневником, и ноутбуком, и жестким диском Хайдо. Там еще есть что узнать. Но у меня нет времени на поиски.

Не отвлекаться.

Франсин уходит. Надо заняться ребенком. Не отвлекаться.

Галерея находилась за юго-восточной границей бедного района, на заброшенном складе лос-анджелесского оптового рынка. К счастью, она разместилась не в одном из тех складов, которые перестали использовать еще в то время, когда там было полно овощей и фруктов, которые уже подгнивали, когда их

привезли на склады, и окончательно сгнили ко времени, когда стало понятно, что стоимость доставки на рынок того, что еще можно было спасти, намного превзойдет любую возможную прибыль. Эти склады находились на некотором отдалении; и все равно эти внушительные груды успели превратиться в такой высококачественный компост, что он практически повсеместно наполнял воздух сладковатым запахом. Я заметил, что не один облаченный в черное художник, если ему приходилось бывать в этом месте, нюхал саше с цветочной ароматической смесью. Большинство обходились тем, что макали коктейльные салфетки в свои пластиковые стаканчики с вином и прикрывали ими носы.

Не стараясь замаскировать запах, я обнаружил, что мне все труднее сосредотачиваться на настоящем. Как это часто бывает с сильными и необычными запахами, этот пробудил во мне сильную ностальгию. Наше обоняние регистрируется в рептильных участках мозга над позвоночником. Кого не бросало в неприятное или восхитительное воспоминание из-за внезапного порыва, приносившего аромат одеколона бывшего любовника или неожиданное сочетание запахов горелого тоста и мятного средства для мытья посуды? В галерее мне вспомнились глубокая глина и мульча, бескрайняя зелень и дожди, гниль, которая пожирала твою военную форму со спины, густо спутанный подлесок на сладком перегное джунглей.

Напомнило мне годы моего становления. И об убийстве.

В таком состоянии мне было необходимо сконцентрироваться. В конце концов, я был вооружен и находился среди большого скопления народа. Запах и нахлынувшие воспоминания легко могли смыть мое самообладание и самозащиту, оставив после себя обнаженный остов моего истинного «я».

Признаюсь, я позволил этому «я» на секунду обрести свободу. Оно как следует оценило стратегическую обстановку, выбрало цели, рассчитало, сколько невинных жертв может погибнуть, прежде чем некоторые телохранители поспособнее из тех, кто охраняет самых состоятельных спонсоров галереи, предпримут какие-либо шаги и вынудят меня отойти в дальний угол склада у туалетов под неизбежный перекрестный огонь. Но прежде чем подняться по трем ступенькам на трибунку аукциониста, откуда вскоре пойдут с молотка отборные шедевры выставки и которая предоставляла превосходную позицию для стрельбы, я сосредоточился на квадратной картонной табличке с названием, которое курсивом описывало расположенное выше произведение искусства.

Совсем ни к чему, чтобы наемники загнали меня в угол в

таком месте и изрешетили пулями. То, что это была картинная галерея, меня отнюдь не удовлетворяло. Этот запах, вдобавок диджей поставил неприятный французский барокко-поп. Я не стану погибать под такой музыкальный аккомпанемент.

Моя тщательно составленная жизнь имеет смысл. Палый сор из тел вдоль пути, по которому я шагал многие годы, не был ни случайным, ни произвольным. У всех этих смертей была причина.

Я бы узнал, когда наступит мое время. Не зная точно многое другое, я имел чуткую уверенность в том, что увижу и узнаю момент моей смерти, когда форма и цель моей жизни раскроется в моем уходе.

Я еще мог немного потерпеть и подождать.

Поэтому я посмотрел на предмет искусства.

Этот предмет, подвешенный на квадрате размером сорок шесть на сорок шесть сантиметров из, как мне показалось, уцелевшего куска паркетного пола в декоративной хромированной раме с продолговатыми акцентами из черной эмали на углах, представлял собой своего рода коллаж. В нижнем правом углу был помещен список побежденных врагов, завершенных квестов, найденных сокровищ, покоренных гор, решенных головоломок. В нижнем левом, на разлинованной бумаге с полосками голубого цвета, нарисован неуклюжий, но честный карандашный портрет одноглазого пирата, на длинных волосах повязана бандана, под расстегнутой рубашкой свисают цепи и блестящие украшения. Сверху над этими элементами располагалось портативное устройство для игр или для выхода в Интернет. Установить его конструкцию или модель было трудно, потому что с устройства сняли корпус, оставив зеленую резиновую пластину с гравировкой из тонких золотых и серебряных линий, миниатюрные клавиши с цифрами и буквами, несколько чипов, диск из блестящего кремния, пучок разноцветных проводов и экран с пятидюймовой диагональю. Весь экран, как мне показалось, занимало изображение того же пирата, но в высоком разрешении, запечатленного в схватках. В море, на суше, с абордажной саблей, кинжалом или голой находчивостью он доказывал, что помещенный ниже список безрассудных подвигов — не блеф диванного корсара. Мертвым центром трех элементов была тускло-серебристая флешка. «Меморекс» на 2 гигабайта без особых примет. Фрагменты пожелтевших компьютерных перфокарт, внутренние механизмы сломанных часов и дымчатые стразы, дешевая бижутерия Армии спасения украшали промежутки между главными элементами.

Подпись под картиной объясняла, что я смотрю на Келвина Рипу, Князя-Мародера 87-го уровня, Последнего Командора

Орканского Флота, Владетеля Гибельного Трезубца, Всадника Ветров, Повелителя Волн. Далее объяснялось, что Келвина создал «геймер-художник» Кевин Пури, двадцатисемилетний менеджер колл-центра из Мумбая. Кевин «выковывал» Келвина пять лет. Картина состояла из написанного от руки и подписанного отчета о величайших свершениях Келвина в «Бездне», изображения персонажа, сделанного собственноручно автором, сохраненных скриншотов Келвина во время боя, пароля, номера учетной записи — сохраненной на флешке длинной цепочки из единиц и нулей, из которых она сплеталась. Все остальные следы Келвина Рипу, как уверяло меня описание, были стерты из мейнфреймов «Бездны», а также с собственного компьютера и резервного диска Кевина Пури.

Само произведение искусства задумал и собрал Шадрах, известный главным образом своими уличными представлениями и перформансами, которые он устраивал в мире «Бездны».

Келвин предлагался на продажу за 25 тысяч долларов США. Маленький красный стикер на стене дал мне знать, что кто-то уже дал за него эту цену.

Молодой человек, излучающий неплохо подделанную ауру пренебрежения, свойственную завуалированной рок-звезде или чудовищно независимому кинорежиссеру, стоял в центре небольшой толпы и комментировал рыночные возможности выставленных работ.

— Представляют ли они интерес для коллекционеров? Да. Но не только. Их можно полностью использовать в игре. Сами по себе, в теперешнем состоянии, они являются статическими произведениями искусства. Щедро одаренные вниманием геймеров-художников. Достижения, собранные ими артефакты, внешний вид персонажей — все это сбывшаяся мечта. Вдохновляясь локацией из «Бездны», или базовой поверхностью, или рамой, или каким-то найденным объектом, который он хочет включить в картину, Шадрах ищет персонажей, образ которых можно окончательно завершить помещением в одно из его произведений. Однако как только вы их приобретете, они меняют свою природу. Владелец учетной записи — оживотворяющая душа. Жизнь. Если хотите, можете разбить стекло, заплатить за активизацию аккаунта и дальше развивать это творение. Картины закончены, пока висят на стене, но если вы захотите, они оживут.

Он дотронулся до угла тяжелой барочной рамы с длинными позолоченными завитками, под стеклом которой была изображена какая-то колдунья.

— Их можно коллекционировать. Их можно менять. Если хотите, можете их воспроизводить в игре. Они уникальны.

— Это подделки.

Это сказал другой молодой человек, тот, чья неподдельная аура богатства, привилегий и славы легко затмила лектора и обнажила вспышки зависти и отвращения.

Лектор сунул руки в карманы своего черного шелкового пиджака с узкими лацканами на трех пуговицах, надетого поверх сине-белой жилетки с ромбиками и треугольным вырезом.

— Это оригиналы Шадраха, их подлинность полностью удостоверена. Еще не выставлявшиеся на торги и только что доставленные из его студии. На каждом прикреплен радиочастотный чип, введенный в эстетическую канву произведения, который непрерывно передает каталожный номер, дату создания и название.

Знаменитый юноша, теперь в ореоле отрывистого стаккато вспышек официальных фотографов мероприятия и более слабых всполохов света от телефонов и цифровых камер растущей толпы зрителей, обратился к колдунье на стене, подставляя под объективы свой профиль.

— Я не утверждаю, что Шадрах в свободное время, когда он не ходит по «Бездне», рисуя свои подписи на стенах замка, и не разрабатывает логотипы новой линии футболок, не поручил ассистенту разместить на нескольких форумах предложение купить персонажей высокого уровня за наличные. Или что он не поручил другим ассистентам обойти несколько десятков выставленных на продажу домов и набрать кучу барахла, которое они разломали и наклеили на эти картины. Я лишь говорю, что это поддельное искусство. Это вообще никакое не искусство.

Раздался общий ропот приятного возбуждения, над которым юноша возвысил голос:

— Это раздробленные имитации настоящего искусства, которое создают настоящие художники. Есть кое-что интересное и здесь, но в основном это не более чем рубаки высокого уровня, заваленные дешевенькими артефактами, скорее всего купленными на черном рынке. Их продали Шадраху, потому что владельцы либо бросили играть, либо у них появились персонажи получше, а эти им надоели, либо они оказались на мели. Настоящее искусство, настоящих героев создают геймеры, которые умеют видеть, входя в «Бездну». Они начинают с пустого холста и наполняют его. Они тратят сотни часов, месяцы, создавая персонаж, пока не доведут его до совершенства. Такие художники, как Тьера Босуэлл, Маньют, Каролин Лю, они рисуют игрой, творят прекрасное. А эти на стене — просто игрушки, с которыми больше никто не играет.

Ропот бурлил все громче, угрожая превратиться в гвалт.

Лектор поднял руку.

— Процесс есть процесс. Микеланджело не в одиночку расписывал Сикстинскую капеллу; у него были десятки помощников. Уорхол? У него была поточная линия. Но кто будет спорить, что он творил искусство? Творческий процесс у Шадраха действительно подразумевает коммерцию, он действительно не обходится без неоценимой помощи своих подмастерьев. Разумеется, и другие художники работают с этим материалом. Роден был не единственным скульптором, который работал в бронзе, не так ли? Это не делает его видение менее уникальным.

Зазвонил телефон, жужжащее синтезаторное вступление из Down in the Park,[25] и юноша-знаменитость достал из сумки «Нокию-E77».

— Если вас не волнует, что Шадрах покупает половину этих персонажей напрямую на голдфарме, то, конечно, покупайте и развешивайте их на стенах. Качество этого искусства создания персонажей, которое вы выставите у себя, вполне укажет на ваш характер. Извините, мне нужно ответить на звонок.

Он приложил телефон к уху, повернулся спиной и пошел прочь, и тяжесть его славы тянула за собой не только его свиту, но и фотографа, и большинство слушателей лектора.

Я тоже пошел за ним, всплывая на периметре кружащей вокруг него массы, шаркая ногами как бы без цели; зеваки, бесстыдно таращась на него, позволили мне так же вытянуть шею и пялиться во все глаза. Это продолжалось лишь несколько минут, пока не стало ясно, что на этот вечер его маленькое представление подошло к концу и он никого не будет приглашать к себе домой на икру и кокаин. Когда окружающие поняли, что шоу кончилось, они сделали попытку в последний раз сфотографировать его, мрачного, уединившегося в углу, чтобы поговорить по телефону, пока пара женщин-телохранительниц наблюдала за толпой, чтобы ни одного нарушителя не пропустить в его личное пространство.

Я был вынужден брести прочь вместе с остальным стадом, время от времени кивая, чтобы произвести впечатление, будто я тоже участвую в подробных обсуждениях, которыми они обменивались друг с другом, вновь переживая то, что минуту назад случилось у всех на глазах, придавая произошедшему реальность, показывая друг другу только что сделанные снимки, чтобы удостоверить абсолютную подлинность их столкновения со славой и скандалом в искусстве. Вернувшись к осмотру стен, я смог воспользоваться стеклянным циферблатом с коллажа на плите из оникса, чтобы исподтишка продолжить наблюдение.

Я увидел, что юноша кончил говорить по телефону, явно

раздраженный тем, как разговор закончился, потом с таким же раздражением отмахнулся от всей своей свиты, как они забарахтались, брошенные на произвол судьбы, и как импульсивно он схватился за одинокую фигуру у двери, когда выходил наружу.

Я уже заметил эту фигуру этого человека. Один, но не особняком, он не присоединился к толпе, когда началась дискуссия между неравными противниками. Вместо этого он подошел к столу рядом с трибункой, к тому месту, где аукционист делал свое дело, подтверждая, что картина продана, и организуя доставку. Он прошел мимо стола, и, как мне кажется, оттуда вдруг исчез один из двух РЧИ-сканеров, положенных туда, чтобы установить абсолютную подлинность работ Шадраха.

Выдернув каталог из рук тонкой, молодой женщины в черной мини-юбке и профессорских очках, я вышел на бывшую погрузочную площадку склада, сунул лицо между глянцевыми страницами и сделал вид, что читаю введение, где в основном повторялось то, что уже сказал лектор.

Оттуда, подняв глаза над краем страницы, я наблюдал, как знаменитый юноша взял своего спутника под руку и проводил к свинорылому «Субару-WRX», где состоялся недолгий разговор, причем его привлекательные телохранительницы держались рядом, оглядывая линии крыш в поисках возможных снайперов. После его монолога одиночка, кажется, с чем-то согласился, и юноша направился к далекому от изящества бронированному «мазерати-кватропорте», который вскоре с визгом выехал с парковки.

К тому времени я уже открыл дверь своего «кадиллака», в котором с дистанционного пульта уже завел двигатель и таким образом включил кондиционер и стерео. Внутри я дождался, пока спутник Парсифаля К. Афронзо-младшего позвонил куда-то по телефону, потом направился за ним с парковки по длинному кружному пути в Калвер-Сити.

Так и получилось, что слежка, которой я занялся после того, как разобрался с врагом Винни, была вознаграждена. Несколько часов, которые я провел у «Денизона», дожидаясь появления младшего Афронзо на тот маловероятный случай, что где-то рядом окажется и полицейский, принесли удивительные результаты. Я и не надеялся на такую удачу, когда увидел молодого полицейского рядом с Афронзо. Их связь подтвердила, что это был ровно такой продажный полицейский, как я и думал.

Я предположил, что их разговор у галереи касался жесткого диска. Который, вероятно, был причиной конфликта Афронзо с фармером. Скорее всего, он просто потерял голову из-за того, что

сделал, и забыл забрать диск. Полицейского, который, должно быть, давно уже состоит на платной службе у семьи, попросили вернуть диск. Фотографии и другие собранные им улики предназначались для потенциального шантажа, если он когда-либо попадется в руки своих же коллег.

Сидя у обочины напротив его дома, я обдумывал, не стоит ли войти и забрать диск. Я не сомневался, что, если он спрятан, я смогу выбить из полицейского информацию о его тайном местонахождении. Да и о любых других тайнах, если уж на то пошло. Но я решил сделать это в другой раз, так как существовала возможность, что полицейский уже передал диск Афронзо-младшему. Ограбить принадлежащий продажному полицейскому коттедж на две спальни, в Калвер-Сити, не составляло труда. Но налет на замок Афронзо, возможно, требовал многодневного планирования и не давал гарантии выжить. Если он отдал диск своему клиенту, то, чтобы его вернуть, мне понадобится помощь. Пока что лучше собрать побольше информации.

В некоторых окнах горел свет. В задней части дома я нашел два открытых, незадернутых окна, через которые в дом вливался ночной воздух, создавая иллюзию прохлады.

Сквозь окно хозяйской спальни я смотрел на женщину в кровати, которая, полулежа на горе подушек, нажимала кнопки ноутбука, лежащего на коленях. Она сосредоточенно жевала нижнюю губу, и я понял, что она играет. Пустота и напряженность взгляда, оцепенелая шея, подергивание мышцы вверху на бедре и красота измученного лица сказали мне, что она неспящая.

Пока я смотрел, полицейский вышел из гардеробной, они с женщиной перекинулись парой слов, и он исчез в ванной, закрыв за собой дверь.

Сквозь другое окно я увидел крепкую женщину лет около сорока, ее волосы были очень коротко подстрижены, глаза закрыты; возможно, она спала. На ее коленях лежал ребенок и дергался в спазмах.

Эти сцены их домашней жизни сказали мне ровно столько, сколько было нужно знать, чтобы понять, почему этот полицейский решил обменять присягу верности на деньги. А также подсказали мне средства и способы, с помощью которых я мог бы атаковать и сломать его, если понадобится, прежде чем окончательно с ним расправиться.

Глава 14

нов инф по дреме запраш встр закат

Парк отправил СМС, когда вставало солнце, незадолго до того, как поднялась Франсин, чтобы идти домой заботиться о собственных детях, и малышка снова расплакалась. Он получил ответ меньше чем через час, когда пытался уговорить свою вечно беспокойную дочь одновременно широко открыть рот и не шевелиться секунду, чтобы он успел вставить в него соску бутылочки. Пытаясь сделать это, он прочитал короткий текст.

07/30

Ему скоро нужно будет уйти. Опять оставить Роуз с ребенком.

Еще несколько недель назад Парк бы не колебался. На протяжении ее болезни, начиная с шестого месяца беременности, когда Парк наконец-то убедил ее сдать анализ хотя бы ради того, чтобы больше не думать об этом, забота о ребенке всегда помогала Роуз сосредоточиться. «Она умрет без нас», — сказала она Парку, когда в первый раз прижала к груди крошечное испачканное кровью существо. Но она чаще вела себя так, как будто ребенок умер бы без нее. Не то чтобы она совсем исключала Парка. Не в том дело. Она всегда говорила ему, что одной из причин, почему она так хотела иметь ребенка, было желание видеть, как ребенок заставит его выйти «из раковины».

«Ты слишком много живешь в голове, Парк. С ребенком думать некогда, надо просто делать то, что надо. Для тебя это будет здорово. Из тебя получится отличный папаша», — не один раз говорила она ему. Достаточно часто, чтобы он запомнил.

Так что дело было не в том, что она хотела его отстранить. Скорее, она как будто бы отказывалась просить помощи. Упорно старалась делать все, что в ее силах. Не потому, что не доверяла Парку, но потому, что это помогало ей сосредоточиться.

Малышка умрет без них. И пока ее поглощала эта мысль и мелкие ежедневные заботы о жизни ребенка, она не думала о собственной смерти. Неизбежной. Неминуемой. Ужасной. Ребенок отвлекал ее от умирания и увлекал в то царство, где будущее было не нависающей стеной, а бескрайним горизонтом. Многие месяцы забота о дочери была убежищем для Роуз, источником спокойствия и сосредоточения. В эти месяцы Парк не просто спокойно оставлял Роуз с малышкой, он чувствовал облегчение, что может так поступить. Когда его жена брала ребенка на руки,

страх — чувство, которое, как казалось ему до диагноза, она неспособна испытывать, — покидал ее глаза.

Теперь же страх как будто утихал только тогда, когда ее качали волны прошлого. Галлюцинации, которые становились все чаще и всегда возвращали ее в те годы, когда еще не было малышки.

Когда Парк находил дочь брошенной на полу гостиной, это было еще не самое плохое. Однажды, за неделю до того, Парк пришел домой и нашел ее в ванной, она извивалась и плакала в остывающей воде глубиной в ладонь в пластиковой ванночке, где они ее купали. Роуз он нашел с той стороны дома, где они держали велосипеды и газонокосилку, она втихомолку курила. Бог знает, где она нашла сигарету, наверное, в обувной коробке в гараже. Она почти бросила курить, только изредка позволяя себе выкурить сигаретку тайком от Парка, вскоре после того, как они познакомились и она поняла, как он ненавидит эти чертовы вонючие штуки. Когда она прекратила пользоваться противозачаточными средствами, она совсем перестала курить, даже не вспоминая об этом.

Парк застал ее в боковом дворе. Она бросила окурок и принялась беззаботно свистеть, глядя в небо, раздавила сигарету ногой и, как это бывало уже сто раз, пошутила насчет того, что муж-полицейский поймал ее с поличным. Но этот раз был не тот, что раньше. При виде мокрой, кричащей девочки на руках у Парка Роуз сначала смутилась, а потом в ее глазах опять появился страх. Она так ужаснулась тому, что сделала, что побежала в дом и спряталась в гардеробной, и Парку удалось выманить ее оттуда только после того, как он просидел снаружи целый час, снова и снова напевая их дочери песенку с алфавитом, пока она не успокоилась и пока Роуз не успокоилась тоже.

Все чаще и чаще он находил ее уплывшей мыслями куда-то, то ли затерявшейся в прошлом, то ли погруженной в «Бездну». Забыв о ребенке.

Когда Парк согласился на задание Бартоломе, он не волновался из-за графика; днем или ночью он делал то, что был должен и когда был должен. Два месяца спустя, когда у Парка только начала появляться своя клиентура, он заметил, как цепенеет шея у жены, ее потливость, узкие зрачки, и что ей все чаще не спалось, как она сказала, потому что она набрала вес из-за беременности и к тому же началось лето.

«Все меняется, милый. Твоя работа. Моя работа. Скоро родится малыш. Ну конечно, я плохо сплю. Конечно, у меня напряжена шея. Давай прилепим тебе на живот пять-шесть лишних килограммов, в груди тоже лишний размер добавим и

посмотрим, что у тебя будет со спиной. Не делай из мухи слона» — вот что она сказала.

Через пять месяцев после того, как он приступил к заданию, ей поставили диагноз. Врачи предупредили об угрозе позднего выкидыша, если ее самочувствие внезапно ухудшится и тело не сможет доносить ребенка полный срок. Рассматривалась возможность преждевременных искусственных родов, но Роуз отказалась.

«Черта с два».

Парк молча согласился и вскоре позвонил кое-куда и выяснил, покрывает ли полицейская медицинская страховка расходы на акушерку и домашние роды. А то, что осталось от трастового фонда Парка, чего не уничтожили рынки во время ежедневной скачки по американским горкам 2008 года, покрыло расходы на Франсин, когда ее пригласили оставаться с ними ночной сиделкой, сначала в качестве дополнительной пары рук, когда прошла неделя отпуска, которую сумел урвать Парк, а потом в качестве сторожевого пса, наблюдать за теми моментами, когда глаза Роуз теряли ясность и она внезапно, без объяснений выходила из комнаты, как будто вырезав Франсин и малышку из сознания, чтобы легче перейти в другое место и другое время.

Его бизнес естественным образом склонялся к ночному времени суток, а так как Франсин была доступна, Парк прекратил заниматься дневными доставками, за исключением самых давних клиентов и покупателей с большими связями, тех, кто мог обеспечить ему новые знакомства и приглашения на эксклюзивные вечеринки, где Парк мог расширить клиентскую базу и разнюхать что-нибудь о «дреме». Однако в последние недели обязательства и разные события регулярно заставляли его уходить из дома в дневные часы, когда Франсин заботилась о собственных детях и старалась урвать несколько часов сна перед долгими ночами с Роуз и ребенком. Парк не всегда мог уверенно сказать, где он будет в пять часов утра, далеко ли от дома, насколько непроходимы будут круглосуточные пробки. Он не мог предвидеть, где Национальная гвардия закроет восемь кварталов во время рейда на предположительно находящуюся там группировку НАХов.

А вскоре болезнь Роуз войдет в свои заключительные, как полагали врачи, два месяца. Период, который в больницах и среди профессиональных медиков и сиделок называется страданием.

Парк собирался что-нибудь изменить в своей работе. Не зная, что и как. Изменить так, чтобы он мог находиться с ними. Но это было до бойни на голдфарме. До встречи с Кейджером. До того,

как у него в руках оказалась улика. Теперь ему предстояло сделать слишком много дел. Слишком много для него одного и капитана Бартоломе. Расследование нужно расширить как можно быстрее. Полностью раскрыть этот произвол.

Спекуляция на чуме.

Нелегальный сбыт DR33M3R — всего лишь верхушка айсберга. Если он поставляется на ограниченные рынки — это означает недостаточные поставки на другие рынки. Фактически манипуляция с ценой.

А еще что? Неужели может быть еще хуже?

Для столь эффективной борьбы с симптомами НСП необходимо владеть информацией об определенных аспектах болезни. Парк слышал о многочисленных теориях заговора, когда ездил от дома к дому, распространяя свой товар. Везде неизбежно упоминалась «Афронзо — Нью дей».

Основная заповедь детективной работы: когда совершено преступление, кому это выгодно?

В данном случае никто не получил больше прибыли, чем «Афронзо — Нью дей». Никто за всю историю человечества не получал такой прибыли, как они.

Малышка опять отпихнула бутылочку, и Парк заметил, что он впихивал мягкую резиновую соску между ее плотно сжатыми губами.

— Да уже возьми ты эту чертову соску!

Он замер. Убрал бутылочку от ее лица и поставил на кухонный стол. Прижался лбом к ее лбу.

— Прости меня. Прости. Папа чуть-чуть… Не знаю, что со мной. Я просто устал, вот и все. Прости меня.

Малышка шлепнула его по макушке и расплакалась. Парк взял бутылочку и сунул в ее открытый рот, губы сомкнулись вокруг соски, и девочка стала сосать, всхлипывая между глотками, ее глаза были красными.

Посмотрел на часы.

Он нашел Роуз в ванной у раковины. Она только что почистила зубы и выплевывала воду, окрашенную в темно-розовый цвет, так как из-за болезни десны кровоточили. Плеснула водой в лицо, промокнула полотенцем и посмотрела на себя в зеркало, дотрагиваясь до впалой щеки.

— Она поела?

У самой двери Парк переступил с ноги на ногу, его отражение появилось в зеркале.

— Не сразу, но поела.

Роуз провела по волосам пальцами с обкусанными ногтями,

откинула их со лба, сняла резинку с дверной ручки, где их висела целая гроздь, и нацепила ее на хвостик, который становился все тоньше.

— Сколько?

— Сто граммов.

Взяла с края раковины косметичку и расстегнула ее.

— Я ее не слышу.

— Она в манеже в кабинете. Я включил музыку на компьютере; она смотрит визуализатор и немного успокоилась. Монитор работает на кухне.

Роуз открыла тюбик кирпично-красной помады.

— Наш психоделический ребенок в отключке смотрит световое шоу. Нам надо купить какие-нибудь флуоресцентные звезды для потолка в детской.

— Уже купили.

Повертев помаду вверх-вниз, снова закрыла, так и не накрасив губы, и бросила ее в косметичку.

— Да, я забыла. — Положила косметичку на раковину. — Эй, муж.

— Что, жена?

Она посмотрела на него.

— Я устала краситься и стараться выглядеть симпатяшкой. Ты не возражаешь, если остаток пути я пройду в естественном виде?

Парк шагнул в ванную и обнял ее за талию.

— Я только этого и хочу.

Роуз подняла на него глаза.

— Парк.

— Роуз.

Она закрыла глаза.

— Парк, я так устала. Я так хочу спать. И я думаю. Что могу. Только я…

Роуз открыла рот, прижала губы к его груди и закричала.

Парк обнял ее, вибрации от ее крика прорезали его, словно нож.

Она замолчала, отвернула лицо от его груди и жадно вдохнула воздух.

— Все нормально, нормально. Я в порядке. Я в порядке. Просто мне иногда хочется остановиться. А я не могу. И я думаю, как это. Когда все кончится. На первый взгляд. Не так уж плохо.

Роуз дотронулась до его подбородка.

— Все нормально. Я не буду. Я просто. Иногда. Если бы я могла заснуть. И пропустить все, что еще будет. Иногда. Вот и все. Это просто соблазн, не больше. Потому что я устала.

Парк заговорил:

— Еще не поздно лечь в больницу. Тебя примут. Тебе дадут «дрему».

Она подняла руку.

— Парк.

Он открыл рот, но она не дала ему говорить:

— Я не лягу в больницу. И вообще, какой смысл? Если я в больнице, а ты на улице. И что тогда? Франсин не может быть здесь постоянно. И что тогда? Кто будет о ней заботиться? Бог знает, дело не в том, что я против лекарств. Но я не пойду в больницу. Я не оставлю ее одну. Нет, ведь о ней некому позаботиться.

Парк вклинился между ее слов:

— Я же здесь. Я могу позаботиться о ней.

Роуз взглянула на него:

— Паркер, я тебя люблю, но тебя здесь нет. Ты не можешь о ней заботиться.

Парк стоял совершенно неподвижно, боясь, что если он хоть немного пошевелится, то разобьется, он не мог понять, почему биение сердца еще не разнесло его в клочки.

Договорившись о встрече, Парк не уточнил где; они просто встречались в том месте, которое шло следующим в списке, составленном еще перед началом его подпольной работы. После первой же встречи безопасное место вычеркивалось из списка, и они больше никогда в нем не бывали. Следующим в списке шла беговая дорожка вдоль футбольного поля в Калвер-Сити-Хай, где когда-то играли «Кентавры». Место встречи находилось в пределах нескольких минут ходьбы и, значит, слишком близко от его дома, но в этот раз он был доволен, что оно недалеко. Встреча займет некоторое время, нужно будет рассказать Бартоломе, что и как он обнаружил, но ему хотя бы не придется волноваться из-за неприятностей на дороге. Скоро он вернется домой, как и обещал Роуз.

Он ждал в условленном месте, стараясь не теребить руками висящую у него на шее флешку, одну из десятигиговых рабочих флешек Роуз, куда он загрузил копию своих отчетов.

Когда перед покупкой дома он и Роуз объезжали округу, они обменялись мыслями о том, какой, должно быть, поднимается шум во время матчей, им обоим понравилась идея, что по пятничным вечерам до них будет доноситься далекий гул. Но к тому времени, когда начался сезон и многие родители забрали детей из школы и тем более из команды по американскому футболу, не осталось игроков, чтобы составить команду. Они и так провели бы не больше одной домашней игры. А вскоре после

начала учебного года в большинстве районов по всей стране начали закрываться танцевальные и спортивные секции и музыкальные группы, театральные студии и стали отменяться остальные мероприятия, подразумевавшие сбор учеников после уроков. В конце концов отменили и сами уроки. Какое-то время школы еще занимались по сильно сокращенному расписанию с теми учениками, чьи родители подписали документы об отказе от всех претензий в случае возможного вреда, который может быть нанесен их детям в период с первого утреннего до последнего дневного звонка. Эти уроки преподавали учителя, подписавшие такие же отказы ради льгот. Количество людей по обе стороны учительского стола, таким образом, заметно сократилось.

Парк попробовал ногой резиновую поверхность беговой Дорожки, она заскрипела под подошвой ботинка. Перед Уходом он принял еще одну спансулу декстроамфетамина. Не потому, что она была нужна ему, чтобы не заснуть, а потому, что его мысли стали неуправляемы; а он должен выстроить их по порядку, чтобы объяснить Бартоломе. О двадцати четырех часах крепкого сна он не мог и мечтать, так что стимуляторы были для него наилучшим вариантом. Он принял таблетку, записал ее в ежедневнике и отметил в полицейском отчете и списке наркотиков и оставил Роуз играть в «Бездну» в кабинете, причем малышка висела в кенгурятнике у нее на шее, обе они не спали, но ни одна не плакала.

Он посмотрел на отцовские часы.

— Откуда у тебя эти часы?

Услышав голос, Парк чуть не пустился бежать. Инстинкт дилера, подогретый стимулятором, чуть не спровоцировал его на спринтерский рывок вдоль всего футбольного поля к высохшему руслу Лос-Анджелеса за парковкой.

— Я не помню у тебя этих часов.

Прежде чем Парк успел убежать, другой инстинкт пересилил первый. Инстинкт полицейского подсказал ему, что если он побежит, то получит удар ботинком под ребра, а то и пулю.

— Я бы запомнил такие классные часы.

Парк потрогал большим пальцем вращающийся безель вокруг циферблата, с помощью которого его отец рассчитывал изменения курса, когда ходил под парусами с одним только компасом под солнцем или звездами.

Человек шел со стороны парковки, он поднял руку и показал пару наручников:

— Договоримся, меняю браслеты на твои часы.

Он схватил Парка за шею сзади и сжал, выбивая из-под него правую ногу. Парк упал на колени.

— Только потом я свои браслеты заберу.

Парк не двигался, пока он снимал часы с его запястья.

— Я посмотрю, будут ли они в конверте с изъятыми у меня вещами.

Человек завел Парку руку, на которой были часы, за спину, вздернул вверх и нацепил на него наручники.

— Ага, посмотри своими погаными зенками, уж поверь, увидишь свои часы.

Человек осмотрел его сверху донизу, забрал ключи и телефон, бумажник и резервную флешку — все, что он вынес с собой за дверь дома, потом дернул его вверх и поставил на ноги.

Парк посмотрел, как человек, пришедший из-под спортивной трибуны, встряхнул часы и приложил к уху.

— И лучше бы я именно *эти* часы нашел у себя в конверте.

— Или что, сволочь?

— Или я приду за тобой.

Человек подтолкнул Парка к улице, расположенной за западными трибунами.

— Ты, козел, если придешь за мной, лучше молись, чтобы меня там не оказалось.

Он опять пихнул Парка.

— Кстати говоря, насколько я понимаю, это угроза в адрес представителя власти, и она будет записана на твой счет вместе с препятствием правосудию, какой бы ты ни был поганый стукач. Сволочь.

Парк больше ничего не сказал.

Он запрашивал встречу с Бартоломе. А пришел Хаундз. Парк понимал, когда ему велят заткнуться.

Я уже давно отказался от охранной сигнализации и других мер домашней безопасности. Вскоре после того, как стал независимым наемником и вступил в конфликт с одной фирмой, которая уже давно занималась предоставлением аналогичных услуг. Эксклюзивные операции, как было написано у них на визитных карточках. Никаких имен, только непонятный номер телефонной справочной службы устаревшего типа и девиз: «Решения для чрезвычайных ситуаций». Можете себе представить, что, когда такую визитку протягивает вам коротко стриженный джентльмен с заметными рубцами на костяшках кулаков, в хорошо сшитом костюме, это производит впечатление. Фирма обладала прекрасным чувством театральности. К тому же, должен признаться, работали они совсем неплохо. Как правило, их решения оказывались эффективными и, безусловно, чрезвычайными. Причина, по которой именно я вызвал их

недовольство, состояла в том, что они сочли, будто бы я посягнул на их территорию и переманил к себе клиента, которого они обслуживали в течение нескольких лет. Они назвали это браконьерством, когда позвонили мне и посоветовали не настаивать и отказаться от уже принятого контракта. Все сравнительно вежливо, однако в каждом слове безошибочно читался подтекст, что лучше бы мне сесть на ближайший поезд и выматываться из города подобру-поздорову. Или что-нибудь подобное в стиле Дикого Запада.

Я отказался следовать их советам.

Они располагали некоторым минимумом средств, чтобы запугать меня. Я был молод. Обладал способностями в своей профессиональной области и был уверен, что сумею добиться успеха на рынке вопреки всякой конкуренции. И проживал я в доме, оборудованном серьезной системой безопасности. Власть закона была довольно велика, я в основном вел бизнес в цивилизованных странах. Пока я занимался своими профессиональными делами, у меня почти не было причин опасаться. Я установил пределы риска, как мне казалось, позаботился об их защите и продолжил заниматься своей работой.

Они напали на меня ночью. Прямо за непроницаемыми стенами моего дома. Отупленный чувством безопасности, которое внушили мне замки, сенсорные панели, бронированные двери, небьющиеся стекла, детекторы плотности воздуха, камеры видеонаблюдения и непременные инфракрасные лучи, я не думал, что нахожусь в опасности, пока не проснулся ночью с ножом у горла. Меня спасло только то, что это были люди, которые считали, что оскорбление можно было смыть кровью только лицом к лицу с обидчиком, а не люди иного сорта, из тех, кто искренне рад обнаружить жертву спящей и убить ее прямо во сне.

Итак, обнаружив, что я еще жив, хотя уже должен был быть мертв, я понял, что у меня есть небольшое секундное преимущество. Оно проистекало из двух обстоятельств: во-первых, из уверенности в том, что я беспомощен и целиком нахожусь в их власти, и, во-вторых, того, что я, очевидно, был безжалостнее их.

Никто не ожидает, что голый человек, который всего лишь минуту назад крепко спал, нападет на тебя, не обращая внимания на прижатый к его горлу нож. Кто в здравом уме отважился бы на это? Кто в здравом уме сделал бы что-то иное, а не стал бы просить пощады или молить Бога о прощении грехов?

Это вопрос без подвоха. По всем признанным меркам, я

вполне нормален. У меня есть свои причуды, но я не безумен.

И тем не менее я напал. Из лежачего положения я поднял колено и ударил по затылку того, кто держал нож. Одновременно я засунул руку между моим телом и его запястьем, чтобы не дать ему глубоко порезать мне горло, когда он нырнет вперед после контакта с моим коленом. Я схватил его руку, в которой он держал нож, перевернулся на правый бок, столкнув его при этом с края кровати и одновременно прикрывая себя его телом, чтобы у его товарищей на другом конце комнаты не появилось желание открыть огонь. В запасе у меня было не больше одного мига. Когда нападающий упал на пол и я приземлился на него верхом, мне удалось не ослабить хватку, согнуть его руку в локте и вдавить нож ему в горло. Мне бы хватило сноровки бросить нож в остальных. Не столько в реальной надежде убить или обездвижить кого-то из них, сколько ради того, чтобы отвлечь их на один бесценный миг, пока я доставал бы пистолет из плечевой кобуры умирающего. Однако вместо этого я побежал и спрятался в стенном шкафу.

В его бронированную дверь ударили пули. Через минуту, пока находившиеся в моей спальне люди производили какие-то мысленные расчеты, новые пули пронзили стену рядом с дверью и ударили в бронированные пластины, которыми будут обложены стены шкафа с внутренней стороны. Шкаф был убежищем, но все же недостаточно оборудованным. Без защиты от газа и радиации, без запаса аккумуляторов и бутылок с водой, просто надежно защищенным помещением на случай нападения с огнестрельным оружием. Однако мои гости не собирались тратить время на поиск его уязвимых мест. Они собирались подложить гранату под его дверь. В этом я удостоверился, когда вошел в комнату через главную дверь позади них и выстрелил им в спину одной короткой очередью из пистолета-пулемета HK-MP5. Мои противники должны были подумать о защите с тыла на случай, если я возьму оружие и появлюсь позади них, выйдя через другую дверь. Однако они не предполагали, что на задней стенке шкафа может быть скрытая панель, которая открывается в большой бельевой шкаф в соседней гостевой спальне. Бельевой шкаф, где огнестрельного оружия было больше, чем простыней и наволочек.

По-прежнему голый, я прошел по дому, убедился, что в него больше никто не проник, и выбрался через окно гостевой ванной комнаты. Под защитой кроны плакучей ивы мне удалось незаметно подобраться к человеку, стоявшему настороже у бассейна. Я предпочел воспользоваться ножом, чтобы все находящиеся у входа на участок не услышали бы выстрел. И все-таки я не рассчитал. Зайдя со спины, я один раз полоснул его под

правым коленом; его нога вывернулась наружу, и его тело упало, тогда я один раз ударил его в почку и еще раз в шею сбоку. Первые два удара я нанес достаточно быстро, так что он успел только громко вздохнуть, но в третий раз промахнулся, и ему удалось выдавить сдавленный крик. Не продумав как следует, я столкнул его в бассейн, чтобы заставить замолкнуть, забыв, что бассейн закрыт. Человек запутался в голубом целлофане и шумно барахтался. Достаточно шумно, чтобы привлечь внимание всех, кто остался у входа на участок, но недостаточно, чтобы я не услышал, как они подходят. Пока умирающий бился, он стащил пленку с края бассейна, поэтому я соскользнул в воду и поднырнул под его содрогающееся в предсмертной агонии тело.

Зацепившись за ступеньки, я ножом проделал отверстие в пленке, просунул голову, чтобы выглянуть наружу, и увидел, что еще двое человек входят на задний двор. Они поступили разумно, ничего не предприняв, чтобы помочь умирающему сообщнику, а вместо этого стали обыскивать двор.

Я отпустил лестницу, тихонько оттолкнулся ногами и поплыл вдоль края бассейна у самой поверхности. Вернувшись на мелкий конец, я подождал еще минуту, убеждаясь, что мои гости всецело поглощены извлечением трупа из бассейна. Руки у них были заняты, но я не хотел допустить ту же ошибку, которую допустили они, когда позволили мне проснуться. Вместо того чтобы целиком вылезти из бассейна, я высунул над водой только голову. Даже погруженное в воду, мое оружие было вполне эффективно в течение ограниченного времени. Хотя мне стоило бы получше задуматься о патронах, которые я заранее зарядил в обоймы, хранившиеся вместе с MP5.

Некоторые скажут, что заряжать пистолет-пулемет экспансивными пулями — это уже чересчур, однако, не считая того, что их приходится заказывать специально и это довольно дорого, у них нет никаких настоящих недостатков. В целом они дают абсолютную гарантию того, что одной короткой очереди будет достаточно, чтобы остановить мишени. Пули расширяются в тканях тела, остаются внутри и передают всю свою кинетическую энергию мишени.

Учитывая мою оплошность, мне повезло гораздо больше, чем я того заслуживал. Я сделал восемь выстрелов. Вода лишь в минимальной степени изменила траекторию пуль, а при такой малой дальности любая потеря скорости несущественна. Шесть пуль поразили свои цели. Мужчины падали в сторону от бассейна, по мере того как пули передавали им свою инерцию; мой палец не так сильно давил на спусковой крючок, еще минус какие-то четыре унции нажима, и оружие прекратит стрельбу, но

не раньше, чем девятая пуля ударилась о наполнившую ствол воду, под давлением расплющилась, как гриб, и разнесла ствол и глушитель в осколки.

Как я уже сказал, мне повезло гораздо больше, чем я того заслуживал.

Тринадцатисантиметровый обломок вонзился мне в брюшную полость. Я сумел самостоятельно вынуть его и зашить края раны, но лишь после того, как установил таймер на фосфорных зарядах, заложенных под несколькими ключевыми конструктивными элементами дома, сел в «лендровер» серии III, стоявший в гараже с полным комплектом необходимых вещей, и отъехал на расстояние восьми километров, чтобы не находиться в непосредственной близости от дома, когда к нему начнут съезжаться полицейские и пожарные машины.

И все это я проделал голым.

В итоге прошла неделя, прежде чем я снова подавил свой инстинкт самосохранения и смог обратиться за медицинской помощью. К тому времени рана чудовищно воспалилась, и дело кончилось тем, что мне пришлось потерять метр кишок. Осколки помельче воткнулись в мою левую руку, и я навсегда утратил чувствительность ладони и внутренней стороны большого пальца.

До сих пор не могу забыть, как близко я подошел к смерти.

На то, чтобы полностью залечить раны, у меня ушло почти столько же времени, сколько и на то, чтобы устранить пагубные последствия для моего бизнеса. Конкуренты, бросившие мне вызов, больше не портили мне жизнь, однако им все-таки удалось добиться одной из своих целей.

Мир, где я работал, был весьма тесен; после такой демонстрации нужно было утешить некоторые самомнения и пополнить некоторые бумажники. Я так и сделал, потом переехал в Лос-Анджелес и открыл новое дело. После переезда в новый дом я решил отказаться от всех мер безопасности. У меня возникло ощущение, что они скорее делают меня уязвимым, а не защищают, так как вселяют ложное чувство безопасности. Пары хороших замков и лживой наклейки о том, что мой дом якобы «находится под вооруженной охраной», хватит для обычного взломщика. Что же касается моих коллег, то я не знал о таких мерах безопасности, которые помешали бы им сделать свое дело, если опять до этого дойдет. Ни один уровень безопасности не давал мне чувства полного спокойствия. И так этому и следовало быть.

Мой дом превратился в своего рода паутину. Скрупулезно сложенную мозаику архитектуры, ландшафта и владений. Строго организованную, так что я в буквальном смысле слова на

чувственном уровне сознавал размещение и назначение каждого элемента. Без преувеличения, я чувствовал, когда у меня дома все было в порядке и когда туда вторгался какой-то диссонанс. Стоило еноту пройти по террасе или перевернуть вазон на моей клумбе, как я просыпался от крепкого сна.

Поэтому, когда я в то раннее утро вернулся домой из Калвер-Сити, я испытал не просто удивление, мной овладела непреодолимая сила.

Глава 15

На этот раз обошлось без мешка на голове. Вместо этого Парк ждал у стойки при входе, пока его зарегистрирует резервистка III уровня, внешность которой явно свидетельствовала о начальных признаках бессонницы.

Тощий негр в оранжевом комбинезоне, у которого излишек цепи на лодыжках был обернут вокруг ножки прикрученной к полу тяжелой деревянной скамьи, вытаращился на него и громко фыркнул.

— Я тебя знаю? Да, я тебя знаю. Я тебя знаю? Да, по-моему, я тебя знаю.

Парк отвернулся от мужчины и стал лицом к резервистке, которая говорила по телефону со стажером-компьютерщиком, пытаясь разобраться, почему она не может войти в Национальный информационно-криминологический центр. Он понял, что, как он ни старался не разглядывать ее красные глаза, напряженную шею и обильную испарину, он никак не мог отвлечься. С каждой проходящей минутой это напоминало ему, что Роуз дома одна с ребенком. Он перевел взгляд на Хаундза и смотрел, как тот изучает список контактов в телефоне, стирает имена и разговаривает сам с собой.

— Этот мертвый. А это кто еще? Мертвый. Мертвый. Этого не знаю, ну и наплевать. Мертвый. Мертвый. Мертвый.

Заключенный на другой скамейке загремел цепью.

— Я тебя знаю? Да, должен знать.

Парк еще больше отвернулся от человека и, наклонив голову, заглянул в телефон Хаундза.

Хаундз поднял глаза.

— Что, интересуешься, сволочь? Как интересно заглянуть в мою черную книжечку, аж шею свернул, да? Не лезь, чмо.

Парк отодвинулся, не отводя взгляда от Хаундза.

— Где Клейнер?

Хаундз захлопнул телефон.

— «Где Клейнер?» Ты это спросил? «Где Клейнер?»

Парк пожал плечами:

— Просто подумал, как ты будешь делить мои часы, если его нет.

Хаундз зарычал, негромкий рык предвещал неминуемые полицейские репрессии.

Человек на другой лавке наклонился вперед, стараясь получше разглядеть Парка.

— Я тебя знаю? Ну да. Может быть. Ну не знаю.

Парк почесал голову, закрывая эту сторону лица, и проигнорировал рычание.

— Или просто положишь их к себе в карман, а Клейнер может проваливать?

Хаундз тяжело ударил его по лицу наотмашь, сбил Парка с лавки на пол, на что женщина на телефоне жестом попросила его успокоиться, а заключенный в оранжевом комбинезоне восхищенно свистнул:

— Даже не размахнулся. Как врезал. Ни фига себе.

Парк сел обратно на скамью.

Хаундз снова раскрыл телефон.

— «Где Клейнер?» Кто бы говорил.

Он показал Парку запись на экране телефона: Клейнер, Сесил. Нажал кнопку, запись дважды мигнула и исчезла.

— Этот козел там, откуда ему лучше никогда не показываться мне на глаза, если не хочет, чтоб ему башку свернули.

Он закрыл телефон.

— Там, по другую сторону баррикад. Пять лет был моим напарником. Ты думаешь, я хорошо знаю Клейнера? А выходит, что я только знаю, как воняет у него из задницы, когда он пускает газы, а больше ничего.

Резервистка повесила трубку.

— Что?

Хаундз посмотрел на нее.

— Да ничего. Мой напарник свалил к едреной матери.

Она покачала головой.

— Вот к этим.

Хаундз потянул Парка вверх и поставил на ноги.

— Вот к этим.

Он толкнул Парка к высокой стойке регистрации.

— Тогда, во время «Катрины», когда рассказывали, как некоторые полицейские бросают работу, он рассуждал, а он бы бросил или не бросил? Поглядывал на других, разглагольствовал, на ком, мол, написано, что он тут же свалит, случись такая же херня. Когда кое-кто из наших стал уходить из полиции буквально в прошлом году, все грозился, мол, попадись они ему только на глаза. А теперь что, сам свалил? Подождал, пока выдадут зарплату, и смылся.

Резервистка потянула себя за мочку уха.

— Вам дали зарплату?

Хаундз поднял руку.

— А потом догнали и еще дали. Ну и что? Ну, дали. Ну да, кому дают, а кому нет. На одних участках платят в одном месте, на других в другом. Все время меняют, как им в голову стукнет.

Первая зарплата за девять недель. Короче, сдрейфил он и… Да к чертям все это. К чертям. Вот этого подонка оприходуйте, и все.

Хаундз смотрел, как резервистка бросила бумажник, часы и флешку Парка в конверт для изъятых личных вещей. Он назвал ей имя Парка, и она набила его на клавиатуре компьютера, у которого восстановилось соединение.

— Причина задержания?

Хаундз вертел часы Парка; он посмотрел на нее.

— Потому что мне дали наводку.

Женщина запечатала конверт, посмотрела на монитор, нажала несколько раз на клавишу, нахмурилась и потерла глаза.

— Вы уже задерживали его раньше?

Хаундз нацепил часы на запястье.

— Ну да. Тоже по наводке.

— И его отпустили?

— Откуда я знаю? Что там говорится?

Она постучала по экрану.

— Говорится, потому что вы не зачитали ему права. Кому-то еще есть дело до зачитывания прав.

Он посмотрел на Парка.

— Эй ты, сволочь, мы тебе зачитали права в прошлый раз? Нет, честно, зачитали? Я ни хрена не помню.

Он перевернул висевший на шее карманчик с полицейским значком и показал Парку карточку с истрепанными краями, где были напечатаны права.

— На, погляди. Ностальгия пробила.

Парк посмотрел на резервистку.

— Он чей-то стукач. Откуда я знаю, чего им надо? Им надо, чтобы было похоже на настоящее задержание, вот чего им надо. Что они там пишут, почему обвинение снято, я плевать хотел.

Женщина потерла заметную шишковатую мышцу на шее.

— Если не следовать установленному порядку, это не украшает послужной список.

Хаундз поправил солнечные очки на носу.

— Знаешь, что, резервистка, пошла ты…

Она перестала тереть шею.

— Простите, что?

— Прощаю. Какого хрена. Мне есть дело до послужного списка? Да пошла ты… Мне есть дело, как я выполняю свою работу. Мне, мамзель, между прочим, уже не двадцать; да я плюю на этих подонков, которые там мухлюют, чтобы поговорить с этим говнюком, и портят мне послужной список, чтобы прикрыть свои делишки. Плюю. С высокой колокольни. Мне передают по рации: «Взять подонка», и я его беру.

Резервистка откинулась на спинку кресла и вытерла пот с подбородка.

— Слушай, ты, сволочь.

Хаундз осклабился, взглянув в сторону Парка.

— Ну вот, началось, сейчас меня как следует отчитают.

Резервистка положила ладонь на рукоятку пистолета.

— Послушай, сволочь. Я скоро сдохну. Я не спала две недели. Чтобы мозги работали, я жру таблетки с кофеином и кофейные зерна в шоколаде и запиваю диетической колой. Я еще не дошла до такой степени, чтобы мои гормоны окончательно взбесились, так что у меня еще и ПМС. Детей у меня нет, а муж, чертов коп, которого я хотела лучше понять и специально ради этого пошла в резерв, бросил меня три года назад ради молоденькой манекенщицы. Так что эта работа — единственное, что у меня есть в жизни, единственное, на что мне еще не наплевать. И тут капитан заявляет мне, что в конце следующей недели ему придется отправить меня в неоплачиваемый отпуск, потому как у меня уже крыша едет. Теперь мне придется идти домой и подыхать в одиночестве.

Она наклонилась вперед, ее рука все так же лежала на рукоятке пистолета.

— И ты думаешь, мне не все равно, сдохну я в тюрьме или от пули, если перед уходом пристрелю одного поганого подонка, который строит из себя крутого, типа моего бывшего?

Она сверлила Хаундза глазами.

Хаундз снял очки и посмотрел на нее:

— Сочувствую вашим неприятностям.

Ее губы растянулись, она сняла руку с оружия и вытерла глаза.

— Ну да, в общем, нам всем есть что сказать.

Хаундз снова нацепил очки.

— Да, всем.

Резервистка наклонилась вперед и положила пальцы на клавиатуру.

— Обвинение?

Хаундз отколупал отслоившийся уголок картинки на груди его застиранной и растянутой черной футболки с «Металликой».

— Сопротивление. И нарушение общественного порядка.

Женщина постучала по клавишам.

— Это у нас код шестьдесят девять и семьдесят один. Хотите написать рапорт?

— Вот еще. Если его продержат за решеткой больше пары дней, тогда чего-нибудь напишу. Я про него целую поэму напишу, если его засадят.

Она кивнула:

— Понятно. Ладно. Давайте его сюда.

Хаундз схватил Парка за локоть и подвел его к стальной двери.

— Иди подожди свою подружку, кто там она у тебя. Тощий негр на лавке поднял бровь.

— Ну да, я ж тебя знаю. Знаю? Ну да, точно знаю. Хаундз пнул скамейку.

— Ты, придурок, что ты там бормочешь? Мужчина покачал головой:

— Я думал, я знаю этого мужика, вот и все. Хаундз взял Парка за плечо и развернул его:

— Вот этого козла?

— Ну да, хм, этого козла.

— Ты его знаешь?

Негр наклонил голову набок и прищурился.

— Я тебя знаю?

Парк посмотрел человеку прямо в глаза и кивнул:

— Да, ты меня знаешь. Тот ухмыльнулся:

— Я так и думал. Откуда?

Парк глянул на Хаундза, потом опять на негра.

— Я как-то раз тебя кинул. Мужчина выпучил глаза:

— А не врешь?

— Не, не вру. Продал тебе дурь, только не доложил. Тот покачал головой:

— И я покупал дурь у белого?

Он высоко задрал плечи и опустил их, вздыхая.

— Видали, но вот вам и причина, чтоб не связываться с этим дерьмом. Как же должен человек обдолбаться, чтобы покупать у белого? Где это видано, чтоб белый тебя кинул?

— Такой уж бизнес.

— Хрена, бизнес у него. Я не ширяюсь, и меня притянули за грабеж и за убийство. А ты тут за сопротивление, такой весь из себя белый пушистый дилер.

Парк на секунду закрыл глаза, думая, как бы все это остановить, нажав большую красную кнопку, просто поставить все на паузу и уйти от них, вернуться домой.

Он открыл глаза.

— Все мы ошибаемся.

Негр широко раскрыл рот, показывая гнилые зубы наркомана, и засмеялся.

— Да уж, прямо истину изрек. Прямо истину. Все ошибаются. Да еще какие, я тебе скажу. Да, я думал, я тебя знаю. Я думал, ты из другого места, но, выходит, не оттуда. Все ошибаются. Да уж,

это точно.

Хаундз опять пнул по скамейке, и тощий негр прекратил смеяться.

— Так откуда ты его знаешь, оттуда?

Человек опять пожал плечами, даже всем своим телом, его цепи звякнули.

— Он же специалист. Он говорит, что дело было так, чего же мне ему не верить?

Хаундз повернулся к двери.

— Мог бы догадаться.

Резервистка положила палец на кнопку.

— А вы думали, они знают друг друга с тех времен, когда вместе служили в ЦРУ?

Она нажала кнопку, и зажужжал зуммер.

Хаундз потянул дверь.

— Просто было интересно, почему этого козла забрали. Он же не обычный козел, вот что я говорю. Да, козел?

Парк ничего не ответил.

Тощий негр опять засмеялся.

— Все ошибаются. Да уж, это точно. Все.

Держа дверь раскрытой, Хаундз дернул подбородком в сторону негра.

— А этого смешливого за что взяли?

Резервистка отпила из банки диетической колы, допила до конца.

— Поубивал всю семью. Бабушку и двух сестер, с которыми вместе жил.

Она достала еще банку из ящика стола и откупорила ее.

— Они все не спали. Все трое. Говорит, убил их, чтобы не мучились.

Хаундз уставился на негра, опять пнул скамейку и тихо сказал:

— Эй.

Человек протянул руку и покрутил звено цепи, ничего не ответив.

Хаундз прочистил горло.

— Ну и как оно прошло? Как они это приняли?

Человек не поднял глаз.

Парк пошаркал пяткой по полу, глядя на отцовские часы на запястье Хаундза.

— Ну и как, по-твоему, это могло пройти? Оставь его в покое.

Хаундз вдавил Парка в стену, сжал его шею пальцами и дважды грохнул головой о штукатурку.

— А ты что про это знаешь? Ты что знаешь про это? Заткнись,

урод.

Резервистка кашлянула.

Хаундз отпустил шею Парка.

Парк посмотрел на человека на лавке, который возился с цепью; резервистка терла узел на шее; Хаундз сжимал и разжимал ладонь, которой держал Парка за горло.

— У меня жена. Я не какой-то особенный. Я знаю про это. У меня жена.

Никто ни на кого не смотрел.

Хаундз опять слегка пнул лавку, но тощий мужчина просто вертел цепь в руке.

Хаундз посмотрел на резервистку.

— Почему он сидит здесь, а не в камере?

Она развернулась на кресле.

— Составляет мне компанию.

Хаундз пропихнул Парка сквозь раскрытую дверь в зарешеченную комнатку:

— Пошли.

Он подождал, пока дверь закроется, зажужжит второй зуммер и откроется другая дверь на противоположном конце бокса.

Хаундз кивнул полицейскому с той стороны, отстегнул наручники с Парка.

— У вашей резервистки за стойкой уже крыша едет. Полицейский снял с пояса пластиковый наручник.

— Едет, не то слово. Хочешь поучаствовать? Мы тут делаем ставки, когда она окончательно рехнется.

Хаундз сунул наручники в карман.

— Хрень собачья. У тебя есть кто-нибудь? Полицейский помолчал.

— Чего?

Хаундз покачал головой:

— Нет, нету.

Он ткнул Парка кулаком в плечо.

— Видал, он не знает.

Полицейский посмотрел на них обоих:

— Вы чего тут?

Парк посмотрел на Хаундза, пожал плечами:

— Я не знаю, кто чего знает.

Хаундз покачал головой:

— Но у тебя же жена.

Парк посмотрел на него:

— У меня жена.

Полицейский стал застегивать наручники на Парке.

— Да пошли вы к черту оба.

Хаундз поднял руку:

— Погоди-ка маленько.

Он посмотрел в пол.

— Черт.

Отстегнув часы, он сунул их в карман Парку и посмотрел на полицейского.

— Не притрагивайся к часам.

Парк посмотрел на него.

— Сочувствую насчет Клейнера.

Хаундз плотнее надвинул очки на нос.

— Счастливо оставаться.

Повернулся и под жужжание вышел за дверь.

Полицейский застегнул наручники и повел Парка вдоль по коридору с камерами. Сквозь гвалт заключенных, прижатых к решеткам, где их удерживало давление чужих тел за их спинами.

Конвойный толкал его вперед и говорил сам с собой.

— Мне что, нужны часы, чтобы знать, сколько сейчас времени? Да пожалуйста. Сейчас ровно без пяти минут, как я впихну в камеру еще одного лишнего. Впихну еще одного лишнего, и решетки не выдержат, и всем придет конец. Ровно без пяти.

Парк молча согласился.

Я стоял у себя на террасе, наслаждаясь утренним воздухом, и телефонный звонок Винни Рыбы подтвердил мою картину мира.

— Если вбить этого парня в базу, получается полицейский Хаас, Паркер, Т. Приписан к участку Венис. Из дорожного патруля. Мой человек позвонил туда поинтересоваться кое у кого из знакомых, что они там думают о Хаасе, но тот о нем ничего не слышал и не смог найти в списках. В общем, он полицейский. Прослужил четыре года. Почти три из них носил форму. Потом начинаются какие-то фокусы. Какое-то досье, но это досье для спецзаданий, так просто в него не посмотришь. Тот, кто тебе нужен, его кто-то отправил работать по легенде. Его перевели на участок Венис, чтобы никто не догадался, что он на спецзадании, но это перевод только на бумаге, потому что кому-то надо, чтобы никто не знал, чем он занимается под прикрытием.

Я отщипнул цветущие верхушки базилика.

— И о чем это нам говорит?

— Мне кое о чем говорит. Во-первых, что он может работать на департамент собственной безопасности. Там любят полицейских-новичков, молодых ребят, у которых еще не было возможности замазаться в грязи. То, что мой человек смог найти его спецдосье, пусть даже и не смог его прочитать, говорит, что

они не очень старались прикрыть своего агента. А это очень похоже на департамент собственной безопасности. Проворачивают тихо, но топорно.

— А во-вторых?

— Во-вторых, что он наркоторговец.

Я глубоко вдохнул, эфирные масла базилика наполняли воздух.

— А.

— Вот и «а». Сейчас всю полицию разрезали на кусочки. Не то что *одно* управление не хочет делиться с *другим,* а гораздо хуже. Есть участки, которые даже нигде не числятся. Ушли в подполье. Неформальная полиция. Действует без санкций, но и без волокиты. Пока преступников убирают из игры, тот, кому надо, смотрит в другую сторону. Финансировать такие операции довольно сложно. Нельзя слишком много забирать из бюджета. Нельзя в открытую выделять слишком много ресурсов. Поэтому большую часть денег на них берут у какого-нибудь плохого дяди. Один бандит платит, чтобы прикрывали его делишки, и еще, самое главное, за то, чтобы другого бандита вычеркнули из протокола. Во втором случае твой парень готов продаться сразу же, как выйдет за дверь, кто-то обращает внимание на его возможности и нанимает. Его переводят куда-нибудь с глаз долой, и вот тебе готовый незаметный крышеватель. Получает зарплату, носит значок, а занимается только тем, что навещает братков и собирает взносы.

Я вспомнил разговор, которому был свидетелем несколько часов назад у галереи.

— Да, Винсент, это очень даже правдоподобно.

— Да, таков уж наш печальный продажный мир.

— Прямо снял у меня с языка.

— Правда, есть и еще одна возможность.

— И какая?

Винни кашлянул, как будто ему было неловко говорить.

— Возможно, это полицейский, который просто делает свою работу.

Я обдумал этот вариант.

— А это вероятно?

— Нет.

Я кивнул.

— Мне тоже так кажется.

— Что-нибудь еще?

— Нет. Ты мне ужасно помог.

— Обращайся. И спасибо за то, что ты сделал для меня.

— Без проблем.

— Не лезь на рожон, Джаспер.

— Ты тоже, Винсент.

Я закрыл телефон и сунул его в карман.

Над горами Сан-Габриэль, выше полоски не по сезону морской голубизны, солнце разливало серебристый свет. Правда, теперь бессмысленно было говорить о каком бы то ни было погодном явлении, что оно по сезону или не по сезону. Это было не просто очень яркое утреннее солнце, как несколько лет назад, но сильный жар. Прохлада, которой я наслаждался за минуту до того, увядала. Я провел рукой по верхушкам базилика и других трав, которые росли в горшках в моем маленьком саду. Розмарин, лимонный тимьян, вербена пахучая, перечная мята, лавр, кориандр — все они источали эфирные масла.

Мне нужно было вылезти из вчерашней одежды. Принять душ. Поспать несколько часов. Освеженный, я бы вернулся к дому детектива Хааса и закончил бы наши с ним дела. У меня еще оставалась слабая надежда, что диск окажется у него. Но более вероятным мне представлялось, что он продал диск Афронзо-младшему за такую сумму, от которой треснула бы по швам казна любого отдела тайной полиции, где бы ни служил Хаас.

Смешанный аромат трав исчез. Ветер переменился и унес его прочь. Я хотел было обернуться, но в этот миг мое внимание привлек интенсивно светящийся шар, который выгнулся над бассейном Лос-Анджелеса.

Электра-Корт № 1, взгромоздившийся на крайнем южном подножии Санта-Моники, прямо над Западным Голливудом, был самой удобной площадкой для наблюдательного поста Южнокалифорнийского командования войск. Конечно, владельцы дорогих квартир на участке застройки с сомнительным названием «Гора Олимп» были против, но дело касалось государственной безопасности, и возразить уже было нечего. Если бы кто-то знал, что в доме в виде летающей тарелки также располагалась передовая база огневой поддержки, возражений могло быть больше. *Я* знал, что это была передовая база. Уверен, что любой человек, который хоть немного сталкивался с артиллерией на личном опыте, знал, что это база огневой поддержки. Такую позицию можно было использовать не только для того, чтобы передавать точные координаты для обстрела из 406-мм артиллерийской установки «Марк-7» с любого линейного корабля типа «Айова», которому случится стать на якорь у Санта-Моники, это было также идеальное место для запуска ракеты «земля-земля» или обстрела минометным огнем расположенных ниже улиц.

Стоя на противоположной стороне Лорел-Каньона, откуда у

меня открывался эффектный вид на бассейн, я с изумлением увидел, что первый выстрел был направлен не с «Горы Олимп», а снизу. Он мелькнул на фоне неба, оставив за собой конденсационный след. Вероятнее всего, это был «Джевлин», его могли запустить из любого места в радиусе двух с половиной километров. Из любого места в зоне прямой видимости. Для этого подошла бы любая парковка на Фэрфаксе. Видимо, стрелявший не отличался меткостью, и ракета не попала прямо в дом, а ударила в разрисованные солдатскими граффити, взрывозащитные стены, которые были ступенчато расположены во дворе специально на случай такой атаки.

И все же она попала в цель. Попала, если я осмелюсь предположить, что настоящей целью была не Электра-Корт. «Джевлин» попал точно в яблочко моей боевой готовности. Я смотрел, как он ударил, смотрел, как он взорвался за секунду до того, как по холмам прокатился гром, почувствовал, как стелются волны раскаленного воздуха, почувствовал обратную тягу, когда огненный шар свернулся вверх, ощутил запах жженой пластмассы современных видов вооружения и пришел в себя.

Запах трав. Как внезапно изменился воздух за секунду до этого. В чем причина перемены? Я все осознал слишком поздно.

Две группы по трое. Отряды натренированных наемников, таких же, как те, которых я убил на голдфарме. Одна группа зашла снизу из-под террасы, другая из дома.

Как я сказал, они не просто захватили меня врасплох. И если бы нападающих было только двое, конечно, они ничего бы не добились, потому что именно двоих я убил, прежде чем меня усмирили.

Глава 16

В комнате без окон комбинация кенотоксинов, остаточного адреналина и слабеющего действия капсулы, принятой перед уходом из дома, вывернула стрелки внутренних часов Парка. Медленно считая про себя, раз, два, три, четыре, пять, как будто играя в прятки, Парк ждал, зарывшись лицом в ладони, пока не досчитает до такого числа, на котором кто-нибудь разрешит ему идти искать, и время от времени взглядывал на отцовские часы, но его догадки о том, сколько прошло минут, никогда не оправдывались.

Дверь открылась.

— Что ты там делал?

Парк перестал считать и поднял глаза на капитана Бартоломе.

Бартоломе посмотрел на прикрученный к стене кондиционер. Он приподнял и отпустил одну из вялых резиновых полосок на решетке.

— Эта штука так и не работает с тех пор, как ты здесь?

Парк отлепил от груди вымокшую от пота рубашку.

— Да.

Бартоломе выдвинул стул из-за стола, за которым сидел Парк.

— Говорил кому-нибудь?

— Сюда никто не заходил с тех пор, как я тут сижу.

Бартоломе положил на стол несколько листов бумаги.

— Я не об этом.

Парк поднял левую руку и дважды дернул ее в наручнике, который цеплял его за приваренное к столешнице стальное кольцо.

Бартоломе бросил на стол ключи.

— Говорил кому-нибудь?

Парк нашел тупорылый ключ от наручников и отстегнулся.

— Сколько времени?

Бартоломе сгреб ключи.

— Ты кому-нибудь говорил?

Парк потер запястья.

— Что говорил? Что кондиционер не работает? Я никого не видел. Кроме Хаундза. Он думает, я стукач.

— Хаас.

Бартоломе взял листок бумаги и перевернул его на обратную сторону; там была бледная фотография, распечатанная на принтере, в котором чернила на исходе.

— Офицер Хаас, вы говорили кому-нибудь?

Парк посмотрел на нечеткое изображение, увеличенный стоп-кадр с видеозаписи, сделанной в тайной комнате, на самого себя за столом, где он разговаривал с Кейджером.

Бартоломе снял темные очки; его глаза еще глубже ушли в глазницы с тех пор, как Парк видел их в последний раз.

— Ты кому-нибудь говорил?

Парк взял снимок. Чернила пропитали дешевую бумагу насквозь, и ее поверхность пошла рябью, искажая оба их лица.

— Я собирался вам сказать.

Бартоломе ладонью смахнул пот с лысой макушки.

— Что ты собирался мне сказать? Что, ты совсем сдурел?

— Нет.

Парк перевернул снимок так, чтобы он снова лег лицом к капитану.

Еще раньше, дожидаясь встречи на беговой дорожке, он организовал и подробно изложил все обстоятельства. Перечень фактов и подтверждающих данных, расположенных маркированным списком, со сносками на все то, что случилось за последние сорок восемь часов и в течение долгих часов наблюдения, записанных во время работы по «дреме». Он подготовился. Он попытался вспомнить эту крепко сбитую диаграмму логики, причин и следствий. Но она исчезла, испарилась со страниц из-за усталости и тревоги. В обрывках мыслей можно было прочесть только главный вывод.

Он положил палец на фотографию, указав на Кейджера:

— Это он.

Бартоломе взял еще одну распечатку из своих бумаг и показал Парку снимок Кейджера крупным планом.

— Я знаю, кто он. Все знают, кто он. В этом и смысл.

— Нет, не в этом.

Парк опять вспомнил отца. Вспомнил их разговоры, они всегда говорили как будто на разных языках. Или каким-то шифром, причем ни один не имел ключа, чтобы расшифровать тайное значение слов друг друга. Разговоры о том, почему он решил получить докторскую степень по философии, а не занялся политологией. Почему в Стэнфорде, а не в Гарварде. Почему пошел в полицию. Почему завел ребенка. При этом его отец нахмурил лоб; он поднял экземпляр «Вашингтон пост», который читал, и показал новости на первой полосе. «Завести ребенка, Паркер? Сейчас? Какой в этом может быть смысл?» И Парк больше не пытался объяснить.

Но теперь ему было нужно, чтобы его поняли.

Он накрыл фотографию Кейджера ладонью.

— Это он. Он этим занимается.

Бартоломе поглядел на него, прищурясь.

— Ты можешь пройти тест на наркотики?

Пот стекал по лбу Парка, каплями висел на бровях, жег глаза, и он заморгал.

— Что?

Бартоломе встал.

— Господи, Хаас. Из всех идиотских поступков, которые делают новички, ты решил запустить руку в собственный запас. Никто не ожидает от тебя, что на такой работе ты будешь ангелом, но нельзя же глотать дрянь, когда идешь на встречу.

Парк вытер пот с глаз.

— Я и не глотал. Я…

Бартоломе смотрел на отдушину кондиционера.

— Вранье.

— Капитан.

Он подошел к кондиционеру.

— Чертова хреновина.

Парк смотрел, как Бартоломе достает из кармана балисонг, раскрывает его. Он вспомнил, как его отец, бывало, заканчивал малоприятный разговор тем, что вдруг принимался за какое-то незначительное дело. После похорон матери, стоя в дальнем углу комнаты как можно ближе к двери, он видел, как сестра спросила отца, что он собирается делать с домом. Видел, как отец встает посреди разговора из любимого «ушастого» кресла, обитого зеленой кожей, подходит к стене и сует палец в выбоину от клюшки, оставшуюся еще с тех пор, когда Парк почти двадцать лет тому назад играл в хоккей на траве прямо в доме. «Давно пора было ее заделать», — сказал он. И пошел в садовый сарай за банкой шпатлевки и шпателем.

Бартоломе просунул лезвие ножа в прорезь на шляпке одного из винтов, на которых держалась решетка.

Парк помнил, как пошел за отцом из комнаты, резко повернул на кухню, вызвал машину, чтобы она его забрала, и через полчаса уехал, пока посол Хаас в библиотеке еще замазывал один из последних знаков того, что в его доме когда-то росли дети. Как сказала ему сестра, когда они разговаривали в следующий раз, он так и не покрасил заплатку. Отец оставил ее на виду. Наверное, забыл доделать, размышляла она.

Парк смотрел, как пожилой человек отвинчивает решетку.

— Он дал мне «дрему».

Бартоломе не повернулся.

— Капитан.

Тот не смотрел на Парка.

— Настоящую, капитан.

Тот положил в карман два нижних винта, стал отвинчивать винт в верхнем правом углу решетки.

Костяшками пальцев Парк отстучал по столешнице оба смысла своего довода.

— Голограмма. Радиочастотная метка.

Бартоломе ткнул острием ножа в стену и оставил его торчать, а голыми руками пытался отколупать края решетки.

— Заткнись.

Парк встал.

— Он дал мне «дрему», чтобы расплатиться за наркотики.

— Да заткнись же.

Решетка качнулась, свободная, свисая с последнего винта в левом верхнем углу, открывая гроздь крошечных микрофонов и камер, установленных по кромке воздуховода.

Парк подошел. Он посмотрел на подслушивающие и подсматривающие устройства. Он посмотрел на капитана. Он вспомнил, как отец напоследок сдался перед лицом мира, который обезумел так, что он уже не мог защитить ни себя, ни свою семью. Парк показал на снимки, по-прежнему лежавшие лицом вверх на столе, и сказал громче:

— Парсифаль К. Афронзо-младший. Он дал мне «дрему» в обмен на шабу.

Бартоломе сунул руку в воздуховод и стал отрывать микрофоны и камеры. Он бросил их на пол комом проводов и антенн и дважды наступил на него ботинком на кевларовой подошве.

Надел очки, выдернул нож из стены, сгреб бумаги со стола и распахнул дверь.

— Пошли.

Парк посмотрел на стопку сломанной аппаратуры слежения и хотел было снова открыть рот.

Бартоломе вернулся в комнату и схватил его за руку.

— У тебя же семья, Хаас. Закрой рот и иди за мной. Это только те, которые видно.

Он потащил Парка по коридору из двустороннего зеркального стекла, за которым находились комнаты для допроса. Парк увидел женщину, сидевшую в одиночестве, ковыряя коросту на шее. Маленького чумазого паренька, на которого орали двое полицейских в форме. Какого-то человека избивали телефонной книгой в пятнах крови. У последней комнаты он задержался. Кто-то с черным мешком на голове висел, прицепленный наручниками к прибитой на потолок скобе. На стуле сидел полицейский, курил, изредка тыкал в тело человека дубинкой,

отчего оно начинало вращаться.

— Капитан.

Бартоломе толкал его дальше по коридору.

— Заткнись.

Бартоломе хлопнул по кнопке у двери в конце коридора и посмотрел в камеру наблюдения в углу, где стена встречалась с потолком.

— На выход.

Настройка громкости, потом трескающийся голос:

— Кто с вами?

— Арестованный.

— Почему без наручников?

Бартоломе пнул дверь.

— Потому что я их тебе засуну в зад, если ты сейчас же не откроешь.

Дверь зажужжала, они прошли в бокс, дверь закрылась, снова зуммер, они открыли вторую дверь в грузовой части крытой автостоянки. Фургон задом въезжал на стоянку и посигналил им. Парк видел лица, прижатые к решеткам из толстой проволоки, закрывавшим окна в тех местах, где были разбиты стекла.

На стоянке их дожидались полицейские с дубинками, наручниками, в шлемах для действий в условиях массовых беспорядков. Бартоломе протолкнулся сквозь них. Один из полицейских поднял визор — это была резервистка, которая регистрировала Парка.

— Куда вы его ведете?

Бартоломе шагнул по лестнице вниз, ведя Парка перед собой.

— Подальше от вас.

— Куда? Мне нужно занести в протокол.

— Вам какая разница? Я вам освободил одно место в камере.

Резервистка помахала Парку.

— Наверное, здорово, когда есть фея-крестная, сволочь.

Задняя дверь фургона открылась, и полицейские стали вытаскивать арестованных, размахивали дубинками, когда те выходили, ударами заставляли лечь на землю и надевали наручники.

Бартоломе отпер серебряный «эксплорер», посадил Парка на пассажирское сиденье и захлопнул дверь, потом обошел машину и сам сел за руль.

— Ты просто невероятный придурок.

Он завел двигатель и тронулся со своего парковочного места, поднялся по съезду, свернул, чтобы пропустить еще один въезжающий фургон, и выехал на улицу.

Приближался вечер, сердитое красное солнце на небе

клонилось к закату. Поднимались столбы дыма, словно колонны, на которые опиралась низкая бурая крыша.

Бартоломе объехал горящую кучу брошенного мусора на Сотелле и посмотрел вверх, где боевой вертолет, зависший над номером 405, открыл огонь по кому-то, кто находился внизу.

— Долгий был день.

Пули вонзились в бензиновый бак на эстакаде, и огненный шар опалил воздух.

Парк дотронулся до полоски белой кожи там, где должны были быть отцовские часы.

— В каком смысле вы мне сказали: «У тебя же семья».

Бартоломе направил «эксплорер» на аллею, проходившую вдоль задней части Сотелла.

— В таком, что тебе есть что терять.

От первого разряда электрошокера я в судорогах упал на колени; от второго потерял сознание. Время от времени я на миг приходил в себя, уверенный, что не контролирую ни мочевой пузырь, ни кишечник, мою грудь рассекла боль, острая, словно бритва, которой разрезали мою одежду, чтобы снять ее с меня, смутные очертания тел у меня в гостиной, резкий приступ тошноты, когда я понял, что они двигают мою мебель, несколько провалов в беспамятство, длящееся несколько секунд или часов, укол иглы в руку и яростный прилив ослепительной ясности, которая прихлынула по моим венам прямо в сердце и затем в мозг.

Прошло некоторое время. Небо снова потускнело. Я лежал голый у себя на диване, руки за спиной, натянутая проволока проходит от запястий до петли у меня на шее, ноги вывернуты наружу, щиколотки привязаны к низкому столику, в этом положении им легко добраться до моих гениталий, а я не смогу инстинктивно сдвинуть ноги, когда они применят паяльник.

Меня уже дважды пытали раньше.

В первый раз, когда мне едва исполнилось двадцать. Меня застали в одном месте, где я не должен был находиться, в гражданской одежде, когда я совершал действия военного характера. Явно в нарушение Женевской конвенции. Меня могли бы предать суду за военные преступления. Но вместо этого меня пытали. Вынуждая признаться, в том числе и в преступлениях, которых я не совершал, и отречься от моей страны. Через три дня я сделал то, что от меня хотели. Через три месяца, после того как меня включили в число пленных для тайного обмена, я вместе с командой горцев-партизан вернулся в лагерь, где меня до этого держали, и первый и единственный раз в жизни участвовал в

убийстве из мести.

Во второй раз меня пытали, когда мне было уже под сорок. Я заключил несколько контрактов с одним агентством нашего правительства и по всем показал превосходные результаты. Настолько превосходные, что у кого-то возникли большие подозрения, что я, по-видимому, обладал разведданными, которые могли мне передать только представители противника. Меня сочли одновременно ненадежным типом и отработанным материалом и твердо решили вытащить из меня подробности моей предполагаемой измены. Так как никакой измены не было, вытаскивать было нечего. Через две недели я начал врать. Сначала что-то простое, но постепенно ложь становилась все изощреннее, поскольку каждая новая выдумка вела к новым вопросам, пока все не выяснится. Поэтому пытки продолжались. Еще через две недели я прекратил лгать. Я перестал кричать, плакать и молить о пощаде. Я молча повторял про себя, как мантру, которая ободряла и поддерживала меня: *скоро меня убьют. Скоро меня убьют. Скоро меня убьют.*

Но не убили.

Наоборот, видимо вдохновленные моим молчанием, мне прекратили задавать вопросы. При этом продолжали пытать. Наугад, без явной причины или цели, меня еще две недели подвергали разнообразным издевательствам. Я стал подозревать, что, как только я замолчал, меня сочли бесполезным. Мои мучители решили, что миновали тот момент, когда я еще был в состоянии сообщить что-либо ценное, и были готовы меня убить. Наверное, они прониклись каким-то духом бережливости, и стали меня держать в качестве подопытного кролика для стажеров. В те последние две недели я был у них чем-то вроде живого трупа, на котором ученики могли отработать свое мастерство.

То, что после тех двух недель меня отпустили, скорее всего, связано с тем, что тот, кто приказал схватить меня, слетел со своего места. Всем известно, что, работая в разведке, постоянно ходишь по скользкой поверхности. Сначала ты первопроходец, потом стоит только один раз ошибиться в оценке, и след потерян, и ты долго падаешь на дно, на землю, где повсюду, когда она приблизится, валяются останки других когда-то отважных скалолазов. Тот, кто приказал схватить меня, удерживать и допрашивать, кто бы он ни был, насвинячил в собственном доме. Правда, то, что меня выпустили, свидетельствовало о том, как сильно этот человек разочаровал окружающих.

И все равно меня могли бы убить. Но это означало бы, что тот человек, которого отправили восвояси, действительно напал на какой-то след, когда приказал меня взять. Настолько более

унизительно и уничтожающе для него просто отпустить меня на все четыре стороны. Нет вреда, нет преступления. Хотя я еще мог кое на что сгодиться.

Мне оказали медицинскую помощь. Две недели они обрабатывали мои самые страшные раны. Несколько раз мне делали укол, чтобы я заснул. Каждый раз я думал, что не проснусь. И каждый раз просыпался.

В последний раз, когда я проснулся в камере, в ногах кровати стоял худощавый мужчина. Он достал из коричневой папки несколько черно-белых глянцевых фотографий. На всех был изображен один и тот же человек с короткой стрижкой и в костюме. Без особых примет. На двух снимках было видно, как он входил в жилой дом, причем номер дома был отчетливо виден. На третьей фотографии сидел за рулем машины, которая поворачивала на улицу, где стоял тот же дом, и была видна табличка с названием улицы. На четвертой — шел по людному деловому району большого города, на фоне которого четко просматривалась хорошо известная туристическая достопримечательность. Больше снимков не было. Свет погас, игла вонзилась мне в руку. Я заснул, а когда проснулся, то лежал дома в собственной кровати.

Я хорошо понял, что мне хотели сказать, показав эти снимки. В тот же день я позвонил своему турагенту, забронировал билет на самолет до города, изображенного на снимке, прилетел туда, взял машину напрокат, разыскал нужные мне улицу и дом, дождался, когда появится мужчина со стрижкой, в костюме и без особых примет и войдет в дом, а немного погодя пошел вслед за ним и убил всех, кто оказался в доме.

Нет, это была не месть. Я не сомневался, что именно этот человек приказал арестовать и пытать меня, но к тому времени я уже успел повзрослеть и не думал о мести. Я просто проявил благоразумие и профессионализм. Мне дали понять, фактически так же ясно, как если бы произнесли это вслух, что я не должен считать свое освобождение подарком, что его нужно оплатить. И я расплатился.

На том дело и кончилось. По обоюдному согласию я больше никогда не работал на правительство. А может ли быть так, что однажды придет расплата? Вдруг какой-нибудь бездельник-солдафон, занимаясь оцифровкой данных, раскопает пыльную папку и, увидев для себя возможность продвижения по службе, придет к начальству с этим обрывком древней истории, с этим опасно свободным концом? Что такой же практик, как я, однажды тайно явится завязать этот висящий конец? Да, на все вопросы ответ «да». Однако я не лишился сна из-за этого.

Тот, кто меня освободил, кто бы он ни был, приказал сообщить мне: *убей этого человека для нас или пеняй на себя.* Особая жестокость и кровожадность, с которой я выполнил тот молчаливый контракт, составила текст моего ответа: *оставьте меня в покое, или я сделаю то же самое с вами.*

Мы услышали друг друга, четко и ясно.

Когда меня пытали и в том и в другом случае, мне задавали вопросы, которые практически не имели отношения к когда-либо совершенным мною действиям. Хотя я, безусловно, был виновен в самых разных проступках, за которые с меня могли бы спросить, тем не менее оба раза меня допрашивали о каких-то посторонних делах. Как и сейчас.

Вместе со мной в комнате находились четверо. Точнее, шестеро, но двоих я убил. Один из оставшихся четверых собрал некоторые мои вещи. Документы, два внешних жестких диска, два ноутбука и один планшетник, пять флешек, высокую башню моего настольного компьютера и все остальное, на чем можно было хранить информацию, в том числе цифровой видеомагнитофон. Хотя сомнительно, что им удастся что-нибудь разузнать из классических серий «Сумеречной зоны» и нескольких кулинарных и садовых телепрограмм, без которых я не мог обойтись.

Покончив с этим, он развернул нейлоновый футляр с инструментами и стал разбирать провода, подсоединять их к моим телефонам и сгружать номера и списки звонков, а затем побросал телефоны в рюкзак. Его ждет разочарование. Всем моим деловым телефонам я назначил по одному конкретному абоненту, чьи номера я помнил наизусть; на всех телефонах содержался только один номер — их собственный. Список вызовов я стирал после каждого звонка с телефона или на телефон. Мои личные телефоны тоже были без номеров. Преимущество почти фотографической памяти. Каждый вечер я стирал все списки звонков. На телефоне, который был при мне, когда на меня напали, есть телефон вертолетчика, входящий звонок от Винни и еще несколько вызовов. Ничего такого, о чем стоило бы волноваться.

Второй из оставшихся в живых стоял у стеклянной стены, выходившей на лос-анджелесскую впадину. Он то и дело смотрел в бинокль и время от времени что-то шептал в микрофон гарнитуры. Стекло было толстое, ударостойкое, хотя и не пуленепробиваемое; и все же сквозь него проникали слабые завывания сирен и треск стрельбы. По большей части он говорил на современном иврите с израильским акцентом, хотя до меня

все-таки часто доносились выразительные английские матюги. Третий человек, который так и напрашивался на описание «пострадал в бою и горд этим», задавал мне вопросы, которые не то чтобы смутили меня, но поставили в тупик. Четвертый вставил в розетку паяльник и аккуратно положил его на столик «Тор», пока он нагревался.

Они допустили единственную ошибку — не надели масок. Дело не в том, что, открыв лица, они обрекли себя на ужасную гибель, в случае моего освобождения, скорее, этим они продемонстрировали свое намерение убить меня независимо от исхода допроса. То есть приоткрыли карты. Знание, что вскоре я умру, нисколько меня не утешило, но оно определило поле игры и подтолкнуло меня к определенным действиям, на которые в иных обстоятельствах я мог и не пойти.

Человек с боевыми шрамами посмотрел в ламинированные листы бумаги у себя на планшете. Что-то подобное мне уже доводилось видеть раньше. Сценарий допроса, который подготовили заранее, каждый вопрос в нем допускал лишь ограниченное число ответов. Каждый из этих допустимых вариантов вел к новому вопросу. Все сводилось только к одному из двух выводов: либо ты тот козел, которого мы ищем, либо ты не тот козел, которого мы ищем. Хотя с самого начала я мог сказать, что в моем случае верный ответ — второй, это не имело никакого значения. Они согласятся с одним из этих выводов, только если придут к нему через весь свой сценарий.

Первый акт начался.

— На кого ты работаешь?

Очевидно, отвечать я не собирался. Мне достаточно было только мысленно представить себе презрение леди Тидзу к такой слабости и непрофессионализму, чтобы заставить себя закрыть рот.

— Какой у тебя план?

И снова у меня не было ответа. Хотя дело было не столько в воле и желании, сколько в том, что я совсем потерялся в догадках. Быть может, он имел в виду мой план забрать диск у Хааса, однако его интонация предполагала нечто гораздо более конкретное. Во всяком случае, сказать мне было нечего.

— Кто твои сообщники?

Как видите, понадобилось только три вопроса, чтобы понять, что его сценарий для моего случая совершенно не годится. Он годился для подозрений, которые у них были относительно меня, но не имел никакой связи с моими истинными намерениями.

— Ты работаешь вместе с легавым?

Этот вопрос всего лишь укрепил мою растущую уверенность в

том, что меня превратно поняли.

— Куда ты собирался отвезти мистера Афронзо-младшего?

Тут в конце туннеля забрезжил неясный свет.

— Что ты собирался потребовать?

Когда наступает ясность, это буквально физическое ощущение. Из мышц уходит напряжение, плечи расправляются, зубы разжимаются, морщины сходят со лба. Тело становится легче, на короткий миг на него не так сильно действует гравитация. Восхитительное ощущение. Неудивительно, что для многих она стала целью поиска всей их жизни.

— Тебя нанял политик или преступник?

Именно в этот момент я мог бы изложить им свои соображения. Я догадался, мог бы сказать я, что меня заметили поблизости от мистера Афронзо-младшего. Что я в самом деле вел себя подозрительно и что я в самом деле кое за кем наблюдал. Да, я понимаю, что любой человек в непосредственной близости от Афронзо-младшего, занятый некоторыми незаконными действиями, например подсматриванием, будет неоднократно сфотографирован, его действия сняты на видео, его слова записаны с помощью параболического микрофона и собранные данные переданы для изучения команде специалистов в плотно закрытых комнатах, чтобы предотвратить утечку информации. Да, честно говоря, я мог бы сказать, что я лично не так виноват в возникшей ситуации, как другой человек. Я должен был понять, что мое лицо, поведение и голос таковы, что все красные маячки на пульте охраны Афронзо должны были вспыхнуть ярким светом, и быть осторожнее, наблюдая за молодым человеком. Конечно, я понимал, что из всех разнообразных опасностей, которые я представлял, самой большой было похищение. Да, такие, как я, представляют собой высокий уровень угрозы и требуют немедленных ответных мер. Тем не менее, как я был бы вынужден заключить, пустив ракету в наблюдательный пункт Южнокалифорнийского командования для того, чтобы отвлечь мое внимание, вы, пожалуй, неразумно перегнули палку. Дело в том, как я мог бы объяснить, что вы, понимаете ли, взяли не того.

Именно тогда, после того как мне задали семь основных вопросов самым бесцеремонным образом, не дожидаясь ответа, я мог бы прибегнуть к этой обороне. Я мог бы даже зайти еще дальше и очертить приблизительный контур моих истинных целей. Но это вошло бы в противоречие с моими намерениями. Нет, я отнюдь не собирался похищать мистера Афронзо-младшего, но я стремился завладеть диском, ради которого он убил нескольких человек. Стоит подойти слишком близко к этой

правде, и результат будет такой же. Возможно, дело еще могло дойти до того, что мне пришлось бы рассказать правду о том, почему я не заинтересован в похищении юноши, но на тот момент я не смог придумать, какой ложью прикрыть свои истинные цели, поскольку меня отвлек слабый щелчок паяльника, который раздался, когда паяльник нагрелся до оптимальной температуры.

Глава 17

Парк смотрел в сейф, в пустоту на том месте, где он оставил бутылочку с «дремой».

— Это не важно.

Он не обратил внимания на слова Бартоломе, осматривая то, что осталось в сейфе. Его документы, золотые монеты, оружие и запасные обоймы, даже его наркотики — все было на месте. Но карточки с отпечатками, флешка с отчетами и сама «дрема» исчезли.

— Не важно, Хаас.

Парк отвернулся от сейфа, вышел из гардеробной и посмотрел на капитана:

— Кто?

Бартоломе стоял у окна спальни, глядя на что-то во дворе.

— Управление по борьбе с наркотиками. ФБР. Ну или ЦРУ. Хрен знает. Типы из Вашингтона. Это не важно.

Парк стал стягивать рубашку, в которой проходил целый день.

— Только это и важно.

— Они же ее производят, Хаас. Они ее сами производят.

— В том-то и дело.

Бартоломе отвернулся от окна.

— Да, дело в этом, но не так, как ты думаешь.

Парк стоял у комода, копался в ящике с футболками.

— Не важно, как я *думаю.* Либо это то, что есть, либо *нет.*

— Господи боже, Парк. Прекратишь ты когда-нибудь? Иди посмотри сюда хоть одну минуту. Просто посмотри. Полицейский Хаас, черт тебя подери, посмотри на меня сейчас же.

Парк посмотрел на Бартоломе. Позади него, за оконным стеклом, он увидел Роуз во дворе, она сидела по-турецки на жухлой лужайке, срывала мертвую траву. Франсин качалась в гамаке, натянутом между пальмой и фикусом, с ребенком на коленях и пела колыбельную по-французски.

Когда он перед этим вошел в дом, Роуз стояла посреди разгромленной гостиной. Она посмотрела на него, оглядела комнату и сказала:

— Тут тебя искали какие-то люди, — и вышла из комнаты.

— У меня в доме были какие-то люди. Люди, которые, как я думал, работают вместе с нами, пришли ко мне и выкрали улики из моего сейфа.

Бартоломе сел на край кровати.

— Неудивительно, что никто не хотел с тобой работать. Хаас.

Они ничего не крали. По Закону о борьбе с терроризмом-2 они имеют право взять все, что хотят и когда хотят. А у тебя и так ничего не было.

— У меня была «дрема», которую мне дал Афронзо.

Бартоломе встал с кровати.

— Да! И что это значит? Ты меня слушаешь? Они ее производят. Они сами делают эту штуку, Хаас. Ну разумеется, у него есть «дрема». Да у него эта «дрема», наверное, из задницы лезет. Он ей, наверное, срет. Ну и что? Что ты себе придумал? Что семейка Афронзо нелегально продает «дрему»? Распространяют свой собственный товар на черном рынке? Зачем? Чтобы подзаработать?

Парк молча стоял с чистой футболкой в руках.

Бартоломе кивнул.

— Ну да, так, что ли? Мотив, Хаас? У них нет никакого мотива продавать «дрему» нелегально. Что они с этого получат? Только ущерб для самого прибыльного источника дохода после нефти. Значит, у него с собой был флакон, и он обменял его на шабу? Что это даст тебе в суде против их адвокатов? Тяжбу лет на сто.

Он шагнул ближе к Парку.

— Нет. Ты получишь беспорядки. Ты получишь кровь на улицах. Если это попадет на желтые сайты, в «Развлечение сегодня» и «Зеваку», ты получишь только то, что целая куча народу погибнет. И почему? Потому что этот парень меняет лишние флаконы, которые производит его семейный бизнес, на наркоту? Видел, когда мы проехали по дороге к тебе, какой навели шухер, потому что какие-то то ли ополченцы, то ли повстанцы, то ли обыкновенные бандиты выстрелили по наблюдательному пункту? Это еще цветочки. Люди станут гибнуть тысячами. Из-за какой-то ерунды, которая просто ничего не значит.

Парк скрутил футболку в руках.

— Что они вам сказали?

Бартоломе скрестил руки на груди.

— Они пришли ко мне, показали те фотографии с тобой и Афронзо и спросили, какого хрена? Я им сказал, что не знаю, какого хрена. Они сказали, что у тебя есть какая-то вещь, которую им надо забрать, и спросили, чего им ждать от тебя в смысле сотрудничества. Я сказал, что от тебя им можно ждать настоящего геморроя.

Он опять посмотрел в окно.

Оба остались стоять там, где были.

Бартоломе оглянулся на Парка.

— И тогда они велели поместить тебя куда-нибудь в надежное место и постараться, чтобы ты держал язык за зубами. Примерно тогда же ты запросил встречу. Пришлось иметь дело с федералами, поэтому я послал Хаундза.

— Почему его?

Бартоломе взмахнул рукой.

— Потому что он старой закалки. Потому что ненавидит этих из Вашингтона. Потому что я был уверен, что федералы не могли его купить, чтобы отвезти тебя в аэропорт и отправить в Гуантанамо.

Парк посмотрел в ящик с черными футболками. Он купил их, когда Роуз заболела. Все свои старые выбросил. Оставил только черные. Так каждый день нужно было принимать на одно решение меньше.

Он достал одну футболку и натянул.

— Что теперь?

Бартоломе оглядел спальню.

— Теперь решать тебе. Если хочешь, можешь заниматься «дремой» и дальше. Крупными партиями. Настоящими. А не всякой чушью про заговоры. Или занимайся тем, что у тебя здесь, дома. Я слишком долго делал свою работу, чтобы теперь работать по-другому. Мне говорят, что искать, я нахожу ребят и отправляю их искать. Производить аресты. Я произвожу аресты. А у тебя жена. Ты занимался этим всего пару лет. Наступит время, тебе придется заниматься тем, что у тебя здесь дома, и никто тебе ничего не скажет. И мне нечего будет сказать тебе об этом. Тебе решать.

Парк смотрел на кровать. Может быть, если бы он выспался, он на все посмотрел бы по-другому? Может быть, усталость делает из него параноика? Современный рекорд мира по бодрствованию, еще до НСП, установил Рэнди Гарднер. Одиннадцать дней. Когда неспящие переваливают за одиннадцатый день, они называют это «побить Рэнди». Парк знал, что еще не побил Рэнди, но он не помнил, чтобы он еще когда-нибудь так же долго оставался без сна. А если он ляжет в кровать и выключит свет, что будет? Заснет ли он и найдет ли смысл, когда проснется? Или, оказавшись в темноте, он поймет, что сон покинул его так же, как и жену?

Он подумал о Клейнере.

Бартоломе снова смотрел в окно.

Парк подошел и посмотрел на жену.

— Мое дело — выполнять свою работу.

Бартоломе оглянулся на него, вынул очки из нагрудного кармана, заслонил глаза и направился к двери.

— Выспись, Хаас. Когда выспишься, все сразу обретет смысл.

Парк ждал, пока не услышал, как завелся капитанский «эксплорер» перед домом и уехал вниз по улице. Тогда он вышел из дома с переднего крыльца и отпер багажник «субару». Он отодвинул мешавшее барахло, аптечку и аварийный комплект, поднял коврик и открыл запаску. Сунул руку внутрь, достал диск Хайдо и свой дневник с красным корешком. Захлопнул багажник, вернулся в дом и разорвал конверт с личными вещами, который Бартоломе отдал ему на обратном пути; из него выпала флешка с копиями его рапортов.

Он достал из заднего кармана отцовские часы, застегнул их на запястье и посмотрел на время.

Выспится потом.

Глубокий ожог на всю толщину кожи, он же ожог третьей степени, — это когда эпидермис поражен полностью и частично поражен подкожный жировой слой и расположенная под ним фасция. Для такого ожога характерно обугливание кожи, образование некротической ткани черного цвета, поражение потовых желез и снижение чувства осязания. Воздействия температуры около 71 градусов Цельсия в течение одной секунды достаточно для возникновения такого ожога у взрослого человека.

Свинцовый припой требует температуры от 250 до 300 градусов Цельсия. Бессвинцовый припой требует от 350 до 400 градусов. Сказать наверняка, на какой припой был рассчитан паяльник, я не мог, но мне представлялось несомненным, что даже на своем минимальном значении он должен оставить след.

Более продолжительное прикосновение, скорее всего, пробуравит эпидермис, дерму, фасцию, мышцу и позволит человеку с инструментом в руке выжечь свои инициалы на моих костях, буде у него возникнет такое желание.

Какое счастье, что он еще только собирался прикоснуться ко мне паяльником. Однако это не значит, что паяльник уже не подействовал, когда его просто поднесли к коже на расстояние сантиметра. Он начал не с гениталий. Он хорошо знал свое дело и оставил себе место для развития. Вместо этого начал с участка нежной кожи у меня под коленями.

Для начала я сосредоточился на чучелах, стоявших у меня в комнате. Коллекция из трех работ художницы из Миннесоты, которая нашла себе средство выражения в виде «сбитых на дорогах и подобранных животных». Одна из работ представляла собой два освежеванных и выпотрошенных беличьих остова в таких позах, будто они танцуют джиттербаг. Другая — коровий

глаз в банке с формалином. И третья — почти как живой черный кот с прикрепленными к его плечам раскрытыми крыльями дрозда.

Эти элементы моей апокалиптической коллекции порой служили мне барометрами человеческой натуры, измерявшими степень убийственного отвращения, с которым некоторые люди реагировали на эти предметы, стояли на полке книжного шкафа. Ни один из нагрянувших ко мне мужчин не удостоил их повторным взглядом. Однако они стоили того, чтобы посмотреть на них еще раз. В их создание было вложено великолепное мастерство. Танцующие белки и коровий глаз выставлялись в галерее, а крылатый кот делался на заказ, и я дожидался его больше года. Я попросил найти кота покрупнее, и художнице пришлось ждать, пока не попадется подходящий труп. В конце концов она спросила, может быть, мне подойдет пестрый кот, покрашенный в черный цвет. Главным образом меня интересовал размер, а подлинность окраса не имела никакого значения. Обхватом своих крыльев он скреплял весь книжный шкаф; все, что стояло на полках, замыкалось на нем. Чернокрылый кот в своем орлином гнезде из книг.

Однако я уже больше не мог думать об этом. Запах горелых волос и обожженной кожи стал перемежаться струйками топленого жира. Собственный вопль выдернул меня из забытья, и я снова стал осознавать задаваемые мне вопросы.

— Тебя нанял политик или преступник?

Вопрос задавали мне много раз, но по какой-то причине только в тот момент до меня дошло, насколько он смешон, и, когда мой крик стих, я засмеялся.

Все в комнате замерли. Человек, составлявший опись моих данных и записей, поднял глаза от наутбука, к которому он как раз пытался получить доступ, не имея пароля. Человек у окна отнял бинокль от глаз. Допрашивавший поднял взгляд от бумажного плана. Человек с паяльником убрал его от моей ноги и держал в воздухе, как перо, как будто готовясь вскоре опять погрузить его в чернильницу.

Они переждали мою минутную истерику, зная, что, если они продолжат давить, я вполне могу тронуться рассудком и на несколько часов стать нечувствительным. Через несколько секунд самообладание вернулось ко мне, но я продолжал смеяться полных три минуты. Говорят, смех — лучшее лекарство. Я никогда не принимал эту сермяжную мудрость, но тем не менее позволил себе такую слабость.

Некоторое время я потратил на то, чтобы согнуть правую ногу, насколько позволяли путы, подбадривая себя тем, что они

еще не успели причинить непоправимого вреда связкам и мышцам моего колена. Остаток трех минут я потратил на то, чтобы снять то напряжение, которое мог стряхнуть фальшивый смех. Мне нужна была такая степень расслабленности, которая позволила бы восстановить концентрацию. Так я и использовал последние секунды, оставшиеся в моем распоряжении. На этот раз я сосредоточился на холсте У Шаньчжуаня «Сегодня воды нет — глава 29».

Картина покрывала большую часть стены от пола до потолка против окон, глядевших на город, и ее красные краски загорались, когда настоящий лос-анджелесский закат опалял небеса. Плотно заполненная схематичными образами архитектуры, религии, анатомии, геометрии и водопроводных труб, переплетенных с текстом на английском и китайском. Мои глаза сами по себе остановились на словах «открытая коробка». Я вообразил, как снимаю крышку с обувной коробки. Отклеиваю клейкую ленту от картонки. Взламываю верхнюю часть ящика. Раскрываю ювелирную коробочку, словно раковину. Я постарался в подробностях восстановить внутренние механизмы классического освобождения из ящика, уже не модного, но очень популярного у иллюзионистов XIX века номера. И когда паяльник коснулся внутренней стороны моего бедра, я пожалел, что меня не просто заперли в ящике.

— Тебя наняли политики или преступники?

На этот раз я не засмеялся.

10/7/10

Неужели правда? Неужели все еще десятое число? А сегодня утром было какое? Да, десятое. Сегодня утром я сидел здесь в машине и писал, перед тем как пойти на школьный стадион. Прошло чуть больше двенадцати часов с тех пор, как я перед уходом положил дневник и флешку в тайник.

Франсин вышла с ребенком и сказала мне, что Роуз в спальне и пытается медитировать. Я забрал малышку у Франсин, девочка расплакалась. Когда Франсин ушла, я не хотел идти в спальню и тревожить Роуз. Медитация уже не помогает ей, как раньше, но иногда ей все-таки удается ввести себя в легкий транс. Она говорит, что это совсем не похоже на сон, но она начинает видеть перспективу.

Перспективу.

Капитан Бартоломе ничего не сказал об убийствах на голдфарме. Он ничего не сказал о диске Хайдо. Федералы, которые пришли ко мне, не стали обыскивать дом, как только

нашли сейф. Они только забрали мои полицейские отчеты, «дрему» и отпечатки. Если бы они знали про диск с файлом под именем Кейджера, они бы и его постарались найти.

Они не знают про диск.

Капитан Бартоломе и федералы не знают, что Кейджер вел дела с фармерами.

Они пришли только за «дремой» и моими отчетами. Они забрали отпечатки пальцев, потому что карточки лежали прямо тут же, в сейфе.

Мои отчеты. Я упомянул про убийство.

А про диск?

Нет, не упоминал. Я скрыл это от Бартоломе. Этого нет в отчетах. А убийства есть. Им все равно. Нет, не все равно. Если они узнают, что Кейджер имел какие-то дела с Хайдо Чангом, им будет не все равно. Но они не знают про диск. Поэтому они не знают, что я там был.

Но узнают, когда прочтут отчеты.

И что тогда?

Чего им надо? Им надо отмазать семейку Афронзо. А потом? Что еще? Что угодно? Зачем я здесь? Зачем я занимаюсь «дремой»? Если они не хотят, чтобы Афронзо примазывали к торговле «дремой», и если они знают, что Кейджер меняет ее на то, что ему нужно, зачем тогда искать эту самую торговлю?

Перспектива. Они думают не так, как я. Они думают так, как они.

Отец, бывало, рассказывал, как это бывает, когда тебя переводят служить на чужую землю: «Они не обязаны приспосабливаться под наш образ жизни, Паркер, это мы обязаны понять их образ жизни. Как только мы поймем, что они думают, можно уже начинать прогнозировать их поступки. Как только мы научимся делать точные прогнозы, можно начинать манипулировать их поступками. Это дипломатия».

Перспектива.

Они знают, что где-то что-то найдется. Они знают, что Кейджер продает «дрему». Знают, что, если его раскроют, мало не покажется. И при этом все равно дают полиции, то есть мне, начать расследование.

Потому что?

Потому что им не надо, чтобы кто-нибудь узнал. Потому что им не надо, чтобы это нашел кто-нибудь такой, кого они не могут контролировать. Если что-нибудь просочится, если будет утечка у них в системе, они должны знать об этом первыми. Люди, которых они контролируют, должны знать об этом первыми.

Найти утечку. Найти утечку, которая ведет к Кейджеру и

семье Афронзо. Найти утечку, прежде чем ее найдет кто-нибудь другой, и заделать.

Я водопроводчик.

Роуз. Ты читаешь это? Ты подарила мне этот дневник. Я пишу в нем и думаю о тебе. Ты читаешь его?

Я водопроводчик.

Я делаю за них грязную работу, Роуз. Я думал, у меня были причины, чтобы я тратил время не на тебя и малышку. Я думал, это что-то важное. Чтобы мир снова стал нормальным, чтобы мы все перестали сходить с ума, чтобы с малышкой не случилось ничего плохого, вот что нужно сделать, думал я. Думал, что должен быть полицейским. Когда капитан Бартоломе предложил мне это задание, я решил, что должен его выполнить. Чтобы все стало лучше. Я такой невинный.

Нет, не правда; невинный я в последнюю очередь. Насчет этого ты ошибаешься, Роуз. Но я наивный. И самонадеянный. Если думал, что будто бы делаю что-то для спасения мира.

Я их водопроводчик.

Я занимаюсь техобслуживанием мира, который они создают. А я дурак.

Перспектива.

Не хнычь, сказала бы Роуз. Разнылся. Сделай уже что-нибудь.

Она не хочет со мной говорить. До сих пор. Когда капитан Бартоломе уехал, я пошел к ней во двор, чтобы попытаться поговорить. Утром перед уходом, я сказал, что скоро вернусь. А сам не вернулся. Франсин сказала, что нашла Роуз в оцепенении у кроватки, она смотрела, как плачет ребенок. И говорила сама с собой. Повторяла снова и снова: «Это мой ребенок, это мой ребенок». Она не хотела брать ее из кроватки. Боялась, что забудет, где она и что она, забудет про малышку и положит ее в какое-нибудь опасное место. Она весь день просидела у кроватки, боясь дотронуться до плачущего ребенка, повторяя себе, кто она, что это за день и что это за ребенок.

И не надо ей со мной говорить.

Роуз, ты права, что не разговариваешь со мной. Я бросил тебя одну.

И я снова собираюсь оставить тебя одну.

Ты сказала, что я не могу заботиться о ребенке.

Но я должен попробовать. Они использовали меня, чтобы я помог им похоронить старый мир. Наш мир. Мир нашего ребенка. Тот, которого малышка заслуживает. Тот, который мы ей обещали. Я не могу этого допустить. Я не могу защитить ее в том мире, который они пытаются сотворить. Ты могла бы. А я не могу. Я не могу заботиться о ней здесь. Но я могу заботиться о ней в

том мире, который они хотят погубить. Я должен жить в этом мире. Если я шагну в их мир, если попробую жить по их правилам, я ее потеряю.

Я не могу потерять вас обеих.

Я помню все, что ты сказала.

«Как же я смогу заботиться о тебе?» — спросила ты.

Я покачал головой и сказал, что тебе и не нужно. И ты вроде как вздохнула, как это бывает, когда ты думаешь, что до меня что-то не доходит.

«Нет, правда, я хочу сказать, черт, как же я буду заботиться о тебе?».

Я сказал тебе, что у меня все хорошо.

Ты смотрела в потолок.

«Ты такой… господи, ненавижу это слово, но ты такой невинный. Я хочу сказать, как же мне уйти от этого?».

Не уходи от меня, Роуз.

Я не невинный.

Но ты не уходи от меня.

Глава 18

Бини не отвечал на звонки.

Он не поехал с Парком в галерею. Когда Кейджер дал понять, что не зовет его с собой, Парк хотел было настоять, но Бини покачал головой. Его долгий день закончился. Ему еще нужно ехать несколько километров до дома. Ему не терпится покурить опиума перед поездкой. Лавировать на велосипеде между застрявшими и брошенными автомобилями в Лос-Анджелесе — сюрреалистическое удовольствие. Ему хочется усугубить это удовольствие. И еще ему очень хочется выспаться. Конечно, ему опять будут сниться сны, но, если чуть-чуть повезет, после пробуждения он их не вспомнит.

Он сказал, чтобы Парк не волновался, ему все равно не хочется в галерею. Он не хотел, чтобы его везли домой на машине. Он предпочитал доехать сам и лечь спать. Уже за дверями «Денизона», когда Парк протянул ему руку на прощание, Бини обнял его одной рукой, но так коротко, что Парк не успел ответить на этот жест прощания.

— Если завтра будешь поблизости от фарма, может, там увидимся.

Парк хотел сказать ему, чтобы он не ходил туда. Чтобы держался подальше. Но рядом был Кейджер, писал в «Твиттер», отправлял сообщения по телефону, рассылал свои мысли в ночь.

Парк собирался позвонить Бини с утра пораньше. Сказать ему, якобы он слышал, что на фарме что-то не то. Чтобы не ходил туда. Это может подождать до утра.

Но все пошло наперекосяк. Прошло слишком много времени. И Бини не отвечал на звонки. У федералов были фотографии Парка с Кейджером в клубе. У них наверняка были и фотографии Кейджера с Бини.

И Бини не подходил к телефону. Парк представил его в наручниках, пристегнутых к цепи на щиколотках, с мешком на голове, в самолете где-нибудь между Лос-Анджелесом и Гуантанамо.

По дороге на юго-запад по бульвару Вашингтон Парк опять нажал кнопку повторного набора и опять его перекинули на голосовую почту. Он пытался дозвониться пятнадцать раз. В половине попыток его вообще не соединяли. Какие-то помехи в сети.

Дожидаясь своей очереди у нового блокпоста восточнее Пасифик-Коуст-Хайвей, Парк оглянулся на Голливуд. Небо над шоссе Санта-Моника плотной сеткой перерезали вертолетные

прожекторы. Поднимался дым, освещенный снизу желто-оранжево-красными бликами. Находясь в низине, трудно было точно сказать, в каких районах отключили электричество, но по уровню освещенности у земли было ясно, что без света остались целые кварталы. То ли по вине Южнокалифорнийского командования, которое, как обычно, без объявления облегчило нагрузку на энергосистему, то ли в результате удара, как тот ракетный, о котором ему говорил Бартоломе, узнать было невозможно.

В чем не было сомнений — единственное, в чем не было сомнений, — это в том, что началось черт знает что такое. Если ему не хватало подтверждений, то он мог просто посмотреть на один из светящихся знаков, висевших через определенные промежутки по всему городу. Обычные информационные сообщения о дорожном движении, давно ставшие предметом местных анекдотов, сменились однообразным подсвеченным объявлением:

> Военное положение введено в следующих районах:
> Лос-анджелесский округ
> Санта-Моника
> Малибу
> Западный Голливуд

И так далее. Длинный список. Он заканчивался бегущим уведомлением о том, что если вы читаете эту информацию, то должны немедленно направиться в такое место, где уже не сможете ее читать. Живо по домам. Видимо, в большинстве своем люди выполнили эту рекомендацию. На дорогах не было так свободно с тех самых пор, как разразилась эпидемия НСП.

Парк читал директивы лос-анджелесской полиции о военном положении. Он знал о чрезвычайных полномочиях полиции, введенных Законом о борьбе с терроризмом. Зная об этом, он посчитал, что военным дали карт-бланш на применение оружия, который позволял им стрелять при малейшей провокации, не считаясь с последствиями.

Задолго до того, как подошла его очередь на блокпосте, он повесил на шею свой полицейский значок и мысленно проверил машину, удостоверяясь, что нигде, кроме тайника в запаске, нет оружия и наркотиков. Когда он подъехал к заграждению из брошенных машин со спущенными шинами и погнутыми ободами, он понял: скорее всего, ему грозит не расстрел по подозрению в мародерстве, а то, что кто-нибудь из напуганных молодых гвардейцев дернется от звука далекой стрельбы и изрешетит его машину целой обоймой M4.

Очень молодой чернокожий юноша с сержантскими нашивками и манерой растягивать слова, как говорят где-то в южных штатах намного ниже линии Мейсона-Диксона, подошел к машине:

— Сэр, прошу вас заглушить двигатель, сэр.

Положив левую руку на руль и держа ее на виду, Парк выключил двигатель правой рукой и сразу же поднял ее так, чтобы гвардейцы ее видели.

— Сэр, ваши документы, сэр.

Опять не снимая левую руку с руля, Парк взялся за значок на груди, нагнул голову, вынырнул из шнурка и передал значок юноше.

Последовала секундная задержка, пока сержант поднял руку в воздух, быстрой чередой жестов показал что-то своим сослуживцам, как делает это принимающий в бейсболе, когда пальцами дает сигналы команде, и сделал шаг вперед, опуская руку к поясу. Парк чуть было не нырнул под руль, когда тот поднял РЧИ-сканер, и это движение непременно стоило бы ему нескольких расстрелянных обойм, но в последний момент он узнал устройство и не двинулся с места, а гвардеец направил сканер на значок, нажал на кнопку, считал результат и сделал еще несколько жестов, большинство автоматов, находившихся в непосредственной близости от них, нацелилось в другие стороны.

— Сэр, офицер Хаас, я должен спросить у вас, по какому вы делу, сэр.

Парк вернул значок на шею и опять положил руки на руль.

— Я на задании, сержант. Еду на Венис-Бич.

— Сэр, я должен спросить, является ли ваше задание неотложным, сэр. Если нет, то я должен просить вас вернуться к вашему месту проживания или пребывания.

Парк знал, что этот уроженец юга не случайно оказался со своим отрядом в Калифорнии. Закон о борьбе с терроризмом-2 предусматривал размещение гвардейцев вдали от родных штатов при подавлении общественных беспорядков. Чем меньше связей у солдат с местными жителями, тем легче им при необходимости нажать на спусковой крючок.

Парк посмотрел на других гвардейцев. Все такие же молодые, почти все черные или мулаты, сгруппированы за баррикадой из автомобилей, которые, как им было прекрасно известно, не могли помешать огневым средствам даже не самой большой мощности. Не говоря уже о том, чтобы защитить от гранатомета или, упаси бог, заминированной машины. Два стоявших за баррикадой военных «хаммера» были небронированные, и только на одном установлен тяжелый пулемет. Молодая женщина за пулеметом то

и дело сдвигала вверх шлем, сползавший ей на глаза.

— Да, сержант, у меня срочное расследование.

Сержант достал блокнот из бокового кармана.

— Сэр, назовите адрес, сэр.

Парк наугад продиктовал ему какие-то цифры и первую же улицу на Венис-Бич, которые пришли ему в голову.

Сержант все записал, убрал блокнот в карман, кивнул Парку и облокотился на его машину, приблизив голову к открытому окну.

— Сэр, я думаю, вы ничего не слышали, сэр.

Парк покачал головой.

— Я как раз собирался спросить у вас.

Сержант обернулся через плечо на свой отряд и ухмыльнулся.

— Он собирался спросить у меня, что происходит. Видали?

Волна усталого солдатского смеха прокатилась по гвардейцам.

Он опять посмотрел на Парка.

— Нам ни хрена не говорят. Мы знаем то же, что и вы, из радио. Кто-то пустил ракету по кому-то из наших. Мы нанесли удар по Маленькой Персии. Маленькой России. Все шло нормально, пока мы не ударили по Церкви Нового Американского Христа в Голливуде, там из-за пары взрывов начался пожар, и вся церковь сгорела. Это было примерно в час дня. Сюда нас вызвали к двум. С тех пор ни хрена не слышно.

Парк кивнул.

— Если б я что-нибудь знал, я бы вам сказал.

Сержант опять сделал несколько знаков пальцами, и «хаммер» с пулеметом отодвинулся на несколько метров, освобождая место посреди заграждения.

— Да к черту, мы не боимся.

Он показал рукой на капот «субару», и Парк включил зажигание.

Сержант посмотрел на север, средоточие беспорядков.

— Мы в Америке, чертовы козлы. Все у нас будет ништяк.

Он махнул рукой, и Парк поехал сквозь проем. На запад, подальше от самого пекла.

По бульвару ехало еще несколько машин, где за рулем сидели те, у кого надобность была достаточно велика, чтобы рискнуть, те, кто был слишком глуп, чтобы видеть настоящую опасность, либо достаточно смел, чтобы посмотреть ей в лицо, либо неспящие. У них не было причин для страха, и они бродили по тротуарам и ездили по мостовым. Если впередиидущая машина внезапно увеличивала скорость, делала резкие повороты или виляла между двумя полосами, это значило, что ей нужно

дать пространство для маневра пошире.

Повернув южнее на Оксфорд, Парк подъехал к очередному блокпосту у Адмиральского въезда в Марина-Дель-Рей. Этот блокпост был укомплектован импровизированным ополчением из яхтовладельцев и любителей парусного спорта, которым не удалось вывести из гавани свои суда, прежде чем ее наглухо закрыли военные моряки, чтобы не пускать в нее контрабандистов, поставлявших оружие НАХам.

Вооруженные охотничьими ружьями, из которых в передний раз стреляли по тарелочкам на палубах яхт, несколькими незаконно переделанными штурмовыми винтовками, якобы нужными для защиты от южноазиатских пиратов, хотя чаще из них палили во время пьяных барбекю в международных водах, двумя ракетницами и одним гарпуном, они велели Парку разворачиваться и проваливать к чертям.

Он показал им значок.

Они спросили, кого ему здесь надо.

Он велел им убраться с дороги и не вмешиваться в полицейские дела, а не то он свяжется с гвардейским блокпостом на Вашингтон-авеню и скажет им, что в гавани окопалась хорошо вооруженная группа повстанцев.

Его пропустили, и он выехал по Бали-Уэй на один из относительно недорогих пирсов, припарковался, дошел до конца четвертого дока, отыскал прогулочный катер Бини, стоявший у себя на слипе, и пробрался на борт, держа наготове «Вальтер-PPS».

Парк спускался по лестнице с палубы в каюту, яхта слегка покачивалась на волнах, он отклонился назад, чтобы нырнуть в люк, и вдруг кто-то схватил его левую щиколотку и стал тянуть ногу вниз. Выворачиваясь, он упал на бок, с грохотом ударившись о ступени бедром, локтем и плечом, чуть не выронил пистолет и, подхватывая его, скользнул пальцем на спусковую скобу.

Кто-то из-под лестницы замахал рукой.

— Какого черта! Какого черта!

Парк замер с поднятым оружием и ждал, пока появится Бини.

— Какого черта, Парк? Я же мог тебя убить, ты чего? Надо же было крикнуть, прежде чем подниматься на борт.

Парк опустил пистолет.

— Я подумал. Здесь кто-нибудь был?

Бини положил зубчатый нож, который держал в руке.

— Нет. Кто сюда полезет? Никто никуда не ходит. Кроме гвардейцев и… Ой, господи.

Парк проследил за взглядом Бини, который смотрел на висящий у него на шее значок.

— Господи, Парк.

Парк медленно поднялся, вытянул руку и ногу, потер бедро, определяя, нет ли перелома.

Он убрал пистолет в кобуру.

Бини упал на койку и опустил голову на руки.

— Черт, Парк. А я тебе столько наговорил. — Он поднял глаза. — То есть, ну, черт. Мы же были друзья.

Парк огляделся, нашел рюкзак Бини и протянул ему:

— Суй сюда все, без чего не можешь жить.

Они ехали прочь из гавани, любимый велосипед Бини лежал в багажнике вместе со шлемом, налокотниками и наколенниками, зажимами для штанин и галогенной лампой, вместе с одноместной палаткой и спальным мешком, прикрепленным к раме несколькими петлями эластичного шнура. Рюкзак располагался у Бини на коленях. Внутри находились его ноутбук, несколько дополнительных устройств, кучка флешек и карт, клубок зарядников, унция травы из Британской Колумбии, несколько чистых носков, велосипедные шорты и футболки, телефон, набор шелковых кальсон, толстый конверт с фотографиями его жены и письмом от нее, которое она просила распечатать после ее смерти, но он так и не смог его прочитать.

Парк помог Бини собрать вещи, он открывал ящики и выкапывал их из-под куч грязного белья по его указаниям, пока Бини переодевался в туристические штаны с отстегивающимися штанинами, футболку «Теквик» и пару высоких ботинок для горного велосипеда. Парк узнал нераспечатанный голубой конверт с потрепанными краями не потому, что уже видел его раньше, но потому, что однажды вечером почти год назад Бини описал его Парку. В годовщину смерти жены, необычно трезвый, он рассказал Парку о письме, пока они стояли в очереди в «Рэндиз Донатс». Он сказал, что старался его потерять. Не глядя засовывал в дальний угол ящиков, находил через несколько месяцев, совал в карман и оставлял его там, бросая штаны в кучу грязного белья, а потом они выпадали из корзины вместо того, чтобы несколько недель спустя оказаться в стиральной машине. На яхте Парк заметил, как конверт выглядывает из-под стопки велосипедных журналов, вытащил его и, не спрашивая, сунул в конверт вместе с фотографиями.

В машине Бини аккуратно скрутил косяк и показал его Парку:

— Не возражаешь?

Парк покачал головой; Бини затянулся.

— Ты собирался меня арестовать?

Парк внимательно наблюдал за едущей впереди машиной.

Она виляла зигзагом по двум полосам, как будто водитель хотел в последнюю секунду свернуть направо на Оушн-авеню, но потом дернулся обратно на среднюю полосу, оседлав прерывистую белую линию и перегородив обе ведущих на запад полосы.

Бини выдохнул дым в открытое окно.

— А если бы то, что случилось, не случилось, ты бы меня арестовал?

Парк переключился на четвертую, повернул «субару» в освободившееся место в неплотном потоке автомобилей, едущих на восток, и проехал мимо машины, украдкой взглянув на водителя с напряженной шеей, старика без рубашки, который завывал, как собака, под песню немецкой дет-метал-группы, грохотавшей у него в динамиках.

Он опять свернул на западную полосу.

— Да. Я бы тебя арестовал.

Бини посмотрел на косяк, зажатый между пальцами, и насупился.

— А теперь?

Парк подъехал к мостику через Большой канал, вода с обеих сторон пенилась густой накипью водорослей, прерываемых флотилиями пластиковых бутылок.

— Если я тебя арестую, то, по-моему, кто-то может тебя убить.

Бини поднес косяк к губам, но убрал, не затягиваясь, и выбросил из окна.

— В чем дело, Парк?

Парк подвел машину к обочине на Стронгз-Драйв.

Лагерь беженцев на Венис-Бич расползся с берега на Вашингтон-авеню. Палатки, сарайчики, шалаши из гофрированных листов растянулись вдоль песчаной полосы от парка на Хорайзон-авеню до точки сразу за Катамараном. Объединение бездомных, уже давно застолбивших себе место на этом участке набережной, жителей, эвакуированных из района каньонных пожаров, и беженцев из Инглвуда и Хоторна. Они бежали, пока не уперлись в океан. Те, кто пытался сбежать дальше на север, уперлись в ограду из рабицы и колючей проволоки на южном краю Санта-Моники, и им пришлось повернуть обратно. На юг никого не тянуло. На тот случай, если они обогнут гавань, морские пехотинцы патрулировали берег у подножия взлетных полос лос-анджелесского аэропорта. Если бы беженцам как-то удалось миновать обе эти опасности, их бы наверняка расстреляли из пулеметов частные охранники на шевроновском нефтеперегонном заводе «Эль Сегундо».

В лагере еще довольно часто мелькали рваные цветастые

футболки в стиле хиппи и полинялая военная форма из распроданных запасов армии, но былой дух бродяжничества практически выветрился. Венис-Бич всегда представлялся Парку каким-то мрачным развлекательным слайд-шоу с участием разорившихся торчков и стареющих элэсдэшников, перегоревших от наркоты до такой степени, что в их глазницах были видны разорванные нити накаливания. Он не видел в прошлом этого места никакой романтики, однако от этого его настоящее не становилось менее отчаянным.

Парк выключил двигатель и провел большим пальцем по зубчикам ключа от дома.

— Дело в «дреме».

Бини опустил голову и затряс ею.

— Блин.

Бини посмотрел на Парка.

— Я же свел тебя с Кейджером.

Парк смотрел на ватагу пыльных мальчишек и девчонок, пинавших футбольный мяч, который то вылетал на свет, то улетал во тьму между двумя уцелевшими уличными фонарями.

— Знаю.

Бини открыл дверь со своей стороны и вылез из машины.

— Вот хрень.

Парк вышел, подошел к багажнику, открыл его и отошел в сторонку.

Бини вытащил велосипед.

— Подержи-ка.

Парк взялся за руль и держал вилку над землей, а Бини прикреплял переднее колесо, перед этим снятое, чтобы велик влез в маленькую пятидверную машину.

— Ну пусть так, брат, пусть Кейджер подонок, но я не думаю, что он меня убьет. Ну, ты же из полиции. Мне-то ты можешь загубить жизнь, а с ним-то что ты сделаешь?

Парк прислонил велик к машине.

— Кто-то вчера утром нагрянул на голдфарм.

— Нагрянул?

Парк опять посмотрел на ребятню. Они повздорили из-за границ поля.

— Убил и Хайдо, и всех остальных ребят. Перестрелял.

Бини поморщился.

— И Киблера?

— И Мелроуза Тома, и Теда, и того, кажется, его звали Чжоу.

— С серьгой в виде ятагана?

— Да, этого.

Бини кивнул.

— Да, Чжоу его звали. Вот хрень. Хрень.

Он заплакал, взял себя в руки, снова заплакал, ударил по крыше машины и замолчал.

— Черт. Козлы. Эти. Это же бессмысленно, зачем убивать всех наших.

Парк кивнул.

Бини вытер глаза.

— Кейджер?

Парк отвернулся от детей.

— Какие у него были дела с Хайдо, кроме торговли артефактами?

Бини сел на бампер и стал пристегивать зажимы на ботинки.

— Парк, откуда мне знать? Я даже не знал, что ты полицейский.

Он поставил ноги на землю, зажимы стукнули по асфальту.

— Хайдо был кем-то вроде его личного дилера во всех виртуальных делах.

Бини пристегнул налокотник.

— Все, что Кейджеру было нужно для «Бездны», все, что ему требовалось для какого-нибудь квеста, Хайдо ему доставал. А я в этом участвовал только потому, что, когда Кейджер предъявил слишком большой список требований, Хайдо поручил кое-что мне. Я справился, и время от времени Кейджер подкидывал мне какое-нибудь дельце.

Парк потянулся в багажник, достал второй налокотник и подал Бини.

— Почему?

Бини пристегнул, взял наколенники.

Потому что ему нравится быть в центре событий. Нравится, когда все кругом вертится. Как в тот раз, когда он встретил тебя и с лету провернул сделку с шабу. Он может приказать доставить ему эту дрянь в любой удобный момент, но ему нравится играть. Он любит экшен.

Бини сидел с наколенниками в обеих руках и хлопал ими, складывая.

— Мы с Хайдо говорили об этом. Знаешь, как разговаривают про кого-то знаменитого, когда его встречаешь. Думаешь, а что это за люди на самом деле. Весь этот культ знаменитостей, насколько глубоко он сидит у нас в мозгах. Как будто тебе даже и думать не хочется о них, но их постоянно суют тебе под нос, так что ничего нельзя сделать. И вдруг ты встречаешь кого-то, кого раньше видел только по телевизору, и у тебя едет крыша.

Парк снова потер отцовские часы.

— И что вы надумали?

— Насчет Кейджера мы решили, что для него имеет значение только игра.

Бини посмотрел на Парка.

— Он говорит о «Бездне» не так, как все остальные. Многие геймеры говорят о ней так, как будто она настоящая. Да я сам так иногда говорю. Но послушать его, она как будто даже больше чем настоящая. Или важнее, чем настоящая. Как он ведет игру в реальном мире, как он играет людьми — это он пытается жить, как будто он в игре. Не в том смысле, что он носит меч или что-нибудь в этом роде, нет, он любит обмениваться. Обожает составлять команды для разных задач. У него есть команда друзей для «Бездны», команда для танцев, команда, чтобы влезать в неприятности. Разные команды для разных квестов. Как те неспящие, которых он сводит вместе в «Бездне». И еще, так же как в игре, он любит, чтобы все в его команде были специалистами. Взять хоть тебя.

Он наклонился, чтобы застегнуть наколенник.

Парк сунул руки в карманы.

— Что насчет меня?

Бини застегнул другой наколенник.

— Как он сразу тебя оприходовал. Хочет ввести тебя в какую-нибудь команду. — Он выпрямился. — Кейджер знает, что ты не дурак. Он взял тебя в галерею. Наверное, хочет сделать тебя дилером своей команды художников.

Бини встал.

— Он приглашал тебя куда-нибудь на сегодняшний вечер?

Парк смотрел на детей. Они окружили двух девочек, которые толкали друг дружку взад-вперед.

— Да, он велел прислать ему эсэмэску, и он скажет куда.

Бини надел рюкзак и подтянул ремни.

— Добро пожаловать во дворец Принца Снов.

Парк посмотрел на него.

— Чего?

Бини кивнул.

— Это он так представляется в «Бездне». Принц Снов. Миленько, да?

Драка еще не успела закипеть. Парк шагнул к багажнику машины, открыл запаску и достал сумку.

Бини оседлал велосипед.

Парк раскрыл сумку.

— Погоди.

Он вытащил картонную трубку, такую же, как та, которую он дал Кейджеру, положил ее назад в запаску и отдал сумку Бини.

— На.

Бини взял сумку и заглянул внутрь. Посмотрел на Парка.

— Если это подстава, то хуже не придумаешь.

Парк посмотрел на север, на зарево каньонных пожаров.

— Можешь пользоваться. Хочешь — меняй. Хочешь — продавай.

Бини закрыл сумку.

— Твое начальство не ведет учет?

— Им наплевать.

— И тебе тоже?

Парк смотрел на девчонок. Одна подняла с земли камень.

— Мне нет. Я просто больше не хочу этим заниматься.

Бини поймал шнур, свисавший сбоку на рюкзаке, и привязал сумку к велосипедной раме.

— Спасибо. Наверняка там найдется что-нибудь такое, чтобы меня выпустили за забор у Санта-Моники.

Вторая девчонка подобрала палку.

Парк переминался с ноги на ногу.

— Оттуда?

Бини почесал затылок.

— Я слышал, разбили лагерь на Биг-Сюре. Мне всегда там нравилось.

Парк закрыл багажник.

— Да, там здорово. Далеко ехать.

Бини показал на дым и пожары, прожекторы в небе:

— Какая разница, куда ехать.

Парк шагнул от машины.

— Возвращайся, когда утрясется. Я все сделаю, чтобы тебя отмазать.

Бини покачал головой:

— «Когда утрясется». Интересный ты парень, Парк.

— Нет. Ничего интересного.

Бини пожал плечами, привстал на педалях.

— Заботься о семье.

Парк поднял руку.

— Счастливого пути.

Он не смотрел, как Бини уезжает, вместо этого он повернулся к назревающей драке, вклинился, развел девчонок, остановил их, прежде чем они зашли слишком далеко.

* * *

Я вспоминал Техас.

Это странно, потому что я бог знает сколько лет старался не

вспоминать Техас. И тем не менее вот он, как будто стоит передо мной бесконечной бурой равниной. Поросшая кустарником маленькая Одесса. Возвращение в юность.

А конкретно перед моими глазами возникла школа. Последний месяц последнего года, мое восемнадцатилетие, как я пошел на призывной пункт вместе с отцом и подписал документы, отсалютовал офицеру по вопросам вербовки, как меня учили, развернулся кругом и отдал честь отцу и не отпускал руку, пока он не отдал мне честь в ответ. Как я был счастлив тогда.

А в Форт-Брэгге[26] я был еще счастливее. Я не соответствовал требованиям и не мог подать заявление в подразделение набора в войска специального назначения, пока не закончу базовую подготовку и не отслужу положенный срок, но я видел солдат на Смоук-Бомб-Хилл, которые добивались права носить зеленый берет. Редко мечты детства бывают настолько близкими и ощутимыми. Даже инструкторы по строевой подготовке не могли испортить мне настроение в Брэгге. Свирепые и несправедливые, они превосходили в грубости тренеров моей школьной команды по американскому футболу.

Все это совершенно не подготовило меня к службе в 1-й кавалерийской аэромобильной дивизии. Полеты и прыжки с «кобры». Патрули между Данангом и Куангнгаем. Растяжки с противопехотными минами «Клеймор» на тропинках в джунглях.

Тезис, проштампованный на корпусе мины, по-прежнему поражает меня одновременно и ясностью, и мудростью: «лицом к врагу».

Когда я вернулся домой после службы, самыми трудными для меня были две недели в Одессе. Гораздо более утомительными, чем процесс квалификации и отбора в специальные войска, более жестокие, чем полугодовой курс повышения квалификации по военно-учетной специальности сержанта — специалиста по оружию класса 18B войск специального назначения. Это была моя вторая натура. Но пока я, проведя год во Вьетнаме, пытался слоняться со своими дружками по футбольной команде, это было сродни пытке.

Ах да, пытка.

Вот почему воспоминания так ярко встали передо мной.

Да, эти желторотые юнцы. Вертелись как белка в колесе. Старались урвать кусок. Обожравшиеся, упившиеся ковбои. Спрашивали меня, сколько я убил узкоглазых.

Самым неприятным элементом была не скука, а жгучее желание убивать, не покидавшее меня почти ни на секунду, пока я находился с этими дружками. С этим проблем бы не было. Оружия там хватало. Буквально ни один день моего отпуска не

обходился без какой-нибудь пьяной стрельбы по мелким животным или пустым банкам из-под пива, которые мы опустошали в бесконечном количестве.

Через пять дней отпуска я перестал принимать их приглашения. Предпочитал оставаться дома с отцом, сидя на дворике нашей когда-то семейной коневодческой фермы, глядя на горизонт поверх небольшого камня, который отмечал место, где отец похоронил мою мать. Мы мало говорили друг с другом. Я знал, что он когда-то служил в отряде рейнджеров майора Дарби и карабкался по утесам в Пуант-дю-Ок в день высадки союзных войск в Европе. И он тоже знал, что я сам побывал в бою. Что мы могли сказать друг другу?

Когда я вернулся со своим беретом, меня направили в группу пятой армии в Нха-Транге, я снова вошел в джунгли, и только превосходная подготовка и самодисциплина не давали мне радостно подпрыгивать при ходьбе.

Вспоминать джунгли имело больше смысла, чем вспоминать Техас. Если во время пытки ты стараешься мысленно унестись в другое место и время, то наилучшая стратегия — выбрать такое время и место, когда и где ты был счастлив.

Правда, сказать, что я был счастлив в джунглях, — это неточно, точнее будет сказать, что там я был самим собой. Больше нигде, ни в какое иное время окружающая обстановка до такой степени не пестовала и не вознаграждала мою натуру. Я расцвел только за счет того, что снял все ограничения со своих порывов. Ни одна удушающая лиана в джунглях не цвела так же, как я.

Поистине мне не хотелось возвращаться домой.

По существу, трудно сказать, когда я действительно вернулся домой. Определенно я не вернулся в Техас. Кроме того, я не вернулся к имени, данному мне при рождении. С большого расстояния, пройденного с тех пор, я едва мог различить то, что связывало меня с тощим, обгоревшим на солнце юнцом, который дрался на футбольном поле.

Кроме, быть может, некоторого желания поскорее все это закончить.

Желания того мальчишки, чтобы ему, как по волшебству, сразу же исполнилось восемнадцать и он поступил бы в армию. Моего собственного желания, чтобы у человека с паяльником внезапно случилась закупорка сосудов, и он бы умер.

Нам обоим пришлось терпеть.

Этот вывод как будто истощил кладезь моей памяти и оставил меня снова в настоящем, где я изо всех сил старался не смотреть на длинные параллельные полосы обожженной дермы,

проходившие вверх по внутренней стороне правого бедра. Но напрасно. Я посмотрел. И закричал. Даже завизжал. Боль всегда становится нестерпимее и чудовищнее, если увидеть ее воздействие на тело. То ли сосуд для бессмертного духа, то ли просто мясо, тело — это то, с чем нам приходится иметь дело. Когда его рвут, режут или сжигают так, что не остается никаких сомнений в жуткой природе шрамов, запятнавших эту плоть, если повезет, и ты выживешь, это выводит на свет спрятанного в тебе труса.

Так случилось со мной.

В тот момент человек со шрамами был в самой середине своего сценария.

— Ты работаешь вместе с полицейским?

Не могу честно сказать, что в ту минуту я достиг своего абсолютного порога. Задним числом я чувствую, что переживал и худшее. Поэтому мне трудно объяснить, почему я сломался именно тогда. Почему я внезапно бросился в успокоительную волну облегчения, которая нахлынула на меня, когда рухнула моя воля, и я сдался. В тот момент я был готов ответить на любой вопрос без всякого скрытого умысла. Восторженно сознавая, что паяльник будет отложен в сторону, как только я начну говорить.

Понимая, что этот курс неизбежно ведет к моей смерти, я заговорил:

— Нет, я не работаю вместе с полицейским.

Привыкнув слышать только мое пыхтение и хрипы или крики боли, все находившиеся в комнате люди чуть вздрогнули при звуке моего голоса. Человек с паяльником отодвинулся и посмотрел через плечо на того, кто вел допрос. Тот, в свою очередь, справился с планом, перевернул страницу, потом перевернул обратно и кивнул. И тогда человек с паяльником приложил его прямо к моей левой коленной чашечке.

Видимо, в сценарии этот ответ не предусматривался. От неожиданности я теперь не закричал, а скорее зашипел, и звук очень походил на тот, который раздался у моего колена.

Потом все погасло.

И во тьме, когда никто меня не видел, я снова обрел свободу быть самим собой. Наконец-то.

Глава 19

10/7/10

В эсэмэске говорилось, чтобы я пришел в дом XF-11. Я таким же образом ответил ему, что не знаю, о чем он говорит. Я прямо слышал, как он вздыхает, когда в следующем сообщении он велел мне погуглить.

Номер 805 по Норт-Линден-Драйв. Дом, на который рухнул Говард Хьюз, обрушился во время испытательного полета самолета-шпиона, который он конструировал для армии.

С Венис-Бич на Беверли-Хиллз. До эпидемии НСП, до того, как все пошло под откос, такая поездка кого угодно привела бы в уныние. Еще год назад это было бы худшее время суток для того, чтобы пытаться туда доехать. Но сейчас улицы были относительно пусты.

Грузовики национальной гвардии. Автоколонна с эскортом наемников из «Тысячи журавлей». Машины шерифа округа и полицейского департамента Лос-Анджелеса. Военно-морские дирижабли, вылетевшие из Сан-Диего. Я подъехал к первому блокпосту на Роуз-авеню по дороге на север. Помощники шерифа. Главным образом они старались отправить народ подальше от Санта-Моники. Тамошняя территория была пока что под контролем, и я не видел там никаких пожаров, так что им совсем не хотелось, чтобы туда въезжали новые люди. Помощники шерифа плевать хотели на мой значок. Санта-Моника не входит в юрисдикцию лос-анджелесского полицейского департамента. Но все-таки они дали мне проехать.

Роуз-авеню. Я пробовал звонить. Роуз не ответила. Может, телефон не работает. Может, она про него забыла. Сидит где-нибудь глубоко в Бездне Приливов и пытается одолеть Лабиринт.

Я спрашиваю себя, видела ли она, когда федералы залезли ко мне в сейф? Видела ли она флакон? Знала ли, что у меня была «дрема»? Что «дрема» была в доме, и я ее не дал ей? Не важно. Она знает. Она знает меня. Она и не стала бы ждать ничего другого. Но ведь мне даже в голову не пришло. Флакон был у меня в руках, а я даже не подумал отдать его ей.

Роуз-авеню.

Не отвлекайся. Кто-нибудь позаботится.

Роуз позаботится. Правда, Роуз?

На крыше жилых башен-близнецов между Хиллом и Эшлендом стояли прожекторы. Они размахивали лучами взад-вперед, вверх-вниз по берегу и линии прибоя. Высматривали

беженцев, которые пытались доплыть с Венис-Бич.

А пулеметы там тоже установлены? Не может быть. До этого мы еще не дошли. Пока еще. Пока еще не до этого.

Второй блокпост, когда Гейтуэй нырнул под эстакаду шоссе 10.

Дожидаясь в очереди из машин, я поднял глаза и увидел мужчин и женщин в черной форме без знаков отличия, которые спускались с шоссе на тросах, висели под ним, протягивали проволоку и прикрепляли мешочки. Устанавливали взрывчатку, чтобы взорвать шоссе Санта-Моника западнее номера 405.

Проехав мимо 405, я заглянул в боковую улицу и увидел, как какой-то человек убегает от шайки неспящих скейтеров. Подростки, догоняя его на своих досках, производили губами жужжащий звук. Притворный храп, который издают неспящие мальчишки, когда решают взяться за «соню». Я слышал о таких нападениях, читал репортажи на новостных сайтах, но сам никогда не видел. Я развернулся посреди квартала, но к тому времени, когда я вернулся на ту боковую улицу, все они исчезли. И соня, и неспящие. И вообще я был не уверен, что видел их.

Новый блокпост на пересечении Уилшира и Вествуда. Большая часть Вествуд-Виллидж и кампуса Южнокалифорнийского университета была оцеплена. Мне были видны огни на Маршалл-Филд и вертолет «Тысячи журавлей», который там приземлился.

На пересечении Уилшира и Уиттьера никакого блокпоста, но «Беверли-Хиллз Хилтон» был освещен и окружен толпой частных охранников. Лимузины и бронированные джипы. Мужчины во фраках, женщины в вечерних платьях. Часть парковки занята фургонами теленовостей, грузовичками для видеосъемки. Награждение? Трибуны на тротуаре для фанатов того, что там происходило, что бы это ни было, сплошь забиты народом. С такого расстояния казалось, что все сиденья заняты неспящими.

По дороге на север по Уиттьеру я слышал стрельбу в Голливуде.

Везде западнее Ла-Сиенеги и севернее Беверли, кажется, не было электричества. Даже холмы стояли темные.

Поле для гольфа лос-анджелесского загородного клуба с этой стороны Уилшира было еще зеленое. Оно скрыто от потока машин на бульваре, и на нем все еще работают поливатели. Я слышал, как они работают, потише, чем стрельба, и звук не такой прерывистый. Большой дом с полумесяцем подъездной дороги. Я должен был остановиться в квартале от него. Улица была забита машинами. «Смарты» вперемежку с побитыми дизелями, адаптированными под биотопливо, но в основном спортивные

машины и внедорожники того рода, которые Роуз хотелось процарапать ключом, если она проходила мимо них на улице.

Раньше она только говорила об этом. А несколько месяцев назад сделала по-настоящему. Я посмотрел на нее, и она пожала плечами. «Если не сейчас, то когда же?»

У дома XF-11 она бы стерла ключи до основания.

У дорожки к подъезду охрана. Мордовороты, которых я видел в «Денизоне», на этот раз в простых черных футболках и брюках. Они спросили мое приглашение, и я показал им письмо с приложением, которое Кейджер прислал мне, на экране телефона. Браслета мне не дали, но предложили подарочный пакет, от которого я отказался.

Обычно, когда я доставляю товар на вечеринки, где раздают подарочные пакеты, я их беру. Мы с Роуз дома просматриваем их и смеемся. Потом я записываю содержимое и кладу пакеты у стенки гардеробной. Но иногда я нахожу в ванной бутылочку абрикосово-лимонного геля для душа и понимаю, что Роуз заглядывала в пакет.

Может, все это лицемерие — что я смеялся над некоторыми вещами, которые делала Роуз? Царапала дорогие машины? Крала никому не нужные вещественные доказательства, которые я учитывал только затем, чтобы никто не мог предположить, будто бы я принимал подарки от подозреваемых?

Должен я сердиться на нее? Или на себя, что допустил это?

Откуда-то из-под дома вырвался дым. Не от пожара. Искусственный дым, как на рок-концертах Роуз. На таких шоу, куда ей удавалась затащить меня, потому что группа дала ей бесплатные билеты, когда она делала для них видеоклип.

Большое облако дыма из большой машины или нескольких машин. На дым спроецировано видео, зацикленный ролик, самолет с двумя пропеллерами и странным хвостовым оперением. Заикание черно-белых фотоснимков, потом вдруг цвет и движение, когда самолет рухнул на дома и один из них загорелся. И потом по новой.

Я вошел в дом. Кейджер был снаружи, за домом. За завесой дыма, выползающей из машин, он лежал на краю трамплина для прыжков в воду над пустым бассейном, свесив ноги. Держал телефон в воздухе и махал рукой взад-вперед. Увидел меня и спросил: «Есть сигнал?»

Я посмотрел на телефон; он показывал две полоски. Кейджер показал на мой телефон. Сказал:

— Это потому, что твой телефон главным образом и есть телефон. Знаешь, это показательно, какие характеристики мы выбираем для своих телефонов. Мой сильно заточен под рассылку

сообщений. Если надо поговорить ни о чем, то мне спокойнее общаться эсэмэсками. В персональном режиме болтовня меня нервирует. Слишком мало индикаторов. Если разговор чуть глубже, в нем яснее раскрывается эмоциональное состояние человека. Но именно из-за игровых компонентов мой телефон не такой надежный в качестве просто телефона.

Кейджер сел и взял сумку, которая лежала рядом, бросил в нее телефон и сказал:

— Давай двигаться. Когда нет сигнала, я чувствую себя как лицо без гражданства. Мне это не нравится.

Он повесил сумку на плечо, встал и пошел по доске. Она слегка колебалась под ним. Кейджер посмотрел в пустой бассейн и сказал:

— Если бы я упал и сломал себе шею, дом снова стал бы знаменитым. Но ненадолго.

Он хотел мне что-то показать, и мы пошли сквозь облако дыма к дому. Кейджер указал на проекцию и объяснил, что это такое:

— Инсталляция Фалалы. Комментарий к закату эпохи управляемых полетов. Ты уже видел «Риперы»? Их передислоцировали сюда на этой неделе. Летающие беспилотные машины смерти. В Armored Assault их очень трудно сбить. Ты только не подумай, что я в нее еще играю.

Его телохранители вышли из кустов на краю двора. Кейджер сказал им, что хочет, чтобы они «притаились в темноте». Имелда возразила, дескать, она знает, но они не могут там сидеть, если он пойдет в дом. Кейджер посмотрел на набившуюся в дом толпу и сказал:

— Пожалуйста, освободите нам проход.

Имелда направилась в дом впереди нас, раздвигая толпу. Мы пошли следом, Магда за нами, чтобы никто не проскользнул в кильватере за Кейджером.

Стена в гостиной была увешана картинами на черном бархате — портретами неспящих с огромными грустными глазами, как у маленьких девочек, щеночков и котят Маргарет Кин.

У Роуз был плакат с картиной Кин на двери ванной в том большом доме, который она снимала вместе с подругами на Телеграф-авеню. Я сказал ей, что он наводит на меня тоску и чувство вины. Она ответила, что этим и отличается хороший китч.

Портреты неспящих меня разозлили.

Кейджер говорил об Имелде и Магде. Он хотел знать, что я думаю насчет их «вида». Я сказал, что с виду они очень эффективные. Он сказал, что, по его мнению, мода на «Матрицу»

уже прошла, и ему захотелось чего-нибудь новенького. Ему пришел в голову «Воин дороги», но он побоялся, что еще слишком рано. Не уточнил, слишком рано для чего. Но я знал, что он имел в виду.

Мне редко хочется ударить человека только за то, что он такой, какой есть. Но мне захотелось его ударить.

Вместо этого я сказал ему правду, сказал ему, что он прав, еще слишком рано. Сказал, что ему надо попробовать «Бегущего по лезвию бритвы». Ему понравилось. Я так и знал, что понравится.

В комнате на верхнем этаже, смотревшей на бассейн, народу было немного. Вообще почти не было. У двери стоял галерист, который курировал выставку. Два подростка в плащах и замшевых лосинах сидели на полу посреди комнаты. И еще некрупный, потный мужчина, он навязчиво щелкал языком, жилы пульсировали на его бледном голом скальпе, кожа свисала на предплечьях. Он был неспящий, ходил взад-вперед по маленькой комнате. Разговаривал сам с собой, по-моему, он бормотал: «Но это же ничего не доказывает. Это же ничего не объясняет. Это же ничего не говорит». Стены были обшиты новенькими панелями однослойной фанеры. Фотографии в хромированных рамах из «Кеймарта» или «Таргета». На всех фотографиях на угольно-черном фоне светящиеся абстрактные фигуры, петли и завитки, края тронуты кобальтом.

Кейджер кивнул галеристу и вытащил меня в середину комнаты к двум подросткам. Оба они открыто на него вылупились.

Я что-то сказал. Постарался направить разговор туда, куда мне было нужно. Но Кейджер не слушал. Он велел мне помолчать и «посмотреть на будущее».

Я посмотрел на фотографии. Все они показались мне одинаковыми.

Перед тем как уехать с Венис-Бич, я отломил коготь от дракона шабу и рассосал его во рту. От него онемел язык, — а на вкус это было похоже на смесь отбеливателя с гарденией. Головная боль начиналась у затылка и поднималась по черепу.

Кейджер спросил меня, вижу ли я.

Я опять посмотрел и тогда увидел. На одной фотографии был неспящий прион. Огромное увеличенное изображение приона в негативе. Я посмотрел еще раз и узнал остальные, потому что наводил справки после того, как Роуз поставили диагноз. Губчатая энцефалопатия крупного рогатого скота. Куру. Болезнь Крейтцфельдта-Якоба. Хроническое истощение.

Галерист показал на фотографии и объяснил:

— Это классика, прошлое. Коровье бешенство. БКЯ. Истощение. Куру. Овечья почесуха. А эти серии НСП — настоящее. Художник потерял всех ближайших родственников. Мать, отца, двух братьев, жену и троих сыновей. Все стали одними из первых жертв НСП. Каждый снимок — один неспящий прион, изолированный из мозговой ткани его покойных родственников. Фотографии — это конечный продукт, но весь смысл в процессе. Художник — специалист по сконструированным материалам.

Галерист показал на финальную серию фотографий. Он сказал нам:

— Это будущее. Сконструированные материалы. Художник адаптирует белки, сворачивает их по-новому, создает новые прионы. Используя нуклеацию, больше известную как конформоционное влияние, тот же самый процесс, при котором под влиянием прионов деформируются здоровые белки, он дает расти своим самособирающимся системам. И потом убивает их. Но не раньше, чем сохранит их визуальный призрак.

Неспящий прекратил шагать и повысил голос:

— Шугуан Чжан сказал нам: «У нас был каменный век, бронзовый век и пластмассовый век. Будущее — век сконструированных материалов».

Галерист кивнул в сторону неспящего и улыбнулся нам:

— Мистер Афронзо, вы знакомы с Иэном Берри?

Кейджер покачал головой, повернулся к неспящему и протянул руку:

— Нет, но я здесь как раз за этим.

По телу человека пробежала волна мышечных подергиваний, врач Роуз называл их фасцикуляциями. Он протянул руку, но рука колебалась из стороны в сторону. Кейджер взял ее в обе свои руки и удержал на месте.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо, что вы показали мне нечто новое.

То ли человек сам выдернул руку, то ли она дернулась непроизвольно, этого я не могу сказать. Так же как я не могу сказать, то ли лицо человека выразило настоящее отвращение, то ли это был результат неуправляемого сокращения мышц.

Кейджер повернулся ко мне, показал на неспящего, улыбнулся и сказал:

— Хаас, познакомься с художником.

Иэн Берри предложил мне свою дергающуюся руку, и я пожал ее. У него трепетали веки. Он сказал мне:

— Не бойтесь, это просто страдание.

Я потянул руку, но он ее не отпускал. Он спросил у меня:

— Как давно это продолжается?

Я покачал головой. Он спросил:

— Сколько вы уже не спите?

Я опять покачал головой. Он отпустил мою руку, снова зашагал и сказал:

— Бояться нечего. Это просто страдание. Это наступает будущее.

Глава 20

У меня в гостиной было три стола. Если вам покажется, что это слишком много, имейте в виду, что у меня дом открытой планировки, где кухня, столовая и жилая зона переходят друг в друга. Еще имейте в виду, что один из трех столов — очень маленький хромированный куб «Дадокс», на котором я держал свои деловые телефоны. Большой овальный кофейный стол стоял в центре комнаты на роскошном лохматом ковре из белой альпаки. Третий стол — довольно дешевый «Суи», который я выбрал по той причине, что его светлый цвет гармонировал с темной древесиной пола, на котором он стоял, и что при своей высоте в двадцать пять сантиметров его поверхность оказывалась примерно на 30 с небольшим сантиметров ниже кушетки Миса ван дер Роэ, которую он дополнял. Разница в высоте была идеальной для субботних вечеров, когда я растягивался на кушетке и слушал прямое вещание из Метрополитен-опера. Мне не нужно было смотреть и тянуться, чтобы взять чашку эспрессо, какую-нибудь выпечку, которую я мог себе позволить, или тарелку с виноградом. В редких случаях, когда у меня бывала компания к обеду, мы обычно ели на террасе или снимали ботинки и сидели на ковре у стола «Тор».

Те, кто находился со мной в комнате на этот раз, не сняли ботинок. Кроме того, они не поставили меня на пол и не привязали мои щиколотки к скульптурным концевым деталям столешницы. Если уж на то пошло, они не распяли меня на «Дадоксе», не выгнули мою спину, разложив поперек куба, с проволокой на шее, с веревкой между щиколотками и запястьями, так чтобы натяжение моих собственных мышц удерживало мои конечности в распростертом виде. Вместо этого они посадили меня на кушетку и привязали щиколотки к ножкам «Суи». В принципе в этой схеме не было ничего плохого, пока не погас свет.

Я свернулся и сгорбил плечи, так чтобы при подъеме уменьшить давление на проволоку, которая шла от шеи к запястьям. Веса верхней части туловища, когда она выдвинется вперед, будет недостаточно, чтобы поднять меня с кушетки, но мои щиколотки были привязаны так, что ступни довольно ровно стояли на полу. Упершись ногами, я поднялся, бросился вперед и упал прямо на человека, который стоял на коленях с паяльником в руках по ту сторону стола.

На миг он оказался зажат между моим туловищем и столом. Я услышал глухой лязг, возможно, это упал паяльник, потом

треск дерева, так как под нашим общим весом хрупкий столик разломился, и я упал, втянув голову, повернув плечо и чувствуя, как проволока врезается мне в горло, а веревка на щиколотках сначала зацепилась, а потом соскользнула со сломанных ножек стола.

Игнорировать боль невозможно. Но ее можно терпеть. Если необходимо, можно терпеть довольно сильную боль. Просто спросите любую мать.

Голый, лежа на полу среди разбросанных щепок, с ожогами третьей степени на коленях и внутренней стороне бедер, я на миг потерял устойчивость при мысли о том, что мир смог увидеть человека, который дважды на протяжении своей жизни оказывался голым в таких обстоятельствах. Боль вернула мне какое-то подобие равновесия. Поистине, я испытывал чудовищную боль в тишине, пока очень внимательно прислушивался, не раздастся ли голос человека, который до этого пытал меня. Я различил шорох движений, который быстро стих, это напавшие на меня немного переместились с тех мест, где были, когда погас свет, после чего я услышал единственный произнесенный слог, который донесся из уст этого человека, лежащего на полу, когда он дал им понять, где находится, чтобы не оказаться на линии огня.

— Здесь.

«Здесь», как оказалось, было всего в полуметре от меня. Я и без того знал это, поскольку то, что уткнулось ему в плечо, было не обломком стола, а, вообще говоря, пальцем моей ноги. Но это слово все-таки сослужило свою службу, так как позволило мне яснее представить, где находится его лицо. Поэтому когда я резко лягнул его пяткой другой ноги, я отчетливо почувствовал, как его нос вдавливается в череп.

Он издал еще один звук, долгий и громкий, и под его прикрытием я резко выкинул обе ноги высоко в воздух, опустил их и перекатился на ступни, отчего проволока еще глубже впилась в мое тело.

Мои глаза постепенно оправились от первоначального шока темноты. Звездный небосклон, который мог дать хоть какое-то представление об окружающем при обычном отключении электричества, был затянут дымом, накрывшим лос-анджелесский бассейн после суток пожаров. Поэтому комнату освещали лишь сами пожары. Горстка мерцающих огней, все не ближе километра. В комнате стояла почти кромешная тьма.

Я немного переместился, держась ближе к северной стене, чтобы не попасть на то место, где скрипел пол, и поспешно бросился в кухню. В жилой и обеденной зоне происходили

похожие изменения. Крик человека, лицо которого я изуродовал, смолк и сменился стонами и хрюканьем, прерываемым булькающими звуками, когда кровь текла из носовой пазухи в горло, и он выхаркивал ее, чтобы не захлебнуться.

Другие трое попытаются перекрыть комнату, решил я. Тому, кто стоял настороже у окон, будет недалеко до стеклянной двери, чтобы ее загородить. Я даже видел небольшой сгусток мрака на фоне чуть более светлой тьмы на улице, который не вписывался в привычные очертания комнаты. Тот, кто просматривал мои вещи, постарается заблокировать коридор, который ведет в заднюю часть дома к спальням и ванным. Ему придется преодолеть наибольшее расстояние и обойти больше всего препятствий. И безусловно, он будет производить больше всего шума. Человек со шрамами встанет у парадной двери в жилую зону. Короткий прямой путь, в результате которого он окажется ближе всех ко мне.

Я присел на корточки за рабочей зоной в центре кухни; услышал, как человек, пересекавший комнату, наступил на обломки стола и невольно выругался; почувствовал, как выросло напряжение в комнате, когда товарищи, должно быть, мысленно обругали его, и легко провел пальцами по кухонной утвари, висевшей сбоку от стола, пока полностью не уверился, что понимаю, где находится крючок с ножницами для дичи. Сняв их с крючка, я мизинцем отстегнул зажим на конце рукоятки. Пружинный язычок бесшумно раскрылся. Я медленно и долго вдохнул и, стараясь как можно меньше выгибаться, просунул загнутое вверх нижнее лезвие между проволокой и поясницей. Однако петля на моей шее была уже затянута так, что не позволяла мне выгнуть спину. Когда я затянул ее на последние три сантиметра, она сдавила мне горло. Проволока скользнула в зазубрину у основания нижнего лезвия, я нажал, миг сопротивления, и проволока лопнула с резким звоном.

Реакция последовала немедленно. Пол заскрипел.

Да, может быть, это кажется мелочью, но этот скрип сообщил мне очень много скрытой информации. Во-первых, он сказал мне, что либо человек со шрамом, либо тот, кто блокировал заднюю часть дома, приближается ко мне. Во-вторых, то, что я не слышал шагов, свидетельствовало о том, что, кто бы это ни был, он снял обувь. В-третьих, сообщил, что они не собирались просто открыть по мне огонь. Этот последний факт намекал, что у них еще остались вопросы и ответы на тот случай, если они меня опять схватят.

Мне хватило мотивов, чтобы причинить себе боль. Я лег на спину, подтянул колени, свернулся клубком и просунул обе руки

под ягодицы и провел ими вниз вдоль всей длины ног. Когда ты голый, провернуть этот маневр гораздо легче, чем в одежде, однако прикосновение к ожогам сторицей отплатило мне за такое преимущество. Вдобавок это действие невозможно выполнить, не наделав довольно много шума. Шума, на который последовала реакция в виде быстрого топота шагов.

Я все еще не мог дышать. Поэтому я постарался скорее вывести руки из-за спины. Я надеялся, что смогу выколупать проволоку из глубокой борозды, которую она проделала у меня в шее. Но вместо этого я сложил руки на груди молитвенным жестом и опустился на колени.

Человек, пересекавший комнату, обогнул стол и приблизился. Он шел низко нагнувшись, протянув руки, в правом кулаке сжимал нож. Готовый нанести резаную или колющую рану или отразить удар другого лезвия. Эффективная техника боя с ножом.

Находясь с ним в такой интимной близости, я довольно ясно видел его тень. Не сомневаюсь, что он мог видеть меня еще лучше. Когда тебе за шестьдесят, ты уже не заигрываешь с южным калифорнийским солнцем, и я не загорал десятки лет. Можно сказать, я был бледен как привидение. Имея перед собой такую превосходную мишень, он пошел в нападение, приблизился, подошел еще ближе, выставив нож перед собой и готовясь нанести удар, от которого я должен был бы, стараясь уклониться, плюхнуться на спину. Из этого положения я мог бы сбежать подальше и попасть в руки стоявшего у стеклянной двери. Жалкая оборона, но разумная, поскольку единственный другой вариант заключался в том, чтобы упасть вперед к его ногам, и он бы не упустил законную добычу, прижал бы коленом мой затылок и ждал, пока не подойдут его товарищи, чтобы меня связать.

Я упал вперед.

Все сложилось крайне неудачно для напавшего на меня, когда я расцепил руки и выставил гнутые лезвия ножниц, которые я прятал. Я дал им раскрыться на несколько сантиметров и вонзил в его правую ногу. Они прорезали подъем стопы, вышли сквозь подошву, и оба кончика вгрызлись в деревянный пол. Ума не приложу, зачем человеку с головы до ног одеваться в черное, но при этом надевать белые спортивные носки.

Я не остался возле него для того, чтобы обездвижить его окончательно и обыскать, нет ли на нем оружия. Я принял на веру, что он не стал бы нападать, если бы сперва не отложил огнестрельное оружие. Они не знали, сумею ли я отобрать пистолет, но, уж конечно, не собирались рисковать и сами давать его мне в руки. К тому же мне некуда было торопиться. Я знал,

где он находится и где будет находиться по крайней мере еще несколько следующих секунд.

Я снова перешел на другое место.

Двое из четырех, которых я не обездвижил, постараются занять позицию для стрельбы, подумал я. Их первоначальное преимущество передо мной состояло в числе, огневой силе и хорошем самочувствии. Необходимость взять меня живым свела на нет их огневую силу. Мое непроизвольное желание выжить компенсировало нанесенный мне вред. Да и численность уже начала выравниваться. Понимая, что *мои* преимущества состоят в знании местности и отчаянном положении, в котором я оказался, они постараются рассчитать риск и выгоду в том случае, если откроют стрельбу, когда представится возможность, и решат — будь что будет.

Послышалось несколько щелчков пальцами. Таким образом они договаривались, кто какие секторы обстрела возьмет на себя. Раненые знают этот код и прижмутся к полу, чтобы не получить шальную пулю.

Я снова мог дышать. Этот подвиг дался мне с большим трудом. Я стащил проволочную петлю и позволил себе отдышаться.

Пересекая комнату, чтобы достичь нового укрытия, я обошел ковер из альпаки. У его края я увидел черный куб компьютера «Шаттл», на котором я изучал «Линукс». Это было одно из электронных устройств, которые они вынесли из моего кабинета, чтобы найти в нем какие-нибудь сведения относительно моего подозрительного поведения вблизи Афронзо-младшего.

У проволочной петли был хвост примерно в полметра. Проволока была хоть и толстая, но гибкая. Я немного расширил петлю, примерился, тихонько бросил ее и услышал, как она негромко стукнула, упав на компьютер и цепляя его за угол.

Никто не открыл огонь, и это говорило о том, что они либо не слышали стука, либо стук был слишком тихий, чтобы дать им возможность прицелиться. Я сильно, наотмашь дернул проволоку, из-за чего «Шаттл» с грохотом повалился на деревянный пол в сторону стеклянной стены. Пауза длиной в биение сердца, за ней последовала серия из трех размеренных выстрелов, потом опять пауза, а затем четвертый и пятый выстрелы.

Но меня там уже не было.

Я вжался в угол комнаты, дальний от входной двери. Груда моей аппаратуры и человек, который стоял настороже, находились между мной и стеклянной дверью. И мне пришлось бы перелезть через кушетку, чтобы добраться до коридора в заднюю часть дома или до входной двери.

Я был загнан в угол, если это не тавтология.

С того конца комнаты, где находился человек со шрамами, раздались выстрелы. В таком стесненном пространстве пламегаситель практически не скрыл его местонахождение. Хотя это не относится к делу, потому что у меня в руках не было оружия для ответной стрельбы. Да и в любом случае он уже успел снова переместиться. И все-таки мне представлялось очевидным, что он блокирует жилую зону и по крайней мере половину столовой. Последний его выстрел пробил дыру в толстой стеклянной стене. Я мысленно провел линию от этой точки до места, где он был, когда выстрелил. Последний из них должен будет прикрывать вторую половину столовой зоны и кухню. И он будет делать это с позиции сразу за тем местом, где последний выстрел ударил в стекло.

Конечно, я не мог быть уверен во всем этом. Меня пытали несколько часов. Мне нанесли раны, которые по-прежнему причиняли мне сильную боль. Я перенес кислородное голодание, кровопотерю. В комнате было темно, повсюду валялись вещи и обломки столика «Суй». Двое человек, которых я обездвижил, вероятнее всего, вскоре вернутся в строй. Я находился в катастрофическом положении и крайнем отчаянии. Мои стратегические оценки нужно было в лучшем случае считать сомнительными.

Слава богу, что у меня в руках было чучело крылатого кота.

Художницу, создавшую этот шедевр, рассмешило, когда я сказал ей, зачем мне нужен кот внушительных размеров. Она от души согласилась и с концепцией, и с разными другими требованиями по моему заказу. Она призналась мне, что ей «понравилась ирония насчет Джеймса Бонда». Я не возразил ей, что в чучеле не было абсолютно ничего ироничного. Я со своей чувствительностью видел в мертвом коте с крыльями дрозда, пришитыми к его спине, и ракетницей, спрятанной в его полом остове, мрачное провозвестие того, что человечество уготовило самому себе.

Сказать точнее, внутри крылатого кота была не настоящая ракетница. На самом деле это была система оружия Лунда с изменяемой скоростью. Наименование «ракетница» распространилось среди блогеров, увлекающихся необычными оружейными технологиями, но мало понимающих в настоящем оружии. По существу это автономная пусковая система для снарядов летального и нелетального действия. С помощью кнопок на боку можно было задать количество топлива, которое поступит в камеру сгорания позади снаряда после нажатия на спусковой крючок. Она стреляет совсем не ракетами, которые представляют

собой реактивные снаряды. Дело скорее в том, что внутри оружия происходит управляемый взрыв, задавая снаряду предварительно установленную начальную скорость, которую можно менять от выстрела к выстрелу. Система предназначалась для применения в боевой обстановке, где гражданские лица и противник перемешаны и трудно различимы, и свет увидело лишь несколько ее прототипов. Услышав, что в прошлом году ее выпустили на рынок, я купил ее за бешеные деньги. Ее доставили всего лишь с горсткой специализированных боеприпасов и топливом на две заправки. Не в силах удержаться, я расстрелял пол-обоймы ради того, чтоб ее испытать. Если зарядить ее резиновыми пулями, получалось эффективное в бою нелетальное оружие с радиусом действия пять метров. Если зарядить пулями со сплошной металлической оболочкой, она превращалась в смертельное оружие дальностью до тысячи метров. Многочисленные отверстия практически сводили на нет дульное пламя и шум. Поскольку количество топлива не зависело от размера снаряда, то маленькая пуля, почти не теряющая энергии из-за сопротивления воздуха, получала такую начальную скорость, которая обычно характерна для крупнокалиберных винтовок. При установке на красный уровень система может выстрелить серию бронебойных снарядов 22-го калибра со скоростью тысяча метров в секунду, что сравнимо с пулей «винчестер магнум» 300-го калибра, выпущенной из снайперской винтовки «Аккьюраси интернэшнл AWM».

Я положил ее в брюхо крылатого кота, заряженную и смазанную, с нажатой красной кнопкой. Когда я сунул руку в живот кота и вытащил оружие, я не стал менять установку на оранжевую, желтую или зеленую. Красная вполне соответствовала моему настрою.

Лежа на животе у себя в углу, я прицелился по диагонали ниже кушетки, ориентируясь на булькающие звуки человека, который захлебывался кровью. Я нажал кнопку, под кушеткой мелькнула слабая вспышка, как будто выстрелили из игрушечного пистолета с пистонами, и раздался звук, как будто две очень плотно набитые перьями подушки хлопнули друг о друга, и почти сразу же человеческий стон, за которым последовал еще один явно различимый звук, как будто большую и очень мокрую кисть энергично стряхнули на стену.

Несмотря на все отверстия, у установки была чудовищная отдача. Мне пришлось взять ее обеими руками, так что связанные руки мне совсем не мешали.

Ответный выстрел последовал со стороны человека со шрамом, но на этот раз с меньшим вниманием к приличиям. Я

положил конец этой сентиментальщине, прежде чем она перешла в окончательную неразбериху. После этого выстрелов было в избытке. Я четко видел их из той точки, куда перекатился после первого выстрела. Взял на прицел призрак одной из вспышек, сделал небольшую поправку вправо вдоль следа, который стрелок оставлял, пока двигался и стрелял, двигался и стрелял, и снова нажал на спусковой крючок.

На этот раз меньше брызг и эхо разбитой посуды. Наверное, пуля пронзила его бронежилет под легкой курткой и ударила во внутреннюю поверхность задней керамической пластины, и при столкновении разбились и пуля, и пластина.

Наступила передышка. Тишину нарушало только слабое бульканье, пока слабеющий напор в системе кровообращения человека со шрамом выкачивал кровь из крохотной раны, которая останется на его торсе. Но скорее всего, разряд статического электричества от пули, летящей на такой скорости, безусловно, убил его, прежде чем он упал.

На красной кнопке система могла сделать лишь четыре выстрела. Даже при соблазне снизить мощность, чтобы выгадать себе еще несколько выстрелов, меня остановила бы симметрия — четыре снаряда на четыре человека.

Тишина стала нервировать человека, который стоял на шухере. Он быстро защелкал пальцами, желая выработать план. Прежде чем ему успел ответить человек, которого я ударил в ногу, ему ответил я. Снова звук хлопающих подушек, брызги краски и звонкий треск, какой бывает, если в холодный стакан налито что-нибудь горячее. Я лишь надеялся, что большая часть энергии пули уйдет на удар в цель и что она упадет в какое-нибудь пустое место в округе, не причинив никому вреда.

Последний противник все еще стоял у кухонного стола. Один из его носков уже не был белого цвета. Когда я приблизился, он поднялся с ножом в одной руке и ножницами в другой. Я положил конец тревоге ожидания, пустив последнюю пулю в середину его груди.

Положил оружие на кухонный стол и подобрав окровавленные ножницы с того места, куда они упали, я направил лезвия между запястьями и перекусил связывавшую их проволоку. Отложив ножницы, прошел по коридору в главную спальню и оттуда в ванную. В аптечке нашел бинт, сульфадиазин серебра, ножницы, клейкую ленту, иглу для внутривенных вливаний со шлангом, два пакета с физиологическим раствором. Стоя у раковины, я стал промокать марлевыми тампонами гной и кровь на внутренней и задней поверхности ног. Я чувствовал сильную боль, в основном по краям ран, где были ожоги только второй

степени. Нервы в центре самых сильных ожогов были совершенно мертвы. Но все-таки я должен был их обработать и наложить повязку, чтобы избежать инфекции. И еще я должен был восстановить водный баланс. И заняться другими делами.

Обрабатывая раны, я начал обдумывать путь, который приведет меня из моего разгромленного дома к дому полицейского Паркера Хааса.

Глава 21

У Парка не было НСП. Он знал, что не болен. После того как Роуз поставили диагноз, он сразу же проверился. Роуз высказалась со свойственной ей категоричностью: «Если это у нас обоих, я прерываю беременность».

У Парка оказались отрицательные результаты. Он был здоров. Что бы там ни почудилось Иэну Берри в глазах Парка, это была лишь усталость, стресс и амфетамин.

Но анализ мог показать ложный отрицательный результат. К тому же прошел почти год с тех пор, как он делал анализ. Если там ошибка или если он заразился НСП уже после, то к этому времени у него уже могли проявиться первые симптомы.

Но он не заразился. Он знал, что не болен. Как это может быть? Если он заболеет, кто будет заботиться о ребенке? Это немыслимо. Поэтому он и не думал об этом.

Парк притворился, что ему позвонили, пока телефон стоял на вибрации, достал его из кармана, кивнул Кейджеру и вышел из комнаты. Стоя в коридоре, приложив к уху телефон, он смотрел, как Кейджер покупает сразу несколько фотографий Берри и болтает о «Бездне» с подростками, которые уже в достаточной степени оправились от благоговейного восторга, чтобы попросить у него автограф.

Парк автоматически заговорил в мертвый телефон.

— Когда буду дома, не знаю. Надеюсь, что скоро. В галерее. То есть это такой дом. Но тут выставка. Тебе бы кое-что понравилось. По-моему, ты бы тут над ними посмеялась. У большинства слишком много денег. Да, но они пытаются выглядеть так, будто денег у них вообще нет. И наоборот. Самое смешное, что я здесь обнаружил, это один тип, я его только что видел внизу лестницы. У него зачес на лысине, но в виде ирокеза. Не могу сказать. Похоже, что волосы длинные, так что их можно зачесать наверх в середине. Не могу. Это неудобно. И вообще я не люблю фотографировать людей, чтобы посмеяться. Когда только говоришь о них, это другое дело. Во всяком случае, я не смеюсь над ним, я просто рассказываю, кто здесь самый смешной. По делу. Надо было встретиться с одним парнем. По делу. Возможно, он знает то, что мне нужно узнать. Потому что. Потому что я считаю, что в мире становится слишком опасно. Слишком опасно. Для всех. Для тебя. Для малышки. Мне пора. Я люблю тебя.

Он сунул телефон в карман, когда Кейджер вышел из комнаты с фотографией в руке.

— Куру. Знаешь такое?

Парк потел; он чувствовал, как пот стекает у него по пояснице.

— Так, немного.

Кейджер поднял фотографию повыше.

— Первое зафиксированное прионное заболевание. Папуа — Новая Гвинея, племя форе. Якобы они были каннибалы. Считалось, что куру распространялось, когда они съедали зараженный мозг своих врагов. Оно сводило их с ума. Разумеется, они думали, что это болезнь. Форе не нужно было говорить, что это такое. Проклятие. Они насылали куру на врагов, враги сходили с ума и умирали.

Кейджер провел указательным пальцем по контуру приона.

— И я иногда ловлю себя на мысли: а что, если ученые ошиблись и форе правы? Что если куру — проклятие? Может быть, НСП тоже проклятие. Что оставляет много вопросов.

Кейджер поднял глаза от фотографии.

— Если на человечество наслали проклятие НСП, кто сделал это? Кто этот враг, который нас проклял?

Он показал уголком фотографии на потолок.

— Наверное, Бог. Больше некому.

Он опустил фотографию.

— Богом проклятые. Может ли быть спасение от такого проклятия?

Парк вытер пот с затылка.

— Я не верю в проклятия.

Кейджер открыл сумку и сунул фотографию внутрь.

— Если бы ты хоть немного побыл в «Бездне», поверил бы.

— Она не настоящая.

Кейджер опять разделял волосы на пробор. Остановился.

— Она настоящая. То, что там происходит, вот что имеет значение. Мы здесь Богу уже осточертели. Теперь мы сами делаем реальность.

Парк тряс запястьем туда-сюда, заводя отцовские часы. Ему хотелось иметь новые часы, которые сказали бы ему, сколько осталось времени, что его хватит, чтобы все исправить. Часы, которые замрут перед полуночью, давая ему такое нужное время, чтобы восстановить свой мир.

Он достал бумажную трубку, на которую накручивалась бумага из бокового кармана, и показал ее Кейджеру.

— То же, что и в прошлый раз.

Кейджер закончил с пробором и посмотрел на телефон.

— Сигнала нет. То появляется, то пропадает.

Парк баюкал трубку в ладони.

— Да или нет?

Кейджер мигнул экраном, и по нему прокатилась длинная цепочка имен.

— У меня здесь телефоны пятидесяти с лишним дилеров. Из них нет ни одного интересного. А ты вроде бы интересный. Умный. Эмоционально непрозрачный. Я думал, если я покажу тебе удивительные и прекрасные вещи, это вызовет какую-то эмоциональную реакцию. Но ты по большей части ведешь себя так, как будто тебе просто тревожно. Думаю, это такая эмоция. Как будто тебе хочется быть где-то в другом месте. Это для меня скучно. И у меня возникает искушение позвонить другому дилеру и отпустить тебя туда, куда тебе хочется.

— Мне все равно, Кейджер.

Тот перестал прокручивать имена, достал расческу и провел по зубцам ногтем большого пальца.

Парк показал ему трубку.

— Меня не волнуют твои заявления, твое отношение и твои телохранители. Меня не волнует твоя игра. Меня волнует, можешь ли ты мне заплатить. Я дилер. Я здесь не ради того, чтобы строить из себя комика-простофилю на втором плане. И не ради того, чтобы тебе доставались все крутые реплики. Я здесь для того, чтобы продать наркоту тебе и твоим друзьям и пойти домой. Вот шабу. Такой же, что и вчера ночью. По той же цене. Хочешь — бери, или мне продать его кому-нибудь из этих остальных придурков?

Кейджер посмотрел через плечо в никуда, улыбнулся и повернулся к Парку:

— А ты не дурак.

Он сунул руку в сумку. Достал руку. Открыл ее. И стал пересчитывать толстую пачку сотенных бумажек.

— Если ты действительно так сосредоточен на своем бизнесе, то, может быть, ты будешь первым дилером, который вернется с денежкой. Хотя деньги скоро ничего не будут стоить.

Он протянул ему пачку банкнотов:

— Но если ты хочешь, вот твои пятнадцать штук.

Парк смотрел на деньги так, как будто Кейджер предложил ему горсть капусты или сделал что-то еще подобное ни к селу ни к городу.

— Что?

Парк сделал шаг назад.

— Это мне не нужно. Мне нужно другое. Как прошлой ночью.

Кейджер опять достал расческу.

— Другое.

Кейджер помахал Магде в конце коридора.

— У меня с собой нет. Есть деньги. Тебе нужны деньги. Бери.

Подошла Магда.

— Босс?

— Есть сигнал?

Она дотронулась до гарнитуры, достала телефон из барсетки на ремне и посмотрела на него.

— Нет.

— Я начинаю чувствовать себя в изоляции.

Кейджер сунул расческу в карман и протянул руку к Парку:

— Дай телефон, пожалуйста.

Парк не двинулся.

Кейджер свернул толстую пачку денег и убрал в сумку.

— Если хочешь чего-то добиться, дай мне, пожалуйста, свой телефон. Мне нужен сигнал. Я потом потрачу несколько часов, чтобы снова войти в поток сообщений, если меня слишком долго не будет.

Парк достал телефон из кармана и передал ему.

Кейджер посмотрел, нахмурился, набрал номер, опять посмотрел.

— Где у тебя сигнал?

Он перешел на несколько шагов правее.

— Здесь ты стоял, когда тебе позвонили?

Парк покачал головой:

— Я…

— Нет сигнала.

Он пробежался пальцем по навигационным кнопкам под экраном.

— Программное обеспечение у тебя жалкое.

Кейджер поднял глаза.

— У тебя нет звонка в списке вызовов.

Парк снова протянул ему трубку:

— Давай. Давай просто обменяемся. И…

Кейджер достал расческу.

— Парк.

Он приложил ее зубцами к пробору и провел в левую сторону.

— Ты как себя чувствуешь?

Магда положила руку на рукоять пистолета, а другую руку на середину груди Кейджера.

— Отойдите, босс.

Кейджер не отошел, он подошел еще ближе и провел расческой вправо.

— Ты казался очень оживленным, когда говорил по телефону. Очень заинтересованным. Я не мог определить твое эмоциональное состояние, но ты весь ушел в разговор. С кем ты

говорил? Я понимаю, что на линии никого не было, но с кем ты говорил, как тебе казалось? Мне любопытно.

Парк думал о том, как они разговаривают с Роуз все чаще и чаще. Когда он говорит о сегодняшнем дне и думает, что и она тоже, и вдруг понимает, что она говорит с ним так, как три года назад. Теперь у него было такое же чувство. У него один разговор. У Кейджера другой. Но он не знал, какой из них настоящий.

— Я разговаривал с женой.

Кейджер поднял телефон, показывая список вызовов, где было видно, что последний входящий звонок получен несколько часов назад.

— Нет, не разговаривал. Но ты думал, что разговаривал с ней?

Магда скользнула между ними.

— Отойдите, босс, он не в себе.

Кейджер махнул на нее расческой.

— Спокойно, Магда. Он просто неспящий. Вот и все.

Он протянул телефон.

— Да, Парк? Неспящий? И тебе нужно то, другое, что я дал тебе в прошлый раз.

Парку хотелось быть одетым в свою форму. Ему хотелось, чтобы значок открыто висел у него на груди. Чтобы при нем были фуражка, дубинка и наручники. Хотел произвести арест. Сказать окружающим, что все в порядке. *Отойдите и освободите место, все в порядке.* Он хотел показать, что он здесь не напрасно, а для того, чтобы делать свою работу. И он хотел делать свою работу. Он хотел, чтобы внешнее опять соответствовало внутреннему. Он хотел уйти.

Парк взял телефон из руки Кейджера.

— То, другое. Теперь. Я.

Кейджер кивнул:

— Да. Объяснять необязательно.

Он опять достал из сумки телефон.

— Но я не врал. У меня при себе ничего нет. Я знаю, где это есть, но тебе придется забрать самому.

Нажав кнопки, вошел в программу, прокрутил список, мелькнувший на экране.

— Отлично. Кое-что есть рядом.

Он протянул пустую руку:

— Давай дракона. У меня люди в клубе ждут.

Парк отдал ему трубку. Кейджер отдал ее Магде.

Она сняла целлофановую крышку с одного конца, вытащила салфетку и развернула ее. Кейджер смотрел, как она разворачивает, потом заворачивает дракона и кладет ее в один из

карманов жилета.

Он повернул телефон к Парку и показал цепочку номеров.

— Это будет для тебя приключение, Парк. Квест.

10/7/10

Я понимаю.

Он играет в игру. Как говорил Бини, берет свои фантазии и накладывает их на мир. Старается изменить его, подогнать под то, каким он хочет его сделать.

Он показал мне номер и ждал, хватит ли мне его, чтобы разобраться. Я узнал формат: 34/04/26-118/25-31. Забавно, если бы первая серия цифр начиналась с 41 или 42, а вторая с 69 или 70, то это была бы та же самая последовательность, которую я увидел, когда открыл папку на диске Хайдо под заголовком «Афронзо, Парсифаль К. младший». Я бы догадался, что это такое, еще с тех времен, когда мы плавали с отцом. Когда я глядел на номер в телефоне Кейджера, я узнал его только по той папке. Он стал объяснять, и я понял, прежде чем он договорил.

Он думает, что я неспящий. Я не болен. Роуз, я не болен. Не волнуйся об этом. Я веду себя как будто я не в себе, но я не болен. Я вел себя как неспящий из-за Кейджера. Я сделал вид, что не могу вспомнить номер. Он достал ручку из сумки и записал его на моей ладони.

— Не мой руки, — сказал он.

Он хотел пойти в другую комнату, туда, где было больше персонажей из «Бездны», созданных неспящими от первого до последнего. Я больше не мог этого видеть. У меня больше нет времени ни на что, кроме того, что я должен сделать. Я вышел из дома и пошел к машине. Открыл Google Earth на ноутбуке и увеличил Лос-Анджелес. Двигая курсор по синусоиде, я отслеживал номер, прокручивал изображение вверх и вниз в нижнем левом углу экрана. Нашел совпадение и увеличил. Кейджер не соврал, это было рядом.

Прежде чем выключить ноутбук, я подключил диск Хайдо и открыл секретную папку с Афронзо-младшим. Каждая ячейка в таблице содержит последовательность из двух серий цифр. Все первые серии начинаются с 33 или 34, а вторые с 118. Я прокрутил вниз и нашел ячейку с номером, который Кейджер написал у меня на руке. Я раскрыл ладонь рядом с экраном и сфотографировал на телефон. Потом увеличил ячейку и еще раз сфотографировал. Потом отложил ноутбук и диск и достал из запаски «вальтер» вместе с РЧИ-сканером, который украл в галерее с персонажами из «Бездны».

Уолден-Драйв прямо за углом. За деревьями проходил не электрифицированный забор. Уверен, что члены клуба хотели бы пустить по нему ток, но счет за электричество был бы слишком велик даже для них. Я перелез через забор, пересек часть фервея и оказался на шестом грине. Дождеватели не работали. Я никогда не играл на северном поле лос-анджелесского загородного клуба, но отец там точно играл.

Он не особенно увлекался гольфом. Он как-то сказал: «Паркер, в жизни есть некоторые занятия, которыми человек овладевает исключительно ради своей карьеры и больше ни для чего». Гольф был одним из таких занятий. Я думаю, сама игра ему нравилась; но азарт, ругательства и выпивка, без которых она не обходилась, были ему не по душе.

Я дошел до девятого грина, до полоски травы между двумя большими бункерами, которые загораживали подход. Я направил сканер на один бункер и нажал рычаг. Устройство пикнуло и показало серию горизонтальных линий. Я обошел бункер, нажимая рычаг каждые два метра, и получал все тот же результат. Однако у бункера было не меньше четырнадцати метров в самой широкой точке. Чтобы наверняка никого не пропустить, я вышел на середину, мысленно разделил ловушку на четыре части и четыре раза нажал на рычаг, по одному разу на каждую из четвертей.

Ничего.

Я начал заново со вторым препятствием, получил один отрицательный сигнал, прошел два метра, нажал на рычаг и на экране мигнул положительный результат: ff688-6-2623-56.

Мне нужно было сузить диапазон, поэтому я обошел препятствие, нажимая на рычаг каждые несколько шагов. И оказалось, что результат давала мне ровно одна треть бункера. С краю от него я нашел грабли, глубоко вонзил зубья и стал ворошить песок с востока на запад. Ничего не нашел и тогда стал грести граблями с севера на юг поперек оставленных следов. Время от времени я нажимал на рычаг на случай, если я что-нибудь сдвинул, но сам не заметил. Результат оставался все тот же.

В конце концов пришлось перевернуть грабли вверх ногами и использовать небольшую лопатку на конце, чтобы раскидать песок. Я погрузил ее на пару сантиметров в глубину, сгреб песок в кучку и нажал рычаг, потом повернулся назад и сделал то же самое, и так проверил весь сектор, где получил первый положительный результат. На это ушло почти два часа. Он оказался зарыт на глубине примерно двадцать пять сантиметров. В пластиковом пакетике с застежкой, дважды обмотан изолентой.

Я сел на краю препятствия, смахнул влажный песок с пакетика и прочитал ярлык на флаконе внутри него.

Афронзо — Нью дей DR33M3R

В папке «Афронзо, Парсифаль К. младший» на диске Хайдо сотни географических координат. Сотни флаконов с «Дремой» в тайниках от Голливуд-Хиллз до Лонг-Бич, от Санта-Моники до стадиона «Доджеров».

Хайдо сказал, что «дрема» «в воздухе».

Если тебя возьмут с DR33M3R, который ты намеревался продать, это наказывается обязательным сроком в федеральной тюрьме.

Если флаконы спрятать, таким образом уменьшается время, в течение которого кто-либо имеет их при себе. Не так рискованно. Сделки заключаются с координатами, а не с самими флаконами. Так безопасно. И в то же время похоже на игру. Поиски сокровища. Зарытые геоклады.

Чтобы произвести арест при такой организации, требуется свой человек внутри. Но тогда удастся разузнать не так уж много. Если Кейджер отдал Хайдо франшизу на продажу «дремы», аресты ограничатся им самим и его ребятами на фарме, если только кто-нибудь из них не заговорит.

А они хотели заговорить. Роуз. Их убили, потому что они собирались заговорить. Кто бы ни были эти люди, которые использовали меня для того, чтобы убедиться в отсутствии утечки, они узнали, что Хайдо хочет кому-то рассказать или он угрожал рассказать кому-то. Шантажировал.

Или, может, он стал информатором. Может, его еще раньше взяли федералы и он начал сдавать информацию. Может, тот, кто защищал Кейджера, кто-то даже с самого верха (госбезопасность?), организовал нападение на фарм. Но они упустили диск. Или даже не знали о нем. Но как это может быть, что они знали обо всем остальном и не знали о диске?

Это слишком. Для меня это слишком. Я же не детектив. И никогда не был. Я патрульный. Мне не полагается разгадывать такие ребусы. Мне полагается защищать людей. Но что-то случилось. «Афронзо — Нью дей» что-то натворила. Убиты люди.

Никто не будет меня слушать, если я просто попробую все рассказать, и не важно, какие у меня улики. Я смогу заставить их выслушать меня, только если у них не будет выбора. Я смогу заставить выслушать меня, только если арестую Кейджера.

Тогда им придется выслушать то, что я скажу. И кто-нибудь сделает что-то со всем этим. Кто-нибудь прекратит то, что с нами творится. Это все неправильно. Мир катится в тартарары, Роуз.

Дай мне еще немного времени. Я могу сделать что-нибудь полезное. Я могу что-нибудь сделать.

Помимо занятий приемами самообороны в полиции, Парк занимался в маленькой студии на Саут-Гейт. Ряд магазинов за пончиковой, где торчали старые тайцы из местных, играли в лото и покупали целые ленты билетов моментальной лотереи. Эту студию посоветовал ему полицейский постарше, который посмотрел на его хлипкое сложение и сказал, что ему не помешает «*поднять задницу и сходить к Живодеру*».

Живодер оказался бывшим главарем банды Латиноамериканских Королей, который преподавал некое боевое искусство и называл его «то, что делается внутри, когда начинается хрень». Основа философии этого боевого стиля состояла в том, чтобы любой конфликт заканчивать как можно быстрее. Живодер учил, что нужно оценить конкретную ситуацию и отнести ее в одну из двух категорий: бежать или бить? Надо сказать, на тренировках он, как правило, старался привести человека в такое состояние, когда он мог принять это решение практически мгновенно. Чтобы сразу же совершить действие, какой бы из двух вариантов ни выбрал. В основном для этого он использовал палку, которой подбадривал учеников, если они притормаживали хоть на самый короткий миг. Что же касается собственно способов нападения, то Живодер предпочитал цели помягче. Глаза, Уши, нос, гениталии, почки, горло и солнечное сплетение. До всех легко добраться и ударить в момент чрезвычайного стресса, когда выброс адреналина зачастую сводит на нет всю подготовку.

Оценив ситуацию, выбранный образ действий никогда не следовало пересматривать, если только в буквальном смысле слова не оставалось иного выбора. Если, например, убегая, человек оказывался в тупике, он мог повернуться и драться. Или если, наоборот, человек внезапно оказывался лицом к лицу с численно превосходящим противником, после того как напал на одного врага, он мог повернуться и бежать. В иных случаях следовало нападать без передышки, все время двигаться вперед, всегда наступать на пространство противника, лишать его свободы движения, всегда бить, пока кто-то из вас — противник или ты сам — не будет обездвижен. Или следовало бежать как можно быстрее и не останавливаться, пока еще есть физическая возможность бежать или пока тебя не поймали.

В студии Парк узнал о себе много нового. Из этого не самым незначительным было то, что он не так уж и возражал, когда его били. Ему не нравилось, когда его бьют, но он вполне готов был

вытерпеть несколько ударов, если он получал возможность нанести хотя бы на один удар больше, чем нанесли ему. Кроме того, он узнал, что он не против бить других людей. Он точно так же не получал от этого удовольствия, но в условиях тренировки или настоящей драки его совсем не волновало, что он причинил кому-то боль.

Ему довольно хорошо давалось это искусство, хотя его способности скорее касались чисто боевых приемов, а не быстроте, с которой он принимал решение убегать или нападать. Он как будто каждый раз секунду колебался, перед тем как начать действовать. В его отношении к бою проявился его внутренний философ. Изучение вопроса было для Парка непростым делом, даже когда ответ сводился к вариантам «бежать или бить». Приняв решение, он мог бежать, пока не лопнут легкие, или беспощадно наступать на противника, но выбору одного из двух курсов нередко предшествовал резкий удар палкой Живодера.

Когда Парк сделал запись у себя в дневнике и спрыгнул по ту сторону забора от поля для гольфа, он лишь немного удивился появлению людей, которые возникли из тени деревьев. И удивило его не то, что его дожидаются вооруженные люди, а то, что он этих людей еще никогда не видел. Трое загорелых мужчин в защитных штанах и рубашках, которые показались ему черными гуаяберами. Он ожидал увидеть Хаундза.

Оказавшись лицом к лицу с хорошо вооруженными людьми, в которых чувствовался тот же дух профессионализма, что и в телохранителях Кейджера, Парк сумел выбрать образ действий, прежде чем его ноги коснулись земли за забором. Действий, которые он предпринял так внезапно, что пронесся между двумя из мужчин и набрал пятиметровую фору, прежде чем они за ним погнались.

Но все это не изменило того факта, что они умели бегать быстрее его. По существу дела, они догнали и поймали его так быстро, что не дали ему никакой возможности изменить образ действий и перейти в наступление. Вместо этого его быстро разоружили, забрали все бывшие при нем вещи и бросили на заднее сиденье черного джипа, где уютно устроили на мягкой коже, предложили выпить и с несвязанными руками повезли в семейное поместье Афронзо далеко за воротами Бель-Эйра.

Глава 22

Мое государственное удостоверение личности было шедевром искусства подделки документов, изумительным образом взломанное хакером. С помощью программного обеспечения, которое входило в умопомрачительную цену карточки, я мог когда угодно зайти в свой аккаунт картовладельца, ввести пароль, вставить карточку в пишущее устройство, подключенное к моему компьютеру через USB, и обновить радиочастотный чип моей карточки, загрузив на него все самые новые разрешения на передвижение. С гарантией, что они будут соответствовать всем изменениям, внесенным в течение пяти часов органами безопасности на уровне города, штата и государства. Каждый божий день я старался не забывать обновить свои разрешения перед уходом из дома, чтобы обеспечить себе проход через самые строгие пропускные пункты и блокпосты. Даже в такой быстро меняющейся обстановке, какая возникала в окружающем мире, карточка избавляла меня от невообразимого количества проблем. К сожалению, при обновлении она не создавала личность с нуля; она только изменяла допуск в стратегические и опасные районы. При условии, что личность, данные о которой передаются с крохотного чипа, находится в активном розыске, она будет фиксироваться в многочисленных реестрах и логах, каждый раз, когда ее сканируют и пропускают, оставляя след в виде электронных крошек, по которому за мной можно было идти куда угодно.

В обычных обстоятельствах было бы немыслимо с точки зрения личной безопасности разъезжать с этой картой после отражения атаки. Но видимо, я вышел за пределы обычных обстоятельств, обычных даже для меня.

Постепенно влившись в поток событий, я предпочел бы лавировать между преградами, пока моя цель не окажется в пределах досягаемости, и только затем выхватить ее из течения, незамеченным свернуть в неприметный рукав и понаблюдать, не оставил ли я следов. Очевидно, что я уже потерпел неудачу. Теперь скорость важнее ловкости. Какие бы цели, противоположные моим, ни преследовали вассалы семьи Афронзо, они определенно направятся к тому же пункту назначения.

Я перевязал раны и забрал у покойников несколько предметов, чтобы добавить их к дорожному комплекту, который всегда держал в гараже на подобный случай. Мне уже доводилось

делать это раньше.

Стареющий, израненный до такой степени, которой не упомню уже много лет, с разгромленным домом, который я так старательно устраивал в мире, поднимающемся на приливе собственного безумия и беспокойной чумы, я не мог представить себе, какие мелодические украшения позволят завершить композицию моей жизни. И все-таки смерть приближалась, это не могло быть иначе.

Однако мир, как у него это часто бывает, подал мне знак, что в событиях была своя схема. Которая проявилась в телефонном звонке. Или, вернее, в мелодии, которую этот конкретный телефон играл, когда на него звонили. «Добро пожаловать в кошмар».

Я не заставил леди Тидзу ждать дольше тех секунд, которые у меня ушли, чтобы нашарить телефон в рюкзаке, куда его сунули напавшие на меня.

— Да.

— Мне бы хотелось знать, как продвигается дело.

Я посмотрел на разбросанные повсюду трупы.

— Возникли осложнения.

— Надеюсь, преодолимые.

Я шагнул к стене из стекла, выходившей на долину, и посмотрел на ландшафт, который много лет назад убедил меня согласиться на нестабильность проживания в лос-анджелесских холмах.

— Всецело.

— У вас напряженный голос.

Я посмотрел на ноги. Я успел надеть черные брюки на тот случай, если кровь просочится сквозь повязки.

— Да, я ранен.

Короткое молчание. Я слышал ритмичные щелчки, которые сопровождали наш разговор до этого момента, как будто леди Тидзу непрерывно ударяла по одной и той же клавише какой-то из своих машинок. Когда она замолчала, щелчки прекратились и снова возобновились, когда она заговорила:

— Вам требуется помощь?

Я улыбнулся своему отражению в стеклянной стене.

— Нет. Ваше удивительное чувство юмора уже само по себе лекарство.

Стук по клавише замолк, как будто она была приятно удивлена.

— Джаспер.

Теперь я нахмурился отражению, поскольку звук моего имени на ее губах вызывал тревогу.

— Да, леди Тидзу?

— Когда я могу ждать, что моя вещь ко мне вернется?

Я мысленно прикинул с учетом наилучшего — и наихудшего — сценария развития событий при поездке через весь город до Калвер-Сити: чем может помешать мне полицейский Хаас, как быстро он капитулирует, когда поймет, с кем он имеет дело в моем лице, возможно ли дальнейшее вмешательство со стороны наемников Афронзо, плюс дополнительное время на дорогу до Сенчери-Сити.

— Полагаю, через несколько часов после рассвета.

Клавиша, которую она нажимала, стукнула еще три раза, и каретка звякнула, дойдя до конца.

— Тогда я отложу завтрак в ожидании, что вы ко мне присоединитесь.

Башни Сенчери-Плаза были освещены; я видел их, правда тускло, сквозь дым. Я кивнул, внимательно всматриваясь в, как мне показалось, сороковой этаж северной башни и, представляя, как леди Тидзу сидит на поджатых ногах за столом, оценивает работу одного из предметов своей коллекции, и прикидывал, о чем могло говориться в последней записке, напечатанной на нем.

— Я принесу цветок для стола.

Резкое уверенное движение, она вернула валик машинки в верхнее положение, снова готовое к печати.

— Принесите мою вещь. Хотя за цветы вам также будут благодарны.

Она повесила трубку.

Я сунул телефон в карман. Остальные рабочие телефоны бросил. Я не думал, что буду продолжать работать так же, как работал до этого. Если возникнет необходимость связаться с бывшими клиентами, их номера надежно хранятся у меня в голове.

Стоя у стеклянной стены, я понял, что достиг момента, когда могу потакать своим желаниям. Оставаясь там дольше, я ничего не добивался, кроме все возрастающего риска. Поэтому я ушел.

В гараже я положил дорожный комплект в багажник «кадиллака». У меня уже не было того «лендровера», на котором я много лет назад совершил аналогичный исход, но «кадиллак», вполне возможно, отличался еще большей выносливостью. Сам дорожный комплект состоял из дюратанового альпинистского рюкзака фирмы «Метолиус» с разнообразными средствами для выживания, и черной холщовой дорожной сумки «Ти Энтони» с чистым бельем, носками, несколькими незаменимыми рубашками мистера Ли, запасным ноутбуком, телефоном, набором универсальных адаптеров для розеток, запечатанной колодой

игральных карт, несессером, двумя чистыми блокнотами двенадцать на двадцать и прочими необходимыми для меня вещами, включая ключи от двери дома, где я вырос, и только что добавленный паяльник, который применили на мне. И для которого я сам рассчитывал найти применение.

Я открыл гаражную дверь, вывел «кадиллак» на подъездную дорожку и поставил на ручник с работающим двигателем, а сам тем временем вылез и выкопал ямку в маленькой клумбе у корней чистеца византийского, окаймлявшего дорожку до входа. Перед тем как выйти из дома, я несколько минут размагничивал все компьютеры и диски, которые мои посетители свалили в гостиной.

В земле на глубине нескольких сантиметров я отрыл пластиковую коробку и закрытый крышкой кончик трубки из ПВХ, которая шла к дому. Я отвинтил крышку и достал оголенные концы двух проводов, прикрепленных у самого конца. Коробку обматывала черная прорезиненная изолента. Я развернул ее, открыл коробку и достал промышленный детонатор «Дельтадет-4». Нажал кнопку проверки, удостоверяясь, что батарейки заряжены, увидел зеленый огонек, вставил два провода в прорезь вверху детонатора, щелкнул переключателем для взведения взрывателя и нажал на красную кнопку, что давало мне пятнадцатисекундную отсрочку, чтобы покинуть декорации.

И я их покинул, вскочив в открытую дверь «кадиллака» и набирая скорость, не пристегиваясь, а сила инерции захлопнула дверь за меня. Ничего не будет слышно; заряды термата ТНЗ, заложенные по всему дому, быстро подожгут мои личные записи, образцы ДНК, брошенные мной в кровати и ванной, и, возможно, будут гореть достаточно долго, чтобы затруднить опознание людей, которых я убил. Однако в этом я сомневался. Заряды были особого размера и расставлены таким образом, чтобы уничтожить как можно больше следов, но не устраивать такого буйного пламени, которое не могла бы потушить поливательная система, прежде чем прогорит конструкция из бетона, стекла и стали и окружающие холмы и дома окажутся под угрозой. Дело было не в сентиментальности. А в практичности. Упорная погоня и всеобщая ненависть стали бы моей неизбежной наградой за поджог лесного массива в Голливуд-Хиллз. Если кто-нибудь пойдет проверить, что за дым поднимается от промокших внутренних руин моего дома, их, может быть, шокирует находка в виде трупов, но их облегчение оттого, что пожар не вырвался наружу, будет гораздо больше состояния шока.

Я ехал по узким, извилистым улочкам, а в одном месте сбавил скорость и практически полз, пока компания пьяных

неспящих в маскарадных костюмах и фраках брела, спотыкаясь, посреди дороги на протяжении почти полукилометра. Они принялись танцевать на ходу, словно марионетки в руках нависающих паучьих теней, которые фары дальнего света отбрасывали на стены заброшенных домов и ветви мертвых деревьев.

Пока я тащился позади них, освещая их дурачества, я снова почувствовал замешательство. В такую минуту, когда таинственная пьеса разыгрывается прямо у меня на глазах, могло ли быть, что это происходит, а мой конец не близок? И все-таки, где красота моей жизни, которая уравновесила бы столь драгоценный подарок?

Оно наступало. Будущее.

Оно уже пришло.

Глава 23

Парк слушал одного из десяти богатейших людей мира. Человека, который, если мир еще продержится достаточно долго, безусловно, станет единственным богатейшим. Мужчина в возрасте за семьдесят, когда-то широкоплечий и широкогрудый, теперь склонный к дородности и явно не удрученный этим, его металлически-серые волосы были густыми, как в молодости, и даже в этот час их разделял резкий боковой пробор. Человек, который, помимо бремени богатства, носил тонкий хлопчатобумажный халат с обтрепанными манжетами поверх такой же заношенной красной фланелевой пижамы.

— Мне надо спать, полицейский Хаас.

Человек потянул одну из болтающихся нитей и вытянул ее.

— Как, в общем-то, и всем нам, не так ли.

Мужчина намотал нитку на левый указательный палец.

— Полицейский Хаас. Ваше имя показалось мне знакомым, когда я услышал его в первый раз. Поэтому я посмотрел в последнем издании «Кто есть кто».

Богач показал побагровевшим кончиком пальца на открытую книгу, лежащую на обитом медными заклепками черном подлокотнике колониального кресла под лампой для чтения в виде стеклянного тюльпана.

— Можно не сомневаться, что это будет последнее издание. Как бы там ни было, я оказался прав насчет имени. Мне уже приходилось его слышать. Я даже как-то раз встречался с вашим отцом.

Человек направился к креслу, размотал нитку, бросил ее по дороге в карман халата и взял книгу.

— Это было в бытность его послом в ОАЭ. Я вел бизнес в Израиле. Мы встретились как американцы за границей, на дипломатическом приеме в Саудовской Аравии. Он был радушный человек. Я прочел его книгу.

Богач положил руку на спинку черного кресла.

— Сидя вот в этом кресле. Прочел от корки до корки. Помню, как меня встревожили его предсказания о том регионе. Теперь, задним числом, они кажутся даже оптимистичными.

Парк молчал.

— «Оппортунистическая воинственность и неизбежная потеря Ближнего Востока». Опубликовано в 1988 году. Ваш отец намного опередил события. Наверное, интересно было расти рядом с ним.

Парк знал, что от него ждут ответа, но ответа у него не было. Сложности взросления рядом с его отцом были не той темой,

которую ему хотелось обсуждать с незнакомыми людьми даже в самой благоприятной ситуации.

Парсифаль К. Афронзо-старший с хлопком закрыл справочник «Кто есть кто».

— Я прав, что его не включили в список кандидатов в комиссию по расследованию теракта 11 сентября?

Помимо прочих сложностей, Парка вырастили в атмосфере безукоризненного политеса, и он почти с облегчением услышал вопрос, на который смог ответить:

— Нет. Его приглашали.

Афронзо-старший стоял у книжных полок, закрывавших стену рядом с небольшим баром.

— Он отказался?

— Да.

Афронзо сунул экземпляр «Кто есть кто» на полку.

— Я думал, человек, столь преданный службе обществу, наверняка ухватился бы за такое назначение.

Парк помнил разговор с отцом о комиссии.

— Отец сказал, его пригласили только потому, что знали, что он откажется. И он не хотел их разочаровывать.

Смех Афронзо тут же перешел в кашель.

— Простите. Хотя мне очень понравилась и его книга, и наша короткая беседа, я не ожидал, что у него большое чувство юмора.

Парк покачал головой:

— Его и не было.

Афронзо положил руку на барную стойку.

— Хотя я обычно не пью в такое время суток, по-моему, если я чего-нибудь сейчас не выпью, то больше уже не усну.

Он обошел вокруг стойки.

— Я налью себе коньяка. Вы не присоединитесь?

И опять Парк покачал головой:

— Нет, благодарю вас, сэр.

Афронзо достал из-под стойки бутылку «Пьер Ферран Абель» и налил в бокал на два пальца.

— Вы очень вежливый юноша, полицейский Хаас. Детство в дипломатических кругах, кажется, сослужило вам службу.

— В вашей компании совершаются серьезные преступления, сэр.

Афронзо вставил пробку в горлышко бутылки и легко шлепнул по ней ладонью.

— В то время, когда я познакомился с вашим отцом, он сказал мне, что, по его мнению, мой бизнес в Израиле, скорее всего, поставит под угрозу американских граждан. Американских рабочих, которых я планировал набрать и доставить туда. Он

сказал мне, что не согласен с моим предложением, и выступал против него вместе с коллегой в нашем посольстве в Израиле. Он, как я говорил, был очень радушен, но и очень прямолинеен.

Афронзо сделал небольшой глоток.

— Кажется, его сын унаследовал эту прямолинейность вместе с его хорошими манерами.

Он вышел из-за стойки и сел в кресло.

— Не хотите присесть, Хаас?

— Нет, благодарю вас, сэр.

Афронзо посмотрел на молодого человека, все еще стоявшего у дверей кабинета в гостевом домике, не сходя с того места, куда его доставили несколько минут назад.

— Мне сказали, что вы, возможно, неспящий. Что вы либо не знаете о своей болезни, либо отрицаете ее. Но, глядя на вас, я не верю, что вы больны. Я видел много неспящих. Близко. Отсюда вы кажетесь мне просто очень усталым.

Он показал на диван под пару к креслу.

— Вы еле держитесь на ногах, Хаас. Садитесь.

Против воли Парк потер глаза. Он кивнул. И сел.

— Спасибо, сэр.

— Пожалуйста. И кстати, меня редко называют сэром. В последнее время я в основном прохожу под именем Старший. Если не возражаете.

Парк знал, что есть разница между состоятельными и богатыми. Он вырос в состоятельной семье. Хотя он воспитывался в изобилии и качестве, наибольшей выгодой состояния, которое его отец унаследовал, тщательно опекал и прибавлял, считалось чувство уверенности. Им никогда не угрожала опасность однажды остаться с пустыми шкафами. Новая одежда каждый учебный год. Никакого страха перед голодом. Еще поездки на выходные в Бостон, Вашингтон и Нью-Йорк на ужины, концерты или в театр. Вкусы его матери. И яхта его отца, «Дюфур Арпеж-30» 1969 года. Некоммерческие детские фонды. Уверенность в спокойной старости, если не вмешается судьба. Но их жизнь не была так далека от обычной, чтобы они утратили понимание того, как им повезло, и того, какую большую ответственность подразумевает это состояние, о чем часто говорил отец Парка.

Богатые — другое дело. Та масса денег, которая была нужна, чтобы подняться на этот уровень, во многом изолировала человека. Разговаривая с богатыми одноклассниками, Парк прямо-таки чувствовал их недоумение относительно того, почему не все делают то, что делают они, не ценят то, что ценят они, не едят и не потребляют то, что едят и потребляют они. Когда возникали темы нужды и бедности, они как бы подразумевали

молчаливый вопрос: *почему не все живут так же?* Как будто это дело выбора. По мере того как эти одноклассники взрослели и набирались опыта, они начинали вставать в позу иронического самоосознания. Они сознавали, что богаты, что большинство остальных людей не богаты, как они, сознавали, что это несправедливо, но им хотя бы было не наплевать, что это несправедливо*, хотя нет.* Этот последний штрих должен был показать, что, разумеется, им не наплевать, но это их глубоко личное дело. А Парк считал, что это показывает обратное. Способность так пошутить только свидетельствовала об изоляции, в которой они оказались из-за своих денег.

Как обычно, он старался не судить и тем не менее судил.

Но Афронзо-старший был чем-то совсем другим. Он вышел за пределы богатства в область сверхбогатства. И взобрался еще выше, став одной из рыночных сил. В эпидемической экономике «Афронзо — Нью дей», держатели патента на DR33M3R, сидели за одним столом с владельцами нефти, воды, энергии, телекоммуникаций, здравоохранения и оружия. Они пока еще сидели на дальнем конце стола, но спрос на их товар ограничивался только скоростью, с которой заражал и убивал НСП. Судя по существующим тенденциям*, потенциальный* рынок в целом мог сократиться, но их *доля* на рынке только вырастет. «Дреме» предстоял уверенный рост. И голос «Афронзо — Нью дей» за столом требовал к себе внимания.

Как персонификация и воля «Афронзо — Нью дей», Афронзо-старший стал чем-то иным. Он существовал на каком-то ином уровне сознания, даже больше, чем его сын. Парк подозревал, что ему трудно сосредоточиться в ситуации один на один. Самым тревожным, что содержало в себе это подозрение, была мысль, что темное дело, которое копал Парк, привлекло личное внимание Афронзо-старшего. Внимание, которое подразумевало, что хотя бы отчасти Парк был прав в своих предположениях о мире, замерзающем под коркой лжи. Внимание, которое предвещало плохой конец не меньше, чем надежду.

В ту минуту Парк желал только одного: чтобы его отец открыл дверь коттеджа позади главного дома в поместье Афронзо, чтобы он вошел в своем темно-синем костюме с медными пуговицами, оценил ситуацию и велел сыну выйти из комнаты и поиграть, пока взрослые обсуждают дела.

Он посмотрел на дверь. Дверь не открылась. Он вспомнил, что отец говорил о дипломатии, как она применялась в тех странах, где еще царили монархии.

«Говори власти правду. Всегда. С царями и властелинами и так нянчатся, пусть это будешь не ты. Говори правду власти, и

твой голос услышат. Даже если им, по всей вероятности, пренебрегут, ты все же будешь крепче спать по ночам. И окажешь человечеству хоть какую-то услугу. И это будет тебе утешением, когда тебя преждевременно отправят в отставку».

Парк вспомнил эту речь, и она навела его на другие воспоминания: как Роуз и отец встретились в первый раз.

Афронзо-старший крутанул коньяк на дне стакана.

— Вас как будто что-то забавляет, Хаас.

Парк стер с губ случайно наплывшую на них улыбку.

— Просто вспомнилось кое-что, сэр.

— Я просил вас называть меня Старшим, если не возражаете.

— Я думаю, нам обоим будет удобнее, если я буду называть вас «сэр».

Старший кивнул.

— Тогда, пожалуй, мне лучше звать вас полицейский Хаас.

Парк тоже кивнул:

— Да, это уместно в данном случае.

— А случай заключается?..

Парк подвинулся вперед на диване, выпрямил спину, руки положил на колени, не позволяя себе привалиться к мягкой коже, не позволяя себе разговаривать в непринужденной манере старика.

— Случай заключается в том, что меня похитили люди, которые, как я полагаю, работают на вас. Которые, как я могу только предположить, сделали это по вашему приказу. И пока я не получу каких-либо иных данных, я так понимаю, что вы удерживаете меня против моей воли.

Старший махнул бокалом в сторону двери.

— Дверь не заперта. Никто не встанет у вас на дороге, если вы решите уйти.

Он поднял бокал чуть выше.

— Если же вы уйдете прежде, чем мы поговорим, мне придется навести некоторые справки насчет вас и ваших дел с моим сыном по официальным каналам. Это не угроза, я просто говорю вам, что мне придется сделать. Я бы предпочел получить ответы на вопросы здесь и сейчас, лицом к лицу. Да, это нужно для того, чтобы избавить мою семью и бизнес от всех осложнений, а также избавить и вас от любых профессиональных неудач.

Парк остался на месте.

Старик опустил бокал.

— Ладно, тогда давайте поговорим. Я уверен, что, когда вы упомянули «серьезные преступления», вы не имели в виду то, что мои люди взяли и доставили вас сюда. Не так ли?

— Это так.

Старший опустился глубже в кресло и положил ногу на ногу.

— Значит, начнем отсюда. Какие у вас подозрения насчет моей компании?

Парк подумал о своей семье и заговорил:

— С вашего ведома или нет, но на высоком уровне внутри «Афронзо — Нью дей» организована операция по перенаправлению крупных партий «дремы» и продаже их вне учреждений и правил, ограничивающих распространение лекарств из списка Z. Это крупное нелегальное предприятие с доступом к складским запасам. Дело не в паре флаконов или ящиков, а в целых партиях, модулях, даже грузовых контейнерах, которые уводятся из легальных каналов поставки. Эти партии разбиваются и упаковываются для розничной продажи по одному флакону. Флаконы прячутся индивидуально таким образом, чтобы продавец редко имел при себе количество «дремы» за раз, достаточное для обвинения в намерении ее продать. GPS-координаты тайников фиксируются и продаются покупателям. Многие из этих покупателей даже никогда не находятся физически рядом с продавцами. Я считаю, что транзакции, как правило, производятся через Интернет в социальных сетях и игровых средах, главным образом в «Бездне Приливов». Вероятно, большинство этих транзакций производится в обмен на виртуальные товары, которые затем на вторичных сделках переводятся в реальные деньги и ценные вещи. Кроме того, поскольку рынок контролируют элементы внутри самой АНД, они обладают необходимыми возможностями тайно разбивать большие партии, после того как они покидают склады. Таким образом, верхний уровень организации прикрыт его близостью к официальному производству «дремы»; средний уровень, на котором разбиваются партии, скрыт финансовыми и физическими ресурсами сотрудников АНД, вовлеченных в продажу; а нижний уровень скрыт тем, что «дрема» распространяется через тайники и виртуальные транзакции, а деньги, которые можно отследить, практически не используются. Поскольку потенциальными потребителями средства являются исключительно неспящие, почти отсутствует угроза того, что покупатели раскроют существование этого черного рынка. Они отчаянно нуждаются в лекарстве, и большинство умирает в течение года после того, как проявляются все симптомы, а именно в этот момент «дрема» может хоть чем-то помочь им. По сути дела, это невидимый черный рынок. Однако у меня есть материальное доказательство его существования, отчасти я лично был свидетелем того, как он действует, и у меня есть основания для ареста одного из

создателей и главных действующих лиц всей нелегальной торговли «дремой».

Пальцы Парка впились в его колени.

— Более того, я считаю, я считаю…

Старик чуть подался вперед.

— Что с вами, Хаас?

Парк один раз сильно встряхнул головой.

— Более того, я считаю, что возникновение неспящего приона каким-то образом, намеренно или случайно, стало побочным продуктом разработок «дремы», предпринятых вашей компанией. Я считаю, что ваши лаборатории экспериментировали с прионом фатальной семейной бессонницы, с тем чтобы найти применение для своего безрецептурного снотворного. Я считаю, что намеренно или случайно ваши лаборатории создали новый прион, сконструированный материал, и что намеренно или случайно этот прион вырвался из стерильной зоны ваших лабораторий и заразил широкие слои населения. Я считаю, что этот прион — тот самый, который стал известен под названием НСП. Я считаю, что АНД смогла разработать и выпустить на рынок такое средство, как «дрема», только потому, что АНД и есть создатель НСП. Я считаю, что АНД, осознавая, что потребители лекарства в конце концов вымрут и что у компании не останется механизма для получения прибылей, которые в данное время приносит «дрема», сама создала черный рынок, чтобы обойти ограничения на торговлю, когда «дрема» была внесена в список Z. Я считаю… Я считаю…

Старший поднялся, подошел к бару, налил воды из граненого графина в такой же стакан, принес Парку и вложил ему в руку.

— Я думаю, вы должны переждать секунду и отдохнуть, Хаас. Вы несли тяжкое бремя. Такое бремя, тяжесть которого можно понять, только когда снимешь его с плеч.

Глядя на темную, обшитую деревянными панелями стену позади бара, Парк застыл с приоткрытым ртом, как будто ему только что сообщили дурную весть и он пытается понять ее последствия.

— Моя жена умирает.

Старший похлопал его по плечу и вернулся в кресло.

— Да, я знаю.

Он сел.

— Моя жена умерла несколько лет назад. Моя вторая жена. С первой я развелся. Хотя она тоже умерла. Моя вторая жена, странно ее так называть. Я всегда думаю о ней просто как о моей жене. У вас ребенок.

— Дочь, — сказал Парк в стакан, который держал на коленях.

— Мне сказали о вашей жене, а дочка, она тоже?

— Я не знаю. Жена не хочет, чтобы ее проверяли.

— Да, я могу это понять. Мою жену убил рак. Рак легких. Мы оба курили, как бестолковые идиоты, даже еще хуже. И я по сей день отказываюсь делать снимок легких. Боюсь узнать, что меня ждет. Хотя в моем возрасте это почти не имеет значения. Не одно, так другое меня все равно уже скоро доконает. Ваша дочь спит?

Парк отхлебнул воды.

— Сначала спала. Но в последние несколько недель трудно сказать.

— Как это?

— Она все время плачет. Или так кажется. Но я мало бываю дома. А моя жена, она… Я не знаю, насколько ясно она помнит, спит ли девочка, когда меня нет. Женщина, которая нам помогает, говорит, что ребенок спит, но, когда я ее вижу, не похоже, что она спит. Обычно ее глаза открыты. И этот сон всегда длится недолго.

Старик посмотрел на потолок.

— Еще с того времени, когда рядом со мной были маленькие дети, а я готов был первым признать, что нечасто бывал дома, но тем не менее я запомнил, что они могут быть такими. Плачут без перерыва, целыми днями не спят, все время плачут. Плачут целые часы напролет. Возможно, у вашей дочери просто колики.

Парк ничего не сказал.

Старший опустил глаза с потолка.

— Как ее зовут?

Парк провел пальцем вверх-вниз по граням на боку стакана.

— Омаха.

— Да бросьте.

— Жена сказала: «Никто не посмеет шутить с девчонкой по имени Омаха».

Старший улыбнулся:

— Здесь она права. — Он перестал улыбаться. — Вам надо ее проверить.

Парк кивнул, поискал, куда поставить стакан, поставил его на полку за плечом и посмотрел на собеседника.

— Ваш сын дважды продал мне «дрему». Я собираюсь его арестовать. Он дома?

Старший наклонил голову набок.

— Вы собираетесь арестовать моего сына, потому что он?..

— По обвинению в хранении и продаже веществ ограниченного распространения. Но у меня есть улики, которые могут привести к обвинению в рэкете. Отмывании денег. Уклонении от налогов. А также к обвинению в убийстве человека

по имени Хайдо Чанг и нескольких его сотрудников.

— Вы думаете, мой сын кого-то убил.

— Я полагаю, что группа молодых людей, застреленных как при бандитской разборке, сбывали «дрему» по его указанию и были убиты из-за дел, связанных с продажей «дремы». Я считаю вероятным, что Парсифаль К. Афронзо-младший причастен к этим убийствам.

Старик нахмурил брови:

— Значит, вы подозреваете, что мой сын и есть главная фигура, стоящая за черным рынком «дремы»?

— Я думаю, это возможно. Хотя вы мне кажетесь более вероятным подозреваемым.

Старший перестал хмуриться.

— А вы рубите правду-матку. Ну что ж.

Он положил руку на бокал, который уже успел поставить.

— В интересах правды мне бы хотелось сказать несколько слов, которые могли бы пролить значительный свет на ваши подозрения. Не возражаете?

Парк взглянул на дверь. Он понимал, что присутствует на спектакле. Он понимал, что им манипулируют. Знал, что, если позволит спектаклю дойти до последней сцены, возможно, он никогда не покинет коттеджа. Он хотел применить принципы, которым научился у Живодера. В том, что в комнате была опасность, не было сомнений, но как поступить с этой опасностью, атаковать ее источник или бежать от него, было непонятно. И скорее всего, не имело значения. Парк не надеялся добиться успеха ни в том ни в другом варианте. И это тоже не имело значения. Потому что лучше всего Парк осознавал, как ускользает время. Скоро наступит рассвет. Ему нужно домой.

Но он также должен был остаться до конца спектакля и узнать, что произошло.

Он поднял руку с колена и повернул ее ладонью вверх.

— Я бы хотел услышать все, что вы можете сказать для прояснения этого дела.

Старший взял бокал, покрутил коньяк и проглотил.

— Хорошо. Хорошо.

Но не поставил опустевшего бокала.

— Для начала, вы правы; действительно есть незаконная торговля «дремой». Вы также правы, что АНД участвует в этой торговле. Но, честно говоря, такую цену в наши дни приходится платить за бизнес. Торговать, полицейский Хаас, непросто. Помимо расходов на топливо, частную охрану для сопровождения грузов, инспекцию при пересечении штатов, блокпосты нацбезопасности и время от времени продажных чиновников,

существует еще и профсоюз дальнобойщиков. Чтобы своевременно и эффективно доставить наш продукт на рынок, нам часто приходится обходить криминальные и бюрократические препоны. Да боже мой, нашим водителям иногда загораживают дорогу настоящие баррикады. Приходится откупаться. И от многих. Уходит уйма денег. Как правило, наличными. И нам не только нужно откуда-то доставать эти деньги, мы еще вынуждены их прятать. Учитывая то, что мы делаем, мы даем взятки, чтобы иметь возможность доставить «дрему» туда, где от нее будет какая-то польза. Большинство этих выплат нелегальные. Мы подкупаем чиновников на всех уровнях власти. У нас нет выбора. Сейчас это все превратилось в какое-то скопление феодальных князьков. На уровне городов, штатов, на федеральном, межведомственном. С дорожными бандами и то проще иметь дело. И нельзя сказать, кому придет в голову нас шантажировать, чтобы поиметь с нас еще больше, или, боже упаси, покарать, если найдет следы наших сделок. Поэтому нам нужны невидимые деньги. Сама «дрема» лучше наличных. Мы *могли* просто сбрасывать с грузовика пару ящиков каждый раз, когда натыкаемся на преграду. Ну а потом что? Хаос, вот что. Десятки вольных продавцов, продающих мелкие запасы «дремы». Началась бы полная неразбериха. А след привел бы прямо к АНД. Кроме того, мы понимали, что черный рынок «дремы» неизбежен. Слишком большой спрос и недостаточное предложение. Мы увидели эту неизбежность, подумали, как нам нужны наличные, и решили сами создать и контролировать черный рынок. Партии «дремы» доставляются по каналам поставки на местные рынки. Каждый раз из партии наугад вынимают один контейнер и сканируют. И чипы оказываются в тех местах, которые указаны в декларации. Потому что они и есть там, где должны быть. Мы не трогаем их до тех пор, пока они не придут на место. Остается подмазать тех, кто раздает «дрему» в амбулаторных пунктах, и дело сделано. Можно выудить то, что нужно. Мы продаем «дрему» ящиками и контейнерами в хосписы, которые собрали деньги за счет пожертвований родственников своих состоятельных пациентов, в пункты продажи медицинской марихуаны и еще, да, некоторым очень активным и хорошо организованным распространителям бесплатных лекарств, которые обслуживают малообеспеченные районы, где в наше время мало полиции. Как вы сказали, конечный потребитель «дремы» не заинтересован в том, чтобы ставить под угрозу канал поставки. Некоторые крупные учреждения испытывают нехватку, но я не могу не чувствовать, что этот недостаток вполне компенсируется тем, что на самом деле система позволяет получить «дрему» многим

людям, которые иначе не могли бы ее получить. За все те месяцы, пока система работает, у нас практически не было утечек. Что же касается Младшего и вашего предположения, что это он придумал все это, что ж, как вам кажется, похож он на создателя?

Парк подумал о Кейджере.

— Он похож на очень умного человека.

Старший нахмурился.

— Так и есть, так и есть. Он очень умен. Ум просто зашкаливает, если тесты на интеллект хоть что-то значат. Но он рассеянный. И не из тех, кого зовут душой компании. Неспособен управлять предприятием подобного масштаба. Он не смог бы применить все свои способности к такой задаче, потому что ему было бы слишком неудобно в отношениях с людьми. У этого парня, я вам говорю, больше природных задатков, чистого таланта, чем любой отец мог бы надеяться увидеть в сыне, но только он не может применить их ни к чему полезному. Бизнес, как я понимаю, — это не для всех, и я смог; а он может писать картины. То есть выразительные, мощные образы. Поэтому если бы он занялся живописью, я был бы «за» обеими руками. Сын-художник? Да я бы гордился безумно. Но даже в искусстве он просто… — Старик провел рукой по воздуху. — Его отнесло в сторону. Он потерял фокус, интерес. Такая энергия. Потенциал. Единственное, в чем он когда-то задерживался, — это чертовы игры. Эта единственная чертова игра. Он… Он теперь строит жизнь вокруг этой игры. Так что я, ведь я же его отец, я хочу его понять, делить с ним то, что он любит, поддерживать его, принимать его всерьез. И я честно был горд, когда он появился и сам по себе, просто наблюдая за рынком, за последствиями пика добычи нефти, краха кредитной системы, эрозии инфраструктуры, полной беспомощностью федерального правительства, увидел, что АНД должна получить выход на торговлю «дремой» вне рынка. И он хотел получить концессию. Для себя.

Он поднял и опустил плечи.

— Я поддерживал столько его начинаний. Но теперь у него был план, модель, и она имела некоторый смысл. В этом мире. Он показал количество неспящих игроков в «Бездне», показал мне онлайновые рынки, где продаются игровые артефакты, происходит обмен валюты между виртуальным и реальным миром. Он открыл мне глаза. И я подумал: что же, может, это как раз то, что надо, бизнес, прямо связанный с его настоящей страстью. Может, здесь он задержится. Поэтому я дал ему пару контейнеров. Убедился, что цена соответствует остальной нелегальной торговле. Мы не надуваем людей, полицейский Хаас.

Старик наклонился вперед.

— Вы должны понимать очень ясно. Мы устанавливаем цену. И если мы узнаем, что кто-то из наших авторизованных распространителей начинает повышать цену и прикарманивать разницу, мы принимаем меры. И я говорю это отнюдь не в метафорическом смысле.

Он откинулся назад и покачал головой:

— Я торгую фармацевтическими препаратами, а не человеческими страданиями.

Затем показал куда-то на восток.

— Эти типы. В Вашингтоне. Эти гомункулы из Белого дома. Иногда я думаю о том, кем мог быть наш президент, кем он должен был быть. Вы знаете, что при человеке, который его застрелил, была карточка члена Национальной стрелковой ассоциации? Он купил свое ружье на оружейной выставке. Ему достаточно было показать водительские права. В тот же день я сжег свою карточку. Это уже не важно. Если человеку нужно ружье, он его найдет. В общем, эти вашингтонские типы, они оказались примерно такими бесполезными, как мы и думали, когда началась заваруха по-настоящему. Бессонная чума. Демократы и республиканцы пытаются решить проблему бессонной чумы. Если б не было так грустно, можно было бы помереть от смеха. Мор, казнь египетская. Надо ли удивляться, что фанатики окончательно сошли с ума? Как будто бессонница наступает после саранчи, лягушек и казни первенцев.

Старший дотронулся до пробора на голове.

— И вот таким людям, как я, людям влиятельным, с какой-то собственной инфраструктурой, людям с деньгами, нам остается, черт возьми, лезть из кожи вон ради того, чтобы хоть что-то, хоть что-то не погибло. Это неправильно. Это не мое дело. Никто меня не выбирал. Но это же нужно делать, черт возьми. Кто-то же должен что-то делать. Невозможно просто встать из-за стола с поднятыми руками и сказать: «Я пас». Бремя, которое легло на мои плечи, — это моя обязанность, и я не стану уклоняться от нее.

Он повернул пустой бокал в ладонях.

— Простите. Уже поздно. Я устал. Иногда прорывается раздражение. Это трудно — смотреть на мир и… Трудно.

Поставив бокал на столик рядом с креслом, продолжил:

— Мы говорили о Младшем. О том, как он понимает бизнес. Короче говоря, мне надо было быть повнимательнее, доверять интуиции, сказать «нет». Эта безумная система распространения, эти тайники, то, что он заставляет неспящих людей, их родных и друзей бродить по городу со сканерами, искать спрятанные

флаконы с «дремой». Какая-то дурацкая охота за пасхальным яйцом. Ну и, разумеется, он все равно потерял интерес. Просто предоставил кому-то другому заниматься всем этим делом за него. Предполагалось, что он прокрутит деньги, снова вложит их в дело, купит еще больше «дремы», пустит ее на рынок, возьмет свою разницу и будет делать с ней что хочет. Хоть вложит их в тот печальный клуб. Не знаю. Но он не стал. Деньги не вернулись, невозможно было не то что купить новую партию, а выплатить аванс, который я ему дал на первые контейнеры. Для АНД это небольшая потеря, но и ее нужно покрыть. Я сделал это деньгами с личного счета. Из принципа. Это была моя ошибка. И я за нее заплатил. И я предъявил мальчику претензию, велел ему вернуть то, что не продано. Возместить долги. Он предложил мне таблицу с координатами. Сказал, что ему даже не платят деньгами за большую часть «дремы». Он обменивает ее прямо на товары, которыми снаряжает свои игровые команды. Обменивает на «искусство создания персонажей». На что-то другое, чего я не понял. К стыду своему, я дал ему пощечину. Никогда этого не делал. Едва ли что-то доброе получится, если ударить собственную плоть и кровь. Словом, тогда все и кончилось. Как только я покрыл недостачу, стало уже все равно, что он делает с «дремой». Его метод распространения медленный, неэффективный и жестокий, но вы правы, он практически невидим. Я попросил кое-кого в правоохранительных органах присматривать за улицами, сказал, что часть «дремы» могла просочиться. Они все поняли. Придумали какой-то способ быть в курсе, если поползут слухи, устроили так, чтобы народ ничего не узнал. Пойди слухи, что мой сын торгует «дремой», и полстраны сгорит, подожженная другой половиной. Мы уже *так* близко подошли к пределу того, что люди могут понять и вынести и не вырваться в бешенстве на улицы. И… Собственно, вот и все. Жалко звучит. Когда я говорю об этом вслух.

Парк смотрел на старика.

— Убийства.

Старший кивнул:

— Убийства.

Он пожал плечами.

— Я никогда не встречался с людьми, с которыми Младший вел дела. Но они делали для него все основное. Может быть, они, сами того не понимая, вторглись на территорию другого дилера. Стали продавать неспящим южнее Санта-Моники. У нас там есть несколько весьма агрессивных дилеров. Очень ревниво оберегают свою клиентуру. И очень традиционны в смысле разборок с конкурентами. Гангстерский налет вполне в их стиле. А может,

дело даже и не в «дреме». Если цифры, которые мне показывал Младший, верны, то фарминг — это серьезные деньги. Возможно, это тамошняя конкуренция. Но Младший? Спустить курок? Или заставить этих супермоделей из спецназа сделать это за него? Да нет. Он трудный мальчишка, легкомысленный, но на убийство он не способен. Возможно, я не лучший друг моему сыну, но уж настолько я его знаю. По крайней мере, настолько.

Они минуту просидели молча.

Старик снова посмотрел на пустой бокал.

— Я все говорю себе, что мог бы иметь и другого, но жена говорит, что одного достаточно.

Парк слегка опал, локтем оперся на бедро.

— Сэр. НСП.

Старший по-прежнему смотрел в бокал.

— Нет, насчет этого вы ошибаетесь. Жаль, не могу сказать вам, что это мы отравили колодцы. Что была причина. Жадность. В таком случае все можно было бы исправить. Но здесь вы душевного покоя не найдете. — Он посмотрел на Парка: — Да, мы сделали это, я хочу сказать, мы, люди. Но дело не в жадности. А в голоде. Вы уверены, что хотите услышать правду?

Парк не пошевелился.

Старший закрыл глаза.

— Еды не хватает. Те, кто обращал внимание, знали, что так и будет. Многих из нас не удивило, когда подскочили цены на зерно, бобовые и рис. Народу слишком много. Еды мало. Та, что есть, распределяется плохо. Голодные все больше голодают. Причина, разумеется, в рыночной эксплуатации, желании воспользоваться огромным спросом, но, помимо прочего, это было просто необходимо.

Парк выпрямился.

— Что было необходимо, сэр?

Старик открыл глаза.

— Вы знаете что-нибудь о трансгенных растениях, полицейский Хаас?

Парк покачал головой.

Старший кивнул.

— ГМО?

Парк опять покачал головой.

Старший снова посмотрел на бокал.

— Ну, вы их съели немало. Генетически модифицированные организмы. Если только у вас нет доступа к органическому сельскому хозяйству, вы съели немало трансгенной кукурузы. Генетически измененной кукурузы. Высокоурожайной. И что имеет прямое отношение к этому разговору, устойчивой к

вредителям. Слышали про такую штуку — мотылек кукурузный? Нет, ну зачем вам, если вы не фермер. Еще в 1938 году во Франции кукурузу опрыскивали препаратом под названием Bacillus thuringiensis. Bt. Это встречающийся в естественных условиях биотоксин, смертельный для жуков, мух, молей, бабочек и мотылька кукурузного. Что плохо в опрыскивании — оно истощает верхний слой почвы. Вот если бы вставить его прямо в кукурузу, и дело в шляпе. Мотылек кукурузный поедает кукурузу с бактерией Bt и получает дыры у себя в пищеварительном тракте. И умирает. Bt содержит два класса токсинов: цитолизины, или Cyt-токсины, и кристаллические 5-эндотоксины, или Cry-токсины. Те самые, которые убивают мотыльков. Умные люди расшифровали гены Cry-белков.

Парк облизал сухие губы.

Старший вытянул новую нитку из халата.

— Да, белков; все дело в белках. Cry9C — это пестицидный белок, встречающийся в природе продукт бактерии Bt. Но его можно сконструировать искусственно. И ввести в генетический код обычной старомодной кукурузы. Так и сделали. Кое-кто поднял шум насчет этого, возникли страхи, что у людей будет реакция на Cry9C, аллергия, но никто не умер, и шум стих. Но чего люди не понимали — это что уже было слишком поздно поворачивать назад. Черт возьми, да к 1999 году тридцать процентов всей кукурузы, в глобальном масштабе, я хочу сказать, уже было генетически модифицировано. Конечно, в начале века еще опасались; предполагалось, что кукуруза с Cry9C пойдет только в корм скоту, а не человеку. Но если ее используют в кормах, а люди едят животных. Вообще говоря, белки не умирают. Не изнашиваются. Они просто есть. К 2008 году все это была чистая теория. Но в августе 2008-го Управление по контролю за качеством пищевых продуктов и лекарственных препаратов предложило снять все ограничения безопасности на Bt-токсины в трансгенных продуктах. И скоро так и сделали. Даже если бы не сняли, все равно джинн уже вырвался из бутылки. В 2001 году в Мексике искусственную трансгенную ДНК нашли на полях с обычной кукурузой. Она распространялась перекрестным опылением. Так или иначе, проблема была не в Cry9C. Все дело в Cry9E.

Он стал опять наматывать нитку на палец.

— Хотели сделать суперинсектицид. Белок, который будет убивать всех кукурузных вредителей. Суперустойчивую кукурузу. Это было в 2000-м. И получилось. Даже слишком хорошо. Он убивал практически любую букашку, которая заползала на кукурузу, хоть вредную, хоть нет. В общем, даже лаборанты

понимали, что в экосистему это выпускать нельзя. Но оно уже вышло наружу. Кукуруза с Cry9E смешалась с Cry9C, никто даже не знает как. И стала распространяться. И перекрестно опыляться. И произошло то, что в одном правительственном документе, который я как-то читал, называлось «односторонний перенос генетических маркеров устойчивости к антибиотикам».

Парк наклонился вперед, не отрывая взгляда от губ старика. У него в голове рос настойчивый бубнеж, как будто он зажал руками уши.

Старший туго натягивал нитку, кончик пальца багровел.

— Вот и все. Cry9E, пестицидный белок из сконструированного материала. Мы его съели. Или мы съели то, что съело его. Или вдохнули, когда он сгорел в виде этанола. И то, что он должен был сделать с пищеварительной системой насекомых, он сделал с нашими мозгами. Какая-то чертовски невинная сволочь в какой-то лаборатории, желая накормить и снабдить топливом массы, создала прион, убивающий целые виды. И даже не поняла этого.

Он еще сильнее затянул нитку.

— За восемь лет с 2000 года он распространился, в нем распознали нечто совершенно отличное от фатальной семейной бессонницы, коровьего бешенства и болезни Крейтцфельда-Якоба. Плюс еще два года, и мы дошли до теперешнего состояния. Симптомы проявились у каждого десятого.

Парк встал.

— Что?

Он оглядел комнату.

— Как же нам быть? Мы должны?..

Он посмотрел на Старшего.

— Мы должны… Симптомы?

Старший поднялся.

— Симптомы проявились у десяти процентов. Зараженных гораздо больше. И зараза продолжает распространяться.

Парк шагнул вперед и замер.

— Люди едят ее, и им никто ничего не сказал. Кто знает? Люди едят кукурузу… Едят…

Старик понес пустой бокал к бару.

— До этого не так быстро додумались. А к тому времени все уже знали, откуда взялся НСП. Взялся. Из ада. И что было делать? Сказать: «Перестаньте есть кукурузу»? Сказать: «Мы знаем, что вам больше нечего есть, что вы только ее можете себе позволить, мы знаем, что не имеем возможности раздать вам другое питание, поэтому сидите спокойно и помирайте с голоду, хорошо?» Я видел прогноз какого-то там мозгового центра, прогноз того, что

произойдет, если просто взять и уничтожить всю кукурузу, опрыскать ее чем-нибудь; в этом прогнозе одновременно учитывались предполагаемая нулевая урожайность кукурузы и возможное влияние засухи на урожай риса, и в этом центре пришли к выводу, что меньше чем за десять лет дело кончится массовым каннибализмом. Социально приемлемым каннибализмом.

Он поставил бокал на стойку.

— Некому говорить. Некого спасать. Возврата нет. Многие люди, большинство людей умрет. На это уйдет несколько лет, но это финальная фаза. То общество, которое снаружи, за входной дверью, оно и дальше будет распадаться на мелкие фрагменты. Людей будут все больше бояться. Они будут полагаться на то, что знают, на что могут рассчитывать. Проблема уже слишком велика, чтобы ее остановить. Те люди, которые знают, такие люди, как я, мы всего-навсего жмем на тормоза, стараемся замедлить процесс, сохранить нормальность, насколько это возможно, дать окружающим облегчение, насколько возможно. И пока возможно.

Старик снял пробку с коньячной бутылки, потом воткнул обратно.

— Чем медленнее идет процесс, тем больше шансов, что весь мир не рухнет и не сгорит. Чем меньше людей знают об этой проблеме, тем ниже шанс, что все сразу сойдут с ума и снесут все вокруг. А что касается прогноза по *этому* сценарию, вам лучше о нем не знать. Если статистика, которую я видел, хотя бы наполовину права, сейчас, как никогда, существует возможность, что кто-нибудь где-нибудь запустит ядерную бомбу. И тогда все модели поломаются. Никто не знает, кто может просто взять и нажать на кнопку.

Он повернулся лицом к Парку, забыв про нитку на пальце.

— Люди в отчаянии, Хаас, они не хотят свернуться калачиком и умереть. Они глупы и опасны. Мы проиграли войну с НСП. Он победил, прежде чем мы разобрались, что это такое. Сейчас мы боремся с отчаянием. Стараемся убедить себя, что еще есть смысл смотреть телевизор, ходить на работу, убирать за собакой, оплачивать счета, подчиняться правилам дорожного движения, не идти к соседям и не убивать их ребенка за то, что он слишком громко играл в гараже на гитаре.

Старик вспомнил про нитку и стал ее разматывать.

— Пусть они подольше верят, что еще есть надежда и стимул жить.

Нитка свисала у него между пальцами.

— Потому что некоторые выживут. У некоторых есть

иммунитет. Что-то такое, связанное с изменениями в прионном гене. Некоторые выживут.

Он взял нитку за концы и натянул ее.

— И мы должны постараться сохранить для них что-нибудь.

Нитка порвалась.

Парк начал шагать взад-вперед несколько секунд назад, но теперь перестал.

— Я собираюсь арестовать вашего сына.

Старший бросил обрывки нитки.

— Хаас. Нет. Вот что будет. Мои люди, бывшие агенты Моссада и Шабака, которые работают на меня, выведут вас из имения. У ворот Бель-Эйра вас сфотографируют охранники из «Тысячи журавлей», которые занимаются там безопасностью. Потом вас довезут до машины. И вы поедете домой. И никогда больше не вернетесь сюда и не подойдете к моему сыну, иначе вас убьют. Итак, я не ожидаю, что вы согласитесь принять что-либо от меня. Нет, я имею в виду не подкуп, а помощь. И тем не менее я бы хотел помочь вам и вашей семье. Вам нужно только попросить, но просите прямо сейчас.

Старик замолчал, в комнате на миг воцарилась тишина, он кивнул и продолжил:

— Как я и ожидал. Однако когда вас взяли, среди ваших вещей был флакон «дремы». Он будет среди ваших вещей, когда их вернут вам у вашей машины.

Старик затянул пояс халата.

— В этом доме, я хочу сказать, в главном доме, живет много моих родственников. Они здесь потому, что я могу о них позаботиться. В большинстве своем они неспящие. У них почти неограниченный доступ к «дреме». Они могут взять пару капсул в любой момент, если чувствуют дезориентацию или боль, тогда они заснут и будут видеть сны. И проснутся, чувствуя себя почти самими собой. В отличие от большинства, они могут прожить так несколько месяцев, прежде чем придет смерть. А не последние несколько недель, как в больнице. Или, если они устали, лишились сил и разочаровались в мире, они могут принять от двенадцати до восемнадцати капсул «дремы» за один раз и глубоко заснуть. Сон длится от нескольких минут до нескольких часов, он характеризуется общим расслаблением мышц, мозг переключается на непрерывные дельта-волны, наступает глубокая стадия сновидений, и по мере расслабления мышц легкие перестают вдыхать и сердцебиение останавливается. Это самая мирная и милосердная смерть из тех, которые я видел.

Он стоял у двери.

— Как я сказал, флакон «дремы» будет среди ваших вещей,

когда вас отправят домой. Он ваш. Делайте с ним что хотите.

Старик повернул ручку.

— Странно подумать, я бы не встретился с вами, если бы сын не отказался взять надлежащую вооруженную охрану. Мне пришлось поручить моим ребятам присматривать за ним издалека. Только поэтому они заметили человека, который идет за вами по пятам. Если бы дело было только в вас, я вряд ли бы стал вмешиваться. Но я видел досье этого человека. *Джаспер. Фамилии нет.* Когда у человека нет фамилии, это всегда дурной признак. Это не тот человек, которого вы хотели бы видеть рядом со своими близкими. Кое-кто из моих людей вбил себе в голову, что вы работаете вместе. Но я совершенно ясно вижу, что они ошиблись. Как вы думаете, почему он следит за вами?

Парк был в недоумении, его мозг буксовал, так что он решил промолчать.

Старший пригладил волосы.

— Я, конечно, не скажу, что вам не о чем волноваться, если вы привлекли внимание подобного человека, но он больше не доставит неприятностей ни вам, ни вашим близким. И никому. Без него мир станет чище.

Старик открыл дверь.

— Во всяком случае, я благодарен ему за то, что он дал мне возможность познакомиться с вами. Я был рад, полицейский Хаас. Желаю вам душевного покоя. Прощайте.

Он вышел из комнаты, оставив Парка одного в новом мире.

Глава 24

Роуз Гарден Хиллер, несгибаемая феминистка, любила свою фамилию. Поэтому она ее оставила. Но она считала, что составные фамилии через дефис смотрятся глупо и с удовольствием дала дочери фамилию Хаас.

Роуз родилась в 1982 году. Ее родители развелись, но остались в дружеских отношениях и вместе растили дочь, хотя в основном она жила с матерью в доме, который скорее был просто-напросто хижиной в холмах Беркли.

Когда под давлением обстоятельств мать Роуз не могла отказаться от заполнения официальных документов, она писала, что ее род занятий «социальный активист». Она договорилась с мужем о разводе на условиях, куда не входили алименты на бывшую супругу, то есть на нее. Она отвергала любые предложения «патриархального покровительства». Однако она была достаточно практична, чтобы согласиться на алименты для Роуз. Лицемерия здесь не было. Каждый полученный по чеку цент мать тратила на Роуз. Все деньги, которые оставались в конце месяца, шли в копилку на колледж для Роуз. Мать лишь немного нарушала принципы и порой брала немного денег из средств Роуз, чтобы заплатить часть квартплаты. При этом она объясняла себе, что без воды и электричества не вырастишь здорового ребенка, но всегда старалась изо всех сил возместить разницу из своего заработка, чтобы вернуть то, что взяла.

Одно из ранних воспоминаний Роуз, возможно самое раннее, хотя она не могла быть уверена в этом, было о том, как она ехала за спиной матери на ее «швинне», распростерши руки в стороны, словно самолет крылья, когда велосипед катил в город вверх-вниз по крутым ухабистым улицам. Роуз проводила дни в кооперативных огородах, и в пикетах, и на демонстрациях, ходила от двери к двери с петициями, просиживала в офисах независимых кандидатов на должности местных органов власти, глядела, как ее мать держит за руки молодых женщин в Фонде планирования семьи, а потом засыпала на том же месте на велосипеде, на котором мать вечером ехала назад в холмы, если никто из единомышленников не смог сунуть его в багажник своего «вольво» и довезти их до дома.

Отец Роуз был адвокатом. Он выступал за перемены в обществе, но не до такой степени, чтобы соглашаться на работу совершенно без гонорара. Сначала он был младшим партнером, потом полным, работая в фирме, специализировавшейся на природоохранном законодательстве, и брал гораздо больше дел

на безвозмездной основе, чем предусматривала квота. Одно из первых воспоминаний о днях, проведенных с отцом, — как она стоит не пристегнутая ремнем на пассажирском сиденье, высунув лицо над ветровым стеклом его родстера «Порше-911» 1973 года, они едут по дороге через мост Золотые Ворота из его дома в округе Марин в городской офис. Она вспоминала те утра, которые проводила в прогрессивных яслях, дни, когда отец тащил ее за собой осматривать участок заболоченных земель, где совершались злоупотребления, когда она сидела на полу его кабинета в маленьком загоне из юридических книг, когда ее передавали одной из женщин, с которыми он довольно долго и моногамно встречался, прежде чем мягко указывал им на выход из его жизни, женщин, которые почти все до единой водили ее в музей «Эксплораториум», потом засовывали в «порше», и засыпавшую везли домой к ужину с макаронами и колыбельной в виде пинкфлойдовской «Жаль, что тебя здесь нет».

Паркер Хаас стал для нее неожиданностью. По правде говоря, он был, скорее, тектоническим сдвигом относительно всего, что она думала, чего хотела и ждала от жизни. А хотела она и ждала ничем не стесненной свободы. Длинная вереница возлюбленных поразительно красивой внешности, но эмоционально совсем несложных. Мужчин и женщин, которые, как она сама откровенно признавала, довольно сильно походили в этом смысле на ее отца. Независимо от того, решит она закончить свое образование в области изобразительного искусства или нет, она собиралась и дальше в жизни заниматься манипуляциями с цифровым видео, к которым чувствовала склонность и которые она, совершенно серьезно и без претензий, назвала «культурно обусловленными ироническими метатациями». Роуз хотела детей или ребенка, но брак не укладывался у нее в голове. Она была не против мысли совместно воспитывать ребенка, но только если этот человек будет так же уважать время, которое она проводит с ребенком, как уважали ее родители.

Когда она училась на втором курсе в Беркли, ее отец умер от сердечного приступа в возрасте сорока шести лет, и она поняла, что хочет быть ближе к матери, которая, как выяснилось, была тайно и безнадежно убита горем с того самого дня, когда муж сел рядом с ней на их кровати через три недели после своего двадцатидевятилетия и сказал, что, кажется, их корням стало тесно и ему нужна новая почва. Ее горе открылось Роуз дома после поминок, после того, как они высыпали его прах в заливе, когда мать рухнула посреди кухни на пол и завыла. Она рыдала три дня с перерывами. Роуз даже не подозревала, как глубоко мать любила отца. Роуз изливала свою любовь свободно и

самозабвенно. Она любила родителей, еще живых дедушку и бабушку, двух теть, трех дядь и пятерых двоюродных братьев и сестер, она любила многих друзей, любила возлюбленных. Но всех она любила легко. Как если бы поток ее любви был широким, но довольно мелким. А то, что она увидела у матери в те три дня и что нередко повторялось до самой ее смерти, казалось ей чужим и жутким. Оба ее родителя приберегали свою страстность для случаев общественной несправедливости, идиотизма власти, чудес природы и отдельных произведений искусства. Роуз знала, что столь интенсивное чувство по отношению к другому человеку накладывает узы. Узы, противоположные свободе, которую она считала своей естественной стихией. Это потрясло ее. И все-таки довольно часто, обычно через день-два после того, как она бросала какого-нибудь особенно привлекательного возлюбленного, она ловила себя на том, что представляет это проявление горя, ставя себя на место матери. Эти фантазии всегда были не очень подробными, дело происходило не на кухне матери, а в какой-то нигдешней пустоте, Роуз никогда не конкретизировала ни того, что случилось с ее утраченной любовью, ни личность этого человека. Она в буквальном смысле слова не представляла себе, ради кого могла бы так страдать. Если она заставляла себя глубже уходить в эту фантазию, создать туманный идеал, этот человек ни в малейшей степени не походил на Парка.

Она не помнила имя парня, с которым вместе пошла на ту игру. Она не помнили, зачем вообще согласилась пойти туда. Ежегодный матч между Беркли и Стэнфордом был и местным праздником, и вызовом противнику, но ее интерес к спорту угасал в тот момент, когда она уходила с футбольного поля, где время от времени, нерегулярно участвовала в играх в манере агрессивной обороны с подкатами. Она помнила красивое до нелепости лицо парня. Она была неравнодушна ко всему красивому, и только его лицо заставило ее закрыть глаза на то, что он явно был дурак. По мере того, как тащился день и тащилась игра, его дурацкая натура всплыла на поверхность на волнах пива, которое он глушил без остановки. Роуз и сама не была трезвенницей, но тем не менее терпеть не могла тех, кто не знал меры. Она потеряла интерес к игре, лицо спутника быстро начало казаться ей все менее привлекательным, она стала разглядывать толпу и, бесцельно бродя глазами, заметила, что один молодой человек на трибуне Стэнфорда в нескольких рядах от нее как будто отворачивался от нее каждый раз, когда на него падал ее взгляд.

Первое, что пришло ей в голову о Парке: «Не отсюда». Не

отсюда не только в смысле стадиона, не только в смысле, что он был в красной толстовке в этой красной кляксе болельщиков посреди бело-золотой толпы, не отсюда не только в том, как он хлопнул ладонью по ладони соседа-студента, когда «Кардиналы» повалили на землю берклийского квотербека, он был как будто чужим в своей собственной коже. Под своими волосами, за своими глазами, на своих ногах он был не отсюда во всех своих физических параметрах. Она не понимала, как люди могут смотреть на игру, когда тут рядом такое уникальное зрелище: человек, напрочь лишенный непринужденности. Он испытывал глубочайшее неудобство. Она знала, что он наверняка неправильно истолкует ее взгляд, но не могла не таращиться на него каждый раз, когда он отворачивался от нее. Она жалела, что у нее при себе нет камеры. Почему же она не взяла камеру? Надо бы непременно заснять его, получить видеодоказательство его фантастической неловкости. Кто-то начал волну на трибунах, и она прокатилась над ними. Роуз смотрела, как он не пожелал поднять руки в воздух, но чуть пожал плечами и хлопнул в ладоши. Позднее в путанице тел, которые выплескивались с мемориального стадиона на Юниверсити-Драйв, она видела его впереди, как тащится позади хвоста таких же стэнфордских болельщиков. Чуть-чуть усилий, и она направила своего пьяного спутника следом за Парком на вечеринку в доме бывшего выпускника из «Кардиналов», которого жизнь занесла на Дюрант-авеню.

Вскоре Парк заметил ее. Но он не подходил к ней, пока ее спутник, разглядев, что она затащила его в логово врага, не начал выкидывать фортеля и скандалить со всеми в комнате. Хозяин попросил его уйти, он щелкнул пальцами в сторону Роуз, та выставила ему средний палец, и тогда он обозвал ее дрянью и вышел из дома. Она увидела Парка, он стоял рядом и изо всех сил делал вид, что никак не участвует в сцене, привлекшей всеобщее внимание. И она знала, что он еле удержался, чтобы не врезать этому придурку.

Очевидно, он был трудный человек. Неловкий, категоричный, упрямый, настороженный, неудобно ревностный, возможно вспыльчивый, задумчивый, эмоционально скованный. В нем было что-то от охотника. Из этого списка качеств каждое могло дисквалифицировать его как потенциального возлюбленного, а два в сочетании дисквалифицировали его на сто процентов. Не то чтоб она в принципе собиралась с ним переспать, но, если она хочет как-то вставить впечатление от этого человека в свое творчество, ей нужно было по крайней мере с ним заговорить.

Дурак ушел, нарушенное спокойствие восстановилось, кто-то

сказал, что ей лучше остаться, пока не будет ясно, что этот дурак не затаился снаружи, или хотя бы не уходить без компании. Одна женщина предложила позвонить в службу охраны кампуса, но Роуз покачала головой, сказала, что еще побудет, подошла к Парку и протянула руку: «Я Роуз. Я таращилась на тебя как ненормальная на стадионе». Он взял ее руку. «Паркер Хаас. Да, я заметил. Меня это нервировало. Я ухожу. Хотите со мной?»

Она ушла с вечеринки и выяснила, что более-менее верно угадала его, за исключением того, что не учла его искреннюю честность, внимательность, великодушие, удивительные манеры, сухой юмор, разносторонние и глубокие знания, смелый ум и янтарные глаза, которые более чем компенсировали его обветренное, угловатое лицо и узкое телосложение. Они гуляли почти до утра, потом она привела его домой, она заснула, проснулась через пару часов и в первый раз занялась с ним любовью и потом, лежа рядом, пока его пальцы рисовали по одному крохотному кружочку вокруг каждого бугорка ее позвоночника, она представила себя в пустом пространстве, где она завывала, словно ее мать, по Паркеру Хаасу, с которым она познакомилась считаные часы назад. Она засмеялась, он спросил, что смешного, и она ответила: «Ничего». Через две недели они поехали в Рино и поженились.

Но это еще не все. Она и сама была непростой человек. Темпераментная и категоричная, воспитанная юристом и социальной активисткой, она мало о чем не имела собственного мнения. Мать ее умерла. Она потеряла интерес к видеоискусству, стала больше интересоваться поп-культурой и техническими компонентами видео. Парк переехал в Беркли. Призраки родителей мерещились ей везде в районе залива, и она устала изобретать новые обходные пути, чтобы не сталкиваться с воспоминаниями. Парк видел, как с каждым днем все сгущаются тучи в передовицах газет, часто слышал голос отца, подобно прорицанию Кассандры, звучавший в его голове, и философия уже не казалась ему такой полезной. Как ни странно, раньше эти сомнения у него не возникали. Роуз предложили работу в Лос-Анджелесе. Однажды в субботу на электричке в Сан-Франциско он увидел объявление о наборе в полицию и почувствовал внезапную физическую потребность приносить пользу. В тот же вечер он залез в Интернет и навел справки о лос-анджелесском полицейском управлении и управлении шерифа округа. И они переехали на юг. Вскоре его приняли в академию, а странные вспышки болезней, связанных с фатальной семейной бессонницей, коровьим бешенством и болезнью Крейтцфельдта-Якоба, о которых часто писали в последнее время, получили

новое название: НСП. Парк окончил академию. Роуз попеременно то обожала, то ненавидела свою работу. Мир стал сложнее, страшнее. Кто-то из их знакомых заразился НСП и умер. Они думали о том, чтобы уехать из Лос-Анджелеса, но не знали куда. Роуз забеременела. А вскоре ей поставили диагноз.

Но и это еще не все. Однако кое-что остальное было глубоко личным, связанным с тайнами брака, которыми не делятся. А кое-что было бессвязным, запутанными узлами ее жизни в реальном мире и Люцифры в «Бездне». Самое важное я рассказал. То, что она рассказала мне, когда я незваным гостем явился в ее дом ранним-ранним утром и начал задавать вопросы, на которые обычно не отвечают незнакомцам, но она охотно ответила на них, как только я объяснил, зачем пришел.

11/7/10

Мне нужно домой. Мне нужно домой. Мне нужно домой.

Нужно.

Что же я делаю?

Меня обманули? Как говорил отец, чтобы определить, обманывают тебя или нет, первым делом нужно установить, может ли человек, с которым ты говоришь, каким-то образом получить выгоду, если солжет. Если ложь ему выгодна, скорее всего, он лжет.

Отец сказал, такова человеческая природа. Сказал, что большинство людей не могут устоять перед соблазном улучшить свое положение, когда им представляется возможность. Я спросил его, а лгал ли он когда-нибудь. Он сказал, что иногда лгал в рамках профессиональных обязанностей, что искусство власти без этого не обходится. Я спросил его, а лгал ли он когда-нибудь мне. Он задумался на секунду, кивнул и сказал: «Сознаюсь, я сказал тебе, что Санта-Клаус существует на самом деле. Еще ты однажды написал эссе, которым очень гордился, и попросил меня прочитать. Я прочел. Нашел доводы сомнительными и несостоятельными, но тебе сказал, что эссе написано довольно хорошо. Не знаю точно, почему не сказал тебе правду и не спровоцировал на защиту твоих утверждений. Возможно, я тогда просто сильно устал».

Парсифаль К. Афронзо-старший сообщил мне несколько вещей. Он раскрыл мне детали санкционированной и управляемой АНД незаконной торговли «дремой». Он сказал мне, что источник НСП — генно-модифицированная кукуруза, что заражено гораздо больше людей, чем говорят. Он сказал мне, что количество зараженных растет и что лекарства не будет. Он

сказал, что большинство людей в мире умрет, что стремиться больше не к чему и осталось только стараться сохранить хоть что-то для тех, у кого есть иммунитет. Для тех, кто выживет, когда остальные умрут.

И я спрашиваю себя, выгодно ли ему врать мне обо всем этом?

Врал ли он?

Мне нужно домой.

Отец говорил, что наихудшая ложь — это когда обманываешь самого себя. Я спросил его, обманывал ли он когда-нибудь самого себя. Он сказал: «Надеюсь, Паркер, что нет. Но будучи превосходным лжецом, если этого требует долг, я не могу быть уверен в этом».

Так врал ли Афронзо-старший?

А если врал? А если нет?

Ложь ничего не меняет. Не меняет того, что произошло. И того, что произойдет. И того, что я должен делать.

Правда меняет то, что произошло. Она меняет то, что произойдет. И меняет то, что я должен делать.

Соврал он или нет, прав он или не прав, можно ли спасти замерзший мир, или он уже погиб, — это не меняет того, что я должен делать.

Я не могу этого сделать. Без меня. Ребенок. Без меня. Роуз. Кто? Без меня? Кто?

Мир, если его можно спасти, нужно спасти. Если он погиб, нужно спасти хоть что-то.

Есть то, что я должен сделать для своей семьи. И то, что должно быть сделано.

Кому можно сказать правду? Бартоломе не поверит. Или испугается.

Хаундзу?

Он настолько же преступник, насколько и полицейсий.

Отец сказал, что для законов есть причина. Он сказал: «Есть причина, чтобы у нас существовали законы, Паркер. Они существуют, чтобы измерять, насколько общество привержено справедливости. И чтобы показать, насколько далеко ушло общество от этой приверженности».

Отец не мог лгать самому себе. Он воспользовался своим любимым ружьем, чтобы не лгать самому себе.

Я боюсь, Роуз, что я настоящий сын своего отца.

Так поздно. Так рано.

Мне нужно домой. Меня ждут. Меня ждет семья. Дома.

Глава 25

Парк вернулся в Калвер-Сити еще затемно. Горизонт не просветлел; наоборот, небо потемнело, поскольку многие пожары выгорели дотла. Кажется, остался только один крупный пожар: видимо, горели несколько кварталов в Голливуде, там, где, по словам сержанта, уничтожили церковь НАХов.

По дороге из Бель-Эйра он проехал через четыре блокпоста. На одном ему пришлось выйти из машины и лечь лицом вниз на землю, пока гвардейцы проверяли его значок. Они обыскали его автомобиль, но не нашли тайника в запасной шине.

Сидя перед домом, он писал в дневнике. В его мыслях не было порядка. Он знал это, но ничего не мог поделать, кроме как отдаться на волю волн и барахтаться в том, что ему рассказали. Его воспитали для порядка в голове. Его идеи, ценности, чувства часто производили впечатление пригнанных друг к другу, как в кирпичной кладке. Или так было до того, как Роуз появилась в его жизни. Но и тогда порядок был скорее правилом, чем исключением. Просто на его поддержание уходило больше сил. И стены его внутреннего мира стали более причудливыми. Прежде прямолинейная конструкция странным образом видоизменилась. Появились окна, где их никто не ждал, обрывки орнамента, лишняя дверь.

Теперь все пришло в беспорядок. В руках у него остался только краеугольный камень. Мысль о том, что еще можно что-то сделать. Что всегда можно что-то сделать. Что мир всегда можно изменить к лучшему. Для этого нужно было только одно. Делать то, во что ты веришь.

Парк открыл дверцу машины и медленно вышел. В доме были умирающая жена и ребенок. Он должен был что-то сделать. Но он понятия не имел, как разобраться, что именно. Это было скрыто от него. Скрыто за безупречной громадностью дела.

Войдя в дверь дома, он рассеянно обрадовался, что не услышал никаких звуков. Молчание было для него свидетельством того, что дочь спит или находится в каком-то подобном состоянии, которое принесло ей покой. Он стоял у самой двери и смотрел в коридор, который вел мимо ее детской в родительскую спальню в задней части дома. Он было подумал, не заглянуть ли, но побоялся, что разбудит ее ото сна или отдыха, что бы это ни было. Во рту и в горле у него пересохло. Он прошел через гостиную с разбросанными блоками поролона, стопкой постиранных слюнявчиков, опрокинутой корзиной мягких игрушек, через соседнюю столовую, где вместо стола стоял

манеж, и оттуда в кухню.

Раньше раковина бывала заставлена грязными тарелками и стаканами, свидетельствами сильной неприязни Роуз к домашней работе. Не то чтобы Парк возражал. У него была навязчивая потребность все исправлять. До самого последнего времени он привык приходить домой с работы и мирно проводить полчаса, подбирая грязные вещи для стирки, перемывая посуду, вытирая с пола пролитую воду, закрывая оставленные раскрытыми дверцы шкафчиков. Малейший беспорядок был одной из улик, которые он научился читать, указанием на то, как жена провела день. Может, сегодня ей захотелось сладкого? Если так, то, скорее всего, она недовольна своей работой. В раковине только одна тарелка? Вероятно, она очень довольна работой и забыла поесть. Потные носки и спортивный лифчик на диване? Ей было не по себе, нужно было пробежаться. Диски вытащены из коробок и разбросаны на музыкальном центре? Она слушала старые любимые песни, искала вдохновения. Фотоальбом взят с нижней полки шкафа? На нее нашла ностальгия, она смотрела фотографии с их комично маленькой свадьбы и медового месяца в Йосемити.

В эти дни беспорядок оставляли только Франсин с малышкой. Игрушки и одеяльца, сполоснутые бутылочки в сушилке, незнакомая черная тапка у выхода в коридор, засунутый в нее резиновый утенок. Знаки, которых он не умел прочесть.

Парк достал чистый стакан с полки с посудой и наполнил его из крана со встроенным фильтром. Вода была почти безвкусная; не было ни освежающей чистоты, ни городского привкуса, казалось, она прошла через его рот и горло, не смочив их. Он снова налил стакан и выпил и на этот раз почувствовал какое-то облегчение. И все-таки он снова налил стакан и выпил с закрытыми глазами. Опустил его и открыл глаза. Он отражался в окне над раковиной, и ему не понравилось то, что он увидел. Кто-то вытянутый и тощий из-за тревоги, изможденния и нерешительности. Он ясно увидел, почему Кейджер заподозрил в нем неспящего.

Парк в последний раз наполнил стакан и, взяв его с собой, пошел назад через столовую и гостиную, в коридор, мимо комнаты, где молчала его дочь, если даже и не спала, и задержался на секунду, снова подумав, а не заглянуть ли, и пошел дальше, не заглянув, остановился, дойдя до открытой двери в спальню, которую делил с женой.

На трехногой табуретке для кормления, которую Роуз поставила рядом со своей кроватью в качестве ночного столика, сидел человек и, казалось, глядя на дверь, поджидал его.

Человек встал. Редеющие седые волосы отброшены назад со лба и лица, которое нельзя было назвать молодым, хотя оно могло принадлежать человеку любого возраста: от полного сил сорокалетнего до прекрасно сохранившегося шестидесятилетнего. Сложение атлетичное, но не чересчур. В его движении, когда он поднялся с табуретки, чувствовалось изящество, но отчего-то охромевшее. Темные брюки и темная рубашка, тонкие черные носки, явно шелковые, сквозь которые просвечивала бледная кожа. Видя эти ноги в носках, Парк наконец осознал, что тапка с утенком — на самом деле черный кожаный мокасин.

Мужчина наклонил голову вперед.

— Полицейский Хаас, ваша жена рассказала мне о вас.

Роуз сидела на кровати, опершись спиной на подушки, подтянув колени, сбоку лежал ноутбук, ребенок у нее на животе играл с маленьким плоским прямоугольником, который Парк не узнал, но из-за которого волна тошноты разбередила воду в пустом желудке.

Роуз дышала очень глубоко, надувая живот, поднимая и качая девочку, потом со свистом выпускала воздух.

— Лифт поднимается, лифт опускается.

Малышка заворковала, засунула угол прямоугольника в рот и укусила.

Парк почувствовал внезапное желание схватиться за пистолет, который он оставил в запаске.

— Кто вы?

Роуз защелкала языком, и девочка повторила этот звук.

— Не будь козлом, Парк.

Мужчина покачал головой.

— Нет, Роуз, ваш муж не грубит. Я ввел вас в некоторое заблуждение.

Парк попробовал рассчитать, как войти в комнату, чтобы оказаться между мужчиной и своей семьей.

— Кто вы такой?

Роуз улыбалась:

— Ты видишь, как радуется Омаха? Я уже давно не видела ее такой. С самого Беркли.

Парк шагнул к кровати.

— В Беркли ее еще не было, Роуз.

Она перестала катать ребенка на животе.

— Что это ты? Да была она. Мы.

Она обернулась к человеку:

— Что я вам только что рассказывала, Джаспер?

Парку вспомнился Живодер.

Его семья в комнате. Он не может бежать. И не может

атаковать.

Мужчина кивнул Роуз, не отводя взгляда от Парка.

— Вы мне очень много рассказали, и я вам за все благодарен. Вы удивительно правдивая женщина. Однако боюсь, что муж ваш прав; в Беркли у вас еще не было ребенка. Во всяком случае, если я не упустил какие-то подробности.

Ее глаза забегали. Парк увидел, что в комнате его старая Роуз, что она снова погружается, когда ее заплутавший двойник поднялся на поверхность.

— Что? Нет. Ну конечно. У нас не было ребенка. — Она посмотрела на Парка: — Где ты был? У тебя все хорошо?

Стон раздался из груди ребенка.

Парк шагнул еще, выставил руку, в которой не было стакана, ладонью наружу, как бы отодвигая мужчину от кровати.

— Кто вы такой?

Роуз покачала головой:

— Парк, это Джаспер.

Мужчина не отодвинулся от кровати, но что-то в его позе изменилось, он перенес вес тела с пяток на пальцы ног, и угроза стала ближе.

— Боюсь, заблуждение вызвано тем, что я вас обманул. Понимаете, Роуз, я не детектив, и Парк не присылал меня к вам, чтобы Франсин ушла домой пораньше.

Парк стукнул ободком стакана по изножью кровати, которая принадлежала еще бабушке Роуз. Стакан разбился и оставил в его ладони нижнюю часть с острыми рваными краями.

— Сделайте три шага назад от кровати и держите ваши руки так, чтобы я все время мог их видеть.

Малышка захныкала громче и пронзительнее.

Мужчина показал на нее двумя длинными белыми пальцами.

— Вы пугаете ребенка, полицейский Хаас.

Роуз подтянула малышку к груди.

— Парк, мне здесь не нравится. Здесь жарко и никому нет дела ни до чего, кроме работы, и еще я скучаю по дождю, и моя мама не видела ребенка, и я ненавижу оружие и помню, как все было лучше, и я хочу, чтобы все снова стало лучше.

Парк сделал шаг вперед с поднятой рукой, так чтобы оказаться между своей семьей и мужчиной, который так и не сдвинулся с места.

— Отойдите и держите руки на виду.

Мужчина показал ему руки.

— Если вы будете видеть мои руки, я вас заверяю, это никому в комнате не прибавит безопасности.

Роуз обняла ребенка и стала раскачиваться.

— Я уеду домой. Я прошла через Заводной Лабиринт, и я еду домой.

Мужчина кивнул:

— Вы знаете, это правда. Она действительно прошла Лабиринт; я сидел здесь и смотрел, как она это делает, пока мы разговаривали.

Парк сжимал разбитый стакан; он знал, что должен держать его легко, чтобы использовать в качестве оружия, но не мог справиться с собой.

— Отойдите. Я прошу вас отойти.

Глаза мужчины дернулись к окну.

— Хаас.

В переделанном гараже на заднем дворе быстро вспыхнул и погас свет.

— Полицейский, у вас в доме гости?

Мозг Парка запнулся на этом вопросе.

— У вас в доме гости?

Мужчина протянул руки к его дочери.

Стакан треснул в руке у Парка, когда он начал ее поднимать.

Мужчина выдернул маленький темный прямоугольник изо рта девочки, резко нажал большим пальцем, и небольшое острое лезвие выскочило на конце.

Он шагнул назад, ударил Парка по руке, которая прошла перед ним, выбил стакан на пол, повернулся спиной и шагнул к окну.

— На нас напали, офицер. Скорее всего, их будет трое. С ними я справлюсь. Но, возможно, шестеро. В таком случае они меня убьют. Они будут хорошо вооружены и обучены. Я полагаю, у вас есть оружие. Прошу вас не стрелять из него в меня. Возьмите его и оставайтесь здесь с женой и дочерью.

Он показал на лампу у кровати.

— Роуз, выключите свет, пожалуйста.

Роуз выключила лампу. Мужчина снял сетку с оконной рамы, подтянулся вверх и вылез, словно мангуст из змеиной норы.

Роуз кивнула.

— Это Джаспер.

Омаха заплакала.

Парк пошел к сейфу за пистолетом.

Я нашел троих. Одной группой.

Показательное число. Несмотря на поспешное бегство через город, в течение которого удостоверение личности фиксировало мой курс, они, по-видимому, не знали, что я явился в дом к Хаасу. Если бы знали, то почти наверняка прислали бы больше

киллеров. То, что они ожидали найти там неспящую мать, ребенка, молодого неопытного полицейского и, может быть, няню, вселяло в них надежду.

Мне было отрадно думать, что они понятия не имели о моем присутствии, что они, возможно, даже не знали, что я еще жив и на свободе. Или, во всяком случае, что аппарат безопасности Афронзо еще не получил обо мне всю информацию. Мне было отрадно думать, что это наемники того рода, которые могут задеть электрический выключатель и тем самым объявить о своем присутствии. Скорее всего, это были люди плохо информированные и слегка беспечные, и они пришли убить больную женщину, ее растерянного мужа и младенца. Хотя нельзя сказать, что в свое время мне не доводилось убивать беспомощных и кротких. Отраднее всего мне было думать, что это наверняка была их административная группа, так как боевую группу и группу поддержки до этого отправили ко мне. Честно говоря, сомневаюсь, что мне еще оставалось чего-то желать.

Однако они вполне были способны использовать в своих целях мою собственную беспечность. Я стал рассуждать.

Во-первых, это был тот, который задел выключатель. Я наблюдал за ним из тени гниющей поленницы, которую Парк, должно быть, купил в приступе романтики, когда они переехали в этот дом. В основном дрова были заранее нарублены так, чтобы влезть в его скромный камин. Я нащупал полено, которое удобно легло в мою руку.

Человек, который включил свет, находился у самой сетчатой двери гаража, его разоблачало то, что он то и дело что-то регулировал и пристраивал, отчего лазерный луч на его оружии проблескивал сквозь стальную сетку прямо под его носом. Он должен был прикрывать тыл. Следить, чтобы никто не сбежал из дома, пока его товарищи проникают туда через другие точки. Если внутри поднимется шум, он пойдет на помощь и выйдет из укрытия. Поэтому я проигнорировал его, направился от поленницы вдоль дома и нашел окно в комнату Омахи. Я снял сетку, сунул нож в карман, бросил полено на матрас в ее колыбельке и пролез в детскую, оцарапав ноги и закусив губы от боли.

Там я снова вооружился ножом и поленом, чуть приоткрыл дверь и наблюдал, как второй наемник крадется в гостиную, идеально готовый к вооруженному бою, представляя собой минимальную мишень, оружие поднято перед собой в обеих руках, пальцы перекрывают друг друга, указательный вытянут параллельно стволу, чтобы случайно не выстрелить.

Он стал подавать жестами знаки кому-то вне моего поля

зрения, видимо, третьему члену группы, которого он, скорее всего, прикрывал, пока они просматривали дом комната за комнатой. Он делал тому знаки, показывая на коридор, не поворачивая головы, сообщая, что пойдет по другому пути. Я открыл дверь чуть шире, вышел и закрыл ее за собой.

Петли на этой двери до недавнего времени ужасно скрипели. Пока Омаха спала обычным сном младенца, скрип мало кого волновал, но по мере того, как ее сон становился беспокойнее, она все больше реагировала на тихие звуки. Скрип этих петель лишал ее всяких шансов на сон. Поэтому Роуз как следует залила их смазкой. Теперь дверь распахивалась совершенно беззвучно. Это была одна из многих историй про сон, которые она мне рассказала. Не считая болезни, в этом отношении она была вполне обычной молодой мамашей из тех, с которыми я встречался.

Я скрючился в темноте, там, где коридор поворачивал в гостиную, и подождал, пока человек в идеальной боевой форме не ударился пальцем ноги о полено, которое я оставил посреди пола. Он не споткнулся, только задержался, прежде чем двинуться дальше, и убрал палец от спускового крючка, застигнутый врасплох мелкой помехой. Благодаря этому секундному расслаблению он не выстрелил, корчась в спазме, когда я вонзил лезвие в его шею пониже левой челюстной кости, разрезал горло широким полумесяцем и оставил нож в ране.

Это был плохой прием. Если оставить лезвие, оно будет сдерживать кровотечение из раны. Не говоря уже о том, что ты отдаешь оружие в руки врага. Но это был рассчитанный риск. Его рана достаточно велика, чтобы кровотечение не остановилось, и я сомневался, что он в состоянии представлять для меня какую-либо угрозу, как бы хорошо он ни был вооружен.

Я вошел в гостиную, чем весьма изумил прикрывавшего, который только что видел, как его напарник вышел за угол в коридор. У него не было времени занять надлежащую позицию для прикрытия, за что он мог поблагодарить торопливость человека, истекавшего кровью на полу. Как он при такой плохой подготовке мог рассчитывать, что будет готов отразить атаку? Он не мог рассчитывать. И не был готов.

Еще раньше, положив полено, я вынул из кобуры на щиколотке свой «томкэт». И сейчас дважды выстрелил в человека, один раз в шею, другой в пах, в области, не защищенные бронежилетом.

Его напарник теперь издавал довольно громкие звуки. Умирать от потери крови — это значит захлебываться и задыхаться. Человек активно борется с неизбежным. Умирающий

от потери крови очень похож на рыбу, которая бьется на суше. И посылает в воздух те же самые сигналы SOS. Плюс еще два выстрела, и шума более чем достаточно.

Я наклонился, чтобы вынуть резинового утенка из своего мокасина, куда его положила Омаха, когда играла с ними до этого, спрятался за креслом-качалкой и сориентировался в сторону кухни, ожидая звука шагов, которые скажут мне, что человек, прикрывающий тыл, входит в заднюю дверь.

Я сделаю превосходный выстрел, который будет еще превосходнее, если мне удастся хоть чуть-чуть отвлечь человека, бросив резинового утенка, который с писком запрыгает по полу. Я был хладнокровен и готов. Лишь бы только человек, прикрывавший тыл, не заметил меня во дворе, не пошел за мной вокруг дома, не увидел, как я влезаю в окно, не влез следом и не догнал меня, войдя через хорошо смазанную дверь.

Правда, его посредственная натура проявилась в том, что он не предупредил напарников по радио об угрозе на их фланге; но все же он застиг меня совершенно врасплох, и раздавшийся сзади выстрел заставил меня дернуться вверх и обернуться.

Услышав стрельбу у себя в доме, совсем рядом с его семьей, Парк пренебрег данным ему указанием и вышел из спальни. Он открыл дверь и появился в тот момент, когда на противоположном конце коридора из комнаты его дочери показался человек с сильно укороченным автоматом, в котором спусковой механизм был расположен перед магазином. Человек двигался молча, прижав приклад автомата к плечу пониже мочки правого уха, и целился в обрезанную трубку интегрального лазерного прицела. Полностью сосредоточенный на том, что находилось за открытой дверью в гостиную, человек не заметил Парка.

За спиной Парка были жена и дочь, которые лежали на полу гардеробной в спальне, где он их оставил. Дверь и единственная стена едва ли уменьшили бы скорость пуль, выпущенных из такого оружия, которое имел при себе человек. И Парк не мог быть уверен, что он не успеет развернуться и выстрелить при первом же звуке. Шальная пуля может угодить куда угодно, в кого угодно. И все равно у Парка было достаточно возможностей для того, чтобы вжаться в стену, заявить, что он полицейский, и приказать человеку бросить оружие.

Но Парк ничего этого не подумал. Ему даже не пришло в голову попытаться разоружить и арестовать человека. Ему не пришло в голову, насколько рискованно это было. Он не имел никакой возможности подумать ни о чем таком. То, что он сделал, он сделал не думая.

Потому что Паркер Хаас вышел из спальни и увидел, что из комнаты его дочери выходит человек и в руках у этого человека оружие. Пистолет Парка выстрелил, отдал назад, Парк выровнял его и снова прицелился, но лица человека там уже не было. Парк прицелился ниже и пошел вперед по коридору вдоль самой стены, опуская пистолет все ниже с каждым шагом, пока не оказался над человеком, и, выставив пистолет почти вертикально вниз, еще дважды спустил курок.

Я еще не забрал «тавор» у человека, которому выстрелил в шею, но у меня в руке оставался «томкэт». Когда Парк возник в дверях коридора и выстрелил в мертвеца, я поступил самым естественным образом и взял его на мушку.

Парк до этого никогда не убивал. При аресте ему доводилось избивать подозреваемых, но до сих пор он разряжал пистолет только в бумажную мишень.

Я знал это наверняка. Знал, потому что он встал над мертвецом и поднял глаза, нашел меня в позе дуэлянта, с расставленными для устойчивости ногами, с выпрямленной от плеча рукой, маленький пистолет нацелен ему в голову, и сказал:

— Я еще никого не убивал.

Насколько мне известно, мне еще никто не спасал жизнь. Да, анонимный бюрократ много лет назад прекратил пытки надо мной, не дал мне погибнуть, но поверьте мне, это не то же самое, что застрелить человека, который собирался застрелить тебя.

Свой немалый возраст я заработал беспощадностью. Да, у меня были моральные принципы, но мои личные и довольно своеобразные. Мне не случалось еще лишаться ночного сна из-за того, что я кого-то убил или покалечил. По правде говоря, дело было не столько в морали, сколько в эстетике. Кого, как и когда я убил — все это были элементы композиции моей жизни. Мелодия и гармония. Один главный лейтмотив — лови момент. Своя собственная красота.

Меня больше не волновало, что Парк, может быть, передал диск Афронзо. Их допрос и нападение показали, что дело в другом. Диск где-то рядом, я был уверен. Найти его будет нетрудно. В таком случае не было причины убивать юношу, прежде чем он оправится от шока и снова станет представлять собой вооруженную угрозу.

Ясность в таких делах бесценна.

Мой палец лежал на спусковом крючке. Омаха плакала. Минута, наполненная диссонансом.

Я опустил пистолет и в этой крайней точке жизни позволил себе удовольствие узнать, что происходит.

— Полицейский Хаас, на кого вы работаете?

Парк посмотрел на свой пистолет.

— На полицейский департамент Лос-Анджелеса.

Он опять посмотрел на меня.

— Я полицейский.

Правда этих слов была такая простая и неприкрытая, не прикрашенная обманом, что я чуть не засмеялся.

— Да уж, это точно.

Парк увидел другие трупы.

— Зачем вы привели их сюда?

Я поднял руку отрицающим жестом:

— Нет, это не мои. Моих я убил раньше. Этих послали за вами. И за вашей семьей.

Он уже качал головой, пока я еще не договорил.

— Это личная охрана Афронзо.

— Именно так.

— Вас зовут Джаспер.

Я кивнул:

— Да.

Парк смотрел на свой пистолет, взвешивая его.

— Он сказал, что вы опасны. «Это не тот человек, которого вы хотели бы видеть рядом со своими близкими», он так сказал.

Я кивнул:

— Думаю, насчет этого он прав. Могу я спросить, кто «он»?

— Парсифаль К. Афронзо-старший. Он думал, вы мертвы.

Я на секунду навострил уши. Я слышал Омаху, но на самом деле я различал странную мелодию жизни этого человека, сплетающейся с моей жизнью. Что-то такое, чего я раньше не слышал. Возможно, диссонанс превращался в ассонанс.

Я снова кивнул:

— Думаю, мир, возможно, стал еще загадочнее в последнее время.

Парк смотрел только на свой пистолет.

— Еще загадочнее, чем брак.

Я смотрел, как он смотрит на пистолет в руке.

— Я был женат очень недолго, когда был очень молод, и все-таки я знаю, что вы преувеличиваете.

Он, может быть, улыбнулся:

— Только чуть-чуть.

— Да, с этим я соглашусь.

Его палец подполз ближе к спусковому крючку.

— Что случилось? С миром? Почему никто не старается его исправить?

Мой пистолет был все еще опущен, но палец лежал на

крючке.

— Наверное, потому, что никто не верит, будто еще можно что-то исправить. Людей растили в фатализме и насилии. Чувство беспомощности пронизывает взаимодействие обычного человека с миром. Люди хотят, чтобы мир был удобным и знакомым. Но они перестали думать о завтрашнем дне в каком-либо конкретном смысле. Они больше не верят в него. Потому что не хотят о нем думать. О том, как там будет трудно. Тем, кто останется.

Парк еще смотрел на пистолет.

— У меня нет шансов, да?

Я не мог знать, что он имеет в виду, поэтому ответил на ближайший вопрос:

— Нет. Если вы попытаетесь поднять пистолет, я выстрелю и убью вас. И долгий разговор, который у нас должен быть, тайны, которые мы должны раскрыть, — все погибнет. К моему большому сожалению.

Он снял курок с боевого взвода, поставил на предохранитель и бросил пистолет рядом с человеком, которого убил.

Свой пистолет я все еще держал в руке.

— Мне нужен диск, полицейский Хаас.

Парк отвернулся.

— Это невозможно.

Он сделал шаг, повернувшись ко мне затылком.

— Это вещественное доказательство преступления.

Я поднял оружие.

— Он нужен мне. Парк покачал головой:

— Нет. Мне нужно к жене и ребенку.

Он пошел вперед по коридору, уходя с линии огня.

— Мы можем поговорить, когда я их повидаю. Вперед по коридору, к своей семье, прочь от мертвеца, и я не убил его.

Вместо этого я прошептал про себя одностишие, очень короткое, которое сочинил тут же.

— Паркер Хаас, плачущая Омаха и его неспящая Роуз. Есть и другие вещи в жизни, кроме убийства. Я почувствовал, что у меня есть шанс быть рядом с ними. Хотя бы недолго.

Глава 26

Омаха плакала. А Роуз становилось все хуже.

Ее оживление в те часы, которые мы провели за разговором до прихода Парка, спало. Прошлое больше не поддерживало ее на плаву, и она снова тонула в настоящем. Я смотрел, стоя у двери в спальню, как Парк рассказывал ей правду о том, что случилось минуту назад. В ее состоянии хватило бы любого обмана, и, может быть, так было бы милосерднее. Но от этого честность просияла еще ярче.

Тогда я оставил их на несколько минут, достаточных мне, чтобы дотащить трупы через заднюю дверь по лужайке в переделанный гараж. Мультипликационные скелеты плясали на трех мониторах. Я секунду наблюдал за ними, потом вернулся к своей задаче.

Я нашел рулон брезента и отнес его в дом, накрыл самые большие лужи крови в гостиной. Целая охапка полотенец из ванной, рассыпанная по полу, снизу уже намокла. К тому времени, как я вернулся в спальню, мои штанины также намокли.

Парк левой рукой держал плачущую дочь и одновременно правой прижимал влажное полотенце к затылку Роуз. Роуз лежала лицом вниз на кровати, у нее дергались мышцы челюстей, задней поверхности ног, верхней губы. Она скрючила правую руку, словно лапу с когтями, и длинными дугами водила ею по простыням, обгрызенные ногти тихо скребли по ткани.

Она шептала:

— Вверх, вверх, шифт, пробел, пробел, пробел, вправо, таб, таб, вверх, пробел.

Парк посмотрел на меня:

— Это клавиши.

Я кивнул:

— Да. Заводной Лабиринт. Она сказала мне, что наизусть запомнила последовательность, по которой через него прошла.

Ее речитатив не умолкал. Бормочущее заклинание, эпопея ее подвига.

Я показал на пол:

— Можно сесть?

Парк не ответил. Я остался стоять.

Теперь он был неподвижен, с плачущим ребенком на руках и угасающей женой, которая с широко раскрытыми глазами лежала на кровати.

— Я должен что-то сделать.

Я оттянул брюки в тех местах, где они продолжали

прилипать.

— Да, и я тоже.

Он взглянул на меня.

— Зачем вы здесь?

Только когда он задал вопрос, я понял, что не знаю ответ. Зачем я тут? Конечно, я давно должен был уйти. Завладеть диском, бросить трупы на их местах, смести все другие препятствия и выполнить свой договор с леди Тидзу.

Я заговорил без мысли, давая моим словам донести смысл до меня самого.

— Я здесь для того, чтобы кое-что закончить. Кое-что, над чем я работал много лет. Всю свою жизнь.

Омаха вдруг извернулась и чуть не выпала из его руки на пол. Он подхватил ее, это движение прервало речитатив Роуз, и стон сорвался с ее губ.

Парк закрыл глаза.

— Я не могу заботиться о них обеих. — Он открыл глаза. — Мне нужна помощь.

Я не пошевелился.

Он встал с кровати, подошел ко мне и вложил ребенка в мои руки.

Я уже давно осознал, что пистолет — это своего рода философский камень. Только вместо того, чтобы преображать все, к чему прикасается, в золото, пистолет преображает атмосферу вокруг себя. Отверждает края, обостряет воздух, придает сверкание ясности. Страх. Даже незаряженный пистолет может превратить воздух в любом помещении в чистый страх. В ту секунду, когда Парк передал мне свою дочь, я открыл для себя нечто иное, что тоже преображает все, что соприкасается с ним. Создавая элемент, который тоже отчасти состоял из страха, но еще и из удивления.

Омаха устроилась у меня на руках, перестала плакать, закрыла глаза и уснула.

Мы рассказали друг другу наши истории. Последние несколько дней наши пути переплелись и перепутались друг с другом.

Он не хотел отдавать мне диск, но дал посмотреть на его содержимое.

Я выполнил его указания, нашел и открыл секретный файл. Он объяснил мне смысл последовательности координат. Я подумал о нашем умирающем городе, который засеян спрятанной «дремой». Конечно, я сознавал, как немыслимо дорого стоит эта информация, но не понимал, как она может быть связана с леди

Тидзу. Безусловно, она могла торговать «дремой», но сама мысль о том, что она покупает и продает ее по флакончику, казалась абсурдной. Скорее, она могла заниматься охраной и транспортировкой грузовых контейнеров с лекарством при отправке его в Азию или финансировать лабораторию по разработке аналогичного препарата.

Я спросил его, что еще есть на диске.

Парк почти без выражения посмотрел на меня:

— А что еще может иметь смысл?

Он ухаживал за женой. Я качал его дочь в одной руке и продолжил изучать диск.

На нем были фотографии Хайдо Чанга, вполне профессиональные, как мне показалось. Записи о продажах и покупках артефактов и золота «Бездны Приливов». Номера банковских счетов и коды. Порнография. И второй раздел.

Диск был разделен на две части. Я открыл вторую часть, думая найти там резервную копию первой, и вместо этого нашел заповедник дикой природы. Изолированный на диске фрагмент «Бездны Приливов» с тремя обитателями.

В узкой горной долине в обрамлении деревьев, за которыми синее вечернее небо превращалось в чистый лист, у затухающего костра сидели три искателя приключений. Женщина-воительница, половина лица обезображена страшными ожогами, палаш за спиной, переливчатые черные латы, добытые у кислотных жуков. Молодой и худощавый железный маг, вооруженный железным посохом и рукавицами, кожа в пестрых пятнах ржавчины. И старый подземный тролль с вытянутыми конечностями, на правой руке не хватает двух пальцев, остальные восемь оканчиваются желтыми, как слоновая кость, потрескавшимися когтями, босой, в залитых вином белых костюмных брюках и фраке на морщинистой голой груди.

Еще глубже в разделе находились логи и файлы, цифровые души персонажей. И акт купли-продажи товара.

Я открыл рот:

— Ага.

Парк обернулся от кровати:

— Что?

Я дотронулся до экрана.

— Я нашел, что искал.

Он повернулся к Роуз:

— И что теперь?

Роуз непрерывно шептала. Теперь ее тон изменился; она говорила уверенно и возбужденно.

— Таб, таб, контрол-пробел, трижды шифт-джей-вверх,

пробел, пробел, пробел, возврат, вниз, экс.

Она зарыла лицо в матрас и закричала, перевернулась, потея и смеясь, потянулась вверх, схватила Парка, притянула его к себе и поцеловала.

— Я прошла! Черт, я его прошла! Никто не верил, что его можно пройти. А я прошла. В одиночку. Я победила Заводной Лабиринт.

Парк улыбнулся, отбросил влажные волосы с ее лба и поцеловал.

— Я слышал. Это здорово. Жалко, что я не видел.

Роуз резко села в кровати.

— Это было так здорово, Парк. Я просто поняла, что надо не пытаться пробежать в последний проем, пока он не закрылся. Если просто подождать, он снова распахнется. Я применила Жезл Торквина, заблокировала проем, проскользнула и оказалась в самом центре.

Он положил руку ей на щеку.

— А там что было?

Она покачала головой:

— Ничего. Вообще ничего. Просто тихо. Там было так идеально тихо.

Потом Роуз снова пропала, стала повторять свое приключение, начиная с первой клавиши.

Парк посмотрел на стену, за которой мы убили трех наемников.

— Сколько нам еще здесь безопасно оставаться?

Я ничего не мог придумать, как рассчитать и ответить на его вопрос:

— Здесь не безопасно. Риск растет с каждой секундой, которую мы находимся здесь. Но я не могу сказать наверняка, когда этот риск перевесит преимущество от того, что здесь нам придется оборонять только одну позицию, в отличие от поездки.

Он задумался.

— Они вернутся до темноты?

— А вашим соседям не покажется странным появление одетых в черное мужчин с автоматами наперевес, которые будут штурмовать ваш дом при белом свете дня?

— Сейчас? Сегодня? Не знаю.

Я пожал плечами:

— Тогда есть риск, что они могут прийти днем.

Он взял жену за руку.

— Мне нужно кое-что сделать.

Посмотрел на дочь.

— Я должен знать, что ей ничего не угрожает.

Чувствуя большое неудобство, я встал и поднес ребенка к нему.

— Всем нам что-нибудь всегда угрожает.

Он положил свободную руку малышке на голову и посмотрел на меня.

— Мне просто нужно знать, что она где-то в надежном месте. До тех пор, пока я за ней не приду. До тех пор, пока я не сделаю то, что должен. Вы знаете такое место?

Я чувствовал вес пистолета в кобуре на щиколотке, ножа в футляре у паха, боль от ожогов у меня на ногах. И я подумал о том, где маленькой девочке будет безопасно.

— Конечно. Я знаю такое место. Пока вы за ней не вернетесь.

Омаха всхлипнула. Мы оба сморщили носы.

Парк сжал руку Роуз и встал:

— Пойдемте, я вам покажу, как менять подгузник.

Он показал. Простота, за которой я внимательно наблюдал, уверенный, что никогда не смогу ею овладеть.

И, понимая, как он будет действовать, невзирая ни на что, и какая решимость требовалась ему для этого, я тоже показал ему кое-что еще. Преступление. Хладнокровный акт. Неоспоримую вину. Броню для его расследования.

Глава 27

13/7/10

Мы снова одни. Роуз. Я кое-что сделал. То, что считаю правильным. Что должен был сделать.

Я думаю, ты со мной согласишься. Что выбора не было.

Ты сказала, что я не могу заботиться о ней. Да, не могу. Не могу заботиться о ней.

Она не может быть в безопасности. Не может, пока мир такой.

Джаспер говорит, что мир меняется, и не больше того. Как будто это какая-то мелочь. Наверное, так и есть.

Все постоянно меняется. Смотри, как ты изменила меня. Как мы изменили друг друга. Как Омаха изменила нас обоих.

Но все-таки это мой мир. Мир, где встретились мои отец и мать.

Где она звала его Персик. Где я убежал от них, желая найти другой способ понимать друг друга. Где я встретил тебя. Это мир, где ты меня бы не отпустила. Хотя я и не хотел убежать. Это мир, где умерла моя мать, а отец убил себя, потому что не мог жить без нее. Это мир, где ты забеременела.

Или нет? Или это мир, который был? А это уже новый мир? Мир, где ты заболела. И где родилась Омаха. Если так, то это ее мир. И ей нужно понять, как в нем жить.

Афронзо-старший сказал, что они «жмут на тормоза». Стараются замедлить процесс, дать новому миру шанс родиться.

Миру моей дочери. Миру, где не должно быть старых преступлений, которые запятнали его появление на свет.

Я должен что-то сделать. Ты понимаешь, Роуз. Я знаю, что ты понимаешь.

Ты сказала это, когда мы познакомились. Что когда-нибудь я погибну, потому что случайно забреду под машину. Но я не бреду. Я иду прямо поперек всех пяти полос.

Я должен что-то сделать. Кто-то же должен что-то сделать. Иначе для чего?

Я люблю тебя.

Спокойной ночи.

Глава 28

Когда я прибыл в офис леди Тидзу, мои руки не находились в карманах, но были заняты.

В одной руке я нес обещанный подарок, цветок, случайную лилию, сорванную в увядшем саду Роуз, она еще благоухала. В другой я нес Омаху Гарден Хаас. Она все еще спала. С тех самых пор, как я вынул ее из детского автомобильного сиденья. Парк показал мне, как установить его у меня в «кадиллаке».

Леди Тидзу приняла цветок со всей своей давно копившейся любезностью. Появление ребенка она приняла с легким поджатием тонких губ.

— Это неожиданно.

Я ничего не сказал.

Тидзу показала на низкий столик, накрытый на двоих. Лапша с пряными яйцами и соленой треской.

— Она достаточно взрослая для молока?

— У меня с собой молочная смесь. Если кто-нибудь будет так любезен.

Она кивнула.

Я сделал знак одному из хорошо воспитанных, скуластых молодых людей, которые проводили меня до леди Тидзу. Контрмера в свете того, что мои руки не были в карманах. Он нес сумку с подгузниками, которая до этого висела у меня на плече, когда я вышел из лифта.

— Три ложки, сто семьдесят граммов фильтрованной воды. Комнатной температуры, пожалуйста.

Охранники поклонились и вышли.

Тидзу чуть отошла назад. Я прошел мимо нее к столу.

Она наблюдала за моей походкой.

— Вы ранены.

На столе стояла маленькая пустая ваза синего цвета. Я просунул в горлышко стебель лилии.

— Да.

Свободную теперь руку я убрал в карман.

Она подошла маленькими скользящими шажками.

— Интересно.

— Что?

Они опустилась на подушку.

— Когда я пригласила вас на завтрак, вы не подумали, как будете есть, держа руки в карманах?

Я улыбнулся:

— Нет, не подумал.

Она показала на вторую подушку.

— Я бы не пригласила вас, если бы не хотела, чтобы вы чувствовали себя удобно.

Я вынул руку из кармана и оперся на нее, опускаясь, садясь больше на ягодицы, чем на ноги, как она. Омаха еще глубже зарылась мне под мышку.

Тидзу взяла пару простых бамбуковых палочек.

— Вы поранили ноги, выполняя мое поручение?

Я смотрел на стену позади нее. Пишущие машинки исчезли. Вместо них лишь несколько ячеек заполняли разнообразные предметы: одинокая флешка, сделанная в виде проксимальной фаланги большого пальца, ее ремешок с бусинами свисал на скриншот, вставленный в рамку, с изображением бородавчатой ведьмы верхом на драконе. Айфон с анимированным бородатым гномом в пластинчатых доспехах, в его длинные рыжие волосы вплетены белые розы. Также вставленный в раму и пронумерованный фрагмент коллажа Шадраха, который я, должно быть, видел на его выставке. И жесткий диск, разобранный на детали, разложенные со схематической точностью вокруг карточки из льняной бумаги, на которой кто-то прекрасным каллиграфическим почерком написал имя без гласных.

Я отвел взгляд от полок и посмотрел на леди Тидзу.

— Да. Случилось кое-что непредвиденное.

— Очевидно.

Один из скуластых парней вернулся, поставил наполненную бутылочку на стол рядом со мной, тут же на пол положил сумку с подгузниками, уже как следует досмотренную, и вышел.

Палочки Тидзу замерли над ее тарелкой.

— Как нам лучше всего сделать, чтобы мы все смогли поесть?

Я подумал о технических сложностях одновременного поедания горячего супа и кормления ребенка.

— Мне кажется, проще всего будет, если дамы поедят первыми. А потом я, может быть, попрошу вас помочь.

Она кивнула, опустила палочки в чашку.

— Прошло много лет с тех пор, как я держала ребенка. Моих младших братьев. Но, по-моему, этому нельзя разучиться.

Я не знал, права она насчет этого или нет. Пока Парк не вручил мне Омаху, я никогда еще не держал ребенка.

Тидзу зажала комок лапши в палочках.

— И может быть, пока я ем, вы расскажете мне что-нибудь о том, с чем вы столкнулись?

— Разумеется.

Она наклонила голову и вежливо втянула лапшу. Я взял

бутылочку, встряхнул ее, как учил меня Парк, пощекотал нижнюю губу Омахи соской и придерживал ее, пока малышка ела, даже не проснувшись.

Парк называл это «кормить снами».

К тому времени, как опустели и бутылочка, и чашка леди Тидзу, я почти закончил рассказ и передал ей ребенка поверх стола. Девочка проснулась, почувствовав на себе новые руки, и я ждал, что она расплачется, но она не стала. Тидзу придумала игру, сначала показала ребенку руку с пятью пальцами, потом спрятала ее и показала руку с четырьмя пальцами. Омаха засмеялась.

— А мой диск?

Я втянул суп. Он немного остыл, но все равно был очень хорош.

— Леди Тидзу, хозяйка «Тысячи журавлей», у меня нет его.

Она показала четырехпалую руку девочке.

— Его уничтожили, прежде чем вы смогли им завладеть?

Я выловил кончиками палочек кусочек яйца из бульона.

— Нет. Я держал его в руках. И вернул его человеку, который его украл.

Она подняла Омаху с колен и держала на уровне глаз.

— Но вы здесь.

Я чувствовал напряжение в ее шее, усилие, чтобы его скрыть.

— Здесь.

Она опустила лоб, Омаха протянула руки и взъерошила ее волосы.

— И как вы мне это объясните?

Я положил палочки, показал на сумку с подгузниками, и она кивнула. Из сумки я достал ноутбук Роуз. Я включил его, открыл новый раздел, который создал, пока еще был у Парка, поставил на стол и повернул экраном к ней.

Леди Тидзу посмотрела на долину, трех персонажей, съеженных от ночного холода вокруг угасающего огня.

— А.

Она произнесла это без малейшего удивления и, возможно, с такой же степенью восторга. Хотя, возможно, дело было в том, что Омаха дернула ее за волосы.

Я положил палец сверху экрана.

— У меня нет самого диска, но у меня есть то, что вам принадлежит. Я перенес сюда данные с диска, в том числе акт продажи и сертификат происхождения, и стер все данные там, где они хранились. Все полностью идентично тому, что было на диске. И насколько мне известно, столь же уникально, как говорится в акте.

Она повернула Омаху лицом к экрану.

— Тисса Дилейн. Бледный Литейщик. И Исковерканный Человек. Вместе они проникли в Бездну на глубину тринадцати лиг. Никто еще не проникал глубже. Их создатели, все без исключения неспящие, уже умерли.

Она посмотрела на меня.

— Перенос с одного носителя на другой влияет не только на их ценность, но и на природу. Сначала я предложила цену на всех троих по месту размещения на тех платформах, где их авторы обычно ими играли. Мой брокер не успел провести сделку и сумел только убедиться, что оригиналы стерты и его копии — единственные. Однако он отказался пересмотреть сумму, которую я уже заплатила. И еще больше оскорбил меня тем, что настаивал на доплате за лишнее неудобство, поскольку ему пришлось сделать копии.

Я не шевельнулся.

— Теперь он мертв.

Она снова стала показывать ребенку руки.

— Да, как вы и сказали. Но его убили во время разборок с младшим Афронзо. А не за его проступок в отношении меня.

Я раскрыл ладонь над ноутбуком.

— Он принадлежал Роуз Гарден Хаас, матери ребенка, который у вас на руках. Она сама была неспящая и игрок. Я перенес сюда ваших персонажей в ее доме, когда ее охватили первые спазмы страдания.

Омаха крепко ухватилась за большой палец четырехпалой руки, которую Тидзу легко потянула от нее.

Я продолжил:

— Вас устраивает то, как влияют новые подробности происхождения вашего имущества на его характер и ценность?

Она предложила Омахе пятипалую руку. Девочка взяла оба больших пальца и свела их беззвучным хлопком.

— Да, это ценное добавление. Меня устраивает. Не то чтобы я желала этой женщине мучений, но это умножает красоту вещи. Да.

Омаха взмахнула гигантскими руками.

Я повернул ноутбук к себе, перешел в оригинальный раздел, открыл другое приложение и показал Тидзу.

— А это Люцифра. Маг стихий. Она прошла весь Заводной Лабиринт в одиночку и отыскала его беззвучный центр. Ее создала Роуз Хаас, так же как она создала ребенка.

Империя леди Тидзу была основана на механизмах разрушения и мужчинах и женщинах, которые ими управляли. Она вооружала ополченцев и мятежников, повстанцев и

силовиков. Она выставляла на поле боя собственные армии наемников, захватывала правительства и требовала выкуп. Ее оружие убило тысячи людей.

Она наклонилась вперед, окружив руками тельце ребенка, забыв о самодисциплине, позволив сидевшей в ней болезни скрутить ее шею, и вгляделась в молодую женщину на экране, которая спала в идеально безмолвной катакомбе.

— Чего вы хотите, Джаспер?

Я придвинул ноутбук чуть ближе к ней.

— Я должен кое-что сделать.

Я встал.

— Мне нужна помощь.

Я наклонился и дотронулся до макушки Омахи.

— И еще мне нужно, чтобы она пока побыла где-нибудь в безопасном месте. Пока я за ней не вернусь.

Тидзу посмотрела на мою руку, лежащую так близко от себя, и положила на нее свои четыре пальца.

— Да.

Омаха протянула ладошку и хлопнула нас по рукам, смеясь, отчего-то ей было уютно в объятиях убийц.

Парк должен был защитить дочь в изменившемся мире. Он мог только попытаться спасти тот мир, который знал. Или замедлить его кончину. Я знал, что он будет добиваться правосудия, но в пределах закона, даже если закон совершенно потерял смысл.

Ему никогда не пришло бы в голову просто убить обоих Афронзо.

Я был другого мнения.

Силы безопасности Афронзо в последнее время понесли некоторые потери. В целом одиннадцать человек. Даже с учетом возможной блажи трудно было представить себе, что Афронзо-старший нанял больше пятнадцати-двадцати человек из израильских спецвойск. Возможно, у него было гораздо больше обычных охранников в спортивных куртках, но они больше годились на то, чтобы просматривать почту и обходить поместье, чем заниматься тайными убийствами. Вооруженные люди, может быть, но не убийцы. А любой отряд, который недавно серьезно поредел от рук, казалось бы, слабого противника, будет испытывать соответствующую потерю боевого духа. Тем не менее мне требовалась очень большая удача.

У меня болели ноги. Я бы не отказался доехать на «кадиллаке» до самых дверей Афронзо, но там знали, кто я такой.

Даже если бы я приехал в машине за сто тысяч долларов, меня бы не пропустили бы к патриарху. Ни та группа, которую отправили ко мне в дом, ни та, которую послали к Парку, не доложилась по возвращении. Отправили они дополнительную группу выяснить, в чем дело, или нет, в любом случае они догадывались, что что-то пошло не так. Я уже дважды проехал через весь город со своей настраиваемой карточкой. Сначала на юг в Калвер-Сити, потом на север в Сенчери-Сити. Прошло уже достаточно времени, чтобы об этих поездках могло стать известно кому угодно. Они не могли не знать, что я остался жив.

Теперешняя моя поездка была несколько замаскирована тем, что я совершал ее под защитой пропуска «Тысячи журавлей». При виде его гвардейцы презрительно усмехнулись, но тому, кто стал бы меня искать по удостоверению личности, представилось бы, что я не выезжал из Сенчери-Сити с тех пор, как прибыл туда утром. Однако для лобовой атаки потребовался бы скорее танк, чем «кадиллак».

Жители Бель-Эйра одними из первых окопались у себя в округе после короткого, но ожесточенного боя с городским советом Лос-Анджелеса за право так поступить. Все подъезды с улиц Норт-Сепульведа и Норт-Беверли-Глен были заблокированы наемниками из «Тысячи журавлей», которые предоставили охрану для всего района. Даже вдоль бульвара Сансет подъездные улицы были закрыты; открытым остался только подъезд с Белладжо. Черные железные ворота на столбах с декоративной белой штукатуркой были укреплены более практичными бетонными барьерами. Их короткий лабиринт должен был обескуражить любого террориста с заминированным автомобилем, который сумел бы пробраться сквозь дебри округлых оградительных тумб, усеивавших подъезд с перекрестка. Его патрулировали «Тысяча журавлей» и десяток частных охранных предприятий. Когда я беспрепятственно проехал в ворота, я отметил про себя, что там проходит по крайней мере один благотворительный теннисный турнир, а также свадебный прием в отеле «Бель-Эйр» и выставка собак в загородном клубе.

Я выбрал небольшое поместье, поскольку в справочном листке «Тысячи журавлей» говорилось, что оно не занято и защищено системой сигнализации и их же патрулем, и пересек его. Полчаса я просидел за полосой деревьев, в задней части поместья, рассматривая расположенную за ним территорию Афронзо. Я заметил только одного пешего патрульного. И даже не в пиджаке, как можно было ожидать, а в синей ветровке. У него был фонарик, которым он от скуки светил на землю перед собой. Сначала я беспокоился, что там будут собаки, но, к счастью, их не

оказалось. С собаками трудно иметь дело. Это маленькие и быстрые мишени; может понадобиться три выстрела, чтобы застрелить собаку из пистолета, когда она бросается на тебя лоб в лоб.

Как только охранник удалился, я вышел из-за деревьев; плохо держась на ногах, пересек газон, который смотрелся совсем недурно, учитывая, что в большей части земного шара царила засуха, подошел к освещенному окну гостевого коттеджа, заглянул в него и увидел человека примерно моего возраста, который сидел в поддельном колониальном кресле с бутылкой чересчур дорогого коньяка под рукой и книгой на коленях, глядя в коричневую жидкость на дне бокала. Я выстрелил трижды. Он сидел в профиль ко мне, поэтому я целился в голову, а не грудь. Три пули, как правило, гарантируют отсутствие сюрпризов. Случайное отклонение пули из-за оконного стекла, рикошет от изгиба черепа, попадание в область мозга, которая отвечает только за работу какого-нибудь аппендикса, — все это вполне допустимо при наличии второй и третьей пули. Такое не случается три раза. Я стрелял из пистолета «хеклер-и-кох» МК23 45-го калибра с глушителем из моего дорожного комплекта. Три пули в голову из оружия такого калибра означали смерть. Удовлетворенный, я направился к главному зданию.

Мне не нужно было долго думать, чтобы догадаться, где искать младшего Афронзо. К задней части дома присоединялась коническая башня, и это архитектурное дополнение отвечало его вкусам, какими я их себе представлял.

Там находился превосходнейший гараж для ремонта и обслуживания целого парка роскошных автомобилей, припаркованных у кругового разворота за домом у подножия башни. Одна из дверей была поднята на метр. Внутри стояла «субару» Хааса с открытыми дверцами, вещи раскиданы, запасная шина на полу, пустая. Я пролез внутрь гаража и нашел внутреннюю дверь, откуда попал в прачечную, оттуда на кухню, во вторую столовую и коридор, который оканчивался винтовой лестницей.

Наверху были Имелда и Магда. Они сидели у единственной двери на перекрашенной церковной скамье со спинкой и с подушками из золотого бархата. Магда держала «Блэкберри» так, чтобы они обе видели экран.

Имелда рукой зажимала рот:

— О господи. Ты мне не говорила, что он такой неприличный.

Магда нажала кнопку.

— А то. Вот это прочитай.

— О боже мой. Он правда такой?

Магда кивнула:

— Он целиком подтверждает. А еще любит присылать картинки.

— Покажи, покажи.

Обе расстегнули свои бронежилеты на липучках, похожие на корсеты, и приоткрыли их, чтобы можно было нагнуться и сесть.

Я застрелил Имелду в сердце. Магда отшатнулась от крови и невольно сдвинула «Блэкберри», дав мне возможность беспрепятственно выстрелить ей в сердце. Я выстрелил. Подошел ближе и выстрелил в них обеих еще по одному разу, в голову.

Дверь была не заперта.

Комната за дверью охватывала 270 градусов окружности башни с окнами по внешней стене. Кейджер, видимо, приглашал игрового дизайнера, как в «Денизоне». Постапокалиптический средневековый ренессанс.

Он сидел на имитации кресла Имса, сделанной, похоже, не из многослойной древесины, а из окисленной меди. Правая рука точно входила в эргономический контур блестящего черного игрового устройства. Другая рука держала телефон, большой палец прыгал по кнопкам, когда он время от времени отводил взгляд от настенного ЖК-дисплея, чтобы читать текстовые сообщения, которые то и дело объявляли о своем приходе первыми тактами темы из «Космической одиссеи-2001». На экране элегантная фигура в нелепо длинном развевающемся черном плаще носилась и прыгала на плоскости едва различимой конфигурации, отзываясь на малейшие движения его пальцев и ладони на устройстве. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что его персонаж танцует, воссоздает сонный танец Сид Чарисс с ветром в «Поющих под дождем».

На полу рядом с креслом лежала стопка из нескольких предметов. Внешний диск. Журнал. Резервная флешка, которую Парк носил на шее. Диск, который я отдал ему, с записью массового убийства на голдфарме. И часы его отца.

Я твердо закрыл дверь.

Он не поднял глаз.

— В чем дело?

Я подошел, чтобы он мог видеть меня периферийным зрением.

— Мне нужно знать, что случилось с полицейским Паркером Хаасом.

Он поднял глаза.

— Вы тот самый тип.

Он снял руку с устройства, достал расческу и пригладил

волосы.

— У вас очень сердитый вид. По-моему.

Он убрал расческу.

— Это странно.

Я не был жесток. У меня были вопросы, и я их задал. Если он не торопился отвечать, так как не привык быстро делать то, что от него требовалось, я демонстрировал ему преимущества краткости. Но я не был жесток. Ни когда я добывал нужную мне информацию. Ни даже когда я убил его. Тремя пулями. Как отца, так и сына.

Суматоха стала раскручиваться, когда я ушел через несколько минут. Кто-то что-то увидел на мониторе наблюдения в глубине дома. Несколько синих ветровок собрались у гостевого коттеджа. Они направили свою энергию на поместье.

И все-таки один в ветровке заметил меня, когда я выходил из гаража. Он окликнул меня. Я продолжал идти поперек парковки сквозь машины, которые уже как будто покрылись патиной пережитков прошлого века. За собой я услышал быстрые шаги двух человек. Я прикинул расстояние до деревьев. Не останавливаясь, я заглядывал в окна машин, не осталось ли где ключей в зажигании. Не осталось. «Хеклер-и-кох» сидел в своей плечевой кобуре под надетой на мне черной спортивной курткой. У меня еще оставалось два патрона в пистолете и запасная обойма на двенадцать выстрелов. Но больше при мне ничего не было. Раны на ногах не позволят мне бежать. Когда преследователи догонят меня, я обернусь и выстрелю по разу в каждого, поменяю обойму и, может быть, успею обезоружить их. После этого мне нужно будет найти укрытие, прежде чем меня атакуют всеми силами. Я высматривал машину потяжелее на парковке, как вдруг на подъездную дорогу въехали два легких ударных автомобиля «Тысячи журавлей». Я изменил курс и направился к ним. Четыре «журавля», сидевшие в обеих машинах, выпрыгнули и разбились на пары и пробежали мимо, не обратив на меня никакого внимания. Тогда мои преследователи, по примеру специалистов, которые явно знали, кто я такой и зачем я там, остановились и повернули обратно, дав мне беспрепятственно пройти вдоль всего Мадроно и опять вернуться туда, где я оставил «кадиллак». «Тысяча журавлей» успешно игнорировали мою машину, меня самого и все происходящее в непосредственной близости от них в течение шестидесяти минут между 11 часами и полночью. Как я об этом просил и как распорядилась леди Тидзу в обмен на чудо, каким была Люцифра.

С дневником Парка и другими его вещами я отправился на юг за концом истории.

Я не стал задерживаться в детской, когда вернулся в дом в Калвер-Сити. То, что я там нашел, не предназначалось ни для меня, ни для кого другого. Стыдно было глазеть на это, потому что только два человека могли понять значение произошедшего. Возможно, когда-нибудь и третий человек. Я вышел из комнаты и пошел искать то, за чем пришел.

Парк оставил сейф открытым. Оттуда я взял свидетельства о браке и рождении, медицинскую карту Омахи, значок детектива, который дали Парку для задания по «дреме», и брошь, принадлежавшую его матери. В прикроватной тумбочке я нашел стопку черных блокнотов с красными корешками, дневники Роуз со старшей школы до самых последних дней. Я снял наволочку с подушки на кровати и положил в нее черно-красные дневники. Еще там был фотоальбом. Обувная коробка с письмами. Диплом академии Парка. Квадрат в раме из белого картона со смазанным зеленым отпечатком детской ножки. Все эти вещи казались уместными, и я их взял.

Последним я взял пистолет, из которого Парк убил человека. Все остальные вещи не имели отношения ко мне. А пистолет был мне знаком, и это меня ободрило.

Больше от Парка не осталось ничего такого, что я понимал бы вполовину так же хорошо, как я понимал смертельную механику его оружия. Я мог следить за логикой его решений и действий, но это было очень похоже на то, как если бы я только начинал учить иностранный язык и переводил все услышанное на родной. Смысл есть, но до него добираешься только с большим трудом и теряя нюансы.

На то, чтобы овладеть им бегло, нужно время. Но начало положено, и я уже выучил несколько слов.

Глава 29

Парк не стал смотреть, как Джаспер уходит с Омахой. Не мог. Если бы он стоял у двери и смотрел, как они уезжают вниз по улице, он бы сломался надвое. Вместо этого он поцеловал малышку в лоб и похлопал ее по кончику носа мизинцем, стоя у кровати Роуз и напоминая себе, что он может позаботиться только об одной из них.

Он не чувствовал пустоты внутри, когда смотрел, как девочка спит на руках у Джаспера, пока тот нес ее из спальни. Парк чувствовал себя наполненным, готовым взорваться по всем швам.

Сначала он позаботился о деле.

Он вернулся к Роуз. Она все бормотала, время от времени вздрагивала или стискивала зубы, как будто ее охватывала внезапная боль.

С прикроватного столика он взял завернутый в целлофан флакончик. Глаза Роуз бегали взад-вперед по дальней стене, как будто она следила за опасностями игры. Парк разорвал целлофановый пакет, и флакон с таблетками с грохотом упал на пол. Он подобрал его, прочитал инструкцию, как открыть патентованную крышку с защитой от детей, нажал, сдавив, повернул в одну сторону, потом в другую, и крышка соскочила. Он разорвал печать из фольги, вытащил вату и вытряхнул в ладонь голубую таблетку.

— Роуз.

Она не ответила.

— Роуз.

Она не ответила.

— Роуз. Я люблю тебя больше жизни.

Он вложил таблетку между ее губ, просунул за зубы, прижал ко рту стакан с водой и наклонил его. Она кашлянула и проглотила.

Затем вытерла воду с подбородка и огляделась.

— Парк?

Он вытряхнул еще таблетку в ладонь.

— Да.

Ее взгляд прояснился.

— Какого черта, Парк? Теперь мне придется начинать с самого начала.

Он покачал головой:

— Нет, не придется, милая. Не нужно начинать. Ты уже прошла его. Жалко, что я сам не видел.

Она улыбнулась:

— Это было здорово. Так тихо. Было.

Парк поднес еще одну таблетку к ее губам.

— Вот, выпей.

Она зажала ее между пальцами и пригляделась.

— Что это?

— Тебе станет лучше.

Роуз надула губы.

— Если мне станет лучше, пусть это будет что угодно. В смысле, я паршиво себя чувствую. Что это, раковый грипп или что? Мне еще никогда не было так плохо. В смысле, я же вообще никогда не болею.

Она положила таблетку в рот, и он дал ей стакан с водой, она проглотила.

— Эй. Я долго спала?

Парк кивнул:

— Да.

Она протерла глаза.

— Потому что все кажется очень странным. Как будто в детстве, когда тебе снится, что ты проспала Рождество, а потом ты просыпаешься и оказывается, что уже 15 августа, но у тебя все равно такое чувство, что ты пропустила Рождество. У меня такое чувство. И мне как-то муторно. Помни мне шею, пожалуйста.

Она перевернулась на бок, и Парк помассировал ей шею.

Мускулы на ее спине перестали дергаться.

Она широко открыла рот и зевнула.

— Ладно, не знаю, что это за таблетки, но они классные. Пожалуйста, скажи мне, что они законные.

— Законные.

— Можно еще одну таблеточку?

— Конечно.

Парк дал ей таблетку.

Она ему улыбнулась:

— Я знаю, что ты этого не любишь, милый, но тебе хорошо бы тоже такую принять.

Парк покачал головой.

Роуз кивнула:

— Я знаю. Никогда нельзя терять контроль, Паркер Хаас, ведь никогда не знаешь, кто за тобой наблюдает. — Дотронулась до его лица. — Я люблю тебя. Люблю тебя больше жизни.

Она закрыла глаза.

Парк ничего не сказал.

Роуз вздохнула, открыла глаза и увидела его.

— Как же я смогу заботиться о тебе?

Парк покачал головой и сказал ей, что не знает, и она вроде

как вздохнула, как это бывает, когда она думает, что до него что-то не доходит.

— Нет, серьезно, я хочу сказать, черт, как же я буду заботиться о тебе?

Парк сказал ей, что ей не нужно заботиться о нем, что у него все хорошо.

Роуз смотрела в потолок.

— Ты такой… господи, ненавижу это слово, но ты такой невинный. Я хочу сказать, как же мне уйти от этого?

Он ничего не сказал.

Она покачала головой, задумавшись о чем-то.

— Сколько я тебя уже знаю? Я прямо вижу это. Тебе на роду написано попасть под машину, читая книжку. Или получить ножом от пьяного урода в баре, когда ты будешь защищать честь какого-нибудь бродяги. Или сделать какую-нибудь глупость похуже, например пойти в морскую пехоту и погибнуть где-нибудь за нефть, потому что, по-твоему, это правое дело.

Парк знал остальное, каждое слово, наизусть, но дал ей высказаться.

— И как же мне удержать тебя от этих глупостей, если ты там, а я здесь? Я хочу сказать, откуда ты взялся? Как тебя занесло в мою жизнь? Ты, господи, ты же воплощение того, чего мне не надо. Обними меня.

Он обнял ее.

Роуз зевнула.

— Я могу заботиться о тебе, только если мы вместе.

Она чуть изогнулась, чтобы увидеть его лицо.

— По-настоящему вместе.

Он кивнул:

— Тогда давай поженимся.

Роуз медленно моргнула, улыбнулась, кивнула:

— Ага, давай на фиг поженимся.

Ее глаза закрылись. Она спала. Так же, как спала много лет назад, перед тем как они говорили об этом в утро после первой проведенной вместе ночи.

Парк встал, сгреб ее на руки, прошел по коридору, не оглядываясь на промокшие кровью полотенца на полу, и принес ее в детскую.

И устроил ее в колыбели Омахи, где она свернулась, такая маленькая; она еще раз открыла глаза.

— Парк?

— Что?

— Где Омаха?

— Она с Джаспером.

Роуз кивнула, снова закрыла глаза, уткнулась подбородком в его ладонь.

— Ой, это здорово. Тогда с ней ничего не случится.

Парк пять минут клал таблетки одну за другой в ее рот, подносил воду и следил, чтобы она не подавилась во сне. Потом сел на полу рядом с кроваткой и просунул руку между прутьев, чтобы взять ее за руку.

Ее глаза под веками двигались взад-вперед; она один раз вздохнула и дышала глубоко, потом дыхание стало неглубоким. Замедлилось. И остановилось.

Он вышел из комнаты, посмотрел на пистолет, валявшийся на полу у лужи крови. Парк все время помнил о поступке отца, о его ружье. Но он не почувствовал соблазна взять пистолет. Ему еще оставалось кое-что доделать.

В глубине шкафа он нашел полицейскую форму, завернутую в целлофановый пакет из химчистки. Прошло больше года с тех пор, как он надевал ее. За это время он разболтался и бросил тренировки. Семь лишних килограммов, которые он набрал, чтобы патрулировать улицы, за счет ежедневных весовых тренировок и непрерывного принудительного питания, ушли. Ему пришлось застегнуть ремень на одну дырку туже, и рубашка свободно висела у него на плечах и шее. Он не смог найти свой перцовый баллончик. Дубинка была зарыта под грудой обуви. Фуражка на верхней полке покрылась толстым слоем пыли. Нашлась только одна пара темно-синих носков с дырками на обеих пятках. «Вальтер» не так ловко умещался в кобуре, как его старый девятимиллиметровый, но если нужно, для этого дела сгодится и он.

Надев форму, Парк поехал на север.

Его еще останавливали на блокпостах, но ни разу не попросили выйти из машины. Он подумал, не откопать ли в гараже свою красную магнитную мигалку для крыши и не выехать ли на центральную полосу для спецтранспорта на шоссе 405, но побоялся, что застрянет среди неубранных разбитых машин. Как оказалось, городские улицы были почти так же пусты, как и предыдущей ночью.

Парк видел мало народу в переулках, да и те редко уходили дальше нескольких шагов от своего двора или дверей нечастых открытых заведений. Несколько таких заведений сгрудились у торгового центра, взломанного и разграбленного. Парк видел человека с охотничьим оптическим прицелом без ружья, который осматривал восточный горизонт, видимо пытаясь найти источник дыма, клубившегося над скоплением башен в даунтауне. Горячий

ветер разметывал их и другие клубы дыма, которые недавно поднялись над Голливудом и южнее Санта-Моники, Санта-Ана размазывала дым над долиной до самого океана.

На блокпосте в Пико Парк подслушал двух гвардейцев, которые говорили об осажденном центре сайентологов на бульваре Сансет. Три «суперхорнета» сомкнутым строем прочертили полосы в небе, и они замолчали, глядя, как те с визгом уносятся на восток.

Один из них показал рукой:

— Флотские.

Другой кивнул.

— Похоже, «Рейган» только что прибыл.

Первый хлопнул по своему автомату.

— Самое время оказать нам хоть какую-нибудь поддержку с воздуха. И посмотреть, что думают НАХи насчет терактов, когда у берега стоит авианосная группа.

Второй покачал головой:

— Да пусть НАХи катятся к черту. Эти хаббардовские козлы нагребли больше денег, чем Иисус. Половина голливудских придурков у них в членах. И даже не хотят знать, на что они эти деньги тратят. Я слышал, у них там целый склад оружия, все, что приписывали Саддаму, на самом деле все у них. Вот что я тебе скажу, к чертям собачьим этих НАХов, сбросить пару бомб на ихнюю кодлу, и все, пока они не накормили всех нас своей дианетикой.

Гвардеец, проверявший значок Парка, махнул рукой, пропуская его.

На Олимпике была демонстрация протеста, сотни неспящих шаркали по улице молча, не считая редких стонов или криков. Единственный плакат, поднятый над толпой: СОН.

У ворот Белладжо его вежливо спросили, назначено ли ему. На человеке из «Тысячи журавлей», который спрашивал его, было почти на семьдесят тысяч долларов бронезащиты, коммуникационного и компьютерного оборудования и оружия. Парк сказал ему, что он по официальному делу. «Журавль» смерил взглядом слишком свободную форму Парка и побитую «субару». Он посмотрел на значок, который уже успел просканировать. Значок числился действительным. Он кивнул и сказал Парку, что его проводят до места.

Поместье Афронзо пряталось в конце дуги Мадроно-Лейн. Его окружали тринадцать чужих поместий, и оно не могло похвастаться эффектными видами из окна, однако было почти идеально изолировано. Тот, кто хотел подойти к нему, должен

был либо проехать по дороге, либо рискнуть и пересечь участок кого-то из соседей, прежде чем попробовать на прочность охрану самих Афронзо.

Парк поехал вглубь, следом за ним два «журавля» в открытой машине, и затормозил, прежде чем дорога повернула к задней части дома. Там, пока «журавли» ждали его, он сидел в машине и писал дневник. Дописав, он оставил его на пассажирском сиденье и вышел из машины.

Поднявшись по лестнице, он поправил галстук на застежке. В отличие от сокурсников по академии, ему хватило ума, когда он приобрел свою первую форму, не спросить, почему галстук на застежке. Те, кто спрашивал, в ответ получали разве что презрительное хмыканье. При виде галстука Роуз захихикала и пристегнула его к горловине своей футболки. Он посмеялся вместе с ней. И так и не объяснил, что полицейские носят такой галстук потому, что в потасовке преступник может схватить обычный галстук и задушить того, кто его носит.

Дверь открылась, когда он встал перед ней, ее открыл для него Парсифаль К. Афронзо-младший.

— Парк.

Младший махнул наемникам из «Тысячи журавлей», они развернулись на 180 градусов и с гулом поехали назад.

— «Журавли». Каждый раз у меня такое чувство, как будто они под своей формой постоянно находятся в состоянии сексуального возбуждения. Почти такие же фетишисты, как Имелда и Магда.

Он посмотрел на Парка.

— Форма тебе велика.

Парк положил руку на кобуру.

— Парсифаль К. Афронзо-младший, вы арестованы.

Кейджер повернулся и пошел в темную глубь дома.

— Входи, Парк.

Парк шагнул в дверь, не снимая руки с оружия.

— Вы арестованы за убийство Хайдо Чанга и его сообщников.

Кейджер перестал ходить и обернулся:

— За что?

Парк показал.

— Положите руки на стену и расставьте ноги.

Кейджер остался, где был.

— За убийство Хайдо Чанга. Это не то, что я ожидал. Отец дал мне понять, что ты подозреваешь гораздо больше. Гораздо хуже.

Он стал расчесывать волосы.

— Мне даже польстило. Когда тебя считают главным злодеем.

Парк подошел к нему, взял за левое запястье, завел руку за спину и дернул вверх к его шее, одновременно подставив колено к задней поверхности его правой ноги. Кейджер упал на пол, и Парк завершил силовой прием, плотно прижав его лицо к мрамору и одновременно отстегивая наручники с пояса.

Кейджер хмыкнул.

— Что ты делаешь, Парк?

Парк застегнул первый наручник на его запястье.

— Я вас арестовываю.

— Почему?

Парк застегнул второй наручник.

— Вставайте.

Кейджер дал поставить себя на ноги.

— Ты ничего не понимаешь обо мне. Ты не понимаешь, что я стараюсь сделать. И что сделал Хайдо, чтобы все погубить.

Парк вел его к двери и остановился.

— Что? Что он сделал? Что может сделать человек, чтобы его убили? Что нужно для этого в нашем мире?

Кейджер вывернулся из его хватки.

— Нужно быть жадным и глупым!

Он уставился в пол.

— Я хочу расчесать волосы.

Парк не двинулся.

Кейджер повернулся.

— Может, ты мне расчешешь волосы? Они в беспорядке. Я это чувствую.

Парк вынул расческу из его заднего кармана и пригладил ему волосы.

Кейджер чуть успокоился.

— Спасибо. Положи расческу обратно, пожалуйста.

Парк положил ее обратно.

Кейджер кивнул:

— Спасибо. Извини, я вспылил. Но когда я думаю о Хайдо, меня это выводит из себя. А я не привык быть не в себе. Вот почему я так отреагировал, наверное. Но ведь я так много ему дал. Я дал ему «дрему». Я так старался сделать что-то настоящее. Я думал, это будет способ повернуть человеческий ум на поиск приключений. Заставить людей вкладывать что-то свое в собственную жизнь. Заставить думать и чувствовать так же увлеченно, как в «Бездне». Но никто не хотел ничего понимать. Все только говорили: «Дай мне мою „дрему“. Вот тебе деньги, дай мне „дрему“». Как и ты. Я пытался открыть им глаза на возможности, на то, что в мире еще осталось место, еще осталось время для волшебства, а они просто хотели набрать очки. Если

людям больше ничего не надо, пусть имеют дело с Хайдо и набирают очки. Я даже не брал никакой предоплаты. Это все были кредиты на моем счете у них на ферме. А он даже не смог достать мне кодекс, который мне был нужен. Но я сказал ему, есть только одно правило. Я сказал ему: «Не продавай моим геймерам». Не продавай моим неспящим. Мои неспящие, они живут на высшем пределе человеческой эволюции, они сметают все барьеры. Не просто живут, они творят. Они сажают семена. Потому что когда мы все станем неспящими, Парк, когда мы все умрем, после нас что-то останется. Информация, энергия, закодированная в виде информации, она останется, когда мы обратимся в прах. Когда у последнего генератора кончится топливо, когда последний ветряк заржавеет и упадет, когда треснет последняя солнечная панель, Интернет замрет, а информация останется. После теракта 11 сентября в руинах нашли жесткие диски. И на них еще можно было что-то прочитать. Тела превратились в кашу и дым, а данные сохранились. Когда будут проводить раскопки нашего общества, информация будет нашими останками. А персонажи, личности, которые создают неспящие, они будут самыми неповторимыми, самыми живучими, самыми разнообразными, самыми драгоценными находками. Они — это то, что мы оставим после себя. А Хайдо, он это уничтожал. Продавал «дрему» моим неспящим и убивал будущее. Наше будущее. Поэтому арестуй меня за убийство Хайдо и всех остальных. Я виновен.

Парк снова подумал о пистолете, из которого он раньше убил того, кто вышел из комнаты дочери. Комнаты, где он оставил жену. Подумал о том, как пистолет смотрится, когда лежит на полу рядом с лужей крови. Он был рад, что пистолета не было у него в руке.

Он взял Кейджера за предплечье и потянул к двери.

— Вы арестованы.

— Полицейский Хаас.

Парк остановился и обернулся в сторону холла.

Там стоял Старший, все так же в пижаме и халате, сразу за ним Имелда и Магда.

— Жаль, что приходится снова видеть вас, полицейский Хаас.

Парк кивнул.

— Ваш сын арестован за убийство.

Имелда и Магда отошли друг от друга, готовясь открыть огонь.

Парк снова положил руку на пистолет.

— Я арестовываю вашего сына.

Старший держал руки в карманах.

— Я все понимаю, Хаас. Но не могу этого позволить. Вы сейчас же снимете с него наручники и отправитесь домой.

Парк увидел оружие в руках Имелды и Магды. Не автоматы, которые будут разбрасывать пули во все стороны, но чрезвычайно точные SIG-1911.

Он покачал головой.

— Ваши люди уже приходили ко мне домой. Они мертвы.

Кейджер покачал головой:

— Папа.

— Спокойно, Младший.

— Папа, я не верю, что ты это сделал.

Старший вынул руки из карманов и выдернул болтавшуюся нитку.

— Я должен был так поступить. Я этим не горжусь и не радуюсь. И я сам виноват, что столько с вами разглагольствовал, Хаас. Но теперь все поставлено на карту. Весь мир. Помимо наших кровных уз, арест моего сына вызовет слишком много вопросов. Наступит хаос. Для этого еще слишком рано. Еще многое нужно сделать.

Парк открыл рот, но ему больше нечего было сказать. Вместо слов он повернулся и толкнул Кейджера к двери. Он так и не достал пистолет. Так и не достал.

Шагая, Парк подумал о том, каково это было, когда любовь к Роуз впервые сделала его уязвимым. О страхе. Как он рос и превратился в ужас, когда родилась Омаха. С готовностью Парк согласился на страх однажды их потерять в обмен на чудо того, что они существовали в его жизни.

Тогда он ничего не сказал, но все потерялось во внезапном грохоте.

Глава 30

Башня леди Тидзу, конечно, была надежным убежищем на один день, но со временем уже не будет. Да и если на то пошло, сама Тидзу не была так уж надежна. Она была неспящей, умирала. И когда она умрет, умрет и «Тысяча журавлей». И личинки, которые выползут из этого орудия уничтожения, разрушат все, к чему она прикасалась. В последний раз я видел ее, когда вернулся из Калвер-Сити за Омахой. Она не была разочарована, увидев меня, но, кажется, в ней было некоторое сожаление, когда я взял девочку из ее рук и вложил часы отца Парка в ладони Омахи. Девочка уставилась на блики, отраженные от часов, и стала жевать кожаный ремешок.

Тидзу задумалась на мгновение.

— Ее отец убит?

Я кивнул.

Она подумала еще секунду.

— А мать совершила самоубийство?

Стоя в доме в Калвер-Сити, я смотрел на тело Роуз в кроватке Омахи и думал обо всех прекрасных вещах, брошенных в моем доме на гибель от огня или воды. Из всей моей апокалиптической коллекции ни одна работа не предвозвещала будущее яснее, чем мертвое тело неспящей матери в кроватке собственной дочери.

Я покачал головой, еще пребывая в благоговении перед увиденным.

— Ее отец убил ее мать.

— А.

Я посмотрел ей в глаза, хотя еще день назад не осмелился бы на такую наглость.

— Это делает Люцифру прекраснее?

Она посмотрела на ноутбук Роуз, который теперь покоился в центральной нише выставочного стеллажа.

— Я испытываю более острое чувство, когда смотрю на нее.

Она дотронулась до щеки Омахи.

— Спокойный ребенок.

Я смотрел, как Омаха жует застежку ремешка на дедушкиных часах.

— Ее родители мертвы. Ей грустно.

— Нет. Дети плачут, когда им грустно, Джаспер. Она наблюдает. Слушает.

Оба мы, бездетные, наблюдали за молчаливым ребенком.

Мы оставили Тидзу в ее башне, с ее цифровыми призраками, останками мертвых неспящих, которые сотворили их.

В вестибюле за дверями ее кабинета я обнаружил, что ее, как всегда, расторопные служащие упаковали несколько примечательных сувениров в небольшую коробку, как я и просил. Они позаботятся о том, чтобы ее благополучно доставили до адресата, как только я его назову. Я на минуту задумался, сотрудник ждал, его ручка застыла над наклеенной на коробку этикеткой с логотипом «Тысячи журавлей».

Внутри находился диск с координатами «дремы», резервная копия отчетов Парка, сканы его дневниковых записей за последние несколько дней, телефон со списком вызовов и несколько важных фотографий, снятых в последнее время, диктофонная запись нашего долгого разговора, которую я сделал на свой телефон и перенес на микрокарту памяти, и запачканный кровью левый ботинок со следом, совпадающим с отпечатком на голдфарме, взятый с нижней полки в гардеробной Кейджера. Хотя с учетом того, что в коробке, помимо прочего, была запись с камеры наблюдения, где Кейджер совершал убийство, некоторые из этих предметов казались избыточными.

Я не мог угадать, что адресат сделает с коробкой. Неглупый человек с инстинктом самосохранения уничтожил бы ее сразу же, как только понял бы ее значение. От убийства обоих Афронзо очень скоро разойдется мощная ударная волна. Разоблачения, которые подсказывали причину их убийства, вполне возможно, последним перышком качнут чашу весов в сторону хаоса. С моей точки зрения, это было желательное развитие событий. Ничто так же успешно не прикрывает отступление, как неразбериха и смятение. Что и объясняет, почему я отправил коробку Хаундзу, а не Бартоломе.

Судя по описанию Парка, его капитан до мозга костей человек, для которого важнее всего самосохранение. Сомнительно, что он понимал характер возложенного на Парка задания, однако я не сомневаюсь, что он со всех ног побежал бы по самому выгодному пути, стоило только на него надавить. Очевидно, это такой человек, который высоко ставит общественное устройство. И выполнение приказов. Хаундз больше напоминал анархиста. Мне легко было представить, как в детстве он ломал игрушки ни по какой иной причине, кроме удовольствия увидеть их сломанными. Я также вспомнил замечание Бартоломе о том, что Хаундз не любит «типов из Вашингтона».

А еще был его поступок с часами.

Мелодия, которая говорила в пользу его человечности. Какой бы смысл ни вкладывали в это качество.

В итоге я решил, что он, возможно, достаточно пострадал

сам, чтобы стать по-настоящему опасным, случись ему обнаружить кое-что из того, что лежит в корне мировых зол. Он именно такой тип, который внимательно рассмотрит лужу бензина, разлитую в подвале вокруг пороховой бочки, и зажжет последнюю спичку, чтобы разнести в щепки кривой дом наверху, пока в нем не пострадали новые злополучные жильцы. А с последствиями можно разобраться позже.

Вдобавок я вложил в посылку флакон с остатками «дремы». Какие бы скрытые отпечатки ни остались нетронутыми на его поверхности, больше всего, как мне казалось, его заинтересует именно содержимое. В отношении его тещи. По-моему, подарок вполне в духе Парка. А это в то время было у меня в голове на первом месте.

Разделавшись с посылкой, мы с Омахой поехали на лифте на крышу. Помимо батарей ПВО, там находилась вертолетная площадка, откуда два дня назад меня доставили к аэродрому. Подарок Тидзу Омахе: доставка подальше от города. За несколько лет до того я подготовил себе конечный пункт для отступления. Дом у нижнего предгорья Сьерры в нескольких часах езды на северо-восток. В паре километрах пешком от городка, он располагался на участке в несколько акров, через который протекал ручей с пресной водой. Чем дальше шли годы, тем больше мне казалось, что я уже никогда не воспользуюсь домом. Он не соответствовал ни временам, ни моему возрасту. И вдруг он снова обрел смысл. Обрел предназначение. Как будто я с самого начала знал, что мне нужно будет что-то защищать.

Я размышлял об этом, когда мы появились на крыше, где Санта-Ана со свистом дула сквозь копну ракет. Я посмотрел вверх, увидел подлетающий вертолет и отошел с ребенком к краю площадки. Мой дорожный комплект уже доставили на крышу. В сумке были дневники Роуз и Парка. Его пистолет, ее фотографии и письма.

Вертолет сел. Он унесет нас из неспящего города. Не слишком ли это много, подумал я, просить у судьбы, чтобы пилотом в нем оказался наемник-легионер с гуманитарными миссиями в прошлом и шрамом, от которого уголок левого глаза чуть опустился вниз, придавая ему вечно подмигивающий вид?

Даже в неспящем мире у человека еще оставалась надежда.

Даже у меня, Исковерканного Человека.

Эпилог

Эту историю было трудно собрать. Я составлял ее по дневникам твоей матери и отца. Его отчетам. По долгому, бессвязному разговору с твоей матерью, когда она той ночью рассказала мне, как «влюбились Роуз и Парк». Память твоего отца позволила ему в подробностях передать мне, что он пережил в последние дни своей жизни. Кое о чем мне пришлось догадываться относительно их мыслей. Когда ты сама прочитаешь дневники Роуз и Парка, ты поймешь, перешел ли я свои границы. Мне кажется, что я, пожалуй, был точен. Хотя, как бы я ни изучал их язык, я так и не сумел приобрести беглости в нем, и, несомненно, перевод не безупречен.

Я старался быть честным, но, как говорил отец Парка, мы не можем всегда быть уверены в том, что не обманываем себя. Парк не лгал себе, когда отдал тебя на мое попечение. Твоя мать умирала. Он знал, что не сможет защитить тебя в возникающем мире. Знал, что не сможет научить тебя выжить в этом мире. Он мог только попытаться спасти свой старый мир. Вывести преступников на чистую воду. Быть таким, каким бы ты хотела его видеть. Человеком, преданным справедливости. Который делает то, что считает правильным, хотя и знает, чего это будет стоить.

Он хотел оставить после себя порядок. Но порядка нет.

Как еще объяснить, что я, будучи вдвое старше его, оказался лучше приспособлен к будущему? Как еще объяснить, почему я, нераскаянный убийца, обладаю иммунитетом, как и ты, а не твоя мать?

Или, может быть, это и есть настоящий порядок. Который сводит вместе нуждающегося и то, что ему нужно. Как иначе объяснить, что моя жизнь слилась с их жизнью? Стареющий нелюдь с натурой, заточенной под эру хаоса, чтобы служить защитой ребенку.

Когда я взял тебя на руки, я хотел оставить за нами только пожарище. Чем выше пламя, тем лучше оно скроет наше бегство. Мне так отчаянно нужно было знать, что случилось с Парком, что поездка в поместье Афронзо и убийство отца и сына были действиями чистейшего разума и логики.

Так я себе тогда говорил.

Однако все было не так уж логично.

При всем своем хладнокровии, с которым я приступил к делу, могу сознаться, что действовал я во гневе. Кейджер был прав насчет этого. Но то чувство, которое посетило меня, когда я

спустил курок, гораздо больше потрясло меня: оправдание. Чувство, которое меня дезориентировало, ведь раньше, убивая, я ощущал только глубокое удовлетворение и спокойствие от выполненного дела, в котором я был превосходным мастером.

Трепет чувства, которое мне еще нужно будет разрешить.

Потому что хотя я могу с анатомическими подробностями описать, что предпринял, что увидел и услышал, и всю последовательность событий моей жизни, я теперь знаю, что все искажено.

Моя жизнь — скопление моментов и предметов. Действий и отсутствий. Я сам ее создал. Плотное ядро навязчивой идеи, которая сохранила мне жизнь на войне, а в мирное время подвигла меня за новую задачу взяться — собирать мозаику, закончить которую могла только моя смерть. На то, чтобы сложить все кусочки, ушло гораздо больше времени, чем я рассчитывал. Мне все время нужно было отходить назад, чтобы увидеть ее в перспективе, чтобы понять, готова ли она или для полноты не хватает еще одного фрагмента. И наконец, во время бессонной чумы, в городе на границе океана и суши, я почувствовал уверенность, что смерть близка. Неминуемая кульминация.

Поразительно, что можно так немыслимо ошибиться. Обнаружить, что смысл твоего существования — не смерть, а чья-то жизнь. У подножия твоей кроватки, где покоилось тело твоей матери, я отошел еще на один шаг назад и увидел, что стена, на которой я создавал свой шедевр, не одинока; рядом еще одна, которая опирается на нее, и ее узор еще только предстояло начать.

Все, что я помню о себе в этой истории о твоей матери и отце, размыто тяжестью той минуты. Время искривилось вокруг массы, которая была тобой, когда я осознал, что не оставлю тебя с Тидзу, что не могу закончить мозаику, пока не удостоверюсь, что ты смогла начать свою.

Ты говоришь на языке твоих родителей и быстро обучаешься моему, и тебе придется решить, обнажил ли я всю правду или, как против того предостерегал твой дед, раскрыл себя через ложь.

Для Омахи, история, которую ты часто просишь меня рассказать, записанная моей собственной рукой.

Джаспер

Грасс-Вэлли, 13 ноября 2022 года.

notes

Примечания

1

Смесь метамфетамина и кофеина.

2

Малкольм Икс (1925–1965) — американский борец за права чернокожих.

3

Джордж Ромеро — родоначальник жанра фильмов о зомби.

4

Все выше и выше (*лат.*).

5

Вин Скалли — известный американский спортивный комментатор

6

Академия «Дирфилд» — престижная школа-интернат.

7

«Гэлэкси-С-5» — стратегический военно-транспортный самолет повышенной грузоподъемности.

8

Винк-1100 — мотоциклист-каскадер.

9

Скандал Рампарта — один из крупнейших коррупционных скандалов в США, получил название от отдела по борьбе с уличными бандами лос-анджелесского района Рампарт.

10

Скрэтч — прием, при котором диджей прокручивает фрагмент композиции туда и обратно, и характерный звук, получающийся при этом.

11

Андре Гигант — профессиональный французский рестлер и актер огромного роста, страдавший акромегалией.

12

Пиньята — большая полая игрушка из папье-маше, наполненная сладостями и безделушками.

13

«Ле Буден» — марш французского Иностранного легиона.

14

Эллис-Айленд — островок в Нью-Йоркской гавани, где находился пункт въезда в страну для иммигрантов.

15

Шабак — общая служба безопасности Израиля.

16

Тафбук — ноутбук компании «Панасоник», предназначенный для эксплуатации в неблагоприятных для электроники условиях.

Это своего рода механизм психологической защиты, состоящий в возможности примирить конфликтующие установки, не осознавая их несовместимости.

18

Британская постпанк-группа, 1977–1979.

19

Отаку — человек, увлеченный чем-либо, фанат (*яп.*).

бабушка (*исп.*).

21

Национальный республиканский альянс — правая партия в Сальвадоре, причастная к деятельности эскадронов смерти в 1970–1980 гг.

22

Jefe — босс (*исп.*).

23

Да, дядя Винченцо. Угря. Да (*ит.*).

24

В англоязычных комиксах сон изображается в виде текстового облачка с буквами «z-z-z» над спящим персонажем.

25

Сингл 1979 года упоминавшейся выше группы Tubeway Army.

26

Форт-Брэгг — крупнейшая военная база армии США.